ВАЛЕРИЙ СОРОКО

НОВЫЙ ПОВОРОТ В «ВИТЕБСКОМ ДЕЛЕ»

Валерий Сороко

НОВЫЙ ПОВОРОТ В «ВИТЕБСКОМ ДЕЛЕ»

Документальная повесть

Молодечно
Типография «Победа»
2017

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44
С65

Сороко, В. И.

С65 Новый поворот в «витебском деле» : документальная повесть / Валерий Сороко. — Молодечно : Типография «Победа», 2017. — 386 с.

ISBN 978-985-6967-36-1.

Эта книга — уникальное произведение. Мало найдётся писателей, которые над одной и той же темой работали всю сознательную жизнь. Для Валерия Сороко ею стало печально знаменитое «витебское дело». Во многом потому, что он был непосредственным его участником: вначале в качестве прокурора следственного отдела Белорусской транспортной прокуратуры, затем — обвиняемого, подсудимого и осужденного, наконец — в качестве исследователя до сих пор острой и животрепещущей темы.

Вначале увидели свет две части его книги «Витебское дело, или Двуликая Фемида». И вот почти четверть века спустя читатели смогут познакомиться, также в двух частях, с продолжением документального исследования «Новый поворот в "витебском деле"». Оно получилось не только острым и глубоким, но и масштабным, поднимает жгучие проблемы отечественной юриспруденции.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44

ISBN 978-985-6967-36-1

© Сороко В. И., 2017
© Оформление.
ОАО «Типография «Победа» 2017

ПРИТЧА

Учёный, умудрённый жизненным опытом старик, и юноша, желающий познать истину и мир, сидели у костра и вели неторопливый разговор.

— Учитель, а можно что-нибудь затаить в настоящем? Не доверить, так сказать, будущему.

Долго молчал старик. И пламя костра освещало его выцветшие от времени глаза.

— Понимаешь, нет ничего тайного, чтобы не стало бы явным, — тихо так начал старик. — Человек-то сердцем чувствует. И ему доверяют больше, чем глазам... Пройдись по городу, загляни в глаза каждого. И увидишь в них скорбь.

Тихо говорил старик. И куда-то в сторону, настоянный на дурманющем запахе сирени, ветерок уносил его слова. Боялся спугнуть тишину. Ибо громко сказанное слово вдребезги разбивало смысл сказанного.

— Учитель, а причём здесь скорбь?

Тяжело вздохнул старик.

— Ложь, недосказанность, лицемерие, желание приукрасить себя, эгоизм... и рождает скорбь. И она подчиняет себе душу.

И старик опять замолчал. И отблески костра освещали его морщины. И опять, но чуть тише, только для своего ученика:

— Глубоко запрятанное, правдивое, вовремя не сказанное, не высказанное, это и есть духовный рак. Метастазы его проникают в сон... Вот и мается, сердечный, хочет освободиться от страшной боли. Да и самолюбие не позволяет. Да мало кому что...

И было в ту ночь тихо-тихо. И вслушивался ученик в эту тишину. И надеялся услышать человеческий крик в тишине. Ибо чувствовал, что крик в ночи освобождает душу от боли.

— Скажи учитель, кому можно доверять в жизни?

Старик задумался. Легкий лесной ветерок создавал приятный негромкий шум деревьев. В костре потрескивали поленья.

— Мне вспомнились философские поученья знаменитого древнего китайского философа и пророка Конфуция, — не спеша начал старик. Он говорил, что тот, кто уважает своих родителей, тот, кто может отличить добро от зла и истинно желает делать добро, тот кто достигает любви и доброжелательности, таким можно доверять.

— А что главное в жизни? — продолжал интересоваться юноша.

— Это любовь. Любовь — начало и конец всего. Без любви ничего не может существовать. Это самое лучшее достижение в мире. А ещё контроль над собой, самосовершенствование. Получай знания и помогай совершенствоваться другим. Удаляй от себя льстецов и клеветников, презирай богатство. Избегай соблазнов красоты и высоко цени добродетельных людей.

Костёр разгорался, вопросы юноша задавал сложные, но житейские.

— Как распознать доброго умного от неглупого эгоиста, который также делает добро, но может предать в сложной ситуации?

— Мудрый человек скрывает свою добродетель. Мудрого характеризует то, что он не удовлетворён собой, хотя это незаметно. Мудрый человек хотя и кажется простым, но на самом деле он далеко не прост. Он знает, откуда всё идёт и как тайное становится явным. Мудрый человек изучает сердце своё, чтобы не было там ничего не правильного, и он стремится быть богобоязненным.

— Сложно всё услышанное осознать и запомнить, но я постараюсь извлечь уроки из нашей беседы.

— Именно поэтому, если у тебя остаётся время, ты должен посвящать его учению. И не беспокоиться о том, что тебя не знают, а беспокоиться о том, что ты не знаешь людей. И искренне стремиться к гуманности, чтобы не делать зло.

Глухо ухала сова, призывая к ночному спокойствию.

Вместо предисловия

Долго не знал, с чего начать новую книгу. Ибо упоминание, даже вскользь, про «витебское дело» истерзанной душе причиняло невыносимую боль. Боль же не лучший советчик, плохой ориентир. Словом можно оскорбить, ранить и даже убить. А если написанное мною слово тенью ляжет на невиновного? Ведь, как известно, каждое преступление имеет свою фамилию, имя и даже отчество. Когда берёшься писать о «деле века» без конкретных фамилий, никак не обойтись, а в нём столько надводных и подводных рифов, столько тайн! Исследователя ожидает немало тупиков и ловушек. Есть большая вероятность, что колоссальные, многогодовые усилия могут закончиться фиаско. Это сказать неправду — легко, а чтобы доискаться правды, необходимо уйма времени и сил, тем более в таком сложном, разветвлённом и запутанном «витебском деле»...

Сомнения такого рода терзали меня, особенно по ночам. Но, как говорят в народе, долг платежом красен. Каждый в этой истории должен получить по заслугам, земным заслугам. Господь всё видит и строго спросит того, кто оказался на смертном одре: все ли отдал долги, все ли вымолил грехи?

Но уж слишком неравные силы схлестнулись в поединке, в который был вовлечён и я. У меня было и есть единственное оружие — Правда. Я интуитивно сознавал, понимал: не может быть так, что у каждого она своя. Нужно признаться, что каза-

лось мне тогда: правда разбилась на тысячи осколков. И каждый в витебской истории искал свои осколки, составлял свою мозаику. Правда всё равно как бы притаилась на время, терпеливо ожидала. Сердца должны остыть, чтобы беспристрастно прикоснуться к ней.

Надо отметить, что многие талантливые писатели пытались донести до общества сконцентрированную в нём боль. Сколько всего было ими пережито, с какими только проявлениями вопиющей несправедливости им не приходилось сталкиваться! В хаосе лишений и преследований пробились к читателям с этой болью Варлам Шаламов (прежде всего в «Колымских рассказах», лагерных стихах) и Александр Солженицын, которые по крупицам собирали и раскладывали по полочкам трагические образы заключённых. Ибо понимали: человек не может просто сгинуть, о нём должна остаться память. Прежде всего это нужно его детям, родным. Память о каждом должна остаться на Земле, как минимум, на несколько поколений. Сколько боли, страданий, несправедливого наказания вынесли заключённые — герои солженицынских произведений! Многие из читателей в свое время прикоснулись и ещё прикоснутся не только умом, но и сердцем к повести «Один день Ивана Денисовича», книге «Архипелаг ГУЛАГ» и другим произведениям писателя.

В советские времена не хотела система близко подпускать к этой теме журналистов и писателей. В то время ходило много устных рассказов, но отбывшим свой срок в местах не столь отдалённых, как правило, веры было мало. Перешёптывание на домашней кухне только подогревало интерес к этой теме. Воры, насильники, убийцы, злостные расхитители социалистической собственности благодаря, прежде всего, усилиям прессы вызывали у населения праведный гнев. Ой, не всегда он был справедливый. За «маленького» человека с клеймом судимости не у многих журналистов и писателей хватало смелости заступиться. Имен-

но заступиться, ибо это в традиции русской классической литературы: утешить и защитить обиженного человека.

То, что происходило в кабинете следователя, судьи, в исправительной колонии, в штрафном изоляторе, на этапе в столыпинском вагоне, в тюремной больнице, простому обывателю нельзя было увидеть даже через замочную скважину. Это была тайна за семью печатями, которая вызывала неподдельный интерес. Во многом данным обстоятельством объясняется 100-тысячный тираж двух моих книг с заголовком «Витебское дело, или Двуликая Фемида». Почему «Двуликая Фемида»? Потому что прокуроры, судьи, обеспечивая социалистическую законность, несправедливыми приговорами вольно или невольно развенчивали миф о неподкупности и непогрешимости системы правосудия. Многое тогда (как, впрочем, и сейчас) решали деньги, связи, влиятельность... Да и мало ли что. Всё это ложилось тяжёлым грузом на беззащитного обвиняемого и подсудимого.

Неподдельный интерес в обществе вызвали повесть, а затем и фильм Василия Шукшина «Калина красная». Автор нашёл удачную метафору: калину красную — ягоду северных широт, переполненную витаминами. Чуть ли не единственное лакомство, что было доступно для заключённого. В ней присутствовала насыщенная горечь. И так физическое сливалось с душевным, что хотелось плакать. В своих повести и фильме Василий Шукшин едва ли не впервые показал сцены за колючей проволокой. Показал правдиво, надрывно, с горечью. А читатели и зрители сами разобрались, кто герой, а кто подлец.

В моем случае всё оказалось, пожалуй, даже сложнее, чем в «Калине красной». Напомню суть «витебского дела», фигурантом которого оказался и я. В окрестностях этого областного центра и Полоцка четырнадцать лет погибали женщины, с каждым годом их число росло. В одиннадцати судебных заседаниях было осуждено четырнадцать человек. Одного из них

приговорили к исключительной мере наказания. Другой отбыл десять лет за решёткой. Но вдруг, после «мозырского дела», судебные постановления по этим делам были отменены. Под подозрение попали следователи прокуратуры Беларуси. Они, мол, вынуждали невиновных людей взять на себя чужую вину. Это была официальная версия, выдвинутая членами следственной группы Прокуратуры СССР и растиражированная республиканской и союзной прессой. Шла настоящая охота на «ведьм». Волею судьбы и я был втянут в это дело. Втянут не как потерпевший или свидетель, а как прокурор-злодей, который недозволенными методами добивался осуждения ни в чём «не повинного» гражданина Адамова.

Долгие три года заточения за это «прегрешение» натянули мои нервы до предела. Казалось: ещё один повод, ещё одна малейшая несправедливость — и они не выдержат. В то же время чувствовал, что эмоции не только уводят от правдивого восприятия и отображения действительности, но и будят обиду. А это весьма опасное для себя самого состояние. Долгими вечерами после освобождения восстанавливал зашифрованные записи, которые делал в толстостенной камере КГБ, куда через небольшую амбразуру возле потолка едва проникал дневной свет. То, что написал в вонючих, жутких, душных летом и холодных зимой следственных изоляторах и колониях Минска, Витебска, Риги, Смоленска, Саратова, Ростова, Свердловска и Нижнего Тагила. Находясь в неволе, на первом листе жирно выводил слово «Жалоба», чуть ниже — название органа, куда она якобы направлялась, и дальше мелкими буквами зашифровывал увиденное, передуманное за ночь. Тайная тюремная почта хорошо работала. Разными путями листики, насыщенные бесценной информацией, оказывались на свободе. Каждый день приходилось прикасаться своей не огрубевшей пока душой к людскому горю. И сполна испить самому из той же чаши. Боялся, что

сердце окаменеет от невиданных ранее масштабов страданий и горя, перестанет воспринимать свою и чужую боль. Господь сберёг, не обозлил меня. Ох, и горькой оказалась эта чаша, совсем как шукшинская «Калина...».

Преследовали сомнения: не получится ли так, что мною написанное поймут и соответствующим образом на него отреагируют только те, кто побывал за колючей проволокой. Хорошо налаженная система заточения с рабским подневольным трудом, с нечеловеческими условиями содержания и полнейшим бесправием заключённых призвана была сломить волю человека, его способность мыслить и сопротивляться насилию. Интуитивно я понимал: то, что набросал в застенках, не нужно надломленной душе. Такой человек, который сам через всё это прошёл, сполна прочувствовал и испытал, скорей всего, не захочет ещё раз к своей ране прикоснуться, разбередить её. К тому же в обществе немало душевно больных людей. Не вызовет ли мой опус у них нездоровый интерес? Ведь события в «витебском деле» закручены вокруг маньяка Михасевича и эпизодов, которые зачастую не поддаются здравому смыслу, пробуждают нездоровые инстинкты...

На своём жизненном пути я встретил замечательного редактора Сергея Аладьева. Он не только проникся поднятой мной вслед за талантливыми предшественниками темой защиты «маленького» человека, находящегося за колючей проволокой, но и нашёл слова, которые убедили меня в необходимости и ценности моей исповеди, родившейся по ту сторону колючей проволоки.

— Согласно Исправительному — трудовому кодексу, — задавал не праздный вопрос Сергей Аладьев, — основной задачей каждой колонии является что, Илларионыч?

Пока я только собирался ответить, редактор опережал меня:

— Правильно: перевоспитание заключённого на основе честного отношения к труду. А на самом деле пенитенциарная система устроена так, чтобы своими скрытыми механизмами

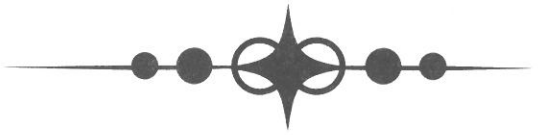
и пружинами максимально унижать человека, доводить его до полускотского состояния. И только от человека зависит, выстоит ли он. Этот вывод я сделал, прочитав Ваши черновики и наброски. Думается, они стоят того, чтобы после доработки быть предложенными массовому читателю. Никак не могу понять: зачем нашему обществу столько обиженных и оскорблённых людей? Быть может, их станет меньше после выхода в свет Вашей книги?..

Не зря горячо убеждал меня С. Аладьев. Его слова попали в благодатную почву. Вот я и решился. Да и поруганную честь нужно было защищать. Душа требовала сатисфакции.

Нам часто говорили:
— Даёшь!
И мы давали.
— Тяни!
И мы тянули.
— Нажми!
Мы нажимали.
— Терпи!
И мы терпели.
Сквозь зубы мы стонали,
Теперь не все нам верят,
Что в горе захлебнувшись,
Мы счастливы бывали.
Ведь что-то мы смогли,
Нам много обещали,
Нам больше говорили,
Так мало нам давали.
К чему же мы пришли?

Как-то я выписал эти стихи в свой блокнот, а вот автора позабыл вписать. Пусть он простит меня за это. Вот о том, к чему мы пришли после всех расследований, оргвыводов и судов, связанных с «витебским делом», я и хочу сегодня поведать.

Глава I
ТЕНИ НАД ЛУЧЁСОЙ

2*. Зак. 1235

Здесь всё так переплелось
и запуталось, что только совесть
может всё это разрубить.

РАЗБЕРЕДИЛ ДУШУ РАЗГОВОР С СЕДЫМ СТАРИКОМ РАННИМ УТРОМ

Истины открываются во сне...

Опять я встретил этого седого старика. На сей раз в предрассветной тишине, когда капли росы высыпали на всём, где только было возможно. Он сидел на скамейке и курил свой самосад.

— На том свете отосплюсь, Илларионыч... Что, сердце щемит? Это совесть... Присядь, поговори со мною. На пару дней отдохнуть приехал? От обрадуется мать. Сердечная она у тебя.

И старик затянулся крепким самосадом. Я же молчал, жадно вслушиваясь в каждое слово.

— Поступок был у тебя, поступок. И люди по нему судят тебя. Натерпелся от них. Всей душой увяз в житейской суете. Радость вытеснил из души... У Иллариона не может быть сына плохого. Вон какие дома стоят. Бревнышко к брёвнышку. Помнят тепло его рук.

Размышлял старик, каждое слово брал на проверку, и потому были паузы в его размышлениях. И в этих паузах смысл ранее услышанного открывался мне.

— Смотри, землячок: люди ещё спят, а птицы прилетели ягоду клевать. И не понимают, что воруют — у тебя, меня, других отнимают... И люди, что те птицы, по словцу, по зёрнышку у тебя доброе имя выклёвывают, воруют, значит, чужое.

— Да уже сполна выклевали, — в сердцах вырвалось у меня.

— Народ так говорит: беснуются враги твои, когда их ты прощаешь. Но и посредством прощения освобождается душа для творения... Смотри, Илларионыч: солнце съедает туман, и становиться радостнее на душе, светлее.

Старик опять затянулся крепким самосадом.

— Иди к матери, она сердцем чувствует твоё возвращение домой.

Разбередил душу разговор с седым стариком ранним утром. С тяжёлым сердцем шёл я к матери. Перед этим получил от судьбы столько тумаков, столько неприятных сюрпризов, что и «крыша» могла поехать.

КАК ПРОИЗОШЁЛ КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Этот круговорот вещей и событий в природе начался с известия о том, что в Витебской области пойман маньяк-убийца Геннадий Михасевич, который признался в убийстве в том числе и Татьяны Кацуба, что и привело к моему увольнению из органов прокуратуры. Затем было возбуждено уголовное дело, завершившееся осуждением меня к 4 годам лишения свободы. И все эти долгие месяцы и годы ежедневно не давала мне покоя мысль: как подобное могло произойти со мной? Всему виной моя наивность, недостаточная профессиональная подготовка, эгоистическое тщеславие, роковое стечение обстоятельств, нечто иное? Так или иначе, но я оказался причастен к осуждению невиновного Олега Адамова и попал под «раздачу». Меня втоптали в грязь так, что не отмыться мне до конца жизни, многократно констатировал я про себя итог судебной одиссеи.

И все дни заточения я мечтал, в подробностях строил планы такого рода: как только выйду на волю, приложу все усилия,

чтобы докопаться до истины, разобраться в обоснованности и объективности моего обвинения и осуждения. При этом требовалось прежде всего установить: действительно ли Михасевич убивал Татьяну Кацуба. Я понимал, что уголовное дело маньяка-убийцы мне не прочесть, что оно засекречено, и никто из моих доверенных лиц, скорее всего, не сможет к нему прикоснуться. Но можно было встретиться с очевидцами и теми, кто принимал участие в этой истории. Для этого надо было организовать группу специалистов, использовать личные связи, иметь определенные материальные ресурсы. Где-то глубоко в сознании теплилась надежда, что мне удастся доказать: в отношении меня следствием и судом допущена вопиющая ошибка.

Можно согласиться с известным выражением Фёдора Михайловича Достоевского: «...преступление есть протест против ненормального социального устройства и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается!». Но в случае с маньяком Михасевичем нужно признать, что это была запущенная, вовремя не выявленная болезнь. После его смерти психиатры, сексопатологи и прочие специалисты выстроились в очередь с целью изучить мозг маньяка. Пока он не прочувствовал запах первой крови, то его психика нуждалась лишь в небольшой коррекции. Увы, в социалистические времена решению вопросов такого рода не уделяли никакого внимания. Милиция, иные правоохранители работали по свершившемуся факту. Так и Михасевича судили судом в рамках советской морали, как вопиющего отщепенца нашего общества, который получил по заслугам.

Появилась и развивается виктимология — наука, изучающая поведение жертвы. Мне трудно судить, как далеко шагнула психиатрия в данном направлении. Психиатры не только работают по принципу: информирован —значит, вооружён.

Они разрабатывают новые программы. Опыт Михасевича, похоже, им пригодился. Составлен и подробный психологический портрет маньяка. В нем есть такое словосочетание: «Мужчина средних лет, имеющий детей и легко входящий в доверие к женщинам». Но оно распространяется на многих, от мошенника до добропорядочного гражданина, который каждую неделю ходит в церковь со своей семьёй.

В России и Беларуси после серийных изнасилований и убийств обсуждают необходимость применения химической кастрации сексуальных маньяков. Но никогда не придёт нуждающийся в ней и не попросится добровольно пройти эту процедуру. Менталитет не тот, многие стесняются об этом даже говорить. Огромное поле деятельности нейрохирургам. Они в человеческом мозгу пытаются вычленить импульс извращенного сексуального влечения и перенаправить его в безобидное русло. Но не случайно прозвучала фраза в одном из фильмов: «Голова — материя тёмная и изучению не поддаётся». Хочется верить, что медленно, но процесс идёт, и всё поддаётся постепенно изучению и осмыслению. Правда, не всё так однозначно, не всё легко даётся.

Несколько лет назад в Беларуси шли жаркие споры о включении в школьную программу курсов сексуального просвещения. Церковь, бабушки, дедушки, родители увидели в этом опасность развращения неокрепших душ. И не допустили подобного просвещения. Возможно, они где-то и правы.

Свет Веры, наполненный нравственностью, гораздо эффективнее натуралистических слов про «это». Мальчикам надо прививать неравнодушие к чужой боли, и у девочек следует воспитывать чувство сострадания к другому человеку. В работе с детьми нужно уметь расставлять нравственные акценты. А это куда сложнее, чем обучать азбуке или таблице умножения.

Стремительно меняется молодёжная мода, не так зашоренно, как прежде, телевидение, доступен и вездесущ интернет...Всё это расслабляет волю, раскрепощает подсознание. Одного неосторожного слова, необдуманного, а может кем-то и хорошо продуманного рекламного трюка достаточно, чтобы спровоцировать импульс неконтролируемого влечения к противоположному полу. Неокрепшими душами легко манипулировать.

В сентябре 2016 года в Минске прошёл закрытый судебный процесс, на котором рассматривали дело молодых людей, которые занимались сексом днём на улице. За это молодые люди получили год лишения свободы, отработали 100 часов общественных работ. Суд-то состоялся. Но общественное мнение отреагировало на сей факт весьма своеобразно. Пока фото не было удалено, его успели «оценить» многие. Нашему обществу надо делать прививку от пошлости. Вспомним, как было в деревне раньше. Месяц после знакомства парень не смел прикоснуться с интимными намерениями к девушке. Она мило смущалась и не позволяла ничего лишнего до самой свадьбы. Вот и народ был морально здоров.

Прав классик, который написал: «Среда не только формирует наше сознание, но и даёт чёткое представление о добре и зле». Яков Бронштейн в 2002 году на Украине издал книгу «Судьи срама не имут». В жанре памфлета-исследования он рассматривал состояние судебной системы Украины . Показал, что если благополучные страны Запада переживают «вторую революцию» права — гуманистическую, где приоритет отдан Человеку и его правам, то в Украине происходит, с его слов, «вторая контрреволюция» в праве, которая в народе называется беспределом.

У меня в 2016 году в Минске вышла книга «Почём честь, Ваша честь?!». При её написании я опирался исключительно

на документы, которыми доказал, что благодаря судебному беспределу мои поединки со следователями длились годами. И до сих пор все точки над «i» ещё не расставлены, не на все вопросы даны ответы.

Мысли, которые высказал Яков Бронштейн в своей книге, я прочувствовал на собственной судьбе. «Государственной рэкет — это всегда двойной грабёж. Вначале гражданина «раздевает» государство по своему усмотрению в виде налогов и скрытых поборов, так как заработная плата устанавливается по «остаточному принципу», причём чем выше вклад человека в общественную копилку, тем больше его «раздевают». Второй раз налогоплательщика раздевают через судебный произвол... Большая часть населения — это полутрупы и халявщики, которые могут клянчить какие-либо льготы у начальства и чиновников, но палец о палец не ударят, чтобы благодаря собственной инициативе с определённой долей риска достичь благополучия».

Чтобы быть успешным, нужно быть независимым и концентрировать всё — волю, интеллект, душу — во имя главной цели. И не нужно упускать время в надежде принятия новых, более нужных для бизнеса законов. Жизнь-то одна.

У американского миллионера однажды спросили:

— Сэр, благодаря чему вы достигли таких финансовых высот?

— Дело, которым я занимаюсь, начал мой дед во время великой американской депрессии. Он не читал никаких газет. И всегда общался только с оптимистами. Вот и я этим занимаюсь.

Но мы живем не в Америке. И с позитивом сталкиваемся намного реже, чем с негативом. И в наших газетах порой пишут статьи о неординарных историях, которые нельзя не прочесть. Вот одна из них.

ТЕНЬ ОДНОЙ ОШИБКИ

В ночь на 9 июля 1981 года на озере Большое Осовище, что в Гомельской области, были убиты инспектор Мозырской инспекции «Белрыбвода» Кузьменко Семён Дмитриевич и следователь Мозырской межрайонной прокуратуры Кузьменков Владимир Васильевич. Вначале обнаружили лодку и в ней связку ключей с металлической печатью, на которой была надпись «Следователь прокуратуры 115», потом — сброшенный в воду мотор «Вихрь». Потом нашли и погибших.

Медицинская экспертиза установила: «Смерть наступила от асфикции в результате утопления в воде». На обычном языке это означает, что обоих утопили живыми.

Весь полесский край был взбудоражен этим чудовищным известием. Такое здесь случилось впервые, и, понятно, делом профессиональной чести следственных органов было как можно скорее ответить людям на мучительный вопрос: кто же они, матёрые убийцы?

Через несколько дней были арестованы местные жители: Николай Зухта, Леонид Володкович, Олег Галай, Владимир Денисов, Сергей Хорсеко.

Следствие велось долго — полтора года. Все обвиняемые в убийстве признались, как признались и в краже невода у рыбаков Мозырского рыбозавода.

Был суд.

Троих приговорили к пятнадцати годам лишения свободы, одного — к восьми и ещё одного, Хорсеко, который непосредственного участия в убийстве не принимал, — к двум годам.

Когда республиканские газеты сообщили о приговоре, в редакции посыпались звонки и письма от читателей, возмущенных мягкостью приговора. И уже шло к тому, чтобы внести протест, но...

30 апреля 1983 года в 4.15 утра в дежурную часть Мозырского РОВД поступило радиосообщение патрульной машины. Лейтенант Мартинович и сержант Царенко докладывали, что на перекрестке двух дорог рядом с Мозырем они заметили грузовую машину «ГАЗ-51» (фургон) под номером 03-82. Машина шла с незажёнными фарами, хотя было ещё темно. Патруль приказал машине остановиться. Однако водитель грузовика приказанию не подчинился, а, наоборот, увеличил скорость и свернул на просёлочную дорогу.

В 4.20 поступило второе радиосообщение: «Машину преследуем». В 4.30 — третье сообщение: «Машину задержали. В кабине двое, у водителя нет документов. Что делать?». Дежурный Пискун приказал: водителя задержать и вместе с машиной доставить в милицию.

Но прошёл час, полтора, на запросы дежурного лейтенант Мартинович и сержант Царенко не отвечали. В милиции поняли: произошло что-то серьёзное, и объявили тревогу. В сторону перекрестка, откуда был получен последний сигнал, помчался усиленный наряд.

Напрасно в дежурной части ждали сообщений Мартиновича и Царенка. Они уже ничего не могли сказать. Оба были убиты. Лейтенант Михаил Александрович Мартинович получил восемь ножевых ран — в грудь, в спину, в кисть правой руки, которой пытался прикрыть сердце. С этими ранами он ещё смог вырваться и пробежать восемьсот метров... Сержант Александр Платонович Царенко получил пять смертельных ударов и умер на месте сразу.

Неизвестные преступники положили тело сержанта в милицейские «Жигули», привезли в Мозырь и сбросили в реку Припять в 600 метрах от Примостовой площади. В спешке они обронили на берегу пистолет ТТ, принадлежащий сержанту Царенко.

Затопленные в Припяти милицейские «Жигули» были обнаружены и подняты через три часа. Тело лейтенанта Мартиновича нашли в 9.15. Поскольку номер грузовой машины лейтенант за несколько минут до смерти всё же успел передать, то обнаружить неизвестных особой сложности не представляло.

...Ими оказались Крольчуки (подлинных фамилий мы не называем, суд не закончен. — Ред.): Владимир, Василий и Григорий — три родных брата и два сына Владимира Крольчука — Константин и Геннадий. Целый клан-банда; явление, мало сказать, редкостное — исключительное.

Меж тем улики преступления были налицо — прямые улики. В фургоне находилась туша бычка, украденного братьями в совхозе «Прудок». Боясь изобличения, они и расправились с работниками милиции.

Однако следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Василий Фёдорович Борисов, несмотря на полное признание обвиняемых, не торопился с обвинительным заключением. Он искал новые и новые доказательства, разыскивал свидетелей. Выяснилось, что Крольчуки совершили одиннадцать краж и хищений до того, как попались на перекрестке дорог.

И ещё выяснилось, что самого младшего, шестнадцатилетнего Гену, отец резиновой плёткой заставлял участвовать в кражах. (Эта плеть в качестве вещественного доказательства приобщена к делу). Геннадий ничего не утаивал.

Однажды, когда, казалось, уже были достоверно установлены все преступления Крольчуков во всех деталях, Василий Фёдорович в доверительной беседе спросил:

— Припомни, Гена, всё ли ты мне рассказал? Не забыл ли чего? Твоя чистосердечность — это...

Парень задумался.

— Вроде всё... Нет, подождите... А про невод я вам рассказывал?

— Нет, — слегка насторожился следователь. — Какой невод ты имеешь в виду?

— Тот, что мы уворовали у рыбаков два года назад...

— Где же? — всё больше почему-то волнуясь, спросил тихо следователь.

— В Шестовичах. Невод был большой, пришлось отрубить только часть. Рубил отец и дядьки, а я на берегу караулил... Где находился невод? Да в «сейфе». Ну в ящике металлическом, в котором рыбаки снасти хранят. Отец замки взломал, и...

Следователь даже боялся поверить в мелькнувшую догадку, которая обожгла его.

— Вот ещё что... Обойму с патронами я выбросил в школьный туалет. От пистолета ТТ. Мне брат приказал это сделать. Обойма с патронами у него под кроватью хранилась. Патроны я выщелкнул и отдельно побросал.

— А где пистолет?

— У брата. Он где-то прячет его.

— Откуда у него пистолет?

— Не знаю. Он появился тогда же, два года назад. Костя иногда брал его с собой, когда мы ходили скот воровать.

Константин Крольчук не отпирался. Даже показал место в овраге, где спрятал пистолет ТТ. Номера на всех деталях были тщательно спилены абразивными дисками, срезаны они были и на обоймах. Криминалистическая экспертиза безошибочно прочитала стёртые цифры: 4153.

4153! Так это же пистолет инспектора рыбнадзора Кузьменко Семёна Дмитриевича, убитого вместе со следователем 8 июля 1981 года на озере Большое Осовище. Мало-помалу открылась во всех деталях и подлинная картина убийства.

В тот день инспектор рыбнадзора и следователь прокуратуры объезжали на моторке закреплённый за инспектором участок и застали четырёх Крольчуков (младшего, Геннадия, с ними не было) за браконьерским промыслом, с сетями в руках. Подъехав впритык к лодке браконьеров, записали её и предложили всем сойти на берег отдать сети. А едва сошли — четверо Крольчуков набросились на инспектора и следователя и стали их избивать. Жестоко, насмерть. Потом затащили в воду и держали погруженными. Чтобы уже наверняка...

Следователь Борисов был истинный профессионал, и потому не спешил с выводами. Он назначил экспертизы: судебно-медицинскую, дактилоскопическую, криминалистическую, физико-техническую, судебно-психиатрическую. И только исчерпав всё, даже мельчайшие неясности, позволил себе высказать убеждение: да, совершившие убийство двух работников милиции в апреле 1983 года, они же убили следователя прокуратуры и инспектора рыбнадзора в июле 1981 года.

Следствие закончено...

Но позвольте, а как же быть с теми, уже осужденными — Николаем Зухтой, Леонидом Володковичем, Олегом Галаем, Владимиром Денисовым и Сергеем Хорсеко, осужденными... за убийство следователя и инспектора?

Совсем недавно их выпустили на свободу как людей, непричастных к убийству. А два года пребывания под стражей им зачли как наказание за браконьерство. Правда, и факт браконьерства остался недоказанным, но надо же было хоть как-то «списать» эти два года. Пять человек вернулись в свои семьи.

Ну да, что было, то прошло. И деликатней, быть может, умолчать, не напоминать, не теребить нервы. Но можно ли оставить без ответа: как могло случиться, что пятеро человек, причём мало знакомых между собой, оказались беспочвенно об-

винёнными в самом тяжком преступлении — убийстве? Будем уж честными до конца: представитель государственного обвинения на судебном процессе настаивал на применении к ним высшей меры наказания. Настаивал строго по букве уголовного закона: были убиты представители власти при исполнении служебных обязанностей.

Спрашиваю у члена Верховного Суда БССР В. Пыльченко, который председательствовал на этом процессе:

— Скажите откровенно: что всё же остановило приговорить к высшей мере? Чувство гуманности?

— Не все улики были убедительны. Мы сомневались...

— Но ведь любые сомнения ещё со времён римского права должны истолковываться в пользу подсудимого. Почему же в таком случае вы их всё же приговорили к лишению свободы?

— Они признались в убийстве...

— Но разве голословные признания подсудимого без объективного подтверждения вины — основание для осуждения? Вы прекрасно знаете, что недоброе правило «признание — царица доказательств» навсегда отметено советским правосудием? Признаться можно и вопреки фактам.

— Потому-то мы и прервали первое заседание и в своём определении потребовали доследования.

Да, дело было возвращено на доследование. Судьи, прокуроры, следователи — тоже живые люди. И они тоже могут ошибаться, хотя им это делать никак нельзя: слишком дорого может обойтись их ошибка. Но в данном случае — как это стало ясно теперь — ошибку допускали вполне осознанно. Очень уж хотелось всем побыстрей покончить с каверзным делом.

Теперь возникают и другие вопросы: почему в ходе следствия одних следователей заменяли другими? Ну когда заменили двух следователей Гомельской областной прокуратуры, которые по-

началу вели дело, это ещё можно понять: хотели приобщить к следствию юристов более опытных.

Кстати сказать, именно таковым и был следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Николай Иванович Игнатович.

— Ну, а его-то вы почему отстранили? — спрашиваю у первого заместителя прокурора республики П. Дудковского.

— Мы его не отстраняли. Ему дали более важное дело...

— Увы, Игнатовича отстранили от следствия именно после того, как он на совещании в кабинете прокурора республики А. Могильницкого заявил, что не верит версии работников милиции, согласно которой убийцами названы пятеро задержанных. Присутствовавший на совещании первый заместитель министра внутренних дел республики П. Жук назвал Игнатовича «мальчишкой», а его сомнения «несерьёзными».

Тогда-то Игнатовичу и поручили «более важное дело», заменив его следователем по особо важным делам республиканской прокуратуры Николаем Васильевичем Станилевичем. Но стоило и тому высказать сомнения по поводу первоначальной версии, как отстранили и его. Нет, формально его тоже не отстранили (сколько же можно!), формально он значился даже руководителем следственной группы, но фактически «всем и вся» руководил следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Михаил Кузьмич Жавнерович. Вот он-то и повёл дело вперед — без тени сомнения.

— А что заставило усомниться вас? — спрашиваю у Игнатовича.

— Прежде всего, не было вещественных доказательств, которые бы указывали на вину подозреваемых в убийстве...

Зато в канве «уличающих» обстоятельств зияли «белые пятна», которые не могли не заметить даже начинающие следо-

ватели, а не то что по особо важным делам. Разумеется, при условии, что они хотели бы заметить. Сейчас это кажется невероятным: выведенные по одиночке на место преступления, обвиняемые указывали совершенно разные пункты, причём на большом расстоянии один от другого. Элементарная логика: уж коли признались, то какая надобность «темнить» — где это произошло? Могла ли такая путаница не насторожить того, кто ведёт следствие?

Ещё один очевидный «прокол» в первоначальной версии — шестой обвиняемый Зборовский. Да, поначалу был и шестой, которого признавали главным организатором убийства. Затем было установлено, что в момент убийства Зборовский находился в Симферополе, всякое обвинение против него отпало. Казалось, затрещала по швам и вся версия, шитая белыми нитками. Но и это не насторожило. В срочном порядке принялись за поиски нового организатора. Им стал Николай Зухта. Но у него тоже вроде бы алиби. Значит, надо найти свидетеля, который мог бы видеть и видел в «тот момент» Зухту на реке. Такого свидетеля находят. Верно, вначале он говорил, что Николая на реке не видел. Но тогда — для более полного выяснения личности свидетеля — у него дома произвели обыск, нашли сети и приспособления для самогоноварения. После этого свидетель на всех последующих допросах показывал, что не только видел Николая Зухту на реке, но даже махал ему рукой.

Это что? Случайные промахи или упрямое желание «во что бы то ни стало» доказать своё? Взглянем реально: первый заместитель прокурора республики П. Дудковский, опытный юрист, от начала до конца принимавший личное участие в расследовании по делу, конечно же, не мог не замечать всех этих противоречий и нарушений, допущенных в ходе дознания и следствия. По крайней мере, не имел права. Но нет, первый заместитель прокурора, он же и начальник следственного

управления, ни одной «закавыки» в материалах следствия не усмотрел. И ничтоже сумняшеся поставил свою подпись в обвинительное заключение.

А дальше? На первом же судебном заседании все пятеро подсудимых от своих прежних показаний отказались и заявили, что дали их в результате воздействия на них недозволенными методами. Верховный Суд БССР, как уже упоминалось выше, вернул дело на доследование, а в своём определении потребовал: проверить, не были ли допущены недозволенные способы ведения следствия.

Проверили, официально вроде бы не подтвердилось. Правда, на этот раз Дудковский не решился снова «завизировать» обвинительное заключение перед отправкой дела в суд. Он предложил сделать это прокурору республики А. Могильницкому. Отсутствие улик решили компенсировать авторитетом.

— Адам Иванович, — спрашиваю у Могильницкого, — неужели у вас не дрогнула рука в ту секунду, когда вы подписывали этот документ?

— Всё сходилось на том, что убийцы именно они.

Спрашиваю у члена Верховного Суда Пыльченко, который и второй раз председательствовал на процессе:

— Возвращая дело на доследование, вы поставили перед следствием ряд очень серьёзных вопросов. Получили ли исчерпывающий ответ?

— Исчерпывающий? Нет, не получили.

И тем не менее дело к производству приняли.

Последним, с кем я беседовал, был первый заместитель председателя Верховного Суда республики Лев Казимирович Зайцев.

— Да, меня удивило ходатайство работников МВД о том, чтобы не проводить суд в Мозыре. Обычно ведь бывает наоборот:

просят о выездной сессии, чтобы судить преступника там, где он совершил преступление, тем более, где знают его в лицо. Суд превращается в мощный воспитательный фактор. Особенно поразило меня, когда с той же просьбой (только не в Мозыре!) обратился и Дудковский.

— Но вы же дали согласие на судебный процесс в Гомеле?

— Увы. Сначала отказал. Через несколько часов мне принесли официальную «челобитную» от первого заместителя министра внутренних дел. И уж если милиция и прокуратура сообща ходатайствуют, какие у меня основания не удовлетворить их просьбу?

Но теперь-то налицо все основания говорить о том, что была допущена грубейшая судебная ошибка, ничем и никем не извиняемая. Недобросовестность предварительного следствия — никакое не оправдание судейской близорукости. В конечном счёте повинен суд. Хотя, конечно, истоки этой ошибки — в недобросовестном дознании и следствии.

На днях состоялась коллегия прокуратуры республики. За ошибки, допущенные при ведении следствия по убийству инспектора рыбнадзора С.Кузьменко и следователя прокуратуры В. Кузьменкова, сняты с работы заместитель прокурора Гомельской области С. Толкачёв и следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР М. Жавнерович. Несколько человек получили выговоры.

И всё.

Не принимать же строгие меры к самому себе первому заместителю прокурора республики П. Дудковскому, который руководил этим следствием? Не распекать же самого себя прокурору республики А. Могильницкому, который отмахнулся от докладной следователя Игнатовича о процессуальных нарушениях следствия?

В общем-то, перед нами — классический пример «шорного зрения», когда следствие идёт по ложному следу. Тут мало сказать, что ни в чём не повинные люди страдают. Ещё страшнее, что настоящие-то преступники остаются на свободе, что, уверовав в свою неуязвимость, они совершают новые преступления. Крольчуки после убийства инспектора и следователя (подчёркиваю: после) смогли совершить одиннадцать краж, убили двух работников милиции.

Вот какова цена одной ошибки. И потому даже тень её под светом восторжествовавшей истины тяжела и печальна. И потому трудно было писать. Но я решился на это во имя справедливости, неминуемое торжество которой есть закон нашей жизни.

Н. МАТУКОВСКИЙ,
соб. корр. «Известий»
МОЗЫРЬ — ГОМЕЛЬ — МИНСК

ВСЁ ЗАВЕРТЕЛОСЬ ПОСЛЕ РОКОВОГО ЗВОНКА

Седьмого февраля 1984 года около шестнадцати часов в следственном отделе Белорусской транспортной прокуратуры раздался роковой для меня и для моих товарищей по несчастью телефонный звонок. Следователь Витебской транспортной прокуратуры Анатолий Журба сообщил, что возле железной дороги, недалеко от города Витебска, обнаружен труп девушки лет двадцати. И после небольшой паузы проинформировал: смерть наступила от механической асфикции, то есть от удушения.

«Неужели это очередная жертва маньяка?» — молнией пронеслась в голове догадка. Несмотря на принятые правоохранительными органами объёмные и жёсткие меры по поиску

преступника, убийства девушек и женщин на Витебщине продолжались.

Впоследствии я часто задавал себе один и тот же вопрос: если бы тело этой девушки (как потом выяснилось, Татьяны Кацуба) преступник оттащил всего на несколько метров дальше от железнодорожной насыпи, то как сложилось бы моя дальнейшая судьба? Думается, совсем иначе. Ведь в таком случае это была уже зона ответственности не транспортной, а территориальной прокуратуры, и я никаким образом не оказался бы причастен к расследованию этого дела. Но получилось так, как получилось.

В тот день, когда позвонил Журба, я никакого значения не придавал опасному повороту в своей судьбе. Был молод, со здоровыми амбициями. На тот момент мне удалось раскрыть только две незначительные кражи. Хотелось же показать себя в настоящей работе, мне начала надоедать бумажная рутина. Потому и вызвался лично заняться расследованием убийства Татьяны Кацуба. К тому же моя малая родина — деревня Скакуновщина, с которой я не порывал корней, находилась ближе к Витебску, чем к Минску. В ней жила моя мама, хотелось хоть несколько дополнительных дней побыть рядом с ней. В глубине души надеялся, что пошлют именно меня в этот областной город. Да и территориально эту зону в силу служебных обязанностей в Белорусской транспортной прокуратуре именно я и курировал. Так вот сбежались обстоятельства.

В молодости мне очень хотелось оставить яркий след на земле. Тогда верил, что своим трудом можно добиться всего. Это я потом понял, что при сложившейся у нас в Союзе системе подбора и расстановки кадров перспектива повышения в должности светила, прежде всего, сотрудникам, имевшим «волосатую руку», влиятельного дядю. А также тем, кто умел приспосабливаться, угодничать, подхалимничать. Опыт же, знания,

деловые качества существенного значения при этом не имели. Куда больше ценилось умение «достать», «пробить», «провернуть». Я, выросший в крестьянской семье, такими свойствами своего характера не обладал. Слыл прямолинейным и честным. Кстати, эту черту моего характера впоследствии в своей статье подметит журналист «Литературной газеты» Игорь Гамаюнов. Но он, что называется, вывернет её наизнанку: «Сороко, как танк, подминающий своими гусеницами невинную душу Адамова».

Мог ли я поступить иначе, то есть спрятаться за спины своих товарищей? Нет и еще раз нет! В противном случае я бы кого-то предал, подставил. И совсем другой залп мог раздаться сегодня по мне из прошлого.

Тогда же версии, выстроенные на железных, вроде бы, фактах, разбивались в суете ведомственной неразберихи. Чувствовал это и подследственный Олег Адамов. Члены следственной бригады чётко видели его вину. Но постоянно не хватало доказательной базы. А «сверху» раздавались порой тактичные, а часто и категоричные, подстёгивающие команды: «Дожимайте, раскалывайте, закрывайте дело». И так из-за дня в день.

Диву давался, проводя аналогии между нашей историей и той, что описана в книге Фёдора Достоевского «Преступление и наказание». Литературный следователь Порфирий Петрович в августовскую жару спокойно расхаживал по пыльному Петербургу в поиске вещей убитой старухи, а мы с Кирпичёнком стремительно носились, наматывая километры, в поиске сумочки убитой. Это, казалось тогда, единственная улика, способная дожать Адамова.

Как и незабвенный Порфирий Петрович, мы были вооружены линейкой, рулеткой. Благодаря научно-техническому прогрессу располагали фотоаппаратом. Иногда могли пригласить и судебно-медицинского эксперта. Но и Порфирий Петрович

в 19 веке мог это себе позволить. Научных разработок по расследованию преступлений такого рода на излёте советского времени имелось много, но они были оторваны от практики. Создавалась база отпечатков пальцев преступников. Но даже новички преступного мира понимали, что нельзя идти на дело с голыми (в буквальном смысле этого слова) руками.

Конечно, за столетие следственная практика накопила и поучительный опыт. Но и возросла нагрузка на следователя. Ему приходилось вести несколько дел одновременно. И постоянно давило на него требование обязательно вкладываться в отведённое законом время на расследование конкретного дела. А преступник стал более жестоким, алчным, вытравил из себя совесть. Он, если можно образно сказать, с годами закалился, вынужденно контактируя со следствием. Порфирию Петровичу, чтобы вывести подозреваемого из спокойного состояния, подтолкнуть Раскольникова к искреннему раскаянию, хватило элементарных усилий. Стоило ему многозначительно подмигнуть подозреваемому, и совестливый человек начал метаться.

«...Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет?... Что если это мираж и я во всём ошибаюсь, по неопытности злюсь, подлой роли (убийства) моей не выдерживаю?... Почему Заметов прибавил, что я *хитро* говорил? Почему они говорят таким тоном?» С каждым днём терзания Раскольникова усиливались. Совестливый человек не может вынести этой адской душевной муки.

А вот что нам предъявить Адамову? Чем можно было его вывести из душевного равновесия, если у него, можно сказать, нет совести? Одними подмигиваниями мы однозначно не могли добиться желаемого результата. Это сегодня в криминальных сериалах сотрудник уголовного розыска или следователь, оставаясь один на один с подозреваемым, легко может передёрнуть пистолет и грозно произнести: «Убью и обосную

потом свои действия пресечением твоей попытки к бегству». Или прибегает к рукоприкладству, а то и откровенным пыткам того, кто не колется. И зрителю самому приходится выбирать, на чью сторону стать — преступника или нарушителя закона. Порядочности в позднее советское время однозначно было больше. Но и тогда правовые головоломки оказывались весьма и весьма сложными.

СТОНЕТ НЕРАСКАЯННАЯ ДУША ХРИСТИАНИНА

Конечно, где-то в уголке души дремала совесть и у Адамова. Сокамерники просыпались ночью от его стонов. Так могла стонать только нераскаянная душа христианина.

Заместитель прокурора сообщил, что принято решение отправить Олега Адамова на стационарную судебно-медицинскую психиатрическую экспертизу. Ему я об этом сказал и от себя добавил: есть такие препараты, которые могут так повлиять на его мозг, что он всё расскажет о совершённых противоправных действиях. Вот этого Адамов действительно боялся. Ведь в его «послужном списке» нарушителя закона числилось не только воровство песка, гравия, но и половые связи с несовершеннолетними. Были или нет в действительности такие препараты, мы тогда точно ещё не знали. Но если и были, то применять их эксперты и врачи при общении с Адамовым, естественно, могли лишь следуя букве закона, ориентируясь на клятву Гиппократа.

Мой отец воспитывал меня отнюдь не как нарушителя закона. Он сам заслужил почёт и уважение не только благодаря своим мастерству и трудолюбию, отзывчивости к чужой боли и страданиям, покладистому добродушному характеру.

Не только в деревне Скакуновщина, но и в окрестных населённых пунктах до сих пор стоят дома, построенные его умелыми руками. Я засыпал и просыпался под звуки работающей пилы или рубанка. С удовольствием вдыхал запах древесных стружек и опилок. Отец посадил огромный сад. Мечтал о внуках и правнуках, которые с удовольствием будут кушать эти яблоки. Любил землю, любил людей. С душевной болью переносил оскорбления, адресованные любому человеку.

Эта черта, унаследованная от отца, сызмальства со мной. Она и подтолкнула меня вначале на защиту справедливости. А после — на поиск защиты чести и достоинства. Отец умер в 73 года. А мог бы ещё и пожить. Природа заложила в его организм силы огромные. Но война, плен, побег, голод, изнурительный труд сделали своё «чёрное дело»... В итоге «заслужил» последнее пристанище с железным крестом и скромной металлической оградой. На деревенском кладбище захоронены все мои родные. К сожалению, помимо родителей, помню только деда по материнской линии. Не хватало у моих предков времени вести свою родословную. Земля ждала обильного крестьянского пота.

Дом, в котором я родился, стоит посреди деревни и отличается от других серебристой металлической крышей: отец постарался. И всегда, когда взрослым подходил к отцовскому дому, сердце начинало учащённо стучать, душу обуревала сумятица чувств. Как только открывал калитку — навстречу, забыв о болях в ногах, семенила моя седая старенькая мать. Её чистые, васильковые глаза были полны счастливых слёз. Срывающимся, дрожащим голосом она причитала (царство ей небесное): «Ах, сыночек мой родненький. Мой золотой, мой миленький! Сколько ты мне радости принёс!».

— Коли хлеб на стол, так и стол — престол, — часто повторяла любимую пословицу мама.

На всю жизнь запомнился мне запах её рук на только что выпеченном белом хлебе. Нет ничего вкуснее той праздничной буханки. Она выпекалась очень редко, не хватало у семьи средств. Кажется, слезы отца и матери застыли на этом бухане. Слезы радости. «Детки, у нас не хуже, чем у людей». Вот она, настоящая черта белорусов! Не мог её понять и принять московский следователь Прошкин и другие мои недруги.

Возле колодца я встречал любимую учительницу Нину Михайловну. Оставшись со мной наедине, она любила обсудить насущные проблемы. Почему сельчане спешат в город, искренне не понимала моя учительница. Молодёжь устремляется на дискотеки, к сверкающему свету, громкой музыке. А кто, задавалась она вопросом, за землёй будет ухаживать? Жить в деревне — значит любить людей, прощать обиды. Только в деревне живёт в чистом виде, ничем не запятнанная совестливость, вразумляла меня любимая учительница.

До сердечной боли мне хотелось прочесть ей фрагменты из своей книги, поблагодарить за то, что она учила замечать красоту... «Деревья ещё не сбросили наряда, но листья уже начали свой хоровод, поля желтели жнивьём, кое-где виднелись полосы пахоты». Таких лирических зарисовок было много в моих первых литературных опытах. А потом в каждую клетку моего мозга, всего организма стремительно стал проникать чёрный цвет, металлический противный лязг засова, гнилой запах селёдки. Только в снах и видел деревню. Порой, правда, стайка берёз мелькала в зарешечённом окне автозака. Господи, взывал я к Всевышнему, не дай обозлиться. И дай сил и умения правдиво и доходчиво рассказать о пережитом, донести написанное до других. Печатному слову тогда больше, чем сейчас, доверяли, написанному верили. И я в том числе.

Отец, мать, жена, сестра, брат, доченька, Нина Михайловна после всего случившегося и пережитого меня не осуждали.

Верили мне. Но коллеги тогда, казалось, только и твердили за моей спиной: дыма без огня не бывает.

Город, в общем-то, равнодушен ко всему происходящему вокруг. Всегда можно спрятаться в нём — этаком каменном мешке. Совсем иной, более человечный, деревенский уклад. Очень важно нам его не потерять.

Но умирает не только моя деревенька. Государственные мужи не чувствуют перспективы в ней и ей подобных населённых пунктах. И, значит, мы — все те, кто видел и видит в деревне надежду и опору — остаёмся без надежной духовной защиты в борьбе с многоликим и могущественным злом. На чём и как будем воспитывать молодое поколение, которое также будет сталкиваться с подтасовкой фактов, чиновничьим окриком и произволом, запугиванием и диктатом?..

Развитие отношений между мужчиной и женщиной есть великая тайна. Но, к сожалению, современный мужчина часто по праву сильного берётся судить женщину и распоряжаться ею. То есть ставить её на службу своему мужскому началу. В результате она не может сполна реализоваться как мать, как бабушка, как личность.

Вы обратили внимание, с какой любовью Фёдор Достоевский в том же «Преступлении и наказании» описывал (как это лучше выразится) женщину лёгкого поведения, которую напоили, использовали и выставили на улицу. Эту женщину он не осуждал. И чтобы читатель проникся симпатией к ней, великий писатель, использовал уменьшительно-ласкательную лексику... «На ней было шёлковое, из лёгкой материи («матерчатое») платьице, но как-то очень чудно надетое, едва застёгнутое сзади, и сзади у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клок отставал и висел болтаясь. Маленькая косыночка была накинута на обнажённую шею, но торчала как-то криво и боком. К довершению, девушка шла нетвёрдо, спотыкаясь

и даже шатаясь во все стороны...Перед нами было молоденькое личико».

Когда читаешь эти строки, то невольно проникаешься симпатией к Сонечке Мармеладовой. В обществе и должно быть чистое женское начало. Удивительно, но у Достоевского не нашёл ни одной детали, которая могла раскрепостить больную фантазию мужчины. «Посмотрите, как разорвано платье, как оно надето: ведь её одевали, а не сама она одевалась, да и одевали её неумелые мужские руки». Читая роман Ф. Достоевского, невольно осуждаешь таких безнравственных мужчин.

Это отступление я сделал не случайно. По делу Адамова мне пришлось допрашивать несовершеннолетних девушек. Когда они рассказывали о блуде с подозреваемым, то краска не заливала их лицо, а душа не смущалась. В паузах, между вопросами, я пытался понять: какими они будут жёнами, матерями. С лёгкостью они расплёскивали при случайных встречах с мужчинами, беспорядочных сексуальных контактах не только эмоции и чувства — своё женское начало и предназначение.

— А что такое любовь по-твоему? — не зная сам почему задал я вопрос одной из таких девушек.

— Любовь? — призадумалась Валентина. — Ну как вам сказать... — глаза её большие сузились. — Это совсем не то, чему учили нас в школе и про что в книжках пишется. Любовь, как говорит один мой знакомый, стремление двух дураков сделать третьего. А вообще, это наслаждение. Я признаю только постельную любовь. Как это называется, физическая близость, да? Другой, по-моему, нет.

Но пошла же Сонечка Мармеладова за Раскольниковым на каторгу. И нашла в своей женской неиспорченной душе слова утешения, которые подтолкнули убийцу к раскаянию. Вроде бы, падшая женщина, а такой великий поступок совершила!

Ещё в своей первой книге «Витебское дело, или Двуликая Фемида» я ставил вопрос: кто? Кто нас, провинившихся перед Законом мужчин, будет отводить от пропасти, как Сонечка Мармеладова?

Чувствовал, что продолжение будет. Ибо поиск Правды продолжается. Это нужно не только последующим поколениям семьи Сороко, но и всем, кто ищет справедливость.

НЕОБХОДИМАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Документальная повесть «Витебское дело, или Двуликая Фемида» — первая из цикла, задуманного мною. В двух её частях я рассказал читателям, как, будучи молодым работником Белорусской транспортной прокуратуры, вёл расследование дела об убийстве дежурной по станции Лучёса Татьяны Кацуба. В совершении преступления сознался и был осуждён на пятнадцать лет лишения свободы О. Адамов. Но затем задержали некого Михасевича, который признался в изнасиловании и убийстве 42 (!) женщин, в том числе и Татьяны Кацуба. Так возникло печальное известное «Витебское дело». Я сам в числе других оказался на скамье подсудимых. О превратностях своей судьбы, методах работы советского правосудия я рассказал во второй части книги.

Писатель Ремизов в начале двадцатого века в своих публицистических заметках заметил, что человек человеку и не волк, и не брат. В современной цивилизации человек человеку бревно! И сколько горечи читатель прочувствовал в его крике! Ибо, казалось, каждый испытывал подобное состояние. Люди ходят друг возле друга и не замечают один одного, хотя и вдыхают один и тот же воздух, констатировал прозорливый русский писатель ещё в начале двадцатого века. А в общественном транс-

порте вообще мы прижимаемся друг к другу до неприличия. Не удерживаем психологическую дистанцию. Бесцеремонно навязываем свою правду, своё отношение к происходящему. Судим по своим меркам и никого не хотим пустить в свой мирок. И так безразличны один к одному, что становится страшно, обобщил писатель.

Протоиерей Андрей Ткачёв в начале двадцать первого века развил эту мысль: «Цивилизация отгородилась от маленького человека специальными «человеколюбивыми инстанциями», т.е. больным — больницы, одиноким — дом престарелых, мертвецам — морг и крематорий».

А заключённым, если продолжить эту мысль, — голые стены, электрическая лампочка в зарешечённом кожухе, в метрах двух над головой, неподвижно закреплённая табуретка, нары, параша, глазок, куда минут через пять заглядывает контролёр, окошко в двери, названое кормушкой. Вентиляция в камере почему-то заделана. И потому даже воздух, настоянный на тюремной пище и перемешенный с человеческим потом и ещё бог знает с чем, находит ещё живые клеточки и проникает в них. Как будто стремится подавить желание к сопротивлению. Каждая мелочь работает на то, чтобы сломать психику человека. Но находятся у него силы искать защиту, противоядие от этой напасти, ибо и из-за колючей проволоки ты должен вернуться человеком.

Гонцам, которые в старину приносили плохие новости, отрубали голову. Мне ошеломляющую новость донесли по телефону: «Убийство Татьяны Кацуба берёт на себя другой человек...».

Несколько простых слов, сказанных по телефону из Витебска, очень сильно подействовали на моё сознание. Как будто некий злой гений выключил цветной свет передо мною. И я стал задыхаться в темноте. Кажется, физически чувствовал, как

вначале неопределённость, а потом равнодушная несправедливость верхом садятся на мою душу и покрепче затягивают на ней узел смирительной рубашки. В результате я долгое время никак не мог высвободиться из-под пут неизвестности. И не знал к кому обратиться, у кого просить защиты. Боязнь придти на помощь другим в таких случаях — одна из особенностей народа, запуганного ешё в тридцать седьмом.

Тот звонок из прокуратуры разделил мою жизнь на три периода. Первый включал босоногое деревенское детство под надёжной защитой моих сердечных родителей. Затем была честолюбивая, романтическая юность. Служба на флоте и занятия боксом закалили физически и дали почувствовать, что за себя я могу постоять в любых обстоятельствах. Так казалось тогда. В эту пору я уверенно стал нащупывать свою профессиональную дорогу: раскрутил громкое дело, а именно убийство. Нашёл убийцу и довёл дело до суда. Об этом периоде своей жизни я подробно рассказал в первой части книги «Витебское дело, или Двуликая Фемида».

Второй период включил следственные изоляторы, автозаки, бесконечные и порой бессмысленные, с моей точки зрения, допросы московского следователя Л. Прошкина. Отвечая на его вопросы, иногда я не находил нужных слов. Да и не хотелось, по правде говоря, их искать. Всё работало против меня, против моих друзей по несчастью. Но постоянно уязвлённое самолюбие искало ответ на вопрос: за что?

Надо признаться, что неизвестность и растерянность поначалу поселились в моей душе, сполна овладели ею. Иногда проявлялось и малодушие. Всё это не давало мне возможности выпрямиться в полный рост, почувствовать уверенность в завтрашнем дне. Как волка, красными флажками Прошкин и его команда оградили меня и моих товарищей от окружающего мира. Никуда ты не денешься, раньше или позже, но сло-

маешься, ибо и не таким рога обламывали, не раз читал в глазах своего процессуального противника. Система наработала богатый опыт в области того, как сломать и духовно, и физически человека. Руководитель следственной группы старался задействовать его в полной мере.

Конечно, в таких условиях подозреваемому и обвиняемому очень важно получить квалифицированную помощь адвоката — этого доброго рыцаря, как справедливо назван защитник в публикации Михаила Пастухова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь («Народная воля», 29 июля 2016 года). С его мнением я полностью согласен и привожу его дословно:

«С интересом прочитал публикацию в премьере рубрики «Жизнь других» («НВ», 26 июля 2016 г.). Её героем стал адвокат Дмитрий Лепретор. Он известен тем, что защищал на следствии в суде интересы Дмитрия Коновалова, который вместе с Владиславом Ковалёвым обвинялся в подрыве Минского метро 11 апреля 2011 года. В публикации много интересных вопросов об особенностях профессии и не менее оригинальных ответов. В своём отзыве хотел бы акцентировать внимание на нескольких моментах.

Первое: *адвокатура в Беларуси стала, можно сказать, закрытой организацией. Попасть в неё очень сложно, потому что действует множество фильтров, в том числе на политическую благонадёжность. Как бы в подтверждение Д. Лепретор признал: «Мы аполитичны». Практика показывает, что адвокат, решившийся защищать оппонента власти, рискует потерять лицензию, а потом — и работу.*

Второе: *белорусская адвокатура, я полагаю, не является независимой организацией. Она в полной мере подконтрольна органам власти. Началом зависимости можно считать определение квот на число адвокатов по регионам, установление заданий*

при сдаче экзамена, подбор членов комиссии. За адвокатами проводится негласный перекрёстный контроль, в том числе за их отчётами. Итогом контроля является аттестация через пять лет с правом продления лицензии.

Третье: *адвокатура в Беларуси, на мой взгляд, является беспомощной, особенно по уголовным делам. У адвоката-защитника нет реальных возможностей по сбору доказательств, эффективных средств воздействия на следствие и на суд. Он может только ходатайствовать и говорить. При необходимости может говорить долго и убедительно. Его слушают, но делают так, как скажет прокурор — государственный обвинитель. Может быть, по этой причине Дмитрий Лепретор не смог защитить Дмитрия Коновалова?*

Четвёртое: *белорусская адвокатура является дорогостоящей. Клиентам приходится сильно раскошелиться за адвокатские услуги. А по уголовным делам близким обвиняемого нередко приходится залезать в долги, продавать машины и дачи. Адвокаты по назначению фактически обеспечивают видимость защиты и, как говорят, отбывают номер. Почему у нас нет, как в европейских странах, муниципальной или бесплатной адвокатуры? Кто будет защищать несовершеннолетних, пенсионеров, инвалидов?*

Хотелось бы видеть другую адвокатуру — свободную, независимую, влиятельную, авторитетную и в необходимых случаях — бесплатную. Адвокат должен быть не просто грамотным юристом, а добрым рыцарем, который приходит на помощь людям, оказавшимся в трудной ситуации, в том числе под стражей. Он — единственный, кто может помочь, а также восстановить справедливость».

И сейчас остро чувствуется нехватка таких добрых рыцарей. А в советские времена — тем паче их не доставало. Вот и приходилось мне рассчитывать только на свои силы.

Не зря утверждают, что утро вечера мудренее. Так оно и есть! Когда человек спит, колоссальная работа происходит в его сознании. Все дневные тяжёлые вопросы подсознание обрабатывает, оттачивает и зачастую посылает ответ в виде вещего сна. Так было и со мной, с этого начинался третий этап, связанный с долгими и трудными поисками Истины...

Навстречу мне отец вышел в строгом чёрном костюме. «Плохое ты выбрал ремесло — отправлять людей в тюрьму», — заявил он и посмотрел мне в глаза.

— Отец, я ждал похвалы от людей, ибо я их защищал.

— Сынок, у каждого своя боль, которая кричит по ночам. У тебя — своя. А у соседа по нарам — своя. И это хорошо, что они не переплелись в узел. Значит, легче будет тебе разматывать свою боль.

— Отец, Олегу Адамову признания никто не диктовал, никто не побуждал его оговаривать себя. Я такой же упорный, как и ты, ни перед кем не унижался, не стоял на коленях. Таким и останусь навсегда...

— Ты передо мной и матерью не оправдывайся. И перед женой не стоит этого делать. Мы тебе верим, доверяем. Придёт время, и люди тебя поймут. Они смогут разобраться.

Я повторил, только в другой форме, то, через что довелось пройти отцу. Какое-то роковое совпадение нечеловеческих испытаний в наших судьбах — отца и сына. Солдат Илларион Сороко попал в плен, бежал, возвратился в строй, воевал, а когда пришла Победа, его отправили не домой, а за колючую проволоку. Мотивировали свои действия утверждением: мол, советские воины в плен не сдаются. А жене солдата, моей матери, прислали похоронку, в которой уведомили, что могила погибшего находится под неведомым хутором в Латвии. Быть может, готовили семью к тому, что она не увидит больше своего кормильца. Но отец вернулся, всем смертям назло.

Почти полвека спустя по роковому совпадению на той же латвийской земле суд захотел похоронить моё, как минимум, доброе имя... И мне также предстояло доказать, что я не виноват в том, в чём меня обвиняют. Что приговор — сплошная ложь, как и в военной похоронке, что прислали когда-то нашей семье на моего отца, и этой, вроде бы, вполне официальной и достоверной информации не надо верить.

Трудно в экстремальных условиях остаться человеком. Но можно! И нужно! Обнажённые, натянутые, как канаты, нервы, заточённые в четыре стены. Едва ли не каждый, кто с тобой общается, вольно или невольно пытается вломиться в твоё «я», наследить в твоей душе. Самоутверждение в неволе зачастую происходит за счет унижения и оскорбления других. За колючей проволокой ко мне пришла догадка: человек человеку скорее волк, чем товарищ. Постоянно тлеющий огонёк обиды, кажется, тщательно скрываемый, воспламенялся в любой момент и вспыхивал огонь гнева. Даже в ходе яростных схваток с противником звери, казалось тогда, ведут себя благороднее.

«Я провёл около месяца в этой камере, и никого на место первостольника не сажали, никто на него сам также не садился, — в разговоре со мной сообщил сокамерник. — Остальные ходят, можно сказать, на четвереньках. Моют всё постоянно, убирают в камере. Всё, что имеет ценность, даже табак забирают первостольники из других камер. А мы окурки подбираем. Едим — кто на параше, кто на койке, а кто и на полу. Ободранные, грязные, голодные, худые. Деремся из-за корки хлеба, из-за окурка».

Хотелось уши закрыть и убежать куда-нибудь далеко. Что в подсознании у заключённого, то у него часто и на языке. Но надо было и в нечеловеческих условиях сохранять в себе человека. А это было неимоверно трудно. Карательная система

основательно обосновалась на моих плечах и равнодушно затягивала потуже смирительную рубашку на моей душе. Сквозь зубы эта карательная система советовала мне: «Не возникай, Валерий, будь таким как все»...

С каждым днём я чувствовал, что рукава смирительной рубашки затягивается всё сильнее. Хорошо, что до этой невыносимой камеры судьба успела насытить мою душу яркими красками детства и юности. Сон был моим временным спасением, с внутренним трепетом и предвкушением я ждал его. Ибо он на короткое время разрывал мои путы, вырывал моё сознание из тисков неволи и спокойно выводил его на широкий простор, обходясь без дневных тюремных окриков и прочих атрибутов принудиловки.

Обычно сон состоял лишь из отдельных несвязных эпизодов: это были отдельные лица, панорамы улиц, виды транспорта, фасады и дворики домов. И всё-таки это было счастье и наслаждение.

Во сне я видел солнечный свет. Говорят, что память взрослого человека — творческая, она преобразует, модернизирует и улучшает то, что давно с ним произошло. А я этого не хотел. В моих тюремных снах все должно было оставаться таким, каким мне виделось в детстве. Так мне представлялось в те далёкие и сложные годы.

Из мира сновидений и воспоминаний меня постоянно возвращал в суровую действительность грубый окрик контролёра. И с этим ничего нельзя было поделать. Но хоть на несколько минут, но в сознании оставались милые пейзажи, близкие и одновременно такие далёкие люди со счастливыми, но чаще печальными лицами...

— Значит, моя душа не в смирительной рубашке, — проносилась в голове радостная догадка. И это на тот момент было главным!

Умеют за колючей проволокой люди радоваться каждой мелочи. Бережно прислушиваются к интонации друг друга, проверяя, нет ли подвоха или лжи в словах сказанных. Истосковались их сердца без сочувствия и доверия. Казалось тогда, что и нежность к любимым и дорогим людям разобьётся о «чёрную» обиду. И тогда на тысячи осколков разлетится душа. Чтобы этого не произошло, они терпели тюремный дискомфорт, затаившись на время, спрятав свои эмоции и чувства. И с нетерпением ждали часа, когда можно будет выплеснуть свою нежность и любовь.

«Как бы не закончился суд, я должен, обязан рассчитаться за каждую твою слезиночку, милая моя Людочка, за каждую бессонную твою ночь, за каждую новую морщинку», — обращался я в мыслях к своей жене.

Я тогда твёрдо верил, что время придёт, и прошкинская команда должна будет заплатить за всё. И этот земной суд, думалось тогда мне, не последняя инстанция. Пусть они и оглашают приговор именем Закона, а на самом деле им прикрываются. Подтасовки и подлость переворачивают всё с ног на голову.

Думаю, что сам Господь подавал мне тогда особые знаки человеколюбия. Находясь на свободе, я их бы, скорее всего, не заметил и прошёл бы мимо. А в неволе, чутко прочувствовав их, душа тут же реагировала на эти сигналы, сбрасывала с себя огромный груз и сразу как бы выпрямлялась.

— Успокойтесь. Не принимайте всё происходящее с Вами близко к сердцу. Надейтесь, что всё обойдётся.

Едва ли не в самую тяжёлую минуту услышал я этот человечный совет из уст контролёра СИЗО. Удивительно было столкнуться с таким непривычным проявлением сострадания в этих казенных, безжалостных стенах.

Нет, скорее всего, человек человеку и за колючей проволокой всё-таки друг. Тот, кто совершил преступление, дол-

жен остаться один на один со своими мыслями, переживаниями. Чтобы в миллионный раз прокрутить в воспалённом мозгу всё содеянное. И дать ему оценку. Совесть взывает оступившегося человека раскаяться. А если осужденный не виноват?

В других условиях, если бы чувствовал свою вину, я не решился бы на такой дерзко-вызывающий тон в своих жалобах. Но, честно признаюсь, другого пути, чтобы что-то доказать, я не видел.

«Требую прекратить издевательство надо мною! Подозреваю, что суд беспардонно подгоняет протоколы заседаний под явно пристрастный приговор. Нельзя именем Закона творить беззаконие!».

Такие требования то и дело встречались в моих жалобах. У меня постоянно жила надежда на счастливый случай. Должны были в каком-нибудь кабинете обратить внимание на мою правду, понять, что я необоснованно содержусь под стражей. Я мечтал вырваться из этой липкой и мерзкой паутины, мне нельзя было и дальше оставаться оплёванным. Моей путеводной звездой были слова Хемингуэя: «Человек рождён не для того чтобы терпеть поражения, человека можно убить, но его нельзя победить».

Книга «Витебское дело, или Двуликая Фемида» писалась по горячим следам. Я принимал самое непосредственное участие в расследовании громкого убийства, трансформировавшегося затем в «Дело Сороко». В этой повести нет придуманных образов, они, что называется, с корнем пересажены мной в книгу из реальной жизни. Эти образы собирал по крупицам и обобщал.

Надеюсь, они достоверно отражают дух времени, устои и нравы тогдашнего общества. Они жизненны, типичны. И поэтому узнаваемы.

ИСТИНУ ВОССТАНАВЛИВАЛ ПО КРУПИЦАМ

Я упорно собирал, как говорят, по крупицам сведения, относящиеся к нашумевшим витебским событиям, связанным с личностью Михасевича. Через знакомых узнал, что в качестве адвоката в судебном процессе над Михасевичем, который проводился в здании Верховного Суда нашей республики, выступал мой бывший коллега Григорий Мороз. В своё время он работал в Белорусской транспортной прокуратуре в должности прокурора общего отдела, одно время был моим непосредственным начальником. Советник юстиции Мороз считался в нашей среде опытным, квалифицированным, добросовестно относящимся к работе специалистом. Он защитил кандидатскую диссертацию, обладал хорошими познаниями в юриспруденции, грамотно и чётко излагал свои мысли при подготовке множества справок, обобщений, докладов и прочих документов. Руководство прокуратуры было довольно работой Григория Григорьевича и высоко ценило его знания и опыт. Но в жизни случаются неожиданные повороты судьбы, непредсказуемые ситуации. Вот и Мороз по семейным обстоятельствам ушёл из органов прокуратуры.

У меня с Григорием Григорьевичем были хорошие отношения. Он в своё время уговаривал меня не переходить в другой отдел, не переквалифицироваться на следствие. Мой бывший начальник ценил моё добросовестное отношение к работе, при этом зачастую безжалостно кромсал написанные мной бумаги, делая мне замечания о неправильных формулировках и трактовках тех ли иных правовых ситуаций. По причине непродолжительной работы в отделе я, тогда юрист второго класса, не обладал такими большими познаниями и опытом, как совет-

ник юстиции Мороз. Но учился, старался, схватывал быстро подсказки и советы, делал впоследствии определённые успехи. Перейдя в следственный отдел, я продолжал общаться со своим бывшим начальником и наставником, никаких обид и недоразумений между нами не случалось.

С учётом наших позитивных взаимоотношений в прошлом я через некоторое время после того, как вырвался на свободу, попросил Григория Мороза о встрече. Хотел из уст квалифицированного специалиста узнать о судебном процессе над маньяком Михасевичем. Мы долго тогда разговаривали, делились пережитым.

— Как ты себя чувствуешь, Валерий, после всего, что пережил? Я знаю, в какую мясорубку ты попал, — сочувствующим тоном задал мне первый вопрос Григорий Григорьевич.

— Нормально себя чувствую. Лихолетье пережил, правда, осадок остался.

— Сочувствую. Моё мнение таково: тебя сделали козлом отпущения. Молодого, неопытного работника попросту подставили. Куда смотрело руководство, когда тебя посылало в Витебск? Я им советовал не делать этого, не привлекать тебя к расследованию такого сложного дела. Не прислушались тогда к совету.

— Сам во многом виноват, — самокритично заметил я. — Хотел проявить себя с лучшей стороны, а получилось хуже не придумаешь.

— То, что ты виноват, я в какой-то мере соглашусь, но далеко не полностью. С тобой поступили несправедливо и незаконно. Ты не должен был оказаться на скамье подсудимых. У тебя начальниками были Ковшар, Самохвалов. Они должны были отвечать за то, что тебя подставили. Это моё мнение.

— Каждый несёт свой крест сам, — философски заметил я. — Мне выпала такая незавидная доля. Главное, что я выплыл, не

сдался и хочу приносить людям пользу. И мозги у меня, по-моему, на месте.

— Я с этим полностью согласен. Мозги у тебя есть и неплохие. Но как ты мог вляпаться в такое дерьмо, почему тебя никто не остановил, не подсказал, как надо действовать? Значит, не всё в порядке в системе прокуратуры. Кадры надо учить, воспитывать, а не бросать неподготовленных должным образом сотрудников на сложные дела, как на амбразуру. Не пришлось бы тогда пожинать таких вот плачевных последствий.

— Другие учатся на чужих ошибках, а мне судьба уготовила учиться на своих. И я должен признаться: по настоящее время сомневаюсь в виновности Михасевича по эпизоду убийства Татьяны Кацуба.

— Вот тут-то ты не сомневайся, я тебе дам полную информацию по этому эпизоду. Я ею владею в достаточно полном объёме. Изучил каждую страницу уголовного дела. Но мы не случайно встретились, и меня больше, чем эпизоды «витебского дела», волнует твоя собственная судьба, Валерий. Почему тебя сделали крайним по одному лишь эпизоду, а по делам десятков невинно осуждённых фактически никого из накосячивших правоохранителей и судей не привлекли к ответственности? Почему не попали на скамью обвиняемых печально известный «профессионал» Жавнерович, другие следователи и прокуроры, курировавшие Полоцк, Витебск? За ними столько незаконно осужденных числилось, даже расстрелянные есть, инвалидами невиновные вышли из колоний. Получается, что чужие жизни погубили «корифеи» следствия и никого за это не посадили. Это касается и судей. Мы с тобой прекрасно знаем: только суд определяет степень вины фигурантов при рассмотрении дела, вынося приговор. Поэтому и называется досудебное расследование предварительным следствием. То есть не главным. А основное следствие должен вести суд. Независимый, не-

предвзятый судья сполна несёт ответственность за выносимый приговор. Что не мешало судьям годами штамповать не расследованные должным образом уголовные дела, привлекать невиновных. Они вынесли незаконные приговоры. Почему их не привлекли к уголовной ответственности? Один ты оказался крайний. Только тебя, считай, и осудили к реальному сроку. На мой взгляд, это незаконно и не справедливо.

— Я тоже так считаю. Но судебная система — механизм весьма сложный и своеобразный. Она не заточена на то, чтобы признавать свои ошибки и делать из этого соответствующие выводы. Сей маховик продолжает вращаться: следствие по-прежнему не гнушается при острой необходимости фабриковать дела, а судьи по-прежнему выносят суровые приговоры в том числе и не виновным. И если не поступает команда сверху, требующая кого-то за такие безобразия наказать, так служителям правосудия всё и сходит с рук.

— Зачем было направлять дело по твоему обвинению в Верховный Суд Латвийской ССР? Это явное нарушение, — продолжал озвучивать своё возмущение Мороз. — Это подсудность белорусского областного суда. Она позволяла тебе затем при необходимости обжаловать приговор. На мой, юриста, взгляд, — это очередной беспредел. Надо было притушить взбудораженное общественное мнение, показать для населения видимость законности, вот и пошли в результате на явное нарушение прав обвиняемых. Ты, Валерий, просто попал под раздачу, оказался не в том месте и не в то время.

— Да, это так, но я ведь сопротивлялся и пытался доказать свою невиновность, несправедливое ко мне отношение. Пишу жалобы, ездил на приём к председателю Верховного Суда Латвийской Республики. Он обещал разобраться, при этом предупредил, что сделать это будет достаточно сложно, так как я не гражданин Латвии. А таковые — не граждане этой страны — не

являются правоприемниками постановлений судебных органов Советского Союза.

— Я думаю, что у тебя ничего не получится из этой затеи, — прямо высказался Григорий Григорьевич. — Прикинь: зачем им отменять приговор Латвийской ССР? Неужто для того, чтобы ты потребовал потом материальную компенсацию причинённого тебе морального вреда? И чтобы возникла масса новых трудноразрешимых вопросов? В настоящее время всех или почти всёх всё устраивает. А судьба какого-то Сороко и тебе подобных мало кого волнует. Но попробуй пробить воздвигнутую стену. Будет чем заняться на свободе.

— Да у меня и так дел выше крыши. Пошёл в бизнес. А там свои законы, свои нюансы и проблемы, их надо постоянно решать. За мной предприятие, коллектив — деньги непросто зарабатывать.

— Говорят, ты богатым и успешным бизнесменом заделался. Что лишний раз свидетельствует, что у тебя мозги на месте. Можешь дать фору бывшим нашим коллегам, которые по тем или иным причинам ушли из прокуратуры и растерялись, не знают, как вне госслужбы зарабатывать деньги. Это им не в кабинетах сидеть да бумажки перекладывать. В бизнесе надо крутиться.

— Не только крутиться, но и сознательно идти на риск, при этом всегда, как говорится, держать ухо востро. Со всех сторон к тебе тянутся охотники что-то поиметь от успешного бизнеса: госслужащие, правоохранители, бандиты, а то и случайные попутчики. А защищённости у тебя при этом практически никакой. Вы же, Григорий Григорьевич, лучше меня знаете, как работают правоохранительные органы. Сколько нервов, сколько непредсказуемых ситуаций, сколько проблемных вопросов надо решить деловому человеку, чтобы утвердиться и заработать копейку.

— Я всё понимаю. Но ты, Валерий, думаю, не за копейки работаешь, а гребёшь по полной программе?

— Особо не жирую. Но и не бедствую. Деньги водятся. Вкладываю их в расширение бизнеса. Работаю без выходных, без отпусков. Семья не голодает. Жильё есть. В общем, несмотря на большую загруженность на работе, жить можно.

— А зачем много денег? Я этого никак не пойму. И преступники, и претендующие на добропорядочность граждане мечтают завладеть миллионами долларов. Нещадно треплют нервы, отнимают здоровье себе и другим. А жизнь такой краткий миг — блаженствуй и цени его. Когда закопают в чёрный ящик, ничего с собой не заберёшь. А оставшиеся на бренной земле дети и родственники ещё и передерутся за наследство, деля его.

— Да, никто ещё из загробной жизни не вернулся и нам не рассказал, что ждёт нас после смерти. Вы правы, Григорий Григорьевич. Я с Вами согласен на сто процентов. По логике и смыслу жизни не нужны человеку огромные накопления. Тем не менее, какое-то безумье охватывает многих, они не могут остановиться. Им всё мало и мало. Яхты, замки, квартиры в разных престижных частях света и прочая материальная мишура их очень интересует. А вот здоровье и долголетие за деньги не купишь. Мне нравятся строки Омара Хайяма:

Живи, безумец! Трать пока богат!
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай — не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад!

— Метко сказано, — оценил мой собеседник. — Но ты, Валерий, как я понял, знаешь свой предел и удел. Но ко мне ты, видимо, пришёл не для того, чтобы пофилософствовать и процитировать любимые строки классиков мировой литературы. Наверно, есть ко мне какие-то конкретные вопросы?

— Мне не дают покоя дела давно минувших дней. Я организовал группу журналистов, куда вошёл и оператор, делаю попытку по-новому рассказать о «витебском деле», о Михасевиче. Задумал снять фильм, издать книги на сей счёт. У меня есть стойкое убеждение (может, оно и субъективное, так как я сильно пострадал), что не всех изнасилованных и убитых женщин, что следствие и суды «повесили» на Михасевича, он действительно убивал. Разговаривал со следователями, судмедэкспертами, теми, кто в той или иной роли проходил по этому делу. Выявилось немало «белых пятен», которые ждут своего исследования и обнародования результатов. В фильме и книгах я со своими помощниками постараюсь представить различные точки зрения, чтобы зрители и читатели обо всём судили в меру своего ума и интеллекта, самостоятельно сделали затем выводы.

— Я не вижу ничего плохого в твоей задумке, Валерий. Но смотри, чтобы ты снова не попал под раздачу, в жернова правосудия. Ты же знаешь, как у нас не любят, когда кто-то суёт нос в дела рассмотренные и судьями забытые. Тем более если в таких исследованиях задаются неудобные вопросы, высказываются претензии и критика. Подумай хорошенько, надо ли тебе рисковать? Что же касается непосредственно Михасевича, то скажу следующее. Я очень внимательно в своё время изучал его дело, как говорится, вдоль и поперёк. Как участник судебного процесса до мельчайших подробностей и нюансов исследовал каждый эпизод, изучал и проверял каждое доказательство и каждый документ. И однозначно могу сказать: приговор законный и правильный. Личность Михасевича изучена досконально, и что он маньяк, убийца — ни у кого не должно быть сомнений. Готов письменно для тебя изложить свои впечатления как участника громкого судебного процесса, свою точку зрения по поводу личности маньяка Михасевича. Но на это потребуется время и кое-какие затраты.

...Где-то под Лепелем, где-то под Витебском, где-то под Полоцком к Вашему горлу потянулись зловещие руки маньяка. У жертв, к сожалению, невозможно узнать: легче ли им стало, что кого-то осудили за их предсмертные страдания. Поспешность сурового наказание убийцы только отчасти притупила боль в материнских сердцах от утраты родных кровиночек. Да и маньяк Михасевич уже ничего не скажет.

Господи, упокой их души...

— Буду очень благодарен, если получу такой документ. Отлично понимаю, что труд должен быть оплачен и делающий такой анализ эксперт должен это знать, иначе будут присутствовать в исследовании и столь ценных воспоминаниях и обобщениях поверхностный взгляд и халтура. Зная, Григорий Григорьевич, о Вашей осведомлённости о «витебском деле», опыте и юридической подготовке, я и обратился к Вам за помощью. Уверен, что с анализом, который сделаете, читатели с интересом ознакомятся и оценят его.

Мы тепло расстались с Григорием Морозом, и я стал терпеливо ждать вестей от своего бывшего коллеги. А сам изучал многочисленные материалы, которые уже были опубликованы по данной теме в открытых источниках.

О событиях, произошедших на Витебщине и взбудораживших население не только этой области, изобличении маньяка Михасевича и том, что этому предшествовало, публиковались статьи и другие материалы как во всесоюзных изданиях, так и в республиканской, а также местной прессе. Рассказывали об этих чрезвычайных событиях не только журналисты и писатели, их комментировали юристы, психологи, специалисты в различных областях, обычные граждане. Находясь под воздействием многих средств массовой информации, большая часть населения негативно, а порой и с нескрываемым злорадством относилась к работе правоохранительных органов. Основание для этого было — вопиющее ЧП. Но в целом в Беларуси наблюдалось относительное благополучие и спокойствие. Наша республика, по сравнению с другими регионами Советского Союза, вышла на хорошие результаты в сфере предотвращения и раскрываемости преступлений. Большинство работников правоохранительных органов добросовестно и честно относились к своим обязанностям. Но налетели, как вороньё, чиновники из Москвы,

а затем по их указаниям была сколочена многочисленная следственная группа, в которую вошли спецы из различных уголков Советского Союза. И началось беспрецедентное по тем временам очернение, компрометация работников правоохранительных органов республики. Давались различные интервью, подключались самые узнаваемые и популярные у читателей союзные средства массовой информации с целью рекламирования успешной работы по изобличению «оборотней» в погонах.

Попадались мне и толковые публикации, квалифицированные комментарии по витебским событиям. Например, мне очень понравилось обстоятельное интервью Александру Гайдамацкому профессионала, который непосредственно принимал участие в раскрытии этого сложного и неординарного дела. Привожу его дословно, перепечатывая из №27 газеты «Уголовное дело».

ПОЧЕРК МАНЬЯКА

В июле 1987 года кровавый убийца и насильник Михасевич, приговорённый к расстрелу, ожидал ответа на ходатайство о помиловании.

Этот судебный процесс, потрясший умы и сердца советских людей, уже стал историей. Успело вырасти поколение молодых людей, которые, может быть, ничего не слышали об этом уголовном деле, когда-то служившем темой для множества выступлений журналистов и писателей. Сегодня наш собеседник — непосредственный участник расследования преступлений «витебского маньяка» Михасевича, начальник управления Прокуратуры Республики Беларусь Алексей ЛАПШИН.

— Алексей Витальевич, прошло время, откипели страсти, многое, наверное, теперь можно оценить объективно...

— Раньше это было невозможно. Сам факт поимки в законопослушной Беларуси маньяка, много лет совершавшего сексуальные убийства (по числу жертв он — второй после ростовского Чикатило), вызвал не только взрыв общественного негодования, но и острую критику в адрес прокуратуры и милиции, которые долго не могли поймать преступника, и более того, допустили при этом грубые нарушения законности.

Да, это так. Но авторы различных сочинений не поняли (или не знали), что весь цивилизованный мир испытывал и испытывает значительные трудности при расследовании аналогичных преступлений. Правоохранительные же органы Беларуси не имели никакого опыта ведения таких дел. И успех чрезвычайно трудоёмкой операции определило не героическое напряжение одного человека (как преподносили некоторые писатели), а усилия многих тружеников милиции, прокуратуры и КГБ.

— Как вы оказались причастны к «витебскому делу»?

— В начале августа 1985 года прокурор БССР В. Макаров предложил мне выехать в Витебск и возглавить группу следователей, занимавшихся расследованием уголовных дел об убийствах и исчезновении женщин. Я тогда был одним из заместителей начальника следственного управления прокуратуры республики. Признаюсь, никакого восторга предстоящая командировка не вызывала: до меня там уже безуспешно пытались что-то сделать другие, не менее опытные работники.

Что же происходило в Витебской области? Ежегодно, с 1971 года там не могли раскрыть два-три убийства женщин. Окрылённый безнаказанностью, преступник наглел с каждым годом. В 1984 году он задушил уже 11 (!) человек. Тогда никто не был уверен, что орудует изувер-одиночка. Нераскрытые убийства были связаны между собой в основном только тем, что потерпевшие были девушками или женщинами в возрасте от16 до 55 лет. Некоторые были умерщвлены руками, остальные —

петлёй или кляпом. Мотивы убийств чётко не просматривались: одни сопровождались изнасилованиями, другие — кражами, третьи вообще казались какими-то бессмысленными.

Надо отдать преступнику должное: он был хитёр, осторожен и очень мобилен (ездил на разных машинах). Действовал безжалостно и наверняка, причём в безлюдных местах (лес, поле, глухие дороги). Некоторые трупы маскировал, поэтому их обнаруживали не сразу. Часто погодные условия, дикие животные основательно искажали обстановку мест происшествий. Причины 13 смертей вообще нельзя было установить.

Потом — когда всё стало ясно — объявились умники, утверждавшие, что «почерк» убийств чуть ли не с самого начала свидетельствовал об одном исполнителе. Помню, в 1984–85 годах в республику приглашали для консультаций маститых следователей из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Прибалтики. Никто не рискнул заявить, что все витебские убийства — дело одних рук. Они понимали, что удушение, как способ лишения жизни, очень распространено в уголовном мире, а среди жертв преступлений женщины встречаются так же часто, как и мужчины.

Не меньше, чем прокуратура, положением на Витебщине было озабочено и МВД республики, постоянно требовавшее от начальника областного управления М. Гриба активизировать оперработу по раскрытию преступлений. И с ним, и с другими работниками милиции сразу сложились по-настоящему деловые отношения. Вскоре МВД направило нам в помощь квалифицированного сотрудника управления уголовного розыска Ч. Мазуркевича.

— Квалификация, профессионализм... Обвинений в отсутствии этих качеств у нашей прокуратуры и милиции в связи с делом Михасевича было особенно много.

— Следователи нашей группы были рассредоточены по тем городам (Витебск, Полоцк, Новополоцк, Лепель и других), вблизи

которых чаще всего и совершались убийства женщин. Коллеги новичками в следствии не были. Но заметно было уныние: оказывалась многомесячная безрезультативная работа. Некоторые потеряли веру в успех. Каждый осознавал: если виновного не нашли в первые недели после обнаружения преступления — потом с каждым днём шансов всё меньше и меньше...

Например, следователь новополоцкой прокуратуры В. Базуева вела дело о бесследном исчезновении двух девушек. Одна пропала в 1981 году, где-то на дороге Витебск — Глубокое, другая — в 1982 году, по пути из Новополоцка в Верхнедвинский район. Установить места захоронений не удалось. Потом зарытые трупы выдал преступник.

Следователь витебской облпрокуратуры О. Савельев расследовал более поздние убийства: двух женщин в лесу в Бешенковичском районе и девушки — в Городокском. Были трупы, кое-какие вещдоки, но и по этим делам убийца не «вырисовывался».

Имелись основания полагать, что погибшая в 1981 году студентка Новополоцкого политехнического института воспользовалась попутной грузовой машиной (потом это подтвердилось), после чего была убита. Следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР А. Козаченко, перелопатив путевые листы, изъятые во многих хозяйствах, скрупулёзно восстанавливал маршруты автомобилей, сновавших четыре года назад в день гибели девушки по дорогам Полоцкого района. Потом допрашивал водителей, стараясь получить нужную информацию. Думаю, не каждый способен понять масштабы глубины «удовлетворения» от этой сумасшедшей работы...

Многие граждане, совершенно не причастные к убийствам, но знавшие погибших, на допросах (чаще из-за страха) отрицали знакомство с ними. Это и порождало дополнительные трудности; приходилось уличать их во лжи, проверять показания: на это тратилось много драгоценного времени.

— Какие версии казались в то время наиболее продуктивными?

— Из материалов следствия и оперразработок вытекало: убийца мог быть и попутчиком, случайно встретившим жертвы, и «охотником», сознательно их выследившим; мог быть ревнивым мужем и сожителем, любовником или особо опасным рецидивистом, неравнодушным к прекрасному полу. Обнаруженную в некоторых трупах сперму нельзя было идентифицировать, «привязать» к конкретному мужчине — слишком низок был уровень развития судебной медицины.

Как водится, преступника искали только среди лиц с запятнанной репутацией и криминальным прошлым. А он, как за каменной стеной, скрывался за исключительно положительной биографией.

— С чего начали работу по витебским убийствам?

— Следствие по каждому без исключения убийству велось ещё с 1971 года. По некоторым делам — даже слишком «усердно» — к уголовной ответственности, как потом оказалось — были привлечены невиновные люди. Я же в августе 1985 года посетил места обнаружения трупов, изучал материалы дел, находившихся в производстве следователей, наметил планы дальнейших действий. Углубившись в огромный ворох протоколов допросов, других следственных и оперативных документов (некоторые уголовные дела разбухли до нескольких томов), часто ловил себя на мысли: наверное, застряну здесь надолго. Не исключал, что все наши усилия могут оказаться напрасными.

Союзная прокуратура внимательно следила за ходом расследования. Вызов к заместителю Генпрокурора СССР О. Сороко, который курировал следствие, оптимизма не придал. Доложил: предстоит огромная следственная и оперативная работа. Заверил: сделаем всё возможное.

Мы с М. Грибом установили порядок: регулярно собирались в УВД или в прокуратуре области, подводили итоги каждого дня, координировали следственную и оперативную деятельность. На «пятиминутках», естественно, были и споры, порой жаркие; иногда возникали разногласия, однако в итоге находили общий язык.

По мере обработки число версий сокращалось. Сегодня некоторые из них могут показаться наивными и надуманными (например, предположение, что убитых женщин преступники проиграли в карты). Всех версий не перечислить. Они возникали не случайно, каждая тогда имела место на существование и требовала тщательной проверки.

Очень перспективным, например, казалось установление убийцы с помощью женщин, которым — в разные годы — удалось вырваться из его лап. Работники милиции и наши следователи нашли 13 таких потерпевших, причём раньше они об этом не заявляли. Но, увы, пострадавшие очень приблизительно назвали приметы преступников; следствие зашло в тупик.

— Когда, по-вашему, «кольцо» вокруг Михасевича начало сжиматься?

— Первый слабый свет в конце туннеля блеснул, когда одна из женщин-свидетелей показала, что 30 августа 1984 года издали случайно увидела подругу, садившуюся в красный «запорожец». Потом обнаружилось, что подругу убили в лесу. Приметы водителя «запорожца» свидетельница не запомнила, номер машины — тоже. Но мы предположили, что водитель микролитражки искомое лицо.

В Витебской области тогда было несколько тысяч красных «запорожцев», не все они стояли на учёте (особенно если принадлежали военным), у многих не раз менялись хозяева, номера. Часть машин была перекрашена, куда-то продана, подарена...

Словом, установить все автомобили и их владельцев было невероятно сложно.

Приглашённый на допрос к следователю обладатель «запорожца» не всегда мог взять в толк, чем вызван интерес следствия к тому, где он был, что делал полгода или год тому назад. Большинство, естественно, ответить затруднялось. Показания тех, кто что-то вспомнил, проверялись.

— Как долго продолжалась эта работа?

— Может быть, мы бы до сих пор гонялись за каждым красным «запорожцем», если бы не анонимное письмо, поступившее 16 августа 1985 года в редакцию газеты «Витебский рабочий». Под текстом стояла подпись: «патриоты Витебска». Кроме общих призывов «вступать в ряды борцов за новую жизнь», уничтожать коммунистов и сотрудников милиции, в анонимке содержалась такая информация: «Вы уже, наверное, слышали о проделанной нами работе, в частности, на участке дороги Витебск — Бешенковичи 30 августа прошлого года, да и в других местах области. Это наша работа».

Анонимщик явно намекал на имевшие место убийства женщин. Поскольку в городе объявилась доселе неизвестная подпольная организация «патриотов», редактор газеты отправил письмо в местное управление КГБ.

Подобные письма и листовки госбезопасности были не в диковинку. Узнав о письме, ознакомился с ним. Автор в равной мере мог иметь или не иметь отношение к убийствам. Неужели преступник не оставлявший ранее никаких следов, так нелепо «раскрылся»: предоставил следствию свой почерк?! С другой стороны, то, о чём писал анонимщик, мог знать любой житель области. А если «патриот»-шутник, да к тому же минчанин или брестчанин, письмо отправил в Витебске, где был проездом или командировке? «Он просто придурок», — откровенно убеждали меня некоторые коллеги. Дискутировали много: напри-

мер, стоит ли искать автора? Во что казне обойдётся этот розыск?

— И всё-таки решили за эту ниточку ухватится?

— Да. Приступили к поискам автора, исполнителя и отправителя анонимного письма. Без преувеличения шаг был беспрецедентный. Казалось, проще вычерпать одно из озёр Витебщины, нежели найти писаку среди 2,5 миллиона жителей области. Я уже ощущал все громы и молнии, которые могли обрушиться на наши головы в случае фиаско. Но альтернативы не было.

Из Минска, а затем из Москвы в Витебск приехали хорошо подготовленные сотрудники КГБ. С ними было интересно общаться и работать, однако, по сравнению с милицией, позиция КГБ в уголовном мире оказались слабее. Почти одновременно стало известно, что политбюро ЦК КПСС взяло под свой контроль расследование «витебского дела». Легче от этого не стало...

Нашёл в Харьковском научно-исследовательском институте судебных экспертиз учёного-почерковеда С. Вула, который взялся по почерку обрисовать портрет анонимщика. Послав ему письмо, с нетерпением ждал ответа. Он разочаровал расплывчатостью: почерковед полагал, что автор и исполнитель анонимки мужчина 55–60 лет, житель сельской местности, с психическими отклонениями. Аналогичный специалист нашёлся и в КГБ. Предложенный им облик анонимщика тоже не принёс пользы. К тому же, мнения почерковедов по ряду параметров разошлись.

В орбиту поисков «патриотов» решили вовлечь всех, кого только можно. В УВД изготовили удобные в пользовании открытки, на которых в увеличенном виде были сфотографированы наиболее характерные и запоминающиеся буквы и слова из анонимного письма. Открытки отправили во все города и районы области, чтобы работники милиции, прокуратуры и КГБ при чтении рукописных текстов могли отыскать в них что-то похожее.

Для следователей составили невинный текст об охоте, который содержал набор слов из анонимного письма «патриотов». Если допрашиваемый представлял интерес, следователь предлагал текст переписать. Понятно, если бы он продиктовал подлинник анонимки, многих свидетелей это насторожило, и они имели бы право отказаться от подобной процедуры.

Почерковеды-портретисты подтолкнули к поискам «патриотов» среди психбольных. Малоприятное занятие никого не привлекало, но без отработки этой версии следствие было бы неполным.

С помощью психиатров сочинили простенькую анкету-вопросник, которую медперсонал стал предлагать больным для заполнения. Если это не удавалось, довольствовались письмами, заявлениями и другими текстами пациентов. Особое внимание обращали на почерки душевнобольных из бывших водителей.

— Да-а, сейчас страшно подумать, но ведь титанический труд мог оказаться безрезультативным... Параллельно вы продолжали отрабатывать и другие версии?

— Очень хотелось верить: не могла белорусская земля вскормить преступника, учинившего целую серую умышленных убийств. А если это гастролёр (или группа гастролёров), регулярно навещавший Витебщину? Не исключено, что он где-то ещё оставил кровавый след. Стали собирать сведения об убийствах женщин, совершённых не только в других областях республики (к витебским их, с выездом на места, «примерял» прокурор-криминалист прокуратуры БССР А. Ласевич), но и в различных регионах Советского Союза.

Так, в 1977–78 годах в Усть-Каменогорске (Казахстан) были изнасилованы и убиты несколько женщин. Через прокуратуру Восточно-Казахстанской области запросил сведения о всех подозреваемых и обвиняемых по этим делам, которые когда-либо посещали Беларусь. Ответ был неутешительным.

Все прокурорские и милицейские работники, причастные к расследованию, испытывали острый дефицит времени. Постоянно не покидало чувство: преступник затаился лишь на короткий срок. Первая мысль, с которой просыпался каждое утро: «Есть ли новые жертвы, пропавшие без вести?» Они не заставили себя долго ждать.

28 октября 1985 года в лесу под Полоцком прохожие натолкнулись на разложившийся труп жительницы Новополоцка, которая более месяца назад, уйдя собирать грибы, не вернулась. Вместе со следователем В. Базуевой, сотрудниками розыска помчался на место происшествия. Отсутствие возле трупа вещей убитой (сумки, платка, ножа) заставило привлечь коллектив Полоцкого РОВД, жителей ближайшей деревни к прочёсыванию большой территории. Нашли всё, кроме ножа. При вскрытии трупа эксперты долго не могли установить причину смерти. Пришлось вызвать главного судмедэксперта республики С. Максимова. Он был категоричен: женщина задушена. На всё это ушло трое суток.

Одновременно 28 октября область шокировало ещё одно ЧП: в Витебском районе была изнасилована и задушена 19-летняя Валя.

Обнаглевший убийца, издеваясь над жертвой и властью, оставил во рту трупа полоску бумаги со знакомым почерком. «За измену смерть. Патриоты Витебска».

Очередное жуткое послание всполошило минское и московское начальство. Прокуратура СССР прислала двух консультантов. Выполнением первоначальных следственных действий активно занялся следователь по особо важным делам прокуратуры БССР Н. Игнатович, прибывший перед этим в состав группы. Он принял дело об убийстве Вали к производству.

— Трагедия в Витебском районе, выходит, укрепила убеждение: следствие не верном пути?

— Было совершенно очевидно: анонимное письмо в газету и последняя записка написаны одной рукой. Стало ясно: преступник снова приковывает внимание следствия к областному центру, отвлекает нас от других мест. Впоследствии это подтвердилось.

Для раскрытия последних убийств сделали всё необходимое, но к виновнику не приблизились ни на шаг!.. Были мысли: «Может, он не человек, а дьявол. Профессионал экстра-класса?». Ведь известно, что в ряде стран на преступную стезю становились отдельные служители Фемиды. В 1985 году никто не мог поручиться, что на витебской земле не орудует отщепенец, прошедший следственную или милицейскую школу.

Однажды — это было 13 ноября 1985 года — мы было решили, что Бог, наконец, снизошёл к нашим мытарствам и соизволил помочь. Среди многочисленных красных «запорожцев» обнаружился человек (назову его Марченко), о которого я чуть не сломал себе шею.

Он считался крепким оперативником одного из отделов Витебска, однако был уволен из милиции за недостойный поступок. Обращали на себя внимание особенность его машины — в передней правой дверце не было внутренней ручки. Это не позволяло пассажиру, сидящему рядом с водителем, самому открыть дверь и выйти из авто. Милиция собрала информацию: Марченко не равнодушен к женщинам, для встреч с ними мог отлучиться с работы в любое время. Самое поразительное: в анонимке «патриотов» и многочисленных жалобах Марченко с требованием о восстановлении на службе обнаружились одинаковые слова и даже тождественное написание некоторых букв.

Когда некоторые эксперты из КГБ и УВД, торопясь быть первыми, дали письменное заключение о том, что Марченко приложил руку к анонимке, интерес к нему заслонил всё остальное. Обычно осторожный М. Гриб ставил вопрос о его задержании.

Я колебался. На допросах, которые поочередно проводил я, Н. Игнатович, А. Ласевич, Марченко не только отметал подозрения в свой адрес, но и требовал самого тщательного разбирательства.

Внезапные обыски в его квартире и машине улик не прибавили. Помогли опытнейшие почерковеды из Минского института судебных экспертиз — Н. Радунская, Г. Купчёнок, С. Михаленко, которые по моей просьбе прибыли в Витебск. Они нашли расхождения в подчерках исполнителя анонимки и Марченко.

С большим душевным облегчением, вечером того же дня, отпустил Марченко домой. Пусть он извинит (если до сих пор держит зло) за глубокие волнения, которые ему причинили. Мы были на грани совершения очень грубой ошибки.

— Итак, к этому времени круг поисков, кажется, сузился — «патриоты» на красном «запорожце»... А принцип остался прежним: иголка в стогу сена!

— МВД сумело собрать в Витебскую область 30 специалистов по почерку. Многих прислали из России, с Украины. За короткий срок они изучили более 150 тысяч (!) почерков в 307 организациях и на предприятиях. Кроме того, в поле зрения попали 312 000 листков, заполненных гражданами в паспортных столах, 80 000 заявок на подписку газет, 60 000 рукописных телеграмм, 18 300 различных заявлений и жалоб.

Обилие накопленных материалов уже не вмещалось в головах — начали внедрять ЭВМ. Общее количество текстов, исполненных владельцами «запорожцев», приближалось к четырём тысячам; пришлось завести их отдельной учёт.

— И вот, наконец-то...

— В конце ноября 1985 года, в числе других обладателей красных машин, написал невинное, не относящееся к убийству, объяснение и 30-летний житель Полоцкого района Геннадий Михасевич.

В его почерке просматривались знакомые элементы анонимного письма и записки. Оперативники установили за ним наблюдение. 3 декабря 1985 года доверенные лица милиции, под видом заготовителей, посетили квартиру Михасевича. Визит был слабо подготовлен, поэтому его насторожил. Одновременно спешно добывались дополнительные образцы почерка очередного подозреваемого.

7 декабря 1985 года я назначил криминалистическую экспертизу почерка. Главный вопрос: кто написал тексты анонимного письма, конверта и записки. — Михасевич или другое лицо? На следующий день эксперты УВД В. Шульгин, Д. Турлаев, И. Антонкин и Т. Ерофеева представили заключение: исполнитель Михасевич.

Эта «пятиминутка» была самой короткой: все высказались за немедленное задержание. Наверное, одновременно Михасевич решил сделать ответный ход — бежать с семьёй в Одесскую область.

Не забыть хмурый день 8 декабря 1985 года. В Полоцкий район ехали двумя группами. Со мной, понимая ответственность момента, отправился заместитель прокурора области Л. Домашевский, следователи В. Попович и Ф. Иванов, а также работник прокуратуры СССР И. Ефимов. В Полоцке присоединились следователи В. Худушин и В. Базуева.

Вооружённую группу захвата возглавили заместитель начальника отдела уголовного розыска УВД Б. Лапаревич и Ч. Мазуркевич.

Подозреваемого и членов семьи на месте не оказалось. Перехитрил? Сумел незаметно смыться? «ЗАЗ» стоял в гараже... Неужели очередной прокол?

Группа захвата сработала блестяще: всё семейство было обнаружено в ночь на 9 декабря на одном из полустанков, незадолго до отхода поезда.

— Помните первый допрос Михасевича?

— До этого никогда не допрашивал ночью — не было надобности. Да и закон это не поощряет, кроме случаев, не терпящих отлагательства. Это был именно тот случай. В одном из кабинетов Полоцкого РОВД я и Л. Домашевский, пристально рассматривая симпатичного мужчину, думали: неужели это он? Михасевич, ошарашенный неожиданным поворотом ночи, постепенно приходя в себя, обрёл уверенный голос, стал выражать недовольство вторжением в его планы и личную жизнь. Причастность к убийствам категорически отрицал. К пяти утра стало ясно: надо выкладывать единственный, решающе-ошеломляющий козырь.

Он впился в заключение экспертов. Как бы размышлял: порвать или не порвать? Нехотя вернул его, процедив: «Думал — не докопаетесь...» И тут же стал рассказывать, как однажды его «запорожец» остановили неизвестные бандиты и, угрожая смертью, под диктовку заставили написать текст короткой записки с подписью «Патриоты Витебска». Такое объяснение ему казалось убедительным. У меня же — гора с плеч: теперь никуда не денется, расскажет всё.

По моей просьбе он записал показания (почерк мог бы ещё понадобиться). Затем я объявил своё постановление, санкционированное Л. Домашевским, о заключении Михасевича под стражу.

После первого допроса, без всякого нажима, он стал давать правдивые показания. Его словно прорвало. Я ещё раз допросил его с участием Л. Домашевского, затем в присутствии Б. Лапаревича. После к допросам подключился Н. Игнатович. Злодеяния убийца «вспоминал» в обратном хронологическом порядке, т.е. с 28 октября 1985 года.

Обладая великолепной цепной памятью, он наслаждался воспоминаниями, подробно рассказывал, как приглашал незнакомых женщин, попутно подвести то на красном «запорожце», то на

служебной грузовой машине. Отвозил в безлюдные места, насиловал, душил и обворовывал. Часто действовал без транспорта. Заискивал перед следствием, тушевался, если не мог припомнить: у кого из жертв забрал капусту, у кого — апельсины...

— Вы уверены, что он не был психическим больным?

— Этот закономерный вопрос возник сразу после поимки. С одной стороны, личина отличного производственника и семьянина, члена КПСС, делегата партконференции, депутата, трезвенника, никогда не конфликтовавшего с законом, с другой — не просто убийца, каких, к сожалению, немало, а «мясник» в самом худшем смысле этого слова.

От любознательных психиатров и сексопатологов Витебска не было отбоя: все хотели поглядеть, обследовать. Как объекту психиатрической экспертизы, Михасевичу было уделено максимум внимания.

Последняя инстанция в области судебно-психиатрической экспертизы — Московский институт имени Сербского — установила, что он психически здоров, отдавал отчёт в своих действиях и руководил ими. Констатировав в его характере психопатические черты, а в поведении — половые извращения, эксперты не позволили избежать суда.

— Что было дальше, Алексей Витальевич?

— Хорошо или не очень, но порученное задание я выполнил, и в Витебске больше был не нужен. Следственную группу возглавил Н. Игнатович, а в марте 1986 года — следователь прокуратуры СССР В. Париц.

...В апреле 1987 года я видел убийцу в последний раз. Верховный Суд СССР, рассматривавший в Минске его дело, по ходатайству подсудимого вызвал меня и Н. Игнатовича в качестве... свидетелей. Теперь он допрашивал нас (с разрешения суда, разумеется). Ничего нового к тому, что имелось в 175 томах, мы не добавили.

Михасевич, зная о неизбежной расплате, тянул время. Не отрицая вину, бравировал «подвигами». Бросались в глаза меры предосторожности, ограждавшие его от кипевшей ненависти публики и особенно — большой группы потерпевших, представлявших убитых.

Приговор состоялся 19 мая 1987 года, через 16 лет и 5 дней после того, как Михасевич вышел на первую «охоту» за женщиной.

Высший суд государства признал его виновным в 33 убийствах, сопряжённых с изнасилованиями, кражами, уничтожением вещей жертв. Приговор мог быть только один — смертная казнь. Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство осуждённого о помиловании. В январе 1988 года его расстреляли.

И последнее. За эти годы «витебское дело» обросло небылицами. Приходилось даже слышать, что Михасевич — подставное лицо, на которое списали десятки нераскрытых убийц. Всё это сущий вздор, не заслуживающий внимания. В процессе расследования были собраны неопровержимые доказательства, в том числе — вещественные, которые даже без признания преступника, подтверждали его виновность. Достаточно отметить, что он показал места захоронений пяти трупов, которые без него не отыскал бы ни один сыщик.

Так возмездие постигло злодея в соответствии с законом.

МИХАСЕВИЧ ГЛАЗАМИ ЕГО АДВОКАТА

Мне позвонил Григорий Мороз — адвокат, отстаивавший в своё время интересы Михасевича на громком судебном процессе. Он сообщил, что готов отдать материалы собственного изложения видения фигуры печально известного маньяка.

В назначенное время я подъехал на улицу Орловскую, где недалеко от своего дома ожидал меня Мороз. Он сел рядом со мной в машину и протянул мне несколько десятков исписанных листов.

— Как и договорились, я постарался добросовестно написать историю моей встречи с маньяком Михасевичем в ходе изучения материалов предварительного следствия. Всё изложенное здесь — это правдивое моё видение и мои впечатления о событиях, вызвавших столь широкий резонанс в обществе, — счёл нужным прокомментировать этот шаг Григорий Григорьевич.

Полистав рукопись, я обратил внимание, что в ней нет описания хода судебного разбирательства по обвинению Михасевича.

— Из-за нехватки времени я не успел проанализировать материалы судебного слушания дела Михасевича, — ответил Мороз на мой вполне естественный вопрос. — Это очень серьёзная и кропотливая работа. Необходимо месяцы, чтобы подробно всё изложить. Ты же, Валерий, меня просил не затягивать со своим трудом. Я работаю по-прежнему в адвокатской конторе, и у меня много заказов от клиентов. Нагрузка большая. Но так как я пообещал тебе предоставить отчёт, то и сделал его, пусть и не в полном объеме. Извини, больше над этой темой работать не смогу. Не молодой уже, пенсионный возраст. Тяжело перенапрягаться.

— Понимаю, и за это спасибо. В настоящее время я создал группу, которая будет изучать события, связанные с личностью Михасевича. И особенно меня интересует вменённый ему факт убийства Кацуба Татьяны, который, как Вы знаете, обернулся для меня привлечением к уголовной ответственности. Я по-прежнему считаю, что необоснованно меня запрятали в тюрьму.

— Я излагал своё мнение на сей счёт. Повторяю: тебя сделали крайним, хотя ты имел лишь эпизодическое отношение к расследованию многочисленных убийств маньяка. Не тебя, Валерий, надо было арестовывать, а тех других, из-за недобросовестности которых пострадали невинные граждане. Они много лет отсидели, стали инвалидами, а одного по надуманному приговору даже расстреляли. Ты ещё в органах не работал, а фальсифицированные дела уже тасовали, и суды привлекали невиновных к строгой ответственности. И лишь впоследствии установили, что многочисленные жертвы убивал Михасевич.

— Григорий Григорьевич, я встречался с многими участниками судебного процесса над маньяком. Некоторые из них мне говорили, что этот процесс в чём-то был сродни тем. Что проходили с тридцать седьмом году. Речь шла и о подтасовке фактов, приписывании Михасевичу убийств, которых он не совершал. Что Вы думаете на сей счёт?

— Брехня. Ещё раз заявляю об этом. Я внимательно и скрупулёзно отнёсся к изучению материалов дела, и в суде каждый факт детально исследовался. Там собрались профессионалы, не чета тебе, Валерий, ты уж извини. Не занимайся тем, что тебе в итоге окажется не под силу из-за нехватки знаний и опыта.

— Я хочу себя реабилитировать, трачу деньги и время чтобы докопаться до истины. Она одна, её не может быть несколько. Я сомневаюсь в порядочности и профессионализме высокопоставленных московских работников прокуратуры. Много чего они наворотили на нашей белорусской земле, очень многим они покалечили жизни. Скажите: как расценить оправдательные приговоры судов в отношении лиц, привлечённых следственной группой Прокуратуры СССР? Почему эти горе-следователи не оказались сами на скамье подсудимых?

— Я не участвовал в делах по обвинению тебя и твоих коллег, поэтому ничего сказать не могу, — не стал высказывать своё мнение адвокат Мороз.

— Тогда хотя бы внесите ясность, Григорий Григорьевич, по противоречиям с доказательной базой при вменении Михасевичу убийства Татьяны Кацуба. Как меня информировали, у Михасевича была первая группа крови, а во влагалище убитой обнаружена сперма, относящаяся ко второй группе крови. Разве это не так?

— Экспертизу проводили в Московском экспертном бюро и пришли к выводу, что убийца мог быть и с первой группой крови.

— Выходит, заключение витебских экспертов проигнорировали и переделали его? Почему тогда не привлекли к ответственности неквалифицированных специалистов?

— Я этого не знаю. Говорю о том, что есть в материалах дела.

— Прокомментируйте. Следователь Журба, которого привлекли к уголовной ответственности, участвовал в следственном эксперименте — выводе Михасевича на место убийства Татьяны Кацуба. Он говорит, что у насыпи поставили оцепление, по которому вели по цепочке Михасевича, а в месте, где непосредственно произошло убийство, дорогу перекрыли. Дальше идти было невозможно, и тем самым Михасевича вынудили показать в общих чертах место, где заканчивалось оцепление. Это обстоятельство и в протоколе отражено.

— Мне об этом не известно. В материалах дела указано, что Михасевич добровольно указал место, где оставил труп. И он указал на колодец, куда выбросил сумку, которую забрал у убитой.

— Так почему сразу не осмотрели эти колодцы, а лишь спустя неделю начали производить эти описанные следствием действия? За это время можно было подготовить любые улики.

Почему никто всерьёз не насторожился: кожаная сумка, находясь в колодце, сгнила, а конспекты, обнаруженные в ней — читаемые. Ведь бумага разлагается куда больше и быстрее, чем кожаное изделие?

— Я не знаю, откуда эта информация. Сумку в суде предъявляли, и её опознала даритель — подруга Татьяны Кацуба.

— В материалах дела есть пояснения дарителя, что сумку на следствии ей не предъявляли, хотя имеется протокол, в котором значится, что сумку она опознала. Одним словом липа.

— Я внимательно изучал эпизод, связанный с убийством Кацуба. На это повлияло и то обстоятельство, что уголовное дело вела Белорусская транспортная прокуратура, в которой я в своё время работал. Как адвокат, участвовавший в судебных процессах, считаю, что Михасевичу законно вменён данный эпизод убийства, в котором он признался.

— А мне говорили, что он то отказывался, то брал на себя ряд убийств.

— Было и такое. Но в конечном итоге Михасевич признался во всех вменённых ему убийствах.

— Кацуба была убита в районе Себехи. Здесь же были убиты ещё две женщины. Эти эпизоды вменялись Михасевичу, но он судом по ним был оправдан. В тот момент нас с коллегами уже арестовали. Если бы суд снял с обвинения Михасевичу и эпизод убийства Кацуба, то это означало бы: арест меня и коллег, санкционированный заместителем Генерального прокурора СССР, был произведен незаконно. Вы представляете, какие бы были последствия для руководителя следственной группы Прошкина и других высокопоставленных товарищей?!

— Догадываюсь. У тебя, Валерий, конечно, есть право подвергать всё сомнению. Но считаю, что ты копаешь напрасно: потеряешь здоровье, нервы и деньги, но в итоге ничего не докажешь. Такое это сложное дело.

Мы расстались, каждый остался при своём мнении.

Оставшись наедине, я внимательно прочёл записки адвоката Григория Мороза, переданные мне их автором. Конечно же, для полноты картины с ними надо ознакомить и читателей.

В один из обычных рабочих дней в начале ноября 1986 года мне в юридическую консультацию Фрунзенского района позвонил заместитель председателя Минской городской коллегии адвокатов Леонид Евгеньевич Любич.

— Григорий Григорьевич, Вам решили дать важное поручение. Сможете приехать сейчас?

...Встав из-за стола и протянув мне руку, Леонид Евгеньевич сразу стал «рассекречивать» сущность поручения.

— Мы знаем Вас как опытного юриста, кандидата наук... С Министерством юстиции вопрос согласован. Дело в том, что Прокуратура Союза ССР заканчивает уголовное дело по обвинению Михасевича, совершившего десятки убийств на территории Витебской области... Выбор пал на Вас...

При всем уважении к Леониду Евгеньевичу (к большому сожалению, ныне покойному) я встретил поручение без особого энтузиазма.. И не потому, что работа с таким делом требовала больших затрат сил. О «витебских делах» я к тому времени немало знал. До прихода в адвокатуру я многие годы работал в органах прокуратуры. Приходилось не раз слышать от следователей, прокуроров о трудностях, испытываемых в связи с раскрытием и расследованием тяжких преступлений, совершенных в Витебской области.

Однажды, будучи в командировке и находясь в гостиничном номере в Витебске, включил телевизор. В местной телепередаче сообщалось о фактах убийств женщин, представительницам слабого пола рекомендовалось соблюдать осмотрительность и осторожность, если незнакомые водители будут пригла-

шать их в автомашину. Между нами, сотрудниками прокуратуры, зашёл разговор о том, что факты нападений на женщин и убийств участились, а с их раскрываемостью дела идут туго, и этим крайне недовольны руководители местных партийных органов, требующие во что бы то не стало найти и наказать виновных. Виновных искали, работали, что называется, не покладая рук. И как жаль, что в погоне за быстрой раскрываемостью в число виновных попадали люди, не причастные, как выяснилось затем, к убийствам.

Но об этом ещё скажу несколько позже. Теперь же о моём личном участии в развязке «витебского дела», о «важном поручении».

Отказаться от защиты Михасевича я не смог, несмотря на ссылки на занятость другими делами, на отсутствие соглашения с родственниками обвиняемого.

— Оплату Вашего труда будет производить коллегия адвокатов, — сказал Любич. — Будете заниматься только делом Михасевича. Работы с ним много.

Мне оставалось одно — впрягаться в работу. Позвонил в Прокуратуру республики старшему следователю по особо важным делам Николаю Николаевичу Игнатовичу.

— Мы уже знаем, что вы будете участвовать в уголовном деле в качестве защитника, — опередил мои объяснения Игнатович. — Приезжайте. С 18 ноября приступим к выполнению двухсотой статьи УПК.

...Подследственный Михасевич находился в следственном изоляторе КГБ республики. Меня, с одной стороны, тяготила непривычно усложнённая система пропуска к подзащитному, но с другой, условия для работы с делом были несравненно лучше, чем в обычных следственных изоляторах МВД, где всегда удручала теснота, отсутствие элементарных условий для труда, где записи в адвокатское досье приходилось делать нередко стоя, прислонившись к стене, или сидя впритык, соорудив «сто-

лик» на своих коленях, подложив под бумагу свою папку или «дипломат».

Вместе со старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Виктором Анисимовичем Парицем, Игнатовичем и следователями Козаченко и Худушиным мы оказались в просторной комнате следственного изолятора КГБ, где было достаточно места для всех, чтобы сесть, разложить на столе дела, бумагу для записей.

Козаченко и Худушин из набитых до полноты увесистых саквояжей стали доставать и выкладывать на стол тома уголовных дел.

— И сколько таких «книжечек»? — не сдержался я.

— Ориентируйтесь на несколько месяцев «ударного» труда, — ответил Игнатович. — А впрочем, — добавил он, — мы вас не лимитируем. Можете ускорить темп изучения дела, а можете удлинить время на ознакомление. Сейчас приведут вашего подзащитного. Учтите, что здесь небольшая часть дел, всего же их 175 томов. Есть ещё несколько приложений в виде журналов, книг учёта и прочих документальных материалов.

И тут я убедился, какой труд мне предстоит. «Если нормальной нагрузкой адвокатского труда считается изучение в течение дня 1–2 томов, — прикинул я, — то сколько же времени потребуется, чтобы перелопатить и осмыслить все эти тома, над которыми трудились в течение многих лет десятки, а может и сотни следователей, оперативных работников розыска и других служб?». Настроение падало. Ведь известно, что всегда в лучшем положении тот адвокат, который провёл небольшое, одно-двухэпизодное дело. И голова свободнее, и в материальном плане выгоднее. А здесь?..

Не покидало беспокойство и от предстоящей встречи с самим виновником «витебского дела» Михасевичем. Как отнесётся он ко мне, защитнику? Чего потребует? Даст возможность спо-

койно работать или будет капризничать, строить козни и привередничать? В практике нередки случаи, когда арестованный не может поладить даже со своим защитником.

И вот ввели Михасевича. По тому, как он окинул меня пристальным взглядом, я предположил, что из всех присутствующих он, видимо, впервые видел только меня. Остальных же не раз встречал в процессе следствия.

— Это твой защитник, Григорий Григорьевич Мороз, — представил меня обвиняемому Игнатович. — Будете знакомиться со всеми материалами вместе со своим защитником.

Михасевич согласно кивнул головой.

Я дополнительно сообщил Михасевичу данные о себе: назвал место работы; спросил не возражает ли, чтобы я осуществлял его защиту. Возражений не последовало.

Признаюсь, мои опасения относительно нашей возможной несовместимости из-за трудного характера человека, обвиняемого во множестве зверских удушений женщин, оказались напрасными. Подзащитный оказался на редкость покладист, во всем сговорчив и уступчив.

— Вам тоже не позавидуешь, — с нарочитой улыбкой заметил Михасевич. — Наверное, никогда не приходилось встречаться с таким огромным делом.

— Дела всякие бывают, — неопределённо ответил я. — Это же, бесспорно, самое объёмное. Но, как говорится, не боги горшки обжигают.

И мы стали читать дело.

Я замечал, что Михасевич как бы «гордился», большим объемом дела, многочисленностью совершённых преступлений. Бравируя этим, он даже поинтересовался: а был ли ещё кто-нибудь в преступном мире, кто совершил больше, чем он, убийств. Выходило, что его реплика по поводу объема дела тоже была не случайной.

Я понял из разговора, что он кое-что читал и о Джеке-потрошителе, и о других «специалистах»-убийцах.

Но время не позволяло нам обсуждать смежные темы.

Начали изучать дело, естественно, с первого тома. В нём содержались материалы об убийстве в ночь с 13 на 14 мая 1971 года в посёлке Экимань Полоцкого района 23-летней Л. Андараловой.

О данном преступлении Михасевич рассказывал так:

«...Это было самое первое удушение мною женщины. В то время я как раз приехал из Витебска в Полоцк. Автобусов в сторону деревни Ист, где жили мои родители, не было. У меня было тяжёлое, угнетённое состояние из-за того, что я порвал отношения со своей девушкой Леной. Я очень переживал и даже хотел покончить жизнь самоубийством путём повешения, для чего в одном из дворов в Полоцке срезал бельевую верёвку. С мыслями о самоубийстве я пошёл из Полоцка в направлении деревни Экимань. Навстречу шла девушка с сумками в руках. При виде её у меня возникла мысль о том, что ее следует задушить. Я набросился на неё и стал душить за горло обеими руками. Она пыталась вырваться, махала руками, но крикнуть не успела. Чтобы девушка не отдышалась и не пришла в себя, я засунул ей в рот носовой платок. После достал имевшийся у меня кусок верёвки и, сделав из него петлю, накинул её сразу на обе руки в области кистей и с помощью верёвки оттащил девушку в сторону от дороги в борозду и забросал дерном...».

Эти показания Михасевич давал в 1986 году. Спустя 15 лет после страшного убийства, положившего начало последующим нападениям на безвинных жертв...

А тогда, в мае 1971 года, убийство это стало большой загадкой для следствия, над которой трудились местные и столичные розыскники, следователи, эксперты. Трудились много и настойчи-

во. Вскоре стали появляться и подозреваемые. Сначала им стал некто Афанасенко, 30 лет, задержанный в июне 1971 года. Но веских улик не было, и его вскоре выпустили. Очередным «подозреваемым» стал Олег Глушаков. Судьба этого человека сложилась горестно и обидно. В результате многих допросов и передопросов Глушаков категорически отрицал свою причастность к убийству Андараловой, но затем морально не устоял и «признался». Следствие тут же постаралось закрепить «признание». Для вынесения заключения трассологической экспертизы были представлены туфли Глушакова, следы от которых якобы остались на месте убийства Андараловой. «След правого туфля Глушакова», зафиксированный в слепке, и стал дополнительным подтверждением его «вины» в убийстве. Это стоило горемыке 15-летнего срока лишения свободы, из которых он отбыл реально в колониях почти 13 лет. Освобождён из мест лишения свободы в 1986 году за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку, как выяснилось, и «признания» были липовыми, и след обуви не соответствовал.

Теперь, когда в убийстве 15-летней давности признался Михасевич, предстояло детально выяснить и проверить, то ли это лицо, которое совершило давнее преступление, не наговаривает ли обвиняемый на себя.

Переворачивая страницу за страницей пухлые тома следственных материалов и вчитываясь в них, я старался обращать внимание на все детали, отражённые в протоколе осмотра места происшествия, произведённом в мае 1971 года, на показания родных погибшей, розыскные документы и сопоставлять показания ранее осуждавшегося Глушакова с показаниями Михасевича. Благо, Михасевич был в добром расположении духа и охотно отвечал на уточняющие вопросы.

— Вы показали, что девушка была загорелой. Скажите, почему вам запомнилось это? — спросил я подзащитного.

— Мне определённо запомнилось её смуглое, темное лицо, — ответил Михасевич. — У нас ведь к тому времени ещё не загорали, и цвет её лица мне показался броским.

И это совпадало с материалами дела. Как показали сестра и родители погибшей, 22 апреля 1971 года девушка отправилась в туристическую поездку по Краснодарскому краю, откуда домой не возвратилась. В протоколе осмотра трупа зафиксировано, что кожные покровы погибшей были смуглые.

Выявилось очевидное совпадение показаний Михасевича с деталями преступления: подтвердились связывание рук верёвкой, волочение трупа. Ноги и туловище трупа были забросаны дерном. На месте убийства оставлены следы обуви, совпадающие с размером обуви, которую носил Михасевич.

В протоколе воспроизведения показаний на месте значилось, что Михасевич 16 января 1986 года безошибочно показал место, где задушил девушку, труп которой оттащил к фруктовому саду и прикрыл дерном. Я уточнил у Михасевича, достоверны ли его показания при выезде на место.

— Сомнений быть не может, — ответил он. — Правда, раньше там не было зданий сберегательной кассы и отделения связи, а росли яблони.

— Григорий Григорьевич, — вмещался в наш диалог Николай Игнатович, — эту деталь мы выяснили. Читайте далее показания свидетелей Семеновца, Сивой и других. Здание сберкассы и отделения связи было построено позже, после убийства Андараловой.

— Может быть, — согласился Михасевич, — ведь прошло много времени. По этой причине вы и вещи убитой теперь не найдёте. Я их утопил тогда в Двине. Чтобы вещи утонули, я положил в сумки с вещами камни.

Чем глубже я вникал в дело, тем нагляднее вырисовывались картины страшных преступлений, представали перед глазами об-

разы задушенных несчастных женщин, девушек, часто совсем юных. В память врезались фотографии. И становилось жутко, до боли обидно. Ну почему же преступления не раскрывались? Почему за первым убийством следовало второе, ... пятое, ... двадцатое? И длилось это годами. Не давали покоя всплывавшие мысли о скоротечности человеческой жизни, о зависимости её от воли рока, случайности, мелкой ошибки. И вот передо мной человек, обвиняемый в умышленном лишении жизни десятков людей, а я должен выступить в роли его защитника... Это меня тяготило морально, тем более, что на лице подзащитного я не замечал ни упадка сил, ни раскаяния.

Не сдерживая своё негативное отношение к Михасевичу, я, может, не совсем уместно, спросил его:

— Скажите, Геннадий Модестович, если бы вас освободили от ареста, вы бы прекратили нападения на женщин?

— Нет, за себя не ручаюсь, — ответ последовал без раздумий.

Я же стал прикидывать в уме, как же будет выглядеть моя защитительная речь в суде. Понимал, что будет крайне тяжело, но думать об этом было рано. Предстояло изучить остальные многочисленные факты преступлений. Искать возможные пробелы, упущения в следствии. В этом ведь основная задача защиты. Что же касается моральной стороны, то здесь должно соблюдаться твёрдое правило: каждый гражданин имеет право на профессиональную защиту при выдвижении того или иного обвинения. И никто и ничто не могло поколебать необходимость соблюдать верность профессиональному долгу. Может быть, поэтому, когда позже один высокопоставленный чиновник республиканского масштаба с осуждением упрекнул меня за то, что я взялся защищать отъявленного убийцу, то услышал от меня в ответ:

— Мои действия осуществляются в соответствии с конституционным положением о праве каждого гражданина на защиту...

Наблюдая за подзащитным, я заметил, что его больше интересовала работа угрозыска и следователей по раскрытию преступлений, их оперативность и умение. На промахи следствия он реагировал ироническими замечаниями, не скрывал своей хитрости и превосходства, умения уйти от ответственности за совершённые преступления.

— Они ни на что не способны, — имея в виду оперативно-розыскных работников, категорично высказался Михасевич. — Если бы я не признавался, то ни одно моё преступление не было бы раскрыто.

Я как профессиональный адвокат не мог пропустить эти слова без внимания. Ведь всякий юрист знает, что одних признаний вины для обвинения подозреваемого мало. Нужны подтверждающие вину доказательства. Что хотел сказать Михасевич последней фразой, приходилось гадать: то ли он намеревался в суде отказаться от признательных показаний, то ли прощупывал полноту собранных доказательств.

— Геннадий Модестович, — осторожно заметил я, — то, что собрано в этих томах, будет ещё тщательнейшим образом проверяться судом. Суд даст оценку материалам предварительного и судебного следствия, на основании чего и сделают выводы о вашей виновности или невиновности.

— А я никаких показаний суду давать не буду, — твёрдо заявил Михасевич. — Я скажу суду: в деле всё записано, вы и разбирайтесь. Больше не скажу ни слова.

— Задача суда тогда усложнится, но выход им будет найдён. Он может огласить ваши показания, данные на предварительном следствии. А впрочем, мы ещё до суда не дошли, давайте дальше изучать дело.

С каждым днём на стол ложились все новые увесистые тома предварительного следствия. Читая их, я выписывал в своё досье наиболее важные моменты. Нельзя было не проникнуться

сочувствием к жертвам, их родным. Беда тех, кто стали жертвами преступлений, настигала в местах и при обстоятельствах обыденных, не предвещавших никаких неприятностей.

Двадцатилетняя Е. Латышева после трудового дня в школе, где она работала пионервожатой, 28 сентября 1975 года из деревни Быковщина Полоцкого района направилась в деревню Горовцы. На дорожке, ведущей к деревне от автобусной остановки, между кустами её встретил Михасевич. Набросившись на жертву, стал душить её руками за шею, бить палкой по голове. Девушка активно сопротивлялась, но силы оказались неравными. Далее, как рассказал Михасевич, он посчитал, что задушил девушку, оставил её лежащей на земле, а сам стал уходить. Повернувшись, увидел, что она поднимается. Поэтому вернулся, нашел среди вещей, рассыпанных из сумки во время удушения, ножницы и стал наносить ими удары. Бил куда попало, наносил много ударов. После затянул ей на шее петлю...

Несмотря на то, что после случившегося истекло 11 лет, Михасевич во время следствия безошибочно указал место, где он убил Латышеву, рассказал, что специально приезжал тогда автобусом в Полоцк, чтобы подыскать женщину и задушить её. Указанное Михасевичем время приезда к месту убийства, установленное путём допроса свидетелей, совпадало с расписанием движения автобусов того периода времени. Его показания соответствовали и протоколу осмотра места происшествия, произведённого 28–29 сентября 1975 года. В протоколе записано, что на шее убитой девушки был туго завязан узел из её же головного платка, под спиной находился кусок свежеобломанного дерева со следами крови на нём. Вблизи, в 2,9 метра от трупа участок грунта был обильно пропитан кровью. Там же лежал кусок бельевого шнура, пропитанный кровью. В 15 метрах находилась сумка погибшей, разбросаны туфли. К месту нахождения трупа по участку песчаной дороги вели следы обуви, с которых были изготовлены гипсовые слепки.

В январе 1986 года в доме родителей Геннадия Михасевича следствием были изъяты поношенные флотские мужские ботинки чёрного цвета, принадлежащие Михасевичу. По данному поводу мать Михасевича пояснила, что сын после службы на флоте длительное время носил эти ботинки. Михасевич также подтвердил, что после службы он несколько лет, в том числе осенью 1975 года, носил флотские ботинки. По заключению трассологической экспертизы, один след низа подошвы обуви, зафиксированный в гипсовом слепке, изъятый с места убийства Латышевой, фотоснимок которого исследовался, был оставлен низом подошвы форменного ботинка старого образца с левой ноги обвиняемого Михасевича.

Тщательному исследованию подвергался и характер повреждений на голове погибшей. В частности, физико-технической экспертизой НИИ судебной медицины Минздрава СССР исследовался фрагмент черепа погибшей. Исследование показало, что орудием, причинившим множественные повреждения на черепе, мог быть нож с односторонней заточкой клинка или грани ножниц в развёрнутом состоянии, имевшие сходную с ним заточку.

После изучения материалов следствия, сопоставления их с показаниями Михасевича, сомнений в причастности последнего к убийству не оставалось. Тем не менее, я спросил у него, почему он вернулся добивать жертву после того, когда увидел, что она поднялась с земли.

— Девушка встала, и меня охватило волнение. Подумалось, что это какое-то сверхъестественное существо, — ответил Михасевич. — А вид крови, — добавил он, — меня никогда не останавливал и не пугал, а наоборот, возбуждал.

Дошли мы и до тома дела, касающегося убийства несовершеннолетней Марины Пресняковой. Это самая юная из жертв: ей было во время гибели в октябре 1984 года всего 16 лет. Кстати,

тогда, в 1984 году, преступления Михасевича достигли своего апогея. В течение одного года им было совершено 12 убийств!

— Я сел в свой «Запорожец», — рассказал Михасевич, — и поехал по шоссе Витебск — Полоцк. Хотел найти женщину и задушить её. Вблизи г.п. Шумилино свернул с шоссе на дорогу, ведущую к старому шоссе, поравнялся с кладбищем. Шедшая по дороге девушка в очках, одетая в брюки, с дипломатом и сумкой в руках попросила подвести её. Я остановился и посадил её в машину рядом с собой. Желание задушить возрастало... Проехав километра три, свернул с дороги и остановился. Почувствовав опасность, девушка выскочила из машины. Я настиг её, схватил руками за шею и задавил. Оттащил труп на вспаханное поле, засыпал его землёй. Имевшиеся у девушки портфель-дипломат и сумку забрал с собой. В них были книжки, тетради, поношенная одежда, грязное бельё, очки. Я уехал в направлении на Полоцк. Вещи убитой сжёг, очки выбросил...

При воспроизведении показаний на месте 26 декабря 1985 года Михасевич указал, где конкретно девушка садилась в машину и где он её задушил. В тот же день следствием были организованы поиски трупа. В земле найдены останки девушки, на левой руке которой оказались часы с заводским номером 0667909. По частично сохранившейся одежде: брюкам, кофте, рубашке, плавкам, бюстгалтеру и носкам, а также серьге и часам родители опознали свою дочь, пропавшую 3 октября 1984 года. Номер часов совпал с тем, который значился в паспорте на них, предоставленном следствию родителями. При осмотре часов оказалось, что они остановились 4 октября 1984 года, то есть на следующий день после исчезновения девушки.

Как оказалась беззащитная девчонка в тот злосчастный осенний вечер на дороге? Учащаяся СПТУ-64 Марина Преснякова, проживавшая в общежитии в посёлке Октябрьский, после работы в совхозе на уборке картофеля 3 октября 1984 года напра-

вилась к своим родителям в деревню Красомай Шумилинского района. Поездом прибыла в Шумилино и, опоздав на ушедший автобус, пошла домой пешком, несмотря на большое расстояние и наступивший вечер. Кстати, подруги уговаривали Марину переночевать у них... Но она отказалась, ссылаясь, что её очень ждут дома. В пути её и настигло несчастье.

Следствие не смогло раскрыть преступление по горячим следам, хотя и был выполнен большой объём следственно-розыскной работы. Тело убитой пролежало в земле более года и его останки нашли в том месте, которое указал Михасевич.

Нельзя было не заметить, что Михасевич обладал феноменальной памятью. По ряду убийств со времени их совершения прошёл не один год, но Михасевич безошибочно указывал места укрытия трупов, и их там находили. Останки убитой 12 сентября 1981 года рабочей Витебского завода «Мегом» 20-летней Л.Пирог были найдены в указанном Михасевичем кустарнике за посёлком Ветрино Полоцкого района 24 апреля 1986 года, через четыре года и семь месяцев. Сначала труп пытались найти в указанном Михасевичем месте в январе 1986 года. Местность тогда была покрыта большим слоем снега и льда. На поиски затратили много времени и труда, но желаемого результата это не принесло. Пришлось отложить поиски до весны. 24 апреля 1986 года при повторном выезде Михасевич снова указал на то же самое место. Под оттаявшим снегом были обнаружены вмерзшие в грунт останки трупа и одежды убитой девушки.

15 января 1986 года при выезде следственной группы на указанное Михасевичем место обнаружены останки убитой им 23 августа 1982 года возле дороги Полоцк-Верхнедвинск у поворота к посёлку Боровуха-1 20-летней С.Мороз. Труп убитой был засыпан и прикрыт хворостом на дне одного из окопов, вырытых солдатами во время учений. Позже установили личность уби-

той, обстоятельства совершения преступления и сокрытия трупа Михасевичем.

Полтора года пролежала в лесу недалеко от города Лепеля присыпанная мхом убитая 25-летняя кассир Лепельской автобусной станции Лариса Ширяева. Место убийства указал Михасевич и рассказал об обстоятельствах совершённого им преступления.

Бывало, что местность, где совершено убийство и спрятан труп, подверглась впоследствии существенным изменениям в результате мелиоративных и сельскохозяйственных работ. Но Михасевич всё равно ориентировался на местности и указывал места сокрытия трупов.

При расследовании убийства 18-летней Л.Пашута, совершённого 14 августа 1982 года на поле совхоза «Орехово» Ушачского района, Михасевич пояснил, что труп девушки, которую подвозил на автомашине и задушил, он спрятал в болотистой местности.

— Теперь там всё перерыто и перепахано, — показал он, — и если труп этой девушки до сих пор не обнаружен, то вряд ли его можно будет найти даже с моей помощью.

Допрос прошёл 7 января 1986 года. Названное Михасевичем поле совхоза «Орехово» в то время было покрыто снегом, и искать останки трупа было бы нецелесообразно. Поиски отложили до весны, и в один из апрельских дней состоялся вторичный выезд. Михасевич опять указал на место на совхозном поле в четырёхстах метрах от дороги на Лепель, где он в августе 1982 года задушил девушку.

В поле действительно обнаружились последствия мелиорации. Казалось, что искать останки трупа нет смысла, тем более, что по показаниям свидетелей-мелиораторов находившиеся здесь ранее кустарники были выкорчеваны, в земле проложены каналы дренажной системы. Но поиски продолжались. Пришёл

и результат: на месте, указанном Михасевичем, были обнаружены три человеческие кости — левая плечевая, левая тазовая и пальцы руки. Там же были найдены два куска ткани тёмно-коричневого цвета.

Убитая непоправимым горем, изрядно настрадавшаяся мать погибшей — 47-летняя Леонида Николаевна Хвощевская впоследствии многократно ездила на место убийство дочери. И она нашла ещё одну кость — бедренную. Найденные кости были направлены на экспертное исследование. Экспертиза подтвердила, что кости находились в земле от 3 до 5 лет, они принадлежали женщине возрастом около 20 лет, ростом от 145 до 155 см. Биологическое исследование костей показало, что они происходили от человека, имевшего группу крови А(П). Именно такая группа крови была у погибшей. Рост её также соответствовал тому, что указали эксперты. Было установлено также, что кусочки ткани являлись клапанами пиджака, который носила Л.Пашута.

Михасевич в деталях рассказал, в каком месте он посадил девушку в управляемую им машину «Автотехуход», о чём говорили в дороге, где свернули с шоссе в сторону, и как он задушил девушку, а затем зарыл труп в землю. И внешние приметы, и одежда, манеры общения, присущие девушке и поведанные следствию Михасевичем, в сопоставлении с объяснениями матери погибшей, а также показаний свидетелей давали полную уверенность для утверждений, что именно эта девушка погибла от рук Михасевича.

На забывчивость, недостатки памяти Михасевич никогда не ссылался. Утверждал, что события прошлого помнит чётко и что все свои действия совершал, не теряя рассудка. У него наступало периодически непреодолимое желание задушить жертву и он осуществлял своё желание с огромным удовлетворением. Ни обречённость и беспомощность жертвы, ни просьбы о поща-

де, ни предсмертная агония задушенных его никогда не останавливали. Ему было чуждо чувство жалости. А порешив с жертвой и убедившись в её кончине, он уходил с места расправы с облегчением, чувством исполнения намеченной цели. Садился за руль машины в приподнятом настроении, что-то при этом напевал или насвистывал пришедшие в голову мелодии. И продолжалось такое настроение до тех пор, пока вновь не овладевала жажда совершить жертвоприношения. Наступал упадок энергии, терялся интерес к работе, проявлялись озлобленность и боязнь самого себя.

— Я особенно боялся темноты и одиночества, — рассказывал Михасевич. — Оставаясь сам с собой, метался по комнате из угла в угол, от окна к дверям. Хотелось разрядки, выхода из депрессивного состояния. Женщины вызывали ненависть, так как всё это происходило со мной из-за них. Хотелось душить, душить, душить... И я уходил или уезжал, чтобы найти и удушить женщину...

— Но у вас, видимо, не возникало желание задушить кого-либо из женщин из числа ваших близких родственников или сотрудниц? — поинтересовался я.

Он ответил уклончиво и неубедительно:

— Может, и возникало такое желание, но обстоятельства не позволяли это сделать. Что касается сотрудниц, то они не вызывали ненависти, я к ним был безразличен.

Вчитывался в страницы уголовного дела, изучал личность обвиняемого, его внутренний мир и всё время пытался найти ту нить, которая хоть в какой-то мере способствовала бы разгадке. Но каждый человек — это сложный механизм. Внутренние процессы протекают в нём по своим, строго индивидуальным правилам. Они специфичны и трудно опознаваемы. Легче доказать преступление и определить наказание. Куда труднее часто бывает вскрыть причину вызывающих поступков, уста-

новить диагноз «заболевания на преступность». Эта труднейшая проблема должна решаться в комплексе психологами, психиатрами, медиками, юристами.

Как защитник я сознавал, что одними правовыми знаниями мне не обойтись. Пришлось прибегнуть к литературе по психологии, психиатрии, сексопатологии и другим наукам, советоваться со специалистами. Вспоминались призабытые знания, полученные когда-то на юридическом факультете и в аспирантуре. Почерпнул многие новые сведения из развившихся за последние годы мировой и отечественной науках.

В мировой науке преступность всегда изучалась как многофакторное явление. Криминологи США, например, считают, что существуют 250 факторов, влияющих на преступность. При этом биология преступника занимает в научных исследованиях не последнее место. В Англии есть даже специальная программа, способствующая эффективному раскрытию преступлений, совершенных на сексуальной почве. Её авторы обнаружили ряд общих черт в биологии и психологии маньяков. Тестовый набор этих черт способствует успешному раскрытию преступлений. Во многих развитых странах широкое распространение в криминалистике получает использование методов биохимии, биологии, психометрии.

На нашей же криминалистической науке по-прежнему отражаются следы прежней идеологии, трактующей преступность как классовое, социальное явление. Насущность внедрения в практику передовых методов мировой науки сталкивается с необходимостью преодоления абсурдных догм старой идеологии, которой засорены учебники по криминалистике.

Разоблачение маньяков у нас (имею ввиду не только в Беларуси, но и в других странах СНГ) происходит после многочисленных преступлений, совершённых в течение ряда лет. При этом раскрытию преступлений скорее всего способствуют случайные

обстоятельства, чем применение в следствии научно обоснованных методик криминалистики.

В газете «Известия» за 27 сентября 1994 года я прочитал статью А.Тарасова «Сексуального маньяка узнали по фотографии на фоне крейсера «Аврора». В Красноярске был осужден к смертной казни 32-летний сексуальный маньяк некто Гордовенко, совершавший изнасилования и убийства женщин. А установлению преступника способствовало то, что одна из оставшихся в живых жертв преступления, находясь в гостях у родственников и рассматривая семейный альбом, увидела в нём цветную фотографию, на которой были запечатлены ученики и преподаватели Ермолаевской средней школы. Фотографировались они в 1989 году в Ленинграде на фоне крейсера «Аврора». В одном из педагогов, изображённых на фотографии, девушка и узнала преступника.

Читая статью, я подумал: «А сколько сходств у Гордовенко с Михасевичем?! Ведь им присущи одинаковые черты, проявляющиеся и в процессе совершения преступлений, и в быту, в семье».

Обвиняемый Михасевич, хотя и был сдержан в эмоциях, но контактен как со следователями, так и защитником. Однако это не облегчало мне выполнение поставленной задачи. Ведь по основным и самым тяжёлым преступлениям обвиняемый признался, и его признания подкреплялись собранными доказательствами. С юридической стороны можно было оспаривать только отдельные преступления, вменённые в вину Михасевичу, и, прежде всего, сопутствовавшие убийствам изнасилования, кражи имущества.

Из материалов дела следовало, что в ряде случаев вещи задушенных женщин, в том числе драгоценные украшения, оставались при них. Корысть не выступала причиной убийства ни в одном из случаев, хотя и были такие отдельные

факты. Когда Михасевич забирал вещи и даже приносил их домой, скрывая от семьи их появление в доме. Некоторые из вещей погибших были обнаружены дома у Михасевича и фигурировали в деле как вещественные доказательства. Это пассатижи, похищенные во время убийства у А. Медведевой; золотое кольцо с насечкой, принадлежавшее ранее убитой И. Малявко; корзинка, сплетённая из проволоки, и 5 стаканчиков, собственность до убийства А. Писаренко; авторучка, принадлежавшая ранее Н. Якубовой. Во многих случаях вещи убитых выбрасывались Михасевичем в реку, водоёмы или же сжигались.

Характерно, что способ совершения преступлений был одинаков по отношению ко всем погибшим. Все жертвы погибали от асфиксии, вызванной сдавливанием шеи руками, затягивания на шее петель-удавок, заталкивания в полость рта кляпов.

Петли-удавки были наспех сделаны из верёвок, шнурков, а также одежды, поясов и других вещей погибших. Кляпы состояли из одежды и принадлежностей задушенных, иногда из травы и любых подручных предметов. Многие трупы были оставлены полуобнажёнными снизу до пояса, на некоторых имелись признаки изнасилования.

Я заметил, что Михасевич уклончиво, а иногда и с недовольством отвечал на вопросы, связанные с изнасилованием своих жертв. В обобщённой форме он так попытался однажды ответить мне по поводу изнасилований:

— Не отрицаю того, что с некоторыми задушенными мной женщинами я вступал в половую связь, но хочу сказать, что это для меня было не главным. Я это делал только для того, чтобы проверить свою мужскую способность к совершению полового акта. Во многих случаях я никаких действий по вступлению в половую связь с потерпевшими не предпринимал.

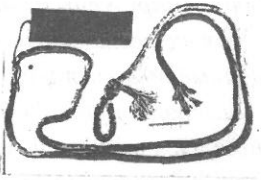

Фото №5. Репродукция копии фотоснимка №2 таблицы к заключению эксперта №13 от 17 июля 1972 года.

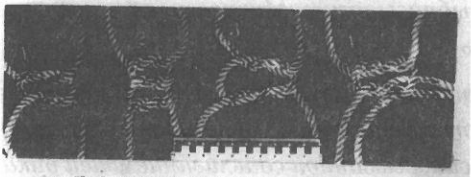

Фото №6. Экспериментальные узлы, завязанные Михасевичем Г.М., предоставленные для исследования.
Стрелками показаны механизмы завязывания узлов.

Эксперт:

И действительно, по ряду преступных эпизодов не добыто доказательств изнасилования задушенных женщин. Так что же было главным, превалирующим мотивом поведения обвиняемого при нападении на женщин: лишение жизни жертвы или же её изнасилование, сопряжённое с убийством? Эта важная правовая и психологическая сторона вопроса тщательно исследовалась по делу, особенно в ходе судебного процесса, где присутствовала большая группа экспертов. Но к этому я вернусь позже.

Идентичность способа убийства, заметно вырисовывающийся в нём «почерк» одного и того же лица, говорили о том, что, вероятнее всего, его и совершало одно и то же лицо. Но следствие, особенно на начальных этапах, велось разрозненно и небольшими силами, нередко выдвигались недостаточно обоснованные

версии, вследствие чего основная работа концентрировалась вокруг «подозреваемых», не имевших отношения к убийствам. Стремление во что бы то ни стало раскрыть преступление, не подкреплённое должной материальной базой и следственно-интеллектуальным потенциалом, приводили к необоснованным арестам. Нередко приоритет отдавался отдельным следственным «авторитетам», проявившим волюнтаризм и не оказывавшим должной помощи периферийным работникам. По убийствам, вменённым впоследствии в вину Михасевичу, незаконно были привлечены к уголовной ответственности в разные годы 14 человек: Глушаков, Горелов, Ковалёв, Пашкевич, Янченко, Мацкевич, Бакулин, Орёл, Францевич, Тереня, Кадушкина, Лушковский, Блинов, Адамов.

Характерно, что большинство дел, возбуждённых в отношении указанных лиц, проходили через вышестоящие судебные инстанции и приговоры при этом оставались без изменения. Доводам кассационных и надзорных жалоб не придавалось принципиального значения, невиновные люди отбывали незаслуженную кару, а Н.Тереня осуждён к исключительной мере наказания — смертной казни — и приговор был приведён в исполнение.

Путь к установлению подлинного преступника был долгим и трудным. Шли годы, а количество убийств не уменьшалось. Осуждение невиновных не могло положительно отразиться на состоянии преступности. Требования со стороны представителей высших структур власти к оперативно-розыскным и следственным службам возрастали. Увеличилось количество работников, подключённых к раскрытию убийств. Более масштабными стали оперативные и розыскные мероприятия.

Как рассказывал Михасевич, он также ощущал на себе «усиление внимания». Разговоры среди людей об участившихся нападениях на женщин, сообщения в местных источниках информации об этом шокирующе действовали на него.

— Мне временами казалось, что обо мне уже знают в милиции, и её сотрудникам осталось лишь арестовать меня. И я удивлялся, что по-прежнему был на свободе, — признавался он.

В процессе расследования убийств было обращено внимание, что в ряде случаев женщины бесследно исчезали после того, когда они садились в попутные машины и уезжали в них. В частности, исчезнувшая 15 июля 1981 года 20-летняя студентка Новополоцкого политехнического института И. Малявко в тот день добиралась из города Полоцка в деревню Камень к родным, села в грузовую машину, имевшую в номерном ряду, по показаниям свидетелей, цифры 7 и 5. Были проверены многие автомашины, имевшие такие цифры в номере. Проверка не дала должного результата. И хорошо, что интерес следователей к машинам не пропал. А Михасевич тем временем стал чаще ездить на своём собственном «Запорожце» красного цвета.

И вот 30 августа 1984 года в лесу у дороги Витебск-Бешенковичи, в окрестностях деревни Крупенино, в течение нескольких часов одна за другой были задушены 17-летняя Лена Рачковская и 20-летняя Наташа Красицкая. И одна, и другая садились перед убийством в попутную машину. Сначала на дороге была подобрана в попутную машину Лена Рачковская. Она попросила водителя подвезти её до города Витебска, куда она ехала к деду в дом престарелых.

— Я проехал с девушкой около 25 километров, — пояснил Михасевич, — затем свернул влево от шоссе. Предложил девушке выйти из машины. Схватил её руками за шею, затянул на шее двойной петлёй пояс от её куртки. Труп затащил под вывороченный пень и спрятал там.

После паузы Михасевич рассказал:

— Поскольку от убийства первой девушки я не получил удовлетворения, я вернулся вскоре в Витебск, чтобы найти ещё кого-нибудь из женщин на дороге и задушить. И вот меня попросила

подвезти ещё одна девушка, которая была постарше первой. Я посадил её в машину и привёз на то же место, где спрятал труп первой девушки, задушил её руками за шею, а после затянул на шее петлю-удавку из пояса юбки. Труп спрятал в ямку, присыпав его землёй.

Кстати, убийство двух женщин в один день было не единственным. 2 февраля 1984 года возле Витебска в один день Михасевичем были задушены А.Кулешова и З.Сорокина.

В ходе допроса обвиняемый подробно рассказал о характерных приметах девушек, имевшихся у них вещах, украшениях. Был организован выезд на место убийства с целью проверки показаний Михасевича. На месте подтвердилось, что трупы Рачковской и Красицкой действительно были найдены в 27 метрах один от одного. Убийства были совершены при указанных Михасевичем обстоятельствах и присущим ему способом. А нитью, приведшей к раскрытию преступлений, стала машина «Запорожец» красного цвета. Она принадлежала Михасевичу, и он ею управлял, разъезжая по Витебщине и совершая убийства.

Свидетель Т. Москалёва показала на допросе у следователя, что в тот день, 30 августа 1984 года, днём она видела, как Наташа Красицкая на окраине Витебска садилась в остановившуюся возле неё автомашину «Запорожец» красного цвета, которой управлял мужчина без головного убора, с русыми вьющимися волосами. Машина уехала в направлении Бешенковичей.

Москалёва припомнила, что в номере автомашины «Запорожец» одной из цифр была 4.

...И вновь проверки машин. Тысяч машин. Проведена огромная следственная и оперативно-розыскная работа, прежде чем удалось выйти на владельца автомашины «Запорожец» красного цвета, госномер 20-34 ВТО, жителя деревни Солоники Полоцкого района 38-летнего Геннадия Модестовича Михасевича. По роду своей работы в совхозе Михасевич пользовался также

автомашинами «Автотехуход» и «Техпомощь», изготовленными на базе автомашины ГАЗ-52.

Своё слово сказала почерковедческая экспертиза. Она подтвердила идентичность почерка Михасевича с тем, которым были написаны записки, уже имевшиеся в распоряжении следствия. Одна из них была затолкнута в рот 19-летней В. Пироговой, убитой 27 октября 1985 года возле деревни Павловичи Витебского района. Текст записки написан шариковой ручкой. В ней было несколько фраз «...за измену смерть... Патриоты Витебска». Вторая адресовалась в областную газету «Витебский рабочий». В ней содержался устрашающий призыв всем вступать в якобы существующую организацию «Патриоты Витебска», писалось об учиняемых этой организацией убийствах женщин.

Улики были серьёзные, тем более, что в содержании записки, адресованной в газету «Витебский рабочий», упоминалось об убийствах 30 августа 1984 года возле дороги Витебск-Бешенковичи. А они, как я уже отмечал, действительно были.

9 декабря 1985 года Михасевич был арестован. Завершился 14-летний следственный марафон по поиску убийцы с его зигзагами и неудачами на сложном пути, привлечениями к ответу безвинных людей.

Обвиняемый предстал передо мной внешне опрятным, даже привлекательным, с правильными чертами лица, выше среднего роста, атлетического сложения, с открытыми серо-голубыми глазами и густой шевелюрой темно-русых волос. Его застенчивая манера поведения, спокойствие в общении и немногословность никак не сочетались с тем, за что он привлекался к уголовной ответственности. Не знай я материалов дела, не мог бы поверить, что эти выразительные, сильные и бездефектные руки мёртвой преступной хваткой сжимали шеи и превращали в трупы десятки цветущих девушек, женщин.

Временами я отступал от дела, задумывался и, как бы проверяя себя и своего подзащитного, спрашивал Михасевича, правильно ли ему вменён в вину тот или иной эпизод преступления. И почти всегда слышал утвердительные ответы.

Встретив в одном из томов дела упоминавшиеся уже записки, составленные собственноручно Михасевичем от имени организации «Патриоты Витебска», я спросил, действительно ли он писал эти записки. Михасевич ответил утвердительно и тут же, взяв ручку, написал мне на листе бумаги «Патриоты Витебска».

— Можете убедиться, — предложил он.

Сходство почерков было очевидным.

— А где вы писали эти записки и что это за организация? — спросил я, хотя из дела уже знал, что такой организации фактически не существовало, что Михасевич действовал в одиночку.

— Записки я писал, когда был дома у своего отца в деревне Ист. А написал я их просто для того, чтобы ввести в заблуждение и сбить с пути сотрудников милиции.

Я обратил внимание, что по ряду преступлений, совершённых в последние годы, Михасевич не маскировался и действовал не столь скрытно, как раньше, как будто ему и не грозила опасность быть замеченным и попасться. То ли уверившись за 14 лет в своей неуловимости, то ли предчувствуя неизбежность разоблачения, он перестал выбирать безопасные для него, никем не видимые места для расправы с жертвами, не спешил ретироваться с места убийства.

— Временами мне казалось, что меня увидели люди и непременно застигнут с поличным, — признавался Михасевич. — Вот и в тот раз, когда я задушил у дороги Витебск-Бешенковичи девушку (имеется в виду убийство Н.Красицкой), во время

убийства меня видел мужчина возрастом 55–60 лет, шедший по шоссе с велосипедом в руках в сторону Витебска. Мужчина приостановился, посмотрел в мою сторону, а затем направился дальше... Ну, этот может заявить, — подумалось мне. Но ничего, всё обошлось...

Удушение на одном и том же месте с перерывом в один-два часа нескольких жертв, разъезды на своём красном «запорожце» с открытыми и несменными номерными знаками по дорогам, на которых оперативно-розыскные работники искали убийцу — всё это подтверждает: у Михасевича притупилось чувство опасности, он утратил прежнюю осторожность.

Правда, уверенности могло добавить то, что он являлся общественным инспектором ГАИ, дружинником, при нём были путевые листы, другие документы. Но всё же...

А какой маньяк-убийца будет своим собственным, бесподдельным почерком писать наивно-содержательные записки, посылая их в государственные учреждения и оставляя при своей же жертве?

Я всё больше и больше стал изучать психику и манеры арестованного.

Стало проглядываться, что на фоне показного оптимизма обвиняемый безразличен к своей судьбе, ощущает свою обреченность. Видимо, эти симптомы, являющиеся следствием кошмарных удушений безвинных жертв, стали проявляться ещё до ареста. Неотступно преследовали мысли о неминуемой расплате, от которой никуда не уйти.

Вот что рассказала следователю жена Михасевича:

— В последнее время, до ареста, муж был всегда в расстроенных чувствах. Проявлялась какая-то боязливость. Он запрещал детям открывать дверь. Однажды рассказал мне, что как-то его в дороге остановили двое с повязками на рукавах. Он понял, что

Быть может, маньяк надеялся, что этот день коренным образом изменит его судьбу. Семейная жизнь поможет ему освободиться от извращённых психологических болезненных проявлений. Жена, дети сумеют в греховной душе разжечь костёр любви.

Какой тяжёлый крест им пришлось нести по жизни...

это сотрудники милиции. Они посадили его в машину и возили около двух часов. Затем высадили его из машины и лесными тропами подвели к припрятанному трупу, заставили перетащить труп в другое место и спрятать. Приказали, чтобы он сохранил молчание или же поменял место жительства. Даже брали у него расписку об этом... Одного из этих лиц он после встречал на рынке. Тот спросил: «Ты ещё живой ходишь?..». После это-

го Геннадий заявил: «Нет, не могу перенести всего этого. Давай съездим в Одессу к твоим родственникам»...

И Михасевич уговорил жену поехать в Одессу. Но поездка не состоялась. Арест подоспел, когда он, как говорят, «сидел на чемоданах».

Несколько томов уголовного дела посвящены изучению личности Михасевича: протоколы допросов многочисленных свидетелей, знавших его по совместной работе, учёбе, проживанию; запросы и ответы на них из различных организаций, предприятий; характеристики из мест учёбы и работы, службы на флоте; медицинские документы.

Характерно, что в образе жизни этого человека никто не заметил никаких теневых сторон. В характеристиках отмечались дисциплинированность, честность, добросовестность, чуткость, отзывчивость, авторитет...

Вот характеристика из школы: «ученик дисциплинированный, исполнительный, тихий, спокойный. Старается учиться хорошо.

Уроков почти не пропускает, хотя в школу ходит за 7 километров. Хороший спортсмен, защищает честь школы на районных соревнованиях. С уважением относится к учителям и товарищам по учёбе».

Позже также не возникало никаких нареканий. В совхозе «Дисненский» Геннадий Михасевич был рабочим, затем инструктором по спорту, техником по сельхозмашинам, инженером по эксплуатации машин. И всегда имел только положительные отзывы.

Не хуже о нём отзывались и в племсовхозе «Двина», где он работал слесарем, заведующим мастерскими. Это о Михасевиче писала Полоцкая районная газета «Сцяг камунізму» 17 июля 1981 года как о чутком, отзывчивом человеке.

И ему доверяли. Был секретарём партийной организации, депутатом сельсовета, избирался делегатом XXIII Полоцкой районной партийной конференции.

Опрошенные следователем руководители хозяйств и рядовые работники утверждали, что в этом человеке они видели только положительные черты.

— Михасевич не употреблял спиртного, не курил, избегал азартных компаний, заботился всегда о семье, — характеризовал следователю своего работника директор совхоза «Двина» Н.Сиваков. — И как человек, и как специалист он безупречен.

— Если Михасевич осуществлял техобслуживание тракторов, то беспокоиться не приходилось, — утверждал главный инженер этого же совхоза В. Ерошеенков.

Для всякого защитника столь широкий и разнообразный арсенал положительных данных о подзащитном был бы приемлем, особенно, если ему вменялся бы один-два эпизода преступлений. Здесь же фигурировали 37 убийств и одно покушение на убийство! Чем в таком безнадёжном случае помогут даже самые лестные характеристики? Тем более, что после возбуждения уголовного дела в отношении Геннадия Михасевича в племсовхозе «Двина» Витебским областным управлением сельского хозяйства была произведена документальная ревизия хозяйственной деятельности. Проверяющие констатировали в акте, что «в совхозе не осуществляется бухгалтерией должный учёт выданных доверенностей, контроль за их использованием. Имелись случаи, когда доверенности выписывались самим Михасевичем. Отсутствовал контроль со стороны инженерной службы за выдачей путевых листов, использованием транспорта».

В деле имелся акт амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, произведённой ВНИИ общей и судебной психиатрии имени Сербского. В нём констатировалось, что «Михасевич

Чем больше сведений я получал о причастности Михасевича к убийствам, тем больше возникало вопросов: почему, ради чего он совершал, мог ли психически нормальный человек так поступить? Хотелось найти несомненную разгадку, установить, не кроется ли за многочисленными положительными характеристиками личность невменяемая, человек, который в силу психического заболевания не мог отдавать отчёт своим действием и руководить ими.

Всматривался в его глаза, пытался понять, вернее, уловить в них что – то звериное, надеялся прочувствовать в них нечто свойственное маньяку.

психическим заболеванием не страдает, у него имеются психопатические черты характера и склонность к сексуальным переверсиям. Эти особенности личности сопровождаются наличием половых извращений в виде проявления садизма. Отмеченные свойственные ему особенности личности и особенности сексу-

ального влечения не сопровождаются нарушениями мышления, памяти, эмоциональности и критики. В период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, у Михасевича признаков какого-либо болезненного расстройства психической деятельности не наблюдалось, он мог отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими; его следует считать вменяемым. По своему психическому состоянию в настоящее время Михасевич также может отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими».

Несмотря на большой авторитет экспертной комиссии, исследовавшей Михасевича амбулаторно, я всё же считал, что эта личность очень сложна и уникальна в своих деяниях, в связи с чем нельзя ограничиться амбулаторным исследованием. Нужно было, на мой взгляд, осуществить детальное наблюдение за Михасевичем в стационарных условиях. Я и заявил такое ходатайство при окончании ознакомления с делом. Мой подзащитный, не проявляя особого интереса к ходатайству, всё же поддержал его.

Но ходатайство было отклонено следствием.

Два месяца упорного, утомительного труда ушли на ознакомление с делом.

Оставалось ждать суда.

19 мая 1987 года, через 16 лет и 6 дней после того как Михасевич вышел на первую «охоту», судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР под председательством С.Савкина с участием государственных обвинителей — старшего помощника Генерального прокурора СССР Сергея Самойлова и помощника прокурора Минской области Владимира Панфилюка — признала Михасевича виновным в 33 убийствах, в том числе 8 — сопряжённых с изнасилованием, других — с кражами, уничтожением вещей жертв, и приговорила к расстрелу. Он не пытался обжаловать смертный приговор. Не признавая своей

вины, ещё в зале, глядя бесцветным взглядом на сидящих людей, равнодушно изрёк: «Я всё равно бы это сделал. Я не считаю женщину человеком». А потом добавил: «Я любил первую девушку только потому, что она носит имя моей дочери — Лена. Но на ней я не смог жениться, боясь позора, — помешала сексуальная неполноценность», — и маньяк, к удивлению присутствующих в зале, заплакал.

Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство матери осуждённого о его помиловании.

Через восемь месяцев приговор в отношении сорокалетнего убийцы привели в исполнение.

ЦК ЗАМЕНИЛ СОБОЮ ПРАВОСУДИЕ

Позволю себе высказать одно, возможно, спорное предположение, одну догадку. Подчеркну, что это лишь моя собственная версия, одна из версий.

Как известно, «витебское дело» приобрело широкую огласку в 1986 году, а процесс над Михасевичем закончился в мае 1987-го. Пусть закрытый процесс, но предельно громкий, широковещательный. И — параллельно — столь же широко разрекламированные процессы над сотрудниками милиции, прокуратуры, судов. Причём в печати, по радио и телевидению, в документальном кино ещё до окончания расследования назывались виновными работники правоохранительных органов, на которых пала тень подозрения. А ведь сделать это может только суд, это его прерогатива, его исключительное право...

Итак, вопрос: почему именно 1986–1987 годы? Страшная догадка... В 1986 году, в конце апреля, на нас обрушилась трагедия, связанная с катастрофой на Чернобыльской АЭС. Сотни

тысяч людей оказались под чёрным крылом радиации. Многих жертв можно было бы избежать, окажись в руководстве Беларуси (тогда БССР), честные и принципиальные люди. Таковых не нашлось, на высоких постах находились лишь те, кто способен на одно: «Чего изволите-с?..». Это они скрыли истинную правду о масштабах аварии. Это по их указке выгоняли людей на первомайскую демонстрацию. Это у них не хватило смелости перекрыть движение в заражённую зону, и тысячи отдыхающих с детьми, не зная о беде, сами поехали под смертоносный пепел Чернобыля... Это они, высшие и младшие начальники, шельмовали Алеся Адамовича, честных учёных, каждого, кто подавал голос протеста. Республика жила как на вулкане, гнев мог выплеснуться в любую минуту. И тут был вытащен на свет старый, испытанный приём. Начальникам надо было отвлечь внимание от собственных тяжких грехов, от собственной вины. Требовалось переключить людской гнев на кого-либо другого, чтоб можно было самим остаться в тени, выйти из-под удара, а затем затеряться на необъятных просторах СССР.

Дело Михасевича подходило к этому очень кстати. Убийца всегда вызывает гнев и возмущение, тем более — убийца века, маньяк. И скорый суд, смертная казнь многим представляется должным возмездием. Ещё предпочтительнее казалась козырная карта «витебского дела» — привлечение к ответственности следователей и судей, использовавших неправедные, противозаконные методы в своей работе. При нашем массовом правовом нигилизме, а чаще — правовой безграмотности, любой такой процесс — событие неординарное, обывательский интерес к нему огромен. Как же: есть чем возмутиться, о многом посудачить, позлорадствовать. В общем, это надёжный клапан, чтобы выпустить пар — накопившиеся у народа возмущение и гнев.

Вот и полетели рапорты в ЦК КПСС, запестрели (ещё до того, как состоялись суды) разоблачительными статьями газеты, зазвучали обвинительные голоса на радио и телевидении.

Оппоненты могут возразить, что это чёрная фантазия, неудачная попытка себя оправдать. К сожалению, в истории и СССР, и нашей Беларуси можно найти немало аналогов. Как только власть предержащие чувствовали для себя и системы, которой верно служили, серьёзную опасность, они ничтоже сумняшеся шли на любую провокацию, на любой подлог. А уж в старательных исполнителях недостатка никогда не было... Кто-то за очередной чин и желанную должность, кто-то за прибавку к зарплате, кто-то просто за благосклонный взгляд и похвалу... Технике осуществления таких «операций» учить не надо было. Признание, как говорил чёрной памяти Андрей Януарьевич Вышинский, царица доказательств...

Тем читателям, которые считают мою версию фантастической, нереальной, приведу мнение квалифицированного и опытного юриста Валентина Зосимовича Шуклина. Он работал в различных должностях, в том числе и в качестве судьи Конституционного Суда Республики Беларусь, является безусловным авторитетом в правовой сфере. Нас же интересует та страница его биографии, когда Валентин Зосимович работал в органах прокуратуры и ему довелось поддерживать обвинение при рассмотрении уголовного дела по обвинению Геннадия Михасевича.

Вот авторитетное мнение Валентина Шуклина, высказанное им в одном из интервью.

— Я был назначен помощником государственного обвинителя на процессе Геннадия Михасевича, «процессе века», как окрестили его в средствах массовой информации. Дело было объёмным, многотомным... И чем больше я знакомился с ним, тем сильнее нарастало недоумение, даже возмущение...

— Чем это было вызвано?..

— Мне стало казаться, что колесо истории повернулось вспять, и вернулся страшный 1937 год...

— Неужто Михасевич был невиновен, оговорил себя, как многие жертвы сталинско-ежовских репрессий?

— Нет, Михасевич, безусловно, был виновным, убийцей-маньяком. В этом я не сомневался и тогда, в 1987 году, и сегодня...

— Так в чём же дело?

— На его чёрной совести от силы шесть-семь убийств... Доказанных, очевидных.

— Но в обвинении и приговоре фигурировала двузначная цифра...

— Если бы понадобилось, эта цифра могла быть и трехзначной!

— Кому понадобилось?

— Организаторам процесса.

— На мой взгляд, вы пользуетесь терминологией 30–40 годов...

— А суд над Михасевичем и был копией судов над «врагами народа». Те же методы, те же подходы.

— Вы хотите сказать, торжествовала беспринципность?

— Пожалуй, так... А вернее — беспринципность была возведена тогда в ранг государственного принципа. На процессе это проявлялось постоянно.

— Серьёзное обвинение. Но ведь и Вы, Валентин Зосимович, были участником этого процесса, помощником государственного обвинителя.

— Был. Но только недолгое время.

— Вышли из процесса добровольно или...?

— Вот именно: «или»... Вызвало меня руководство республиканской прокуратуры и сказало, что следствие недовольно моей по-

зицией... А это автоматически означало, что мною недовольны в прокуратуре СССР, ведь следственная бригада подчинялась Москве.

— Но, простите за резкость и прямоту, какое дело было Москве до наших белорусских, витебских проблем?... Обвиняемый, преступник — как говорится, наш местный, его жертвы — тоже. Что, в республике не было кому и провести следствие, и осудить виновного?..

— Отсутствием профессионалов-юристов Беларусь никогда не страдала.

— Тогда — почему?

— Попытаюсь объяснить. Честолюбивым организаторам перестройки понадобился, по-моему, шумный процесс, чтобы укрепить свой шаткий авторитет. И наша «показательная» Беларусь была самым подходящим полигоном...

— Наказывать слабых может всякий, а вот «проучить» сильного способен только ещё более сильный, не так ли? Но какое отношение ко всему этому, к высокой политике имел Михасевич?

— Самое прямое! Жителей Витебской области действительно держали в ужасе изнасилования и убийства женщин. Часть преступлений была раскрыта, часть — нет. И вот в редакцию газеты пришло письмо, где анонимный автор, скрывшийся под псевдонимом «Мстители Витебска», сообщал о своей причастности к злодеяниям и угрожал, что цепь кровавых преступлений будет продолжена... Графологи вычислили «нештатного автора». Им оказался Геннадий Михасевич, кстати, общественный автоинспектор. Эта деталь важна потому, что его иногда привлекали к оперативным мероприятиям милиции, и он, по сути, искал самого себя... Так вот, этот «помощник» с необычайной легкостью и охотой «взял на себя» все раскрытые и нераскрытые убийства. «Раскрутила» его срочно

созданная бригада Прокуратуры СССР. Широко разрекламировала свой «успех». И даже доложила в ЦК КПСС. Там обрадовались, приняли специальное постановление, где указывалось, что Михасевич и есть тот убийца-маньяк, который держал в страхе людей. До суда, взявши на себя его функции. Точно как в 1937 году.

— Не могло этого быть!

— Могло. Было. Секретариат ЦК КПСС заменил собою правосудие. А следствие и суд лишь выполняли партийное решение.

— Принятое с подачи того же следствия...

— Безусловно. Кто был инициатором этой акции, я не знаю, но партнёры оказались достойными друг друга. А что были перечёркнуты все высокие принципы — на это в большой игре внимания не обращают...

— Валентин Зосимович, но ведь многие из убийств уже были расследованы, преступления раскрыты...

— Процесс над Михасевичем был, так сказать, с двойным дном. На поверхности, на виду — успешная, «героическая» работа бригады следователей из прокуратуры СССР, сумевшей обезвредить опаснейшего преступника. Вторая, главная, цель — демонстрация силы по отношению к работникам следствия и правосудия Беларуси. Ранее осужденных освободили без суда, лишь по протесту прокуратуры. А следователи и судьи попали в опалу. Многие сами сели на скамью подсудимых. Началось самое настоящее избиение кадров. Собственно, ради этого и был организован судебный фарс над Михасевичем.

— Судебный фарс... Не слишком ли сильно?

— Нисколько. Да и следствие было фарсом... Мне рассказали, что Михасевича, когда он был под следствием, кормили обе-

дами из ресторана. Задабривали. Перейдя под опеку суда, сел на обычную тюремную пайку. Обиделся он и заявил на первом же судебном заседании, что отказывается от всех своих признательных показаний. Пришлось суду делать перерыв... После этого подсудимый стал более покладистым... Почему?.. Не знаю, но догадываюсь...

Позволю себе кратко прокомментировать это интервью. Да, странный мог получиться процесс: помощник государственного обвинителя не поддерживает позицию своего патрона, сомневается в объективности следствия. «Свой» идёт против «своих».

Хотя, пожалуй, Валентина Зосимовича правильнее назвать чужим среди чужих.

ПОПРОСИЛ «ВЕРНУТЬ» ЕМУ ТРИ УБИЙСТВА

Но будем беспристрастны и не станем игнорировать плюралистический подход при разработке этой острой темы.

Бытует иная точка зрения, взявшая верх тогда, в 1987 году. Один из её авторов и выразителей — человек также авторитетный и известный в правоохранительных кругах — старший советник юстиции Леонид Григорьевич Прошкин. До развала Союза — старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, потом он служил в этой же должности при Генеральном прокуроре России. Таких людей — единицы, они сами себя называют «важняками», им поручают расследовать уголовные дела, когда обвиняемым светит наказание от пятнадцати лет и выше.

Должен напомнить, а кто не знает, тем объяснить, что Леонид Прошкин был одним из руководителей следственной группы, которая добивалась наказания работникам правоохранения Беларуси за «имевшие место» грубые нарушения социалистической законности. Как только задержали Михасевича, ранее осуждённые были освобождены из мест заключения. Без суда, без дополнительного расследования. До суда над самим Михасевичем. Почему? Помните, что об этом сказал Валентин Шуклин: «Так решил Секретариат ЦК КПСС». Автоматически были исключены из этой же КПСС, уволены с работы десятки работников белорусского правоохранения. Повторю: до суда над Михасевичем и до суда над ними самими, в том числе и надо мною. Хотя тот же Прошкин нехотя как-то обронил: «Виновность определяет только суд...»

Сказать-то он это сказал, а сам загодя был уверен, что мы — преступники. Уверенность эта базировалась на «чистосердечных» признаниях Михасевича. Тот не подвёл — признался во всём. Казалось бы, дело сделано...

Но тут... Произошёл неожиданный сбой в отлаженной машине. Суд «отказал» Михасевичу в трёх убийствах и одной попытке изнасилования. Не поверил, не нашёл тому подтверждения. Естественно, оставшихся убийств было достаточно для вынесения исключительной меры наказания, так что афишировать эти три исключённые из обвинения никто не стал. Будто бы их и не было. И в официальных сообщениях сей раздел приговора не фигурировал, и пресса об этом умолчала... Но ведь это — вопиющий факт, серьёзнейший брак, непростительный для профессионалов прокол. Они, профессионалы, об этом знали. И тогда появляется на свет письмо Михасевича с «просьбой» вернуть ему эти злодеяния. В этой связи у меня возникает вопрос, очередной вопрос: почему это прошение ци-

тирует именно господин Прошкин, который не имел, как говорят, напрямую выхода на Михасевича, он занимался своими бывшими коллегами?

Опять-таки выскажу версию, пожалуй, совсем близкую к истине. Эти три злосчастных убийства (а произошли они под Витебском, в районе его пригорода Лучёса) ранее расследовала другая следственная группа, и вся она была обвинена Леонидом Прошкиным по многим статьям Уголовного кодекса. И грозили её членам немалые сроки заключения. А тут — неожиданная пробуксовка, непредвиденный барьер, даже катастрофа. Михасевич, оказывается, не убивал несчастных женщин, нет тому доказательств. Голословных признаний оказалось мало, а чем-то большим, чем-либо вещественным, следствие не располагало.

Тогда и родилась «просьба» Михасевича «вернуть» ему три убийства (просьба, по сути, расстрелять его, хотя накануне, 10 июня, он умолял Президиум Верховного Совета СССР помиловать его). Каким образом удалось уговорить Михасевича поставить подпись 11 июня 1987 года, одному Богу известно. Да ещё, конечно, заинтересованному в том следствию.

Это, естественно, фиговый листок, прикрывающий брак в работе двух следственных групп. Им всем нужен был, как говорится, полный объём преступлений, все убийства. Иначе какие они профессионалы? Кто доверит свою судьбу, скажем, такому защитнику, который вслепую идёт за обвинением, где он потом найдёт хоть одного клиента? А как быть со следователями, которые без всяких на то оснований «навесили» человеку три убийства? Ведь представьте, что на совести у Михасевича только эти три преступления и ему грозит расстрел. Почему он признался в них? Какие привёл доказательства? Чем они подтверждены?

Вот список незаконно привлечённых к уголовной ответственности.

1. О.Г. Глушаков
2. В.А. Горелов
3. В.Г. Ковалёв
4. В.В. Пашкевич
5. Н.М. Янченко
6. В.В. Мацкевич
7. Ю.Ф. Бакулин
8. Н.А. Орёл
9. М.Н. Францевич
10. Н.С. Тереня
11. Д.В. Кукушкина
12. В.А. Лушковский
13. Е.Д. Блинов
14. О.В. Адамов

Но чтобы установить истину, было бы целесообразно, и для торжества правосудия, и для истории поручить незаинтересованным, квалифицированным юристам тщательно изучить это уголовное дело. Думается, усилия такого рода окупились бы сторицей. Как важно восстановить справедливость!

Этого тем более не могли не знать ответственные работники Прокуратуры Союза. Если Михасевич не убивал А. Сазонову, Г. Евдоченко и Л. Гетманову и если их не убивали ранее осужденные В. Мацкевич, В. Ковалёв, В. Пашкевич, И. Янченко, то кто же тогда совершил эти преступления? Вопрос этот до сих пор остаётся открытым и не решённым. Никто им, видимо, не занимался.

Попробуем прояснить ситуацию. Своя, отличная от официальной, точка зрения на «витебское дело» у эксперта Витебской областной судмедэкспертизы Владимира Кирилловича Никифорова. Вот она:

— Начну я, пожалуй, не с заседания суда, а вернусь на добрый десяток лет назад.

Нам, экспертам, уже самой профессией предназначено видеть не самую лучшую часть человеческой жизни, вернее — не лучшие её проявления. Побои, ожоги, переломы, ранения, изнасило-

вания... И, к сожалению, нередко — смерть. Я, конечно, не веду такой статистики, но помню каждый труп, который пришлось исследовать, помню причины смерти... При работе возникает двоякое чувство: это, в первую очередь, хотя и бесполезное — но сострадание, жалость, скорбь. И одновременно — гнев, порою даже ненависть по отношению к убийце. И сразу, даже помимо служебного долга, возникает стремление установить истину, дать следствию в руки точное задание: когда, каким способом, каким орудием убит человек, от чего наступила смерть. Не стану отнимать у следователей приоритеты, соглашусь быть их «правой рукой», беспристрастным «оком». Мы первыми прикасаемся к жертве, даём направление поиску преступника, хотя зачастую остаёмся в тени... Но я думаю, делить славу, когда речь заходит о жизни человека или быстрейшем обнаружении убийцы — дело совсем ненужное... Главное — результат, истина.

Эта преамбула, возможно и затянувшаяся, нужна мне для того, чтобы утверждать: во время слушания «витебского дела» к нам, витебским экспертам, отнеслись наплевательски. Ещё до начала процесса московские учёные-теоретики бесцеремонно «перешерстили» наши заключения, подгоняя их под свою, им одним ведомую, схему. Приведу конкретный пример.

Я при выезде на место преступления установил, что смерть девушки наступила от удара ножом в височную часть головы. (Кстати, я долго сохранял череп этой жертвы). Затем, когда объявился Михасевич и взял на себя это убийство, следствие, идя за ним, выдвинуло версию, что смерть наступила от удара... маникюрными ножницами. Нужно считать меня полным профаном (или самому быть им), чтобы прийти к такому выводу. У ножа и ножниц разный угол заточки плоскостей, свои специфические особенности... Студент-первокурсник и тот здесь не ошибётся...

Однако прошла версия следствия...

И, возвращаясь к суду, замечу, что игнорирование нашего мнения продолжалось постоянно. Мы даже не имели, как говорится, официального статуса — то ли свидетели, то ли приглашенные... Вот таким был этот высший суд.

И последнее. О черепе. Его у меня изъяли работники прокуратуры. Всё-таки улика.

Ещё одна загадка. Эксперты, непосредственные участники расследования, находились в суде в качестве зрителей, без определённого статуса. Значит, их мнение, их кропотливая работа никому не была нужна?

Ответа на этот и другие вопросы судмедэкспета Владимира Никифорова нет... А если напомнить, какое впечатление произвёл ход процесса над Михасевичем на Валентина Шуклина, картина начинает проясняться.

ГРУБАЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РАБОТА

Дадим ещё раз слово Валентину Зосимовичу Шуклину:

— Мой назначенный «шеф», государственный обвинитель, был... Как бы это помягче сказать?.. В общем, страдал явным физическим недостатком — глухотой. Я вначале не понял, почему он всё время переспрашивает меня: «А что он сказал?.. О чём он говорит?.. Как его понять?..» Затем до меня дошло: рядом со мной глухой человек, который не может понять сути судебного процесса...

Не лучше выглядел и председательствующий на процессе. Насколько я знаю, он никогда раньше не рассматривал подобных дел, специализировался в другой области юриспруденции...

И вот такие люди верховодили на процессе века, решали судьбу не только самого Михасевича, но и многих квалифицированных (я подчёркиваю: квалифицированных) юристов Беларуси. Приговор Михасевичу был приговором и им... Лес рубят — щепки летят...

— Известное изречение...

— Из той же эпохи ещё одно: «Признание — царица доказательств». Эти два постулата прошлого и были главенствующими на процессе. Без малейшего преувеличения могу сказать, что большинство положений обвинительного заключения без труда разбил бы «зелёный» выпускник юрфака, может, даже студент. Грубая, непрофессиональная работа...

— Но ведь её приняли, положительно оценили...

— И заказчик, и исполнитель преследовали одни цели. Качество им было не нужно. Главным был результат...

— Любой ценой?

— Да. Цель оправдывает средства... И эта порочная установка продолжает существовать.

— Валентин Зосимович, вам довелось, хотя и недолго, до выхода из процесса, наблюдать Михасевича. Что это был за человек, если его можно так назвать?..

— Сильной личностью его назвать никак нельзя. Несомненно, у него была нарушена психика.

— И тогда правомерен вопрос: был ли он подсуден?

— Извечный вопрос, извечная проблема... Помещать таких людей в психиатрическую больницу?.. А как же тогда со справедливым возмездием за содеянное?.. Что сказать семьям несчастных жертв?.. Как быть с общественным мнением?.. Ведь ещё Пилату, когда судил Христа, толпа кричала: «Распни его!».

— Суд независим...

— Всё это так... Кроме того, оценку здоровью преступника дают врачи. Михасевич признан психически здоровым. Во всяком случае, таким он был в момент преступления, утверждали эксперты...

— Московские?..

— Институт имени Сербского был союзного подчинения. Хотя это не суть важно. В нашем конкретном случае Михасевич должен был быть признан единственным преступником. И это было сделано. Под твёрдой дирижёрской рукой. А шла трансляция, по сути дела, заранее подготовленной фонограммы. С фальшивым текстом.

— Можно ли считать «витебское дело» завершённым?.. Ведь с тех пор до дня нашей беседы уже прошло десять лет...

— Такие преступления, такие дела не имеют срока давности.

Казалось бы, колёсам странного правосудия пора остановиться, диспетчерам «витебского дела» пересмотреть график движения, приведший локомотив в тупик. Но нет, маховик раскручивается дальше. Михасевича нет в живых, самый опасный свидетель устранён. Теперь на основе его «признательных» и «чистосердечных» показаний можно вплотную приступить ко второму, самому главному акту следственно-судебного представления.

Меня, Анатолия Журбу, Владимира Бунькова, Валерия Кирпиченка, Анатолия Волженкова судили в Риге, в столице чужого государства. Там же планировали провести процесс и над Олегом Спиредёнком, Фёдором Ивановым, Леонидом Михлиным, Владимиром Зубовым. До этого пять лет бригада во главе с Леонидом Прошкиным собирала на этих правоохранителей компромат, дело путешествовало во всему бывшему Союзу, пока не сделало остановку в Могилёвском

областном суде. И опять итог для следствия неутешителен: Михлин оправдан полностью, остальные по сути дела тоже, им оставлено смехотворное обвинение в незаконном задержании (замечу, впервые в истории советской юриспруденции).

ИМ НЕ ОТМЫТЬ СЛУЖЕБНЫЕ МУНДИРЫ

У полностью оправданного Леона Борисовича Михлина сложилось своё впечатление об этом судебном процессе. Предоставляем ему возможность поделиться своим мнением с читателями.

— Леон Борисович, в вашем заявлении — ходатайстве на имя председателя Верховного Суда СССР есть фраза: «Будь проклята та система и её руководители, которые меня, отдавшего тридцать пять лет своей жизни работе в прокуратуре, превратили в козла отпущения!..»

— Я готов повторить её и сегодня!

— Несмотря на то, что уголовное дело в отношении вас прекращено?!

— В моём заявлении есть и другие слова: «Я бы сел на весьма не престижную скамью подсудимых, чтобы увидеть, с каким треском провалятся потуги Прошкина и его руководителей, затеявших эту мышиную возню...». И от этих слов я также не собираюсь отказываться!

— Сопоставляя эти весьма эмоциональные заявления, приходишь к выводу, что «система» персонифицировалась для вас в фигуре следователя Прошкина...

— Он — худший её представитель, не имеющий представления о профессиональной чести, да и вообще о человеческом досто-

инстве. Он и его полупьяная группа, созданная вопреки нормам УПК, лично им, была способна обвинить кого угодно и за что угодно. Понятие «мораль» для них не существовало!

— Может быть, вашими устами вместо фактов говорят эмоции?

— А как вы расцените такой чисто гестаповский шаг? В ноябре 1988 года я находился на излечении в кардиологическом отделении. И именно туда, в больницу, приехали следователи-садисты, чтобы перепредъявить мне обвинение. Прошкину и его подручным надо было поиздеваться надо мной, покуражиться. И заодно (а, может, это и было главным?) сообщить главврачу, что он тратит время и лекарства на преступника...

Продолжу... В сообщение Витебскому райкому КПБ о «преступнике Михлине» вместе с традиционной грязью Прошкин вогнал даже явную «липу» о взятой якобы с меня подписке о невыезде... И это — не случайность, не техническая ошибка, от которой не застрахован никто, а ложь — преднамеренная, наглая.

— Леон Борисович, как всё-таки вы попали в поле зрения следственной группы Леонида Прошкина?

— В апреле 1972 года мною было возбуждено уголовное дело по убийству Сазоновой. Это преступление совершено в пригороде Витебска Лучёса...

— Там, где, по версии Михасевича, он совершил ещё три убийства?.. Любимое, так сказать, место преступника?..

— Да. Но оно было первым, в далёком 1972 году. Тогда был задержан некто Горелов. Задержал его оперуполномоченный отдела уголовного розыска областного УВД Фомин. Причём — без моего ведома. Этот факт установлен и подтверждён. А вот как выглядело это событие в интерпретации Леонида Прошкина:

Горелова — по моему, Михлина, личному указанию — задержал неустановленный работник милиции. Ложь в каждом слове, преднамеренная и явная: известный Фомин превратился в неустановленного работника милиции. Если он «неустановленный», то почему — обязательно работник милиции? Из какого пальца Прошкин высосал утверждение, что я дал этому «неустановленному» указание задержать Горелова?

Вот вам образчик «рабочего почерка» экстрапрофессионала, следователя по особо важным делам прокуратуры СССР Леонида Прошкина... И так из эпизода в эпизод, из одной страницы обвинения — на другую, из одного тома дела — в следующий. А их Прошкин состряпал более ста(!).

— В вашем деле сто томов?

— Да, я не ошибся — более ста. Вместе со мною обвинялись Олег Спириденок, Фёдор Иванов, Владимир Зубов, Роман Язенок. Главным объектом для атаки Прошкин избрал Олега Ивановича Спиридёнка и Фёдора Кузьмича Иванова — честнейших людей и опытнейших работников. Им он «навесил» чуть ли не все существующие на свете грехи. Без малейших доказательств... Мне, слава Богу, «досталось» лишь незаконное задержание...

— Поясните, пожалуйста...

— В ходе расследования убийства Сазоновой было задержано девять человек. В уголовно-процессуальном кодексе есть статья 119, она и предусматривает алгоритм таких действий при поиске преступника. Практика задержания была обычным явлением, о ней знали все — от рядового работника дознания до Генерального прокурора СССР. Более того — нас постоянно ориентировали не неё, чтобы преступления раскрывались как можно быстрее.

Но вот в 1986 году Генеральный прокурор Союза осудил эту практику задержания — в публичном выступлении, в прессе.

И Прошкин сразу же воспользовался этим... Хотя я вёл дело аж в 1972 году, а новый ветер подул в 1986-ом.

— Но ведь закон обратной силы не имеет...

— Это был, строго говоря, не закон, а разъяснение высокого начальства, приспосабливающегося к перестройке. Для подтверждения служебного рвения понадобились жертвы — и вот нашли нас... Михасевич был лишь удобной подставной фигурой, ширмой...

— Убийца — подставная фигура?!

— Во многих случаях — да! Верховный Суд не нашёл доказательств, что он убил ту же Сазонову, а также Гетманову и Евдоченко. Тогда кто же?.. Ведь ранее осужденные по этим делам признаны невиновными... Преступники гуляют на свободе?.. Весьма возможно, а если верить судебным решениям, то безусловно!.. И никого это не волнует. Михасевича расстреляли — и концы в воду... А между тем организаторы фальшивых процессов получили очередные регалии, сделали карьеру, продолжают процветать... И Прошкин — в том числе.

— Несмотря ни на что?

— Наверное, такие люди кому-то нужны. Наш процесс он с треском проиграл — Могилёвский областной суд отмёл почти все его измышления и клевету.

— Почти?

— В отношении меня дело прекращено ещё раньше, а Спиридёнку и Иванову всё-таки поставили в вину незаконные задержания. Но сама (!) прокуратура опротестовала этот приговор... По логике вещей, по справедливости, по Закону, под суд должен идти сам Прошкин — фальсификатор и лжец.

...Ещё раз повторю: будь прокляты деятели суда и прокуратуры, фарисейски утверждающие, что они ведут борьбу с преступностью и отправляют правосудие! Я уверен, что им ни-

когда не отмыть заляпанные, если не сказать резче, служебные мундиры.

Могу лишь добавить, что Фёдор Константинович Иванов работает в областной прокуратуре, Владимир Иванович Зубов — в Полоцком райотделе милиции, Олег Иванович Спириденок — юрисконсульт в Витебске, Анатолий Прохорович Волженков — зам. начальника РОВД. Коллеги признали их невиновность, впрочем, об этом они знали и раньше, но вот режиссёры спектакля до сих пор стоят на своём...

Из официального документа, поступившего по неофициальным каналам 8 мая 1993 года в г. Витебск

Криминогенная обстановка в области по-прежнему остаётся сложной. В последние годы отмечается устойчивый рост преступности, так как в 1986 году зарегистрировано 49 умышленных убийств, в 1987-м — 53, в 1988-м — 59, в 1989-м — 80, в 1990-м — 92, в 1991-м — 90, в 1992-м — 117, в январе —апреле 1993 года — 54 убийства... В 1992 году ввиду не установления преступников расследование приостановлено по 14 уголовным делам... Руководители прокуратуры области такое положение объясняют отсутствием достаточного опыта у большинства следователей... Причина заключается в неудовлетворительной работе с кадрами следователей и непрофессиональном руководстве следственной работой... Отдельные уголовные дела о нераскрытых убийствах без законных оснований соединялись в одно производство.

...Многие убийства не раскрыты из-за неудовлетворительной организации следственной и оперативно-розыскной работы на первоначальном этапе расследования... Имеют место факты, когда на место происшествия единолично выезжают молодые следователи и помощники прокуроров, не имеющие достаточного опыта и навыков следственной работы... За не раскрытие этих преступлений в последние годы с работников нет должного спроса.

Уровень организации работы следственного управления прокуратуры области по последние годы резко снизился... Ни прокурор области, ни его заместитель по следствию, ни начальник следственной части сами не работали следователями и тонкостей следственной работы не знают... Всё это явилось результатом серьёзных изъянов в кадровой политике руководства прокуратуры республики последних лет.

Сталкиваясь с такими фактами, невольно потянешься к Священному писанию, объясняющему причины их появления и дающему бесценные советы.

...«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, ...неблагодарны, нечестивы, недружелюбны. Непримирительны, клеветники, невоздержаны, жестоки, не любящие добра. Предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивые, нежели боголюбивы. Имеющие вид благочестия, само же его отрекшиеся...»

(Из второго послания святого апостола Павла к Тимофею).

«...Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле».

(Из послания святого апостола Павла к евреям.)

СУДЫ ЗАРАЖЕНЫ СИНДРОМОМ ОБЩЕГО ДЕЛА

Если вспомнить авторитетное мнение эксперта Никифорова, что одна из жертв убита не ножницами, как утверждал Михасевич, а ножом, то выходит, что в «витебском деле» появляется ещё одно белое пятно или, вернее, чёрная дыра. Продолжу эту нелёгкую, непростую тему.

Почему-то никто, нигде и никогда не вспомнил о показаниях жены Геннадия Михасевича. Вот её свидетельство:

«В последнее время перед арестом он (Михасевич) был в расстроенных чувствах... Однажды рассказал мне, что его как-то в дороге остановили двое с повязками на рукавах. Он понял, что это сотрудники милиции. Они посадили его в машину и возили около двух часов. Затем высадили из машины и лесными тропами подвели к припрятанному трупу, заставили перетащить труп в другое место и спрятать. Приказали, чтобы он сохранял молчание или же поменял место жительства. Даже брали у него расписку об этом. Одного из этих мужчин он позже встречал на рынке. Тот спросил: «Ты ещё живой ходишь?»

Заподозрить несчастную женщину в предвзятости трудно, точнее — невозможно. Но суд прошёл мимо этого свидетельства. Не вызвало сомнения у служителей Фемиды и такое обстоятельство. Михасевич, с «поразительной» точностью указывающий места преступления, детально описывающий способы убийства (а ведь это всё, по его словам, происходило в течение почти 15 лет), теряет память, когда речь заходит об изнасилованиях: «не помню...», «не знаю», «для меня это не было главным». А ведь признаки, факты изнасилования были практически в каждом случае. И относительно одной из последних жертв, в районе станции Лучёса, он говорит: «насиловал ли, не помню».

Кстати, точно не помнит он, какая сумочка (единственное вещественное доказательство, обнаруженное следствием) была у потерпевшей: «сумочку опознать не могу». Добавлю, что и свидетельница, бывшая хозяйка этой сумочки, сказала в суде: «Сумочку для опознания мне не предъявляли...». Так была ли эта улика, которую никто, кроме следователей, не видел?

И так ли уж случайны слова, сказанные Михасевичем: «Если бы не я, они (следователи) ни одного преступления не раскрыли бы»?..

Суд, как известно, в подавляющем большинстве случаев поверил Михасевичу, поверил следствию. Так надо было. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомню древнюю историю.

Две тысячи лет назад правитель Иудеи Понтий Пилат высокомерно бросил стоявшему перед ним Иисусу: «Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» Он бравировал, набивал себе цену. Накануне его предупредили: «Если отпустишь Его, ты не друг кесарю». К тому же раздавались вопли толпы: «Распни его!». Результат известен: Пилат «умыл руки», Иисуса распяли, хотя он и был невиновен.

Если перевести эту историю на современный язык, то налицо классическая схема взаимоотношений государства, общественности и правосудия. Как правило, чаша государственных интересов перевешивает чашу, где права человека. Фемида, извините, становится продажной девкой. Ведь недаром в недалёком прошлом у юристов была расхожая фраза: «Судьи независимы и подчиняются только... райкому». Замените райком на исполком, администрацию, другую высокую структуру и вы попадёте в день сегодняшний.

Думаю, что к месту вспомнить вновь незабвенного Вышинского: «Когда мы отрицаем принцип «независимости» судей в пролетарском государстве, то мы отрицаем их независимость от пролетарского государства, от рабочего класса, от государственной политики». Что-нибудь изменилось сегодня?.. Свежо предание! Тем более что судьи (и всё правоохранение) по Оруэллу члены внутренней партии, иначе говоря — номенклатуры.

Судьи поражены (заражены?) синдромом «общего дела». Судья всё ещё ощущает себя звеном единого с другими пра-

вовыми органами организма. Все они, мол, делают одно дело и должны идти друг другу навстречу. Это культивировалось в сознании и продолжает культивироваться. Зачастую, например, однокурсники, выпускники одного вуза встречались на одном процессе в разных ролях — следователя, прокурора, судьи, адвоката. И их интересы сходились. Хотя прокурор должен был контролировать законность следствия, а судья проверять обоснованность составленного следователем и утверждённого прокурором обвинения. До классической схемы обеспечения объективного, непредвзятого правосудия нам, судя по всему, ещё далеко, как далеко и до обеспечения реальных, а не словесных гарантий соблюдения законности.

Спрашивается: куда деть наше воинствующее невежество, социально-правовую апатию, вызванными безрадостными для многих из нас контактами с правоприменительными органами? Ведь нам постоянно вдалбливали в головы такую последовательность, такую триаду: государство, закон, право. А ведь в этой цепочке всё поставлено с ног на голову. Она должна быть иной: право, закон, государство. Под правом подразумевается извечная справедливость, а не привычные нам запреты и ограничения. Закон признаёт главенство права, а не является произвольным предписанием государства. А в государстве всеми признается верховенство закона. Об этом знали ещё в древности. Мученическая смерть, принятая семидесятилетним Сократом, была делом, подтверждением его слов о верховенстве права над всем мимолётным.

Но о каком приоритете права могла идти речь, когда даже в новой Конституции Беларуси, в её 133 статье, прокуратура наделена тремя функциями неограниченного диапазона? Она осуществляла надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных решений по гражданским, уголовным делам и делам об административных

правонарушениях, проводила предварительное следствие, поддерживала государственное обвинение в судах. Эти сверхполномочия в следственной и судебной практике не давали ничего хорошего. И привели к вопиющим нарушениям законности не только при расследовании и рассмотрении в судах «витебского дела». Сами себя контролировали при ведении следствия, сами поддерживали обвинение, строящееся на материалах своего же следствия и имеющее целью доказать, что «свои парни» поработали хорошо. И в завершении — право решать, насколько справедлив был суд, выносить протест на его постановление или согласиться с ним. Порочный круг, жесткий пресс. Хорошо, что в последнее время в Беларуси, по примеру соседней России, создан Следственный комитет, следствие полностью выведено из органов прокуратуры. Но, к сожалению, пока ещё не преодолены старые подходы и рецидивы, в том числе и обвинительный уклон.

В статье 110-й Конституции Беларуси записано: «Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Какое-либо вмешательство в действия судей по исполнению правосудия недопустимо и влечёт ответственность по закону». Казалось бы, чего яснее. Но это только декларации, в реальности до сих пор наблюдается вмешательство в деятельность судов, причем не только посредством телефонного права... Неполноценная пока, несостоявшаяся у нас третья власть, о которой ещё в 18 веке мечтал великий француз Монтескье...

ПОЧЕМУ Я «СПОТКНУЛСЯ» НА АДАМОВЕ

Моё убеждение о виновности Олега Адамова в убийстве Татьяны Кацуба было основано не только на внутренней интуиции, а прежде всего на собранных по делу

доказательствах, которые дважды тщательно анализировались, исследовались и проверялись в заседаниях Витебского областного суда. И оба раза областной суд находил их объективными и выносил в отношении Адамова обвинительный приговор.

Крушение дела Адамова, отмена Верховным Судом республики по протесту прокурора приговора областного суда поначалу ошеломили меня. А потом у меня возникло естественное желание ознакомиться с материалами дела Геннадия Михасевича, который взял на себя вину в убийстве и изнасиловании Татьяны Кацуба.

Бывший мой коллега по работе в прокуратуре, защитник по делу Михасевича любезно согласился показать мне обвинительное заключение и записи, сделанные им в ходе нашумевшего судебного заседания.

И вот они передо мной: обвинительное заключение по делу Г. Михасевича, утверждённое 22 января 1987 года моим однофамильцем заместителем Генерального прокурора СССР, государственным советником юстиции I класса О. Сороко. Я вначале приведу полностью его фрагмент, касающийся убийства Кацуба, а позже сделаю свои комментарии, основанные на записях адвоката Григория Мороза, сделанных в судебном заседании.

«25. Убийство гр-ки Кацуба Т.Л.

13 января 1984 года, в 20-м часу вечера, у насыпи, неподалёку от ж.д. ст. Лучёса, на окраине г. Витебска Михасевич путём сдавления шеи руками, затягиваниями на ней петли-удавки из косынки потерпевшей и заталкивания в полость рта её варежки, совершил умышленное убийство гр-ки Кацуба Т.Л., совпровождавшееся изнасилованием. После этого похитил её вещи на сумму 51 рубль и деньги в сумме 8 рублей.

Впервые о совершении этого преступления Михасевич Г.М. рассказал на допросе его в качестве подозреваемого 13 декабря 1985 года, пояснив:

«В прошлом году я после Нового года был направлен в Городокский сельхозтехникум на курсы усовершенствования... После двух недель решил съездить навестить семью... В Витебск выехал в пятницу... на автобусе... Приехал когда уже было темно... почувствовал влечение к женщине.., поехал на окраину города... Увидел шедшую вдоль железной дороги девушку, пошёл вслед за ней... Настиг, когда она шла по тропинке на насыпи вдоль железной дороги... Зашёл сбоку и столкнул с насыпи... Половой акт совершил ли... не помню. Задавил руками за шею... Забросал снегом и ушёл... В руках у девушки была сумка... учебники... конспекты... Содержимое посмотрел, идя вдоль железной дороги... Побросал в какие-то колодцы из железобетонных плит... Пошёл на вокзал... просидел ночь... и первым автобусом уехал в Полоцк, оттуда домой в Солоники» (т. 136 л. д. 39–40).

При выезде в г. Витебск Михасевич Г.М. показал место у линии железной дороги перехода Витебск-Лучёса, в 1,5 км от д. Шпили Витебского района и пояснил, что в середине января 1984 года там им было совершено нападение на девушку, которую он задушил. После этого, при возвращении обратно к железнодорожному мосту, расположенному над проспектом Черняховского г. Витебска, он указал на ряд железобетонных лотков (колодцев), находившихся в 10 метрах от этого моста, справа и пояснил, что в эти колодцы им были брошены вещи, конспекты и учебники убитой им девушки.

Названные следственные действия сопровождались видеозаписью, составлением фототаблиц и схем.

(Том 139, л. д. 5–7, 16–25).

При проверке приведённых показаний обвиняемого Михасевича Г.М. они нашли своё подтверждение.

Так, в указанном им месте убийства девушки, ещё 7 февраля 1984 года был обнаружен труп гр-ки Кацуба Т.Л., исчезнувшей 13 января 1984 года.

При осмотре тогда этого места оказалось, что труп Кацуба Т.Л. находился в 550 метрах от ж.д. станции Лучёса, на дне оврага, имеющего глубину 18 метров. Во рту потерпевшей был кляп из её шерстяной варежки. Состояние одежды, поднятые кверху пальто и юбка, оголённая правая нога и снятые плавки, находившиеся вблизи трупа, свидетельствовали об изнасиловании. На запястье левой руки был затянут петлёй пояс от её же пальто, а один резиновый сапог обнаружен на склоне оврага в 7,5 метрах от трупа (т. 86 л. д. 23–24).

При судебно-медицинском исследовании трупа Кацуба Т.Л. на её шее была обнаружена петля-удавка из женской цветной косынки, завязанная двойным узлом и скатанная жгутом, которую свидетельница Скорук Л.Н. опознала как принадлежащую Кацуба Т.Л. (том 87, л. д. 94–95, 69).

Согласно заключения судебно-медицинской экспертизы смерть Кацуба наступила от механической асфикции вследствие сдавления шеи петлёй.

В преддверии влагалища была обнаружена сперма, однако, поскольку девственная плева не была повреждена, экспертом был сделан вывод о том, что половой акт с Кацуба Т.Л. совершался у входа во влагалище, где у основания плевы имелось кровоизлияние. (том 86, л. д. 93–109).

Из показаний допрошенных в качестве свидетелей Ятченя Л.В. и Спивак Т.В. усматривается, что Кацуба Т.Л., 1964 года рождения, работавшая дежурной ж/д станции Лучёса, в пятницу 13 января 1984 года около 19 часов направлялась из общежития, находившегося в доме № 2 по ул. Карла Маркса г. Витебска, к себе на работу. Её путь туда пролегал сначала автобусом до железнодорожного моста над проспектом Черняховского, а за-

тем по линии железной дороги до ж.д. станции Лучёса. При себе у Кацуба Т.Л. имелись книги и тетради, находившиеся в сумке, а также другие вещи на сумму 51 рубль и деньги в сумме 8 рублей.

21 декабря 1985 года при осмотре железобетонных лотков, на которые указал Михасевич Г.М., при выходе с ним на место убийства Кацуба Т.Л. 19 декабря 1985 года, в 7-м по счёту были обнаружены смерзшиеся в кусок тетради и учебники, а в 11-м, вмерзшие в грунт листы бумаги с типографским текстом и остатки сумки.

При проведении этого следственного действия применялось фотографирование (т. 139 л. д. 26–40).

При осмотре найденных предметов оказалось, что на обложках тетрадей имелись надписи, свидетельствовавшие об их принадлежности Кацуба Т.Л. (том 139, л. д. 41–49).

Согласно заключению почерковедческой экспертиза, проведённой НИИ судебных экспертиз БССР, рукописные надписи и тексты, имевшиеся в этих тетрадях, были исполнены рукой Кацуба Т.Л.

Обнаруженная сумка, в свою очередь, была опознана свидетелем Андреенковой (Феоктистовой) Т.С., как принадлежащая Кацуба Т.Л., что подтверждено и заключением товароведческой экспертизы (том 170, л. д. 192–195, 197).

«Допрошенный 25 августа 1986 года дополнительно о причинах и обстоятельствах убийства им гр-ки Кацуба Т.Л. обвиняемый Михасевич Г.М. показал:

«Убийства Сазоновой, Евдоченко, Гетмановой и Кацуба были совершены мной в районе одной и той же местности под названием Лучёса... Я совершил преступление после того, как недели две проучился на курсах и ехал через Витебск в д. Солоники... В Витебск приехал вечером... Появилось желание задушить женщи-

ну и если получится, то совершить с ней половой акт... Увидел, что вдоль железной дороги по насыпи шла женщина... Поравнялись..., столкнул её в овраг... Прыгнул вслед за ней и тут же стал душить руками за горло... Когда она оказалась придушенной, то я её раздел, стащил плавки, сапог... Совершил половой акт у неё между ног... Девушка была ещё жива, только без сознания... Затянул на шее её же косынку... На два двойных узла, а также вставил в рот её варежку, чтобы она задохнулась до смерти...

Я не согласен с заключением судебно-медицинской экспертизы о том, что смерть Кацуба Т.Л. наступила вследствие сдавления шеи петлёй. На самом деле я задушил её руками, а петлю из косынки затянул уже потом и вставил кляп, оттащил труп, привязал ему на руку пояс от её пальто. Сумку взял, в ней были тетради... Бросил их в колодцы, расположенные вблизи насыпи... Были или нет в сумке деньги, не помню... Возможно, что я их взял... Уехал обратно на вокзал, где провёл ночь, после чего утром автобусом отправился в Полоцк» (том 137 л. д. 101–109)».

Кроме того, был сделан вывод о том, что половой акт с Кацуба Т.Л. был возможен без нарушения её девственной плевы.

Одновременно с этим, принадлежность Михасевичу Г.М. спермы, обнаруженной в половых путях Кацуба Т.Л., названной экспертизой не исключается (том 170 л. д. 207–214).

В то же время заключением трассологической экспертизы, проведённой в НИИСЭ СССР, установлено, что узел на косынке, находившейся на шее трупа Кацуба Т.Л., совпадает по механизму исполнения с одним из экспериментальных узлов, изготовленных Михасевичем Г.М. и с узлом на шнуре, изъятом с трупа Храпуненко Г.В., также убитой обвиняемым Михасевичем Г.М., о чём уже упоминалось.

Тот факт, что Михасевич Г.М. именно 13 января 1984 года выехал из г. Городка через Витебск к себе домой в Полоцкий район, подтверждается показаниями допрошенных в качестве свиде-

телей: Тарасовой Л.Я. — заместителя директора Городокского совхоза-техникума и преподавателя Мергеевой Е.Н., пояснившими, что в январе 1984 г., после двух недель занятий все слушатели курсов, в том числе и Михасевич Г.М., днём в пятницу 13 января 1984 года были на два дня выходных отпущены по домам, вследствие чего 14 и 15 января 1984 года занятия с ними не проводились (том 149, л. д. 74–79, 56–57).

Согласно расписанию движения автобусов от ст. Городок до ст. Витебск, действовавшему на 13 января 1984 года, Михасевич Г.М. имел возможность выехать оттуда в г. Витебск в период времени с 14 часов и до 18 часов 43 минуты, шестью автобусами (том 140, л. д. 56).

Кроме того, свидетель Кадушко (Михасевич) А.В. допрошена по поводу приезда домой её мужа Михасевича Г.М. во время его учёбы в школе при совхозе-техникуме, пояснила:

«Когда Михасевич Г.М. находился на курсах переподготовки в 1984 году в течение месяца, то за это время он один раз приезжал из Городка домой и на другой день уже уехал» (том 148, л. д. 205, 218).

При предъявлении ему обвинения Михасевич Г.М. признал совершение им убийства гр-ки Кацуба Т.Л. при указанных выше обстоятельствах, однако утверждал, что изнасилование её не совершал, а только пытался это сделать. Бывшую у убитой сумку забрал и потом её выбросил (том 138 л. д. 179–180).

Виновность обвиняемого Михасевича Г.М. в полном объёме предъявленного ему в этой части обвинения, установлена приведёнными доказательствами.

В то же время за отсутствием состава преступления прекращено уголовное дело в отношении гр-на Адамова О.В., ранее незаконно привлекавшегося к уголовной ответственности за совершение этого же преступления» (том 100 л. д. 164–184, 194–195).

БЕЗЗАЩИТНЫЕ ТРОСТИНОЧКИ НА СВИРЕПОМ ВЕТРУ

Где-то под Лепелем, где-то под Полоцком, где-то под Витебском в 60–80 годах прошлого столетия к вашему горлу потянулись зловещие руки маньяка. У жертв, к сожалению, невозможно узнать: легче ли им стало, что кого-то осудили за их предсмертные страдания. Поспешность сурового наказания убийце только отчасти притупила боль в материнских сердцах от утраты родных кровиночек. Да и маньяк Михасевич уже ничего не скажет. Он хватался за любую протянутую соломинку и пытался наладить торг: нужные следствию цифру и другую информацию обменять на серое прозябание до конца своих дней в психбольнице. А если их, этих дней, будет больше, то и шансы возрастут. Для восстановления полной и безоговорочной истины в будущем такие опасные, много чего знающие свидетели были не нужны. Казалось тогда многим, что информационная атака надёжно и сполна успокоила общественное мнение.

Правда, через 17 лет после тех неоднозначных, драматических событий московский журналист Игорь Гамаюнов вернется к этой теме. Почувствовал, что слёзы матерей оголили нерв истины, и его нужно опять уничтожить? Но об этом речь поведу позднее. А пока...

ПРИГОВОР

Именем Союза советских социалистических республик

19 мая 1987 г. *гор. Минск*

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — члена Верховного Суда СССР С.Ф.Савкина, народных заседателей Верховного

Суда СССР А.А.Жмуйдзиновичюса, В.А.Корженевского, при секретарях А.М.Гордееве, М.П.Бачевой, Е.Г.Малявко, с участием государственных обвинителей — старшего помощника Генерального прокурора СССР С.А.Самойлова и помощника прокурора Минской области В.И.Панфилюка, защитника —адвоката Г.Г.Мороза, рассмотрев в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению

МИХАСЕВИЧА Геннадия Модестовича, 14 ноября 1947 года рождения, уроженца деревни Княжино Миорского района Витебской области БССР, белоруса, исключённого из членов КПСС, со средним специальным образованием, разведённого, имевшего на иждивении двоих несовершеннолетних детей, работавшего слесарем в племсовхозе «Двина» Полоцкого района, проживавшего в деревне Солоники Полоцкого района Витебской области, ранее не судимого, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.15 и 100 п. «з» УК БССР, п.п. «ж» и «з» ст.100 УК БССР, чч.2 и 4 ст.115 УК БССР и ч.2 ст.141 УК БССР,

у с т а н о в и л а:

Подсудимый Михасевич Г.М. виновен в том, что с целью удовлетворения своих извращенных половых влечений в период с 1971 года по 1985 год на территории Витебской области совершил умышленные убийства тридцати трёх женщин. Умышленные убийства женщин подсудимый совершал путём сдавления шеи потерпевших руками, а в ряде случаев путем дополнительного затягивания петель и заталкивания кляпа в рот потерпевших. Совершённые Михасевичем умышленные убийства восьми женщин были сопряжены с их изнасилованием. У пяти потерпевших Михасевич похитил деньги и отдельные принадлежавшие им вещи, а личное имущество шести потерпевших было Михасевичем уничтожено с причинением значительного ущерба.

В судебном заседании подсудимый Михасевич Г.М. признал себя виновным в совершении указанных преступлений и показал, что умышленные убийства женщин он совершал на почве озлобления против женщин, а также в связи с непреодолимым влечением к удушению женщин, в процессе которого он получал успокоение и удовлетворение, сопровождавшееся в ряде случаев извержением у нёго спермы.

После удушения некоторых потерпевших и приведения тем самым их в беспомощное состояние, он совершал или пытался совершить с ними половой акт, чтобы проверить свои половые способности. Вещи, которые после убийства забирал у потерпевших, он, как правило, уничтожал, выбрасывая по дороге или в водоёмы, закапывая в землю, сжигал, а в отдельных случаях обнаруженные деньги и некоторые вещи потерпевших присваивал.

Преступления, совершены Михасевичем Г.М. при следующих обстоятельствах.

Умышленное убийство Кацуба Т.Л., сопряжённое с её изнасилованием

В январе 1984 г. подсудимый Михасевич Г.М. находился на курсах повышения квалификации в Городокском сельхозтехникуме. В связи с поездкой на выходные дни домой в Полоцкий район он 13 января 1984 г. приехал в Витебск. В это же день в восьмом часу вечера Михасевич на окраине г. Витебска неподалёку от железнодорожной станции Лучёса, встретив на насыпи железной дороги Кацуба Т.Л., напал на неё. Столкнув потерпевшую с насыпи, Михасевич путём сдавления шеи потерпевшей руками привёл её в беспомощное состояние, изнасиловал, а затем путём затягивания на шее потерпевшей петли-удавки из косынки потерпевшей и заталкивания в полость рта кляпа из варежки, совершил умышленное убийство Кацуба Т.Л., сопряжённое с её изнасилованием. Уходя с места преступления, Михасевич содер-

жимое сумки Кацуба Т.Л. и саму сумку бросил в находившиеся по пути железобетонные лотки (колодцы).

В судебном заседании подсудимый Михасевич Г.М. признал себя виновным в умышленном убийстве Кацуба Т.Л., сопряжённом с её изнасилованием, и показал, что в январе 1984 года, когда он находился на месячных курсах повышения квалификации в Городском сельхозтехникуме, по окончании первой половины срока обучения была предоставлена возможность поехать на выходные домой. Ехать ему надо было через Витебск. В Витебске у него появилось намерение задушить женщину. С этой целью он вечером около вокзала сел на трамвай, доехал до конечной остановки и пошёл по насыпи вдоль железной дороги. Увидев впереди идущую девушку, он догнал ее, столкнул с насыпи и сам скатился вслед за ней. Внизу он задушил её руками за шею. Затягивал ли петлю, вставал ли ей кляп, совершал ли с ней половой акт, не помнит.

Однако, поскольку с потерпевшей был совершён половой акт, а на шее затянута петля и во рту обнаружен кляп, признаёт, что сделал это он. Поднимаясь на насыпь, подобрал сумку, которую бросила потерпевшая, и находившиеся в ней тетради, сумку выбросил по дороге в бетонированные лотки (колодцы).

Виновность Михасевича Г.М. в умышленном убийстве Кацуба Т.Л., сопряжённом с её изнасилованием, подтверждается также следующими доказательствами.

Свидетель Ятченя Л.В. показала, что 13 января 1984 г. в 18 час.30 мин. Кацуба ушла из общежития на работу, взяв с собой сумку с тетрадями, по которым готовилась к занятиям. В 20 час. 30 мин. в общежитие позвонил начальник станции в связи с тем, что Кацуба на работу не пришла. Труп Кацуба Т.Л. был обнаружен рядом с обычной её дорогой на работу, труп Кацуба она опознала.

Согласно протоколу осмотра места происшествия от 7 февраля 1984 г. (т. 86 л. 23–34) труп Кацуба был обнаружен в 550 метрах от железнодорожной станции Лучёса. Во рту трупа находился кляп из варежки, на шее петля из косынки, а состояние одежды свидетельствовало о совершении с потерпевшей полового акта.

Заключением судебно-медицинской экспертизы от 2 марта 1984 г. (т. 86 л. 93–101) установлено, что смерть Кацуба наступила от механической асфиксии вследствие сдавления шеи петлёй. В преддверии влагалища обнаружена сперма, но девственная плева не нарушена.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертной комиссии Минздрава СССР от 3 октября 1986 г. (т. 170 л. 207–214) затягиванию петли-удавки и введению в рот кляпа могло предшествовать сдавление шеи руками или закрытие руками дыхательных путей. Принадлежность Михасевичу Г.М. спермы, обнаруженной в половых путях Кацуба Т.Л., не исключается.

Из протокола осмотра места происшествия от 19 декабря 1985 г. (т. 139 л. 5–7) усматривается, что Михасевич указал место у железнодорожного перегона Витебск-Лучёса, где он в середине января 1984 г. задушил девушку. Это место соответствует месту обнаружения трупа Кацуба 7 февраля 1984 г. Кроме того, Михасевич Г.М. указал железобетонные лотки (колодцы) у железнодорожного моста через проспект Черняховского, куда он выбросил тетради, учебники и сумку убитой им девушки.

Протоколом осмотра места происшествия от 21 декабря 1985 г. (т. 139 л. 26–39) установлено, что в указанных Михасевичем лотках (колодцах) обнаружены тетради, учебники, сумка.

Свидетели Белоусов В.А. и Яблочкин А.К., участвовавшие в качестве понятых в осмотре места происшествия, показали, что

Михасевич Г.М. самостоятельно, уверенно и определённо указал место убийства Кацуба Т.Л. и оставления её трупа, а также бетонированные лотки (колодцы), в которые он выбросил вещи потерпевшей. В их присутствии были изъяты тетради и сумка из указанных лотков (колодцев).

Согласно заключению судебно-почерковедческой экспертизы от 29 апреля 1986 г. рукописные записи в обнаруженных тетрадях выполнены рукой Кацуба Т.Л.

Свидетель Андреенкова Т.С. показала, что она отдала Кацуба Т.Л. в пользование чёрную сумку. При предъявлении ей сумки, изъятой в одном из лотков (колодцев), указанных Михасевичем, свидетель заявила, что это такая же сумка, которой пользовалась Кацуба Т.Л.

Подсудимый Михасевич Г.М., давая объяснения о причинах совершения им убийств женщин, заявил, что действовал под влиянием непреодолимого влечения к удушению женщин, которое периодически возникало у него в связи с неблагоприятно складывающимися отношениями на работе или в семье.

Судебная коллегия считает, что утверждения подсудимого о непреодолимости его влечения к удушению женщин в ходе судебного заседания опровергнуты.

Согласно акту судебно-психиатрической экспертизы от 10 октября 1986 г., проведённой судебно-психиатрической экспертной комиссией Всесоюзного НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, подсудимый Михасевич Г.М. психическим заболеванием не страдает, в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям у Михасевича признаков какого-либо расстройства психической деятельности не наблюдалось, он мог отдавать себе отчёт в своих действиях и руководствоваться ими, его следует считать вменяемым.

Указанная судебно-психиатрическая экспертная комиссия с учётом наблюдения за Михасевичем Г.М. в течение всего су-

дебного следствия, а также участия в исследовании данных о его личности и обстоятельств совершения им преступлений, подтвердила в судебном заседании правильность и обоснованность выводов, содержащихся в заключении от 10 октября 1986 г.

Эксперты отметили наличие у Михасевича Г.М. психопатических черт характера в виде эгоцентризма и злопамятности и половых извращений в форме садизма, которые однако не лишали его возможности отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими в период совершения им инкриминируемых деяний.

Согласно заключению дополнительной судебно-психиатрической экспертизы в суде Михасевич Г.М. и в настоящее время не обнаруживает признаков каких-либо психических расстройств, вследствие которых он не мог бы отдавать себе отчёта в своих действиях или руководить ими.

Судебная коллегия считает выводы судебно-психиатрических экспертиз обоснованными и не вызывающими сомнений.

Допрошенные в судебном заседании свидетели Михасевич Е.П., мать подсудимого, Кадушко А.В., бывшая жена подсудимого, другие свидетели, знавшие Михасевича Г.М. по совместной учёбе в школе, в техникуме, по совместной работе в совхозе «Дисненский», племсовхозе «Двина», показали, что никаких отклонений в поведении подсудимого они никогда не отмечали.

Из показаний подсудимого Михасевича Г.М. в судебном заседании по конкретным случаям убийства им женщин видно, что он всегда действовал целенаправленно, осмотрительно, выбирая место, время и другие обстоятельства нападения на женщин таким образом, чтобы избежать разоблачения. В тех же случаях, когда он не был в этом уверен, отказывался от осуществления своих преступных намерений, о чём также подтвердил в судебном заседании.

С учётом изложенного судебная коллегия признаёт Михасевича Г.М. вменяемым в отношении совершённых им преступлений.

Анализ показаний подсудимого, а также других доказательств, проверенных в ходе судебного следствия, свидетельствует о том, что при нападении на женщин Михасевич Г.М. преследовал цель убийства потерпевших путём их удушения для удовлетворения своих извращённых половых влечений и, следовательно, действовал с прямым умыслом на лишение их жизни. Михасевич Г.М. в своих показаниях постоянно подчёркивал, что главным для него при нападении было удушить женщину.

Вместе с тем в ряде случаев, как пояснил подсудимый Михасевич Г.М., он с целью проверить свои половые способности после сдавления шеи потерпевших руками, используя их беспомощное состояние, и пока они ещё были живы, совершал с ними половые акты, т.е. изнасилование потерпевших. Судебная коллегия считает, что Михасевич Г.М. виновен в совершении изнасилований, повлекших особо тяжкие последствия по признаку наступления смерти потерпевших.

С учётом изложенного действия подсудимого Михасевича Г.М. подлежат квалификации по следующим статьям УК БССР:

умышленное убийство Андараловой Л.М. по ст.101 УК БССР, как умышленной убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств;

умышленное убийство остальных тридцати двух потерпевших по п. «з» ст.100 УК БССР, как умышленные убийства, совершенные лицом ранее совершившим умышленное убийство;

умышленные убийства Шитик Н.Я., Козловой Т.В., Торбун В.Е., Медведевой А.М.. Свистуновой Т.А., Кацуба Т.Л., Кулешовой А.Е., Рачковской Е.П., кроме того, по п. «ж» ст.100 УК БССР, как убийства сопряжённые с изнасилованием;

изнасилование Шитик Н.Я., Козловой Т.В., Торбун В.Е., Медведевой А.М. по ч. 3 ст. 115 УК БССР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.), как повлекшие особо тяжкие последствия и совершённые до 14 мая 1980 г.;

изнасилование Козловой Т.В., Торбун В.Е., Медведевой А.М., кроме того, по ч. 2 ст. 115 УК БССР, как изнасилования, совершенные лицом, совершившим такое преступление;

изнасилование Свистуновой Т.А., Кацуба Т.Л.. Кулешовой А.Е., Рачковской Е.П. по чч. 2 и 4 ст. 115 УК БССР, как изнасилования, совершённые лицом, ранее совершившим такое преступление, и повлекшие особо тяжкие последствия;

кражи личного имущества Козловой Т.В., Медведевой А.М., Малявко И.М., Писаренко А.Д., Володько С.М. по ч.2 ст.141 УК БССР, как кражи, совершённые повторно;

умышленное уничтожение имущества Андараловой Л.М., Медведевой А.М., Шейпук А.В., Малявко И.М., Вакулич В.И., Пресняковой М.П. по ч.1 ст.146 УК БССР, как умышленное уничтожение личного имущества граждан, причинившее значительный ущерб потерпевшему.

При назначении наказания Михасевичу Г.М. судебная коллегия учитывает, что он на протяжении длительного времени занимался преступной деятельностью и совершил тяжкие, представляющие повышенную общественную опасность преступления. С учётом характера, особой тяжести содеянного и исключительной опасности Михасевича Г.М. для общества судебная коллегия считает, что к Михасевичу Г.М. следует применить исключительную меру наказания, предусмотренную ст.22 УК БССР.

Потерпевшими заявлены гражданские иски: Володько М.П. на 294 руб., Радионовой Л.И. на 1497 руб., Пресняковой Н.М. на 1324 руб., Ширяевым С.Е. на 302 руб.

В части возмещения материального ущерба, причинённого кражей у Володько С.М. денег в сумме 40 руб. и умышленным уничтожением имущества Пресняковой М.П. на сумму 331 руб. 19 коп., судебная коллегия считает возможным разрешить гражданские иски по существу.

В связи с невозможностью произвести подробный расчёт по заявленным гражданским искам в остальной части без отложения разбирательства дела для истребования необходимых документов, судебная коллегия в соответствии со ст.312 УПК БССР, признавая право на удовлетворение исков Володько М.П., Пресняковой Н.М., Радионовой Л.И., Ширяева С.Е., считает необходимым передать вопрос о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Судебные издержки, кроме расходов по эпизодам, исключённым Судебной коллегией из обвинения подсудимого, подлежат взысканию с Михасевича Г.М.

На основании изложенного и руководствуясь ст.43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст.ст.304, 306, 308, 311–119 УПК БССР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР

п р и г о в о р и л а:

Михасевича Геннадия Модестовича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «ж» и «з» ст. 100, ст. 101 УК БССР; ч. 3 ст. 115 УК БССР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.); чч. 2 и 4 ст. 115, ч. 2 ст. 141, ч. 1.ст. 146 УК БССР, и назначить ему наказание по ч.1 ст.146 УК БССР — шесть месяцев исправительных работ в иных местах с удержанием двадцати процентов заработка в доход государства; по ч. 2 ст. 141 УК БССР — три года лишения свободы с конфискацией имущества; по ст. 101

УК БССР — десять лет лишения свободы; по ч. 2 ст. 115 УК БССР — десять лет лишения свободы; по ч. 3 ст. 115 УК БССР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.) — к смертной казни; по ч. 4 ст. 115 УК БССР — к смертной казни; по пп. «ж» и «з» ст. 100 УК БССР — к смертной казни.

В соответствии со ст.39 УК БССР по совокупности совершённых преступлений назначить наказание Михасевичу Геннадию Модестовичу смертную казнь с конфискацией имущества.

По ст. 15 и п. «з» ст.100 УК БССР Михасевича Геннадия Модестовича оправдать за недоказанностью его участия в совершении этого преступления.

Меру пресечения Михасевичу Г.М. оставить содержание под стражей.

Взыскать с Михасевича Геннадия Модестовича в пользу Володько Марьяна Павловича 40 руб., в пользу Пресняковой Надежды Моисеевны 331 руб.19 коп.

Взыскать с Михасевича Геннадия Модестовича в доход государства судебные издержки в сумме 1979 руб. 59 коп.

Вещественные доказательства:

протез и коронку из жёлтого металла, изъятые у Михасевича А.В. обратить в доход государства;

золотое кольцо с насечкой возвратить потерпевшему Малявко М.Д.;

золотое обручальное кольцо возвратить потерпевшему Козлову А.П.;

импортные пассатижи возвратить потерпевшему Медведеву В.И.;

плетёную корзинку и 5 стаканов возвратить потерпевшему Писаренко П.А.;

золотую серьгу возвратить потерпевшему Морозу Л.Ф.;

возвратить металлические авторучки: потерпевшей Якубовой А.А. — 2 шт., Петушковой С.П. — 1 шт., Швецу А.Д. — 1 шт., заводу им. Коминтерна — 3 шт.;

плащ, жакет, юбку, туфли, сумку возвратить потерпевшему Ширяеву С.Е.;

останки трупа Пашута Л.И. согласно заявлению выдать для захоронения потерпевшей Хващевской Л.Н.;

одежду, обувь и другие предметы, обнаруженные на трупах: Красовской С.А., Пирог Л.М., Мороз С.А., Кравченко Т.И., Ширяевой Л.Н.. Радионовой И.В.. Пресняковой М.П., Пироговой В.М., Пашута Л.И., Кацуба Т.Л. согласно перечню в обвинительном заключении уничтожить как пришедшие в негодность и не представляющие ценности.

Остальные вещественные доказательства по перечню в обвинительном заключении хранить при деле.

В возмещение материального ущерба и судебных издержек обратить взыскание на денежные вклады на имя Михасевича Г.М. и Михасевич А.В. в сберкассе № 474/043 д. Солоники Полоцкого района и принадлежащей Михасевичу Г.М. автомобиль «ЗАЗ-968 М».

Приговор кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит.

Председательствующий *С.Ф.Савкин*

Народные заседатели *А.А.Жмуйдзиновичюс,*
В.А.Корженевский

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ

Прокуратура Союза ССР
Следователю по особо важным делам
при Генеральном прокуроре СССР
старшему советнику юстиции
Прошкину Л.Г.
БССР Витебская область
г. Новополоцк
прокуратура города
24.06.1987 № 18 сл.

При этом для приобщения к уголовному делу направляются две копии частного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР по делу по обвинению Михасевича Г.М.

Приложение: на 14 листах.

Заместитель начальника следственной части прокуратуры СССР *А.В.Фролов*

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — члена Верховного Суда СССР С.Ф.Савкина, народных заседателей Верховного Суда СССР А.А.Жмуйдзиновичюса, В.А.Корженевского, с участием государственных обвинителей — старшего помощника Генеральной прокуратуры СССР С.А.Самойлова и помощника прокурора Минской области В.И. Панфилюка, защитника — адвоката Г.Г. Мороза, рассмотрев в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Михасевича Геннадия Модестовича в совершении преступлений, предусмотренныхт ст.ст. 15 и 100 п. «з» УК БССР, пп. «ж» и «з» ст. 100 УК БССР, ч. 2 и 4 ст. 115 УК БССР и ч. 2 ст. 141 УК БССР,

у с т а н о в и л а :

Судебное разбирательство уголовного дела по обвинению Михасевича Г.М. в совершении умышленных убийств женщин, сопряжённых с изнасилованием, показало, что при расследовании ряда уголовных дел, возбуждённых по фактам исчезновения и обнаружения трупов женщин, органами дознания и предварительного следствия Белорусской ССР были допущены грубые нарушения законности.

Некоторые работники органов прокуратуры и внутренних дел путём применения незаконных методов добивались от граждан явки с повинной и признания в совершении тяжких преступлений; фальсифицировали протоколы допросов свидетелей и других следственных действий.

В результате применения незаконных методов расследования к уголовной ответственности привлекались невиновные граждане, а некоторые из них необоснованно осуждены.

При отсутствии каких-либо объективных данных о причастности Лушковского В.А. к убийству Авласенко Л.Т. он был арестован прокурором Полоцкого района Витебской области Савченко С.П., как показал в судебном заседании свидетель Мушинский Е.П., в целях обоснования выдвинутого против Лушковского В.А. обвинения, заместитель начальника следственного управления прокуратуры Витебской области Спиридёнок О.И. незаконно задержал его, Мушинского Е.П., и путём угрозы привлечения к уголовной ответственности за соучастие в убийстве добился от него показаний о причастности Лушковского В.А. к убийству Авласенко Л.Т.

Свидетель Садовская В.А. в судебном заседании пояснила, что под психическим воздействием Спиридёнка О.И. и следователя Шерстнёва А.А. она также подписывала нужные для следствия показания. Хотя они не соответствовали действительности.

Сфальсифицированные показания Мушинского Е.П. и Садовской В.А. были положены в основу необоснованного приговора в отношении Лушковского В.А.

В целях мнимого раскрытия убийства Кацуба Т.И., труп которой был обнаружен на окраине города Витебска, прокурор следственного отдела Белорусской транспортной прокуратуры Сороко В.И. и следователь Витебской транспортной прокуратуры Журба А.П. под угрозой вменения ему в вину ещё ряда убийств добились от Адамова О.В. «явки с повинной» и признания в совершении им убийства Кацуба Т.И. В основу необоснованного обвинения Адамова О.В. были положены сфальсифицированные данные.

Так, Сороко В.И. был организован обыск в сарае Адамова О.В., где была обнаружена фотография Кацуба Т.И., якобы оброненная Адамовым О.В. из похищенной им сумки потерпевшей. Между тем, в судебном заседании по делу Михасевича Г.М. достоверно установлено, что сумку Кацуба Т.И. после её убийства Михасевич Г.М. подобрал и бросил в бетонированный колодец, где она была обнаружена и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

У дороги Полоцк-Верхнедвинск, вблизи деревни Охотница, было совершено убийство Красовской С.А. Как пояснил в судебном заседании свидетель Сердюк В.С., он на допросе, проведённом заместителем начальника следственного управления прокуратуры Витебской области Спиридёнком О.И., показал лишь о том, что около какой-то женщины остановилась тёмно-зелёная автомашина «Жигули», а в протоколе, который не читал, доверяя допрашивавшему лицу, записано, что эта женщина, похожая на Красовскую С.А., села в данную машину, хотя этого не было.

Построенная на этих сфальсифицированных показаниях версия о причастности к убийству Красовской С.А. водителя ав-

томашины «Жигули» тёмно-зелёного цвета повлекла за собой выполнение большого объёма бесполезных следственных действий.

Свидетель Блинов Е.Д. в судебном заседании показал, что в результате применения к нему физического насилия со стороны старшего инспектора Управления уголовного розыска МВД БССР Сазона С.Ф. в присутствии следователя по особо важным делам при Прокуроре БССР Жавнеровича М.К., он вынужден был признаться в совершении убийства Красовской С.А. и длительное время содержался под стражей.

Путём применения незаконных методов при допросах заместителем начальника следственного управления прокуратуры Витебской области Спиридёнком О.И. было получено признание Кадушкиной Л.В. и Терени Н.С. в убийстве Шейпук А.В., работниками органов внутренних дел и прокуратуры Лепельского района — признание Климанского Н.С. в убийстве Ширяевой Л.Н., следователем прокуратуры Витебской области Ивановым Ф.К. — признание Орла Н.А. в убийстве Торбун В.Е.

Аналогичные методы применялись и при расследовании некоторых других дел.

В судебном заседании установлено, что убийства женщин в разных районах Витебской области совершались одним и тем же способом на сексуальной почве, однако усилия следственных органов объединены не были, следствие велось разрозненно по районам, что отрицательно сказалось на современном раскрытии этих преступлений.

В ряде случаев не соблюдались нормы процессуального законодательства о своевременном возбуждении уголовных дел по факту исчезновения женщин и выполнении неотложных следственных действий. Некоторые следственные и розыскные действия проводились небрежно.

Поздно вечером 20 июля 1984 г. Корейченко Л.В. вышла из бани в деревне Должа и домой в деревню Герасимово не вернулась, о чём мать сразу же заявила в органы милиции. По данному факту следователь прокуратуры Витебского района Ломако С.И. возбудил уголовное дело только на пятый день, а спустя ещё пять дней вместе с участковым инспектором ОУР Степановым В.А. произвёл поверхностный осмотр местности на предполагаемом пути следования потерпевшей и ничего не обнаружил. Между тем труп Корейченко Л.В. находился всего в 100 м от её дома на поверхности земли и был случайно обнаружен односельчанами потерпевшей.

Работники прокуратуры и ОВД Верхнедвинского района также не приняли всех мер к розыску трупа Родионовой И.В., исчезнувшей в дер. Боровка на известном небольшом отрезке её пути следования к дому. Спустя две недели он был обнаружен случайно жителями этой деревни у мостика через речку, в 200 м от дома потерпевшей. Несвоевременное обнаружение трупа Родионовой И.В. затруднило установление причин смерти потерпевшей, а затем и установление виновного.

8 августа 1984 г. прокурором следственного управления Витебской области Азарченковым М.Н. с участием заместителя начальника УВД исполкома Витебского областного Совета народных депутатов Сурганова Ф.А., прокурора-криминалиста Витебской областной прокуратуры Таранды В.С. осмотр места обнаружения трупа Щедруновой Л.Е. был произведён небрежно. Родственники погибшей после этого осмотра самостоятельно на том же месте подобрали и предъявили следственным органам лучевую и малоберцовые кости, 18 косточек фаланг пальцев, три косточки запястья, одну кость стопы и кусочек кожи с волосами от трупа потерпевшей. Затем, при повторном осмотре там же были обнаружены ещё второй шейный позвонок, четыре косточки фаланг пальцев, две косточки стопы того же трупа.

Аналогичную небрежность допустил 25 апреля 1986 г. следователь по особо важным делам при Прокуроре БССР Козаченко А.Г. при изъятии останков трупа Пашуты Л.И. с места её убийства.

В конце сентября 1984 г. следователем были получены данные о том, что Красицкая Н.В. в день убийства, 30 августа 1984 г., направлялась в деревню к матери, воспользовалась услугами водителя автомобиля «Запорожец» красного цвета. В связи с этим по Витебской области была проведена проверка местонахождения в тот день владельцев «Запорожцев» красного цвета. К материалам дела приобщено большое количество протоколов допросов этих лиц. Однако проверка с целью установления причастности к совершенному преступлению кого-либо из владельцев красных «Запорожцев» проведена формально, их заявления по интересующему следствие вопросу не перепроверялись. Михасевич Г.М., как владелец автомобиля «Запорожец» красного цвета, также был опрошен работниками милиции, но его заявление о том, что он 30 августа 1984 г. находился на работе в совхозе, не проверялось. Как установлено, Михасевич Г.М. во второй половине этого дня отсутствовал в совхозе. В связи с этим Михасевич Г.М. в судебном заседании заявил, что он ещё раз убедился, что следственные органы не располагают против него какими-либо данными.

Впоследствии им было совершено убийство ещё четырёх женщин.

Свидетель Люцко З.В. сообщила следственным органам отдельные запомнившиеся ей цифры госномера автомашины с фургоном, на которой Михасевич Г.М. вывез Малявко И.М. из города и убил. Однако поиск водителя по сообщённым свидетелем данным также проводился формально.

В результате небрежного и безответственного отношения следственных работников к своим обязанностям были утраче-

ны некоторые вещественные доказательства. В частности, по вине бывшего прокурора Полоцкого района Добранова В.Н. были уничтожены вещественные доказательства по фактам убийства Храпуненко Г.В., Никитиной Г.П., Свистуновой Т.А., Латышевой Е.Н., Малявко И.М., Вакулич В.И.

При отсутствии какой-либо надобности потерпевший Ширяев С.Е. по предложению следователя прокуратуры Белорусской ССР Бабича В.И. приобрёл в магазинах аналоги одежды, в которой находилась его жена Ширяева Л.Н. в день исчезновения, и они были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. В настоящее время ничем не оправданные действия Бабича В.И. привели к тому, что потерпевший Ширяев С.Е. обратился с иском в суд о возмещении понесённых им расходов на покупку аналогов одежды на сумму 129 руб. 28 коп., поскольку сами аналоги ему не нужны.

Отмеченные нарушения законности стали возможными вследствие отсутствия надлежащего прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

На основании ст.33 Закона Союза ССР «О Верховном Суде СССР» и ст.15³ УПК БССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР.

о п р е д е л и л а :

Довести до сведения Генерального прокурора СССР о фактах грубого нарушения законности работниками органов прокуратуры и внутренних дел Белорусской ССР, допущенных при производстве предварительного следствия, для принятия соответствующих мер.

Председательствующий *С.Ф.Савкин*

Народные заседатели *А.А.Жмуйдзинавичюс*

В.А.Корженевский

ПОБЫВАТЬ В ШКУРЕ ЗЛОДЕЯ

Возможно, параллель, которую я хочу сейчас провести, вызовет чьё-то недовольство. Тем не менее, не стану отказываться от этой затеи. Так вот: я думаю, что в профессии моих сегодняшних собратьев, литераторов, и моих бывших коллег следователей, много общего. Хотя писатели, естественно, не производят допросов, лабораторным или иным путём не добывают вещественных доказательств вины или невиновности своих героев. Художественный образ создаётся авторской фантазией, подпитанной постоянными наблюдениями. Сыщики и работники прокуратуры, наоборот, обязаны напрочь отметать любые вымыслы и домыслы; каждый их шаг, каждое действие должны быть запротоколированы, соответствовать определённым параграфам, статьям, пунктам и подпунктам Уголовно-процессуального кодекса.

И всё же я, отведав обоих хлебов, утверждаю: литератор и следователь — если не родные братья, то близкие родственники. Роднит их (при безусловной честности в своём деле) по-моему, стремление проникнуть в душу своего подопечного, умение поставить себя на место вымышленного или реального человека, объяснить логичность или алогичность поступков. Необходимо «влезть в чужую шкуру», прожить чужую жизнь — страдая, радуясь, ошибаясь, борясь, побеждая или терпя поражения, умирая и возрождаясь, при этом свято оставаясь верным принципу: «Не навреди, не пожелай чужого и не сотвори зла».

...Треть века назад, зимою 1984 года, мне, тогда молодому юристу, впервые довелось на практике испытать всю тяжесть такого перевоплощения. Руководство Белорусской транспортной прокуратуры поручило вести расследование убийства Татьяны Кацуба — 20-летней дежурной по станции Лучёса, что под Витебском. К тому времени, когда дело легло на мой стол,

милиционеры-оперативники и витебский следователь Анатолий Журба располагали скудной информацией. Татьяна около 19 часов 13 января вышла из общежития, чтобы к 20 часам быть на работе — ей предстояло ночное дежурство. В положенное время на смену не явилась, не дала о себе знать и на следующий день. Организованные поиски не принесли результата — Кацуба пропала без вести. А в начале февраля, после сильной оттепели, ремонтные рабочие, обследуя электроопоры, обнаружили в ближних кустах труп. При опознании оказалось, что это Татьяна Кацуба. До станции Лучёса было рукой подать — метров пятьсот...

Моя первая командировочная ночь в Витебске была бессонной: память восстанавливала увиденные накануне фотографии. Вот Татьяна снята при жизни. Симпатичная темноволосая девушка лукаво смотрит в объектив: чуть подкрашенные губы еле сдерживают улыбку, распахнутый ворот клетчатой сорочки открывает нежную шею. Такой — доброй и доверчивой — и запомнили её подруги по общежитию. Невинные Танины глаза долго стояли перед моими бессонными, затем пропали в темноте... На смену им пришло другое страшное видение: изъеденное мышами лицо, во рту — кляп из варежки, на шее — туго затянутая и завязанная узлом косынка, на оголённых ногах — кровоподтёки. Все эти детали вместе — труп Татьяны Кацуба.

Сознание, вопреки трагической реальности, отказывалось верить случившемуся. За что, почему, как это так: чуть меньше месяца назад девушка радовалась жизни, мечтая о будущей большой любви, штудировала студенческие конспекты, ожидала посылки от мамы, а наступил чёрный провал, из которого нет возврата.

Я пытался представить, что произошло с Татьяной за тот неполный час — с 19 до 20, где она сама, возможно, совершила роковую ошибку. Прикидывал: могла ли предотвратить надвигаю-

щуюся беду. Пытался определить, почему именно в этом месте, когда рядом горел глаз светофора, а чуть дальше — окна станционного здания, настигла девушку безжалостная рука убийцы...

...Татьяна ещё раз крутанулась перед зеркалом, заправила под вязаную шапочку выбившиеся кудряшки и проверила содержимое сумочки, натянула на руки варежки.

— Счастливо оставаться, девчонки! Пусть вам женихи приснятся! С Новым годом!

— И тебя, Танюша, поздравляем, — откликнулись соседки по комнате Спивак и Ятченя. — Спокойного дежурства!

— Привет! — Ладная фигурка в темно-красном пальто скрылась за дверью.

— Трамвай подошёл вовремя, и Татьяна устроилась на пустом сидении, привычно достала из сумочки общую тетрадь, развернула конспект. Глаза пробежали по строчкам цифр и букв, но голова не воспринимала формул. «Ладно, — подумала Татьяна, — ночь длинная, десять раз перечитаю и выучить смогу. Пока утро настанет...». Засунула конспект в сумку, и рука наткнулась на что-то гладкое. «А, фотографии... Какая я там?» Достала черно-белые прямоугольники, перетасовала, как карты, остановилась на одном... Две смешные девочки напряжённо ожидают, когда из фотоаппарата «вылетит птичка». «Я с подружкой, класс пятый, наверное...» Глянула в трамвайное окно как в зеркало, увидела своё отражение, скорчила гримасу: «И ничуть я не меняюсь: такие же щёки круглые, нос пуговкой... А вообще-то симпатичная, как говорят девчонки...». Сделав самой себе комплимент, ещё раз поправила шапочку, вздохнула: «Далеко всё-таки ездить на эту Лучёсу. Но ничего, окончу институт, пойду на повышение — не век же сидеть на заштатной станции. Диплом — он и есть диплом».

Трамвай свернул на конечную остановку. Внутренне поёжившись, девушка вышла в зимний вечер, почти в ночь. «Ми-

нут пятнадцать-двадцать — и я в тепле, на работе. Не привыкать топать по шпалам...»

Выйдя на железнодорожную насыпь, прибавила шагу. Слева угадывались корпуса новостроек, справа кое-где светились огоньки в дачном посёлке, лёгкий ветерок доносил лай деревенских собак. Хрустела под подошвами сапог щебёнка, блестящими лентами уходили вперёд бесконечные рельсы. Она не любила первоначальный отрезок дороги — жилье далеко, пусто, глухо, к тому же ни одного поезда в это время в график не заложено. А так повстречался бы кто или обогнал — поприветствовал бы гудком. Одна семья — железнодорожники.

...Вот уже виден знакомый сигнал входного светофора. Впереди справа, недалеко от насыпи, ещё какой-то свет, поодаль — ещё... Чуть-чуть — и на месте. «Пришла! Но что это за шум?.. Кто это?.. Господи!.. Ма-ма-а-а!. А-а-а!..»

Грубые руки зажали рот, затем резко столкнули с насыпи. Тёмная фигура прыгнула следом, настигла у подножья склона, навалилась свинцовой массой.

— Не на-до-о-о! Не хо-чу-у-у!

Стальные грязные пальцы ещё шире разодрали кричащий рот, затолкнув в него собственную варежку. Татьяна упёрлась руками и ногами, стараясь вывернуться из-под навалившейся вонючей глыбы. Чёрный человек больно заломил одну руку, обхватил запястье петлёй из пояса пальто, поймал скребущую снег вторую руку, стянул обе, зажал узел.

— За что?! Не хочу! Не надо!

Слов не слышно, только глаза молят о пощаде, да молодое тело борется, сопротивляясь насилию. А липкая холодная рука уже задрала юбку, потянулась к плавкам, стащила колготки...

— О-о-у-у! — Глухо донеслось из-под кляпа, в огромных от боли глазах застыл ужас.

А чёрная фигура суетливо расстегнула брюки, припала к жертве и, судорожно дергаясь, совершила своё чёрное дело... Затем, по-звериному оглядываясь, напавший подтянул штаны, облизал пересохшие губы. Распластанная на грязном снегу девушка с невнятным стоном попробовала повернуться, освободить руки. Насильник снова набросился на жертву, руки потянулись к горлу, нащупали косынку. Несколько оборотов вокруг шеи, дикое усилие, безумный оскал зубов... Тело конвульсивно дёрнулось, потом затихло. Сопя и отдуваясь, мужчина потащил труп подальше от насыпи, в занесённые снегом кусты... Возвратился по своим следам, подобрал сумочку и, будто тень, растворился...

Эта кошмарная движущаяся во времени и пространстве картина не была плодом моего воспалённого воображения. В основе её лежали уже собранные дознавателями факты, конкретные сведения, полученные от первых опрошенных свидетелей — соседок Татьяны Кацуба. Конечно, вопросов без ответов было предостаточно. Из какой щели выполз упырь? Сидел ли он в засаде, зная, что девушка обязательно будет идти по этой дороге и именно в это время? Или волк в человеческом обличье был в свободном поиске? Может, это обезумевший ревнивец? Пьяная компания, загодя встретившая старый Новый год и пустившаяся в дикий разгул?.. Вопросы, вопросы, вопросы... Ответ же на них должен быть однозначно точным: убийство совершил имярек — фамилия, имя, отчество... Побудительные мотивы, вещественные и косвенные доказательства также следовало найти.

Поиск преступника (или преступников) шёл среди самой пёстрой криминогенной публики: проверялось возможное «авторство» бомжей, прощупывались люди, склонные к насилию и с сексуальной патологией, шло сопоставление с подобными трагедиями, которых, кстати, на Витебщине в ту пору было предостаточно. Версии принимались, отрабатывались и... отбрасывались: не находилось убедительного подтверждения.

И вот в поле нашего зрения попал некто Олег Адамов. О том, как я вёл возбуждённое против него уголовное дело по обвинению в убийстве Татьяны Кацубо, я рассказал в первой части своей документальной повести «Витебское дело, или Двуликая Фемида». Перед тем, как расставить точки над «і» в этой сложной и трагической истории, я по прошествии времени ещё и ещё раз попробовал перевоплотиться в своего «героя». И вот как в моём воображении предстало его поведение.

Настроение у Олега в тот январский вечер было отвратительным. Работать выпало во вторую смену, причём — у чёрта на куличках, в карьере у забытой Богом Лучёсе. Где-то в городе друзья праздновали наступление старого Нового года. Может быть, вспоминая добрую традицию, и родители сидели за уютным домашним столом. А он вкалывал на своей колымаге, ерзал от зачуханного карьера к вшивому водозабору, таскал на МАЗе песок... И не заработаешь — плечо коротенькое, к тому же тип этот, Цыбулько, что за рычагами экскаватора, ходки считает, контролёр самозванный... А хорошо бы вмазать пару стаканов в честь праздника. Что за рулём — не препятствие, какой гаишник будет работягу-самосвал ночью тормозить?..

С водозабора с порожним рейсом подвалил Лёнька — бульдозерист. Полез в кабину экскаватора. О чём-то побазарил с Цыбулько; объявили перекур на обед. Олег увидел, как в руках у мужиков появилась бутылка «чернил» — её достал из загашника Цыбулько. Разложили закусь, разлили вино... Олег сглотнул слюну: «Запасливый народ... Потянут по «маленковскому», зажуют — вот и праздник. А тут хоть волком вой!..»

Он ударил кулаком по баранке руля, завёл мотор и газанул по карьеру. Остановился почти у самой насыпи. Со злостью рванул дверцу, вылез на подножку. Оглянулся на экскаватор, рядом с которым стояли ещё две машины — Козлова и Сиротина. Увидел, как обе тронулись с места и направились в сторону

Витебска. «Куда это они? Ага, ясно, — мелькнула догадка, — за добавкой погнали, чтоб до восьми успеть, до закрытия магазина. А у меня в кармане, как у латыша... Вот, гады, даже не позвали!..»

Чтоб хоть чем-нибудь занять себя, отогнать мрачные мысли, поднял капот машины и тут увидел, что по насыпи, по верху, идёт женщина. Силуэт её чётко прорисовывался на фоне неба. Она шла торопливо, явно направляясь к станции Лучёса.

Мысль кольнула сразу: «Ну и хрен с вами, пейте свои «чернила». А я сейчас бабу заклею. А, может, и не только заклею — сам себе устрою праздник, будет что вспомнить про новогоднюю ночь».

Неуклюже переваливаясь, но всё же довольно быстро, взбежал на насыпь, внезапно вынырнув перед опешившей юной девушкой. Надо столкнуть вниз, а то мужики из экскаватора увидят, — включилось что-то в голове. — А там — будь, что будет!». И он, обхватив незнакомку, кубарем скатился с нею на противоположную от машин сторону.

— Не хочу! Не надо! Мама!

Крик напугал — вдруг услышат на той стороне?! Олег, сорвав с руки девичью варежку, затолкал её в вопящий рот. Девушка барахталась под ним в грязном от копоти снегу, изо всех сил отталкивала, стараясь вывернуться. Сопротивление разъярило, распалило и в то же время усилило испуг нападавшего: он сам загнал себя в угол. «Отпустить — заложит в милицию, накатает телегу, и тогда кранты. А ментам этого только и надо, у них уже была одна заява на него, Олега. Хорошо, что дура забрала бумагу, отказалась...» Всё это молнией мелькнуло в голове, и Адамов злобно, с силой завернул руку девушки за спину. Сорвал пояс от пальто, заломал вторую руку и с силой затянул узел. Юное тело извивалось, протестовало, из-под задравшегося пальто были видны упругие ноги, и похоть нахлынула на Олега глухой волной. Придавив жертву своими пятью пудами

веса, он начал сдергивать сапог, затем нижнюю одежду. Увидел оголённое тело, сладострастно облизался. В животном порыве навалился и тут же ощутил оргазм...

Девушка обречённо лежала, её глаза отрешённо глядели в тёмное ночное небо... Затем взгляд приобрёл осмысленность, и Адамов понял, что обострённая до предела память несчастной жертвы навечно зафиксирует его облик, как на фотоплёнке. Торопливо подтягивая штаны, он лихорадочно искал выход, но страх и обуявшее отчаяние заглушили мелькнувшую было жалость. Нет, разум у него не помутился. Верх взяла звериная жажда жизни. О чужой жизни в тот момент он и не думал...

С дикой злобой и на себя, и на подвернувшуюся жертву (в первую очередь, конечно, на неё) Олег вновь набросился на девушку, сорвал шейный платок, свил его жгутом и туго, насколько смог, сдавил шею. Затянув петлю, схватил тело за ноги и поволок в сторону. Затем вернулся к месту убийства, подобрал сапог, бросил к трупу. Поднял сумочку, пошарил в ней, нащупал какие-то бумаги, мелкие деньги. Их автоматически сунул в карман. Озираясь по сторонам, пополз наверх, на насыпь. Осторожно выглянул. На железнодорожном полотне никого не было. Кабина экскаватора светилась, там видны были силуэты. Рядом стояла одна машина. «Сгонял кто-то за поддачей, — отметил про себя, — значит, пьют. Никому до меня нет дела».

Спрятав сумочку под курткой, — добрался до своего МАЗа. Опустил капот, сел за руль. «Надо сматываться, иначе мужики догадаются. Хотя — что им до меня?..» Запустил двигатель, тронул машину с места, неожиданно для себя затормозил. «Что придумать?.. А, скажу — габаритные огни не горят. Тем более, что они в самом деле барахлят. Это для отмазки, на всякий случай. Они сами сегодня раньше слиняют, не будут пахать до утра. Под шумок и я алиби заработаю. Молчать они будут в тряпочку...»

Проезжая мимо экскаватора, заметил, что вернулась пока только машина дружка, Козлова. Сиротина в карьере не было... Его, Адамова, МАЗ шёл рывками. Любой сторонний наблюдатель сразу же подумал бы: за рулём пьяный. Но в поздний час на узком шоссе до Витебска и на городских улицах в этот январский вечер прохожих почти не было, машин тоже, да и гаишники, видимо, пошли провожать старый и встречать новый год.

Адамову повезло. Правда, небольшой сбой произошёл на автокомбинате — диспетчер всё-таки отметила точно время прибытия в гараж, а Олегу надо было вернуться вместе со всей бригадой... Но тут могут пригодиться неисправные габаритные огни.

Дорога домой показалась бесконечной. В каждом встречном чудился переодетый милиционер, который может защелкнуть наручники, в каждой девушке виделась сестра задушенной. Жгла тело сумочка, пудовым грузом оттягивали карманы жалкие рубли и мелочь... Холодный пот скатывался с шеи, тёк от спины до пояса, накапливался под ремнём брюк. Руки продолжали дрожать, и Олег, чтобы не вызвать подозрения, крепко сжимал пальцы в кулаки.

Не прошёл колотун и у дома, окна которого не светились. Старики спали. Верный пёс узнал молодого хозяина и не залаял. Опасливо поглядывая на тёмные контуры двора, Адамов шагнул к сараю — сумка по-прежнему не давала покоя, она была частью той незнакомой девушки, которая осталась в кустах под Лучёсой. Скрипнула дверь сарая, и собака недоуменно посмотрела на Олега. В её собачьей голове всё перепуталось: в такой поздний час (она это знала) заходят обычно или в «скворечник», откуда противно воняет, или прямо в дом, где тепло и откуда выносят объедки. Но задавать вопросы четвероногий сторож не умел, правда, он коротко взлаял, будто спрашивая о чём-то. Хозяин, пробыв в сарае несколько секунд, недовольно пнул ногою пса, и зашагал к дому.

Жадно выглотал кружку холодной воды, пробрался в свою боковушку. Сбросив одежду, забрался под одеяло. Липкий пот покрывал тело, собирался в ложбинке, где начинались ребра; начинало зудеть всё тело. «Вот бы теперь бутылку засосать — и отключиться...» Сон не шёл. Как кадры фильма, мелькали: красное пальто, молящие глаза, белое тело, грязный снег, сдавленные крики, леденящий страх.

Страх, страх, страх...

Он не отпускал и наутро, дамокловым мечом висел над головой. С опаской поглядывал на своих же водил — Ковалёва и Сиротина, боялся Адамов встретить бульдозериста и экскаваторщика. Но — пронесло. К концу дня с облегчением избавился от денег (почему-то казалось, что они могут служить уликой). Скинулись — выпили. И в пьяном гомоне всё прислушивался, не заговорит ли кто об убитой женщине. Собутыльники оценивали живых баб, хвастались победами на этом «фронте». О мёртвых не вспоминали.

Ему — Олегу Адамову — вселял ужас вчерашний день. Казалось, что заброшенная в сарай сумочка видна сквозь брёвна, доски; что где-то, на каком-то телевизионном пульте всезнающий следователь, наведя камеру именно на его, Олега, сарай, перечисляет, пересчитывает все безделушки, тетради, записочки, которые носила с собою девушка. «Какой же я идиот, недоносок, раззява... Приволочь в хату такую улику! Попробуй её теперь вытащить... Старуха сразу зацепится: «Что ты забыл в сарае? Чего копаешься? Бутылку заначил?..»

«Хотя — стоп! Сосед на мусоровозке пашет. Часто торчит со своим «говновозом» около дома — то ли горючку сливает, то ли ещё чего что... Надо вычислить, когда приедет, и забросить ему эту проклятую сумку. Хрен кто найдёт после...»

Кто-то свыше гадил, как говорят, Олегу в кашу. Сосед в самом деле прикатил на своей спецмашине, суетился между то-

пливным баком и каким-то схроном, где, судя по всему, было персональное нефтехранилище. Ему было не до Олега. И Адамов просунулся в дверь сарая. «Чёрт, темнотища! И куда это я её засунул? А грязи сколько! Старуха, может, не зря бочки катит... Где же сумка?.. Ага, вот она! Есть! Теперь — лишь бы не усёк сосед. Где он?.. Вижу — с очередной канистрой попёрся. А я тем временем закину сумку в мусоросборник. Сделано, лады!»

Нервы сдали — то ли от дикой радости, то ли от двух кошмарных ночей. «Сосите вы... Наколол я вас всех! Поезд ушёл, граждане менты!»

Следующую ночь Олег Адамов спал спокойно.

...У меня же, следователя Валерия Сороко, ночь была бессонной. Завтра обвинение получало официальный статус, и подследственному Адамову «светил» немалый срок, а, может быть, и высшая мера наказания. Я брал на себя тяжелейшую ответственность — убеждал судей, всех граждан, что именно вот этот молодой человек сознательно и крайне жестоко лишил земной жизни невинную душу Татьяны Кацуба. Я взвешивал все «за» и «против», мучился сомнениями — всё ли учёл, не заговорило ли во мне желание любыми средствами наказать явное зло, сумел ли я сохранить профессиональную честь, не посягнул ли на презумпцию невиновности?..

Признание Адамовым вины, отказ от показаний, скрытность, хитрость, примитивные и продуманные уловки, нечаянная искренность, симуляция, страх возмездия, звериная жажда жизни, откровенная грубость и явный подхалимаж, попытка откупиться, депрессия, надежда на благоприятный исход суда... Это не все стороны адамовского характера, которые я увидел в ходе расследования. А какой кусок своей собственной жизни оставил я в этом деле!

И всё же после больших раздумий я твёрдо решил: Адамов виноват. Именно он 13 января 1984 года в районе станции Лу-

чёса убил 20-летнюю Татьяну Кацуба. Теперь пусть суд определяет, насколько профессионально я провёл следствие, насколько убедительно составил заключение. Видит Бог: я не желал и не желаю зла Олегу Адамову, но зло, показавшее свой дикий оскал в жутком преступлении, должно быть наказано.

...Суд определил Адамову пятнадцать лет. Много? Слишком милостиво? Справедливо? Жестоко? Я судьям не судья. Любым приговором нельзя вернуть к жизни Таню Кацуба, никак не остановить в чёрную минуту безжалостные руки убийцы... Остаётся надежда, что преступник замолит свой тяжкий грех, что суровое наказание, вынесенное Адамову, остановит бродящего в поисках жертвы следующего насильника...

Спустя год Адамова оправдала прокуратура. Да, я не оговорился — именно прокуратура, а не суд. Геннадий Михасевич был признан (причём на самом высшем тогда уровне — Секретариатом ЦК КПСС) единственным и безусловным «автором» почти сорока убийств и изнасилований. «Взял он на себя» и жизнь Кацуба. Адамов вышел на волю, а за решёткой оказался я, грубо нарушивший социалистическую законность. Мои попытки опровергнуть это обвинение натолкнулись на глухую стену. Кто из прокурорских и судейских начальников в тоталитарном государстве мог перечить постановлению ЦК, не соглашаться с ним? Рядовым гражданам страны Советов услужливой прессой я был представлен как карьерист, действующий как безжалостный танк, перемалывающий на своём пути всё живое (в том числе и самого себя). Профессионалы-юристы, попробовавшие отстоять истину, были отстранены от материалов и дел, которые могли установить истину.

Я в итоге оказался в Нижнем Тагиле, в колонии, где собрали провинившихся работников правоохранения, советских и партийных чиновников. Признаюсь, далеко не однозначный это народ. Были и явные рвачи, умевшие и прежде, даже

на зоне грести только под себя. Встречал и иных — не угодных властям личностей. Безжалостная машина занималась самоедством — перемалывала свои же шестерёнки, приводные ремни. Ей, системе, казалось, что она обладает бесконечным запасом прочности, а десятки, сотни, тысячи попавших в мясорубку винтиков — это мелочь, шелуха, не стоящая внимания.

...Уже дома, в Минске, после огромных трудностей удалось «прикоснуться» к делу Михасевича. Поначалу мной овладело недоумение, а затем осознанное упрямое желание раскопать навозные кучи, под которыми упрятали правду. Сразу бросились в глаза предвзятость, запрограмированность следствия, абсурдность некоторых свидетельств «маньяка века». Недоумевал: почему выводы известного следователя-важняка основаны только на «искреннем признании вины» Геннадием Михасевичем. Мне тогда показалось, что мрачная и зловещая тень Андрея Януарьевича Вышинского маячит в полумраке следовательских кабинетов.

Естественно, меня, в первую очередь, интересовал конкретный том из «собрания сочинений», посвященных Михасевичу. Тот, в котором зафиксировано его признание в убийстве «моей» (или всё же адамовой?) Татьяны Кацуба.

И вновь я забрался в чужую шкуру, на этот раз — Геннадия Модестовича Михасевича.

...Руководство краткосрочных курсов, где Михасевич проходил переподготовку, объявило тайм-аут. Может, дирекция поняла бессмысленность учебного времяпровождения в канун старого Нового года. Возможно, просто захотела сделать слушателям приятный сюрприз. Так или иначе, но группы разъезжались по домам. Геннадию в принципе было всё равно: отбывать ли «номер» на курсах, тянуть ли лямку в механических мастерских совхоза. Вообще, внешняя, обыденная сторона жизни его мало интересовала. За семью замками он хра-

нил сокровенную тайну, в которую не допускал никого, даже самых близких людей. Плакатная ширма — коммунист, опытный руководитель среднего звена, активный общественный автоинспектор — маскировала безжалостного убийцу. По-своему умного, хитрого, предусмотрительного, многоликого и... обаятельного. Да, именно так: я думаю, что многие кинорежиссёры не отказались бы использовать его в роли героя-обольстителя. Дьявол в весьма привлекательном и совершенном обличьи...

На Витебском вокзале наблюдалась обычная суета. С продовольственными сумками толпились деревенские бабы, скучающие под их контролем страждущие мужики, тусовались призывные юнцы, задиристо и вызывающе дефилировали мимо них длинноногие девицы, стреляя глазами по сторонам, подсчитывали последние жалкие копейки пропившиеся пассажиры, гоголями прохаживались милиционеры.

Скука, серость, грязь...

Геннадию Михасевичу хотелось вырваться из этой серости и суеты. Людской мошкаре никогда не подняться до его высоты, до его всемогущества. Любого из этой мелкотравчатой публики он, если захочет, может поставить на колени. Более того, захочет — и лишит самого большого, самого главного, необъяснимого и никем не постигнутого таинства. Таинства под коротким названием «жизнь».

...Девицы прохаживались, показывая ослепительно красивые ноги. И Геннадий решил: «Сегодня вот этими своими руками проведу по гладкой девичьей коже. Хотя нет, на кой чёрт сдались мне зимою эти сексуальные хлопоты. Гораздо интереснее насладиться трепетом, умоляющим взглядом цветущей молодки, когда на шее у неё окажутся мои руки. Не гладить я её буду, а душить, вначале потихоньку, потом жёстче, до хрипа последнего. Для надежности, чтобы не очухалась — накину на шею петлю. А что там у неё между ног — это десятое дело».

«Всё-таки какая длинная шея у той блондинки, что спускается по лестнице со второго этажа. Ничего, догуляешься, девочка!..»

Вокзал шумел, жил своей суетливой жизнью. И никто не обращал внимания на него, Геннадия Михасевича, никто не чувствовал, какой исключительный человек находится рядом с ними. «Ладно! Я вам докажу! Я!..»

Что означало последнее «я», он еще сам не осознал, но твёрдо решил: хотя бы одна женщина сегодня будет его. Как, когда, где — не важно. Но — будет!

Сел в трамвай, первый подошедший. Определил, что он идёт в сторону Лучёсы. «Лады. Там у меня уже были «интересные» встречи. Должно повезти и на сей раз!». На конечной остановке увидел, что по тропинке к железной дороге пошла крепенькая девушка в красном пальто. «Моя!»

Красное пальто маячило впереди. У девушки под ногами хрустел щебень. Михасевич шёл в десяти шагах и не мог понять, почему она даже не оборачивается. Вокруг глушь, ни впереди, ни сзади нет ни души. А она, гляди-ка смелая, знай себе вышагивает. Поблескивают рельсы, сереет на краю насыпи снег. «Сейчас догоню... Ох, какая у неё, наверное, шея!.. А как она, дурочка, будет хрипеть!»

Шёл по пятам и начинал злиться на незнакомку. Должна ведь была слышать, знать, что здесь, в Лучёсе, он уже решил жизни трёх вот таких же беспечных. И — ни грамма страха. «Ну, подожди! Ты у меня помучаешься, узнаешь, почем фунт лиха!».

Его шаги стали жёстче, твёрже, расстояние сократилось. Остерегающе блеснул глаз светофора. Справа, внизу, проявился силуэт грузовика, за ним подобный жирафу абрис экскаватора, свет в его кабине. «Всё насмарку! Живи, красотка! До следующей встречи. Тогда ты от меня не уйдёшь!..».

Разум рассудил правильно, но мгновенно захлестнувшая всё существо жажда крови, чужой смерти ослепила. В несколь-

ко скачков догнал девушку, обхватил её и будто с кулём соломы покатился по левому откосу насыпи.

— Ма-ма! Спа-си-те!

Живое сопротивляющееся тело пробудило одновременно и звериный инстинкт, и охотничий азарт. Машинально, по привычке дотянулся до нежной шеи и сдавил ее. Косынка оказалась под руками весьма кстати... Два оборота, тугой узел — и всё! Не надо было попадаться на пути!

Бездыханный труп оттащил подальше, поднял сумочку, побрёл понизу вдоль насыпи. Увидел какие-то бетонные то ли плиты, то ли круги... Сунул в первую попавшуюся ямку сумку — избавился от улики. Вскарабкался на насыпь. С чувством удовлетворения, выполненной миссии спокойно поехал на вокзал.

Затем домой, к семье...

В который раз я прокручивал три возможных варианта развития событий в январский вечер далёкого 1984 года. Сопоставлял их в деталях, искал точки соприкосновения с реальностью. И версия Михасевича, изложенная им следователю-важняку, начинала рассыпаться, а затем, при более детальном и скрупулёзном рассмотрении, и трещать по швам. Уж больно «искренним» сказался неуловимый более десяти лет злодей, на удивление «доверчиво» воспринял его «признательные» показания следователь-асс...

А когда я узнал скрытый за семью судебными замками потрясающий факт, что суд оправдал Михасевича по трём убийствам в районе всё той же Лучёсы, недоверие к следователю переросло в убеждение, что он в данном случае поступил недобросовестно.

Несомненно, на суд оказывалось огромное воздействие. Всё делалось для того, чтобы эпизод убийства Татьяны Кацуба Михасевичем перекочевал из обвинительного заключения

в приговор суда. Следователи и прокуроры готовы были поступиться другими эпизодами (и поступились!), только не этим. В противном случае это бумерангом ударило по многим высоким чинам. Ведь задолго до рассмотрения дела в суде по обвинению Михасевича я был заключён под стражу. Также были арестованы за необоснованное привлечение Адамова к уголовной ответственности следователь прокуратуры А. Журба, сотрудники милиции В. Буньков и В. Кирпичёнок. Трудно представить, какие могли быть последствия для Прошкина и других, в том числе и заместителя Генерального прокурора СССР О. Сороко, если бы Верховный Суд СССР оправдал Михасевича по эпизоду убийства Татьяны Кацуба. Потому следователи и прокуроры из последних сил сражались за этот пункт обвинения, не желая подставить под удар ни самих себя, ни заместителя союзного Генпрокурора.

Проколы и недоработки, предположения, выдаваемые за доказанные факты, поставленные будто в художественном кино, следственные эксперименты — всё это в избытке имелось в деле, в котором решались судьбы людей. А затем почти на каждой странице судебных протоколов фигурировали удивительные для памятливого Геннадия Михасевича туманные показания: «точно не помню», «где-то в этом районе», «кажется, здесь», «примерно в той стороне»... А ведь со времени трагедии прошло чуть больше двух лет. И в то же время о нераскрытых преступлениях десятилетней давности маньяк живописал, извлекая из памяти десятки деталей, фактов... Странная была память у Геннадия Михасевича...

Но в одном он был неизменен: на вопросы об изнасилованиях практически каждый раз безразлично, с лёгкой ухмылкой понял: «Это никогда не являлось для меня главным...».

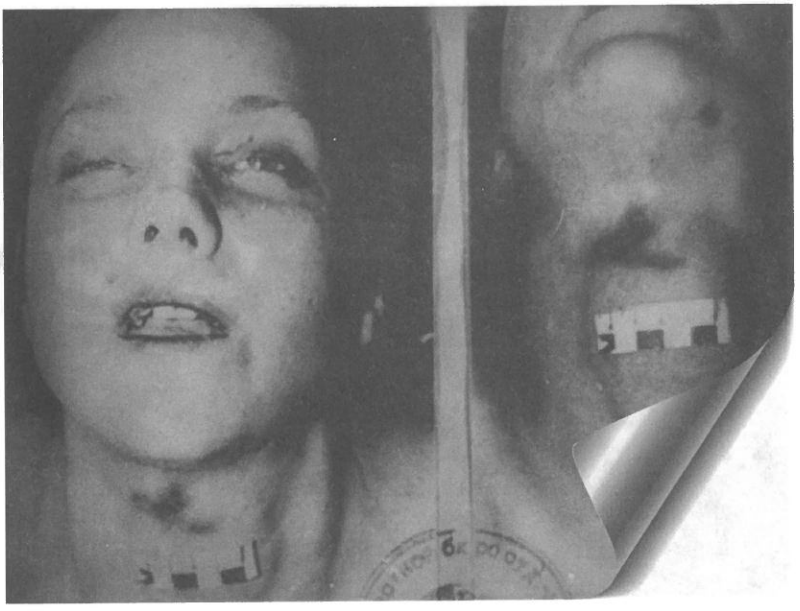
Преступный путь Михасевича. Теперь в связке со следователем

Смотри, изверг, смотри на совершённое тобой

Ой, мамочка, за что!?

Их матери так и не дождались своих внуков, правнуков...

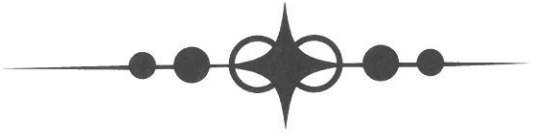

Господи, упокой их души!

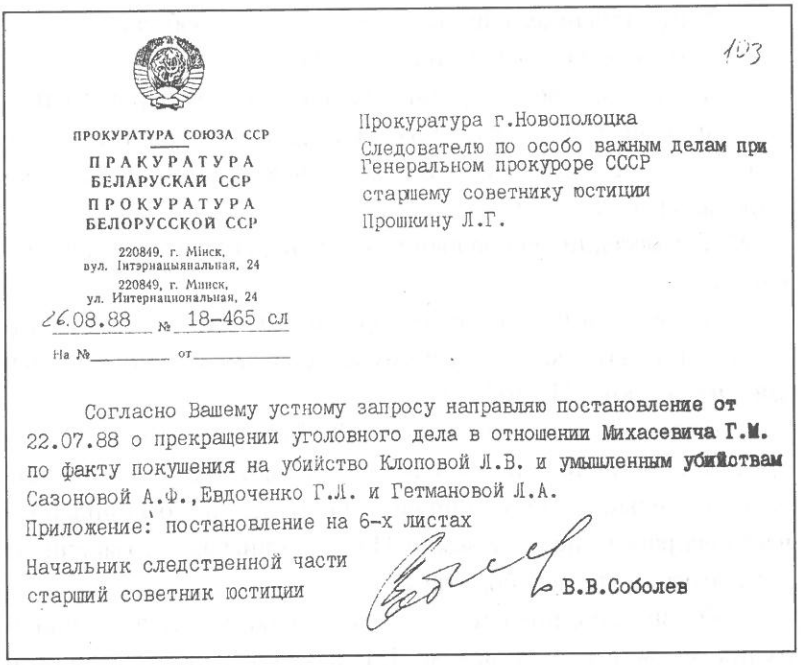

Материнские слёзы

Глава II
СЛЕДОВАТЕЛИ ПРОТИВ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

«Превосходно, если мы сами
в состоянии управлять собой»
Цицерон

103

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ПРАКУРАТУРА
БЕЛАРУСКАЙ ССР
ПРОКУРАТУРА
БЕЛОРУССКОЙ ССР

220849, г. Мінск,
вул. Інтэрнацыянальная, 24
220849, г. Минск,
ул. Интернациональная, 24
26.08.88 № 18-465 сл
На № _____ от _____

Прокуратура г.Новополоцка
Следователю по особо важным делам при
Генеральном прокуроре СССР
старшему советнику юстиции
Прошкину Л.Г.

Согласно Вашему устному запросу направляю постановление от 22.07.88 о прекращении уголовного дела в отношении Михасевича Г.М. по факту покушения на убийство Клоповой Л.В. и умышленным убийствам Сазоновой А.Ф.,Евдоченко Г.Л. и Гетмановой Л.А.
Приложение: постановление на 6-х листах

Начальник следственной части
старший советник юстиции В.В.Соболев

НОВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАРИКОМ

Я снова спешил на встречу со «своим» стариком, который сидел на скамейке возле своего дома, подставив изрытое морщинами лицо первым лучам солнца, и курил крепкий самосад. Господи, как симпатично он улыбался! Одними только глазами. Сам себе, своим мыслям. Уже по этой улыбке ощущалось, что душа у него светлая-светлая. И не чувствовал этот

старик страха за содеянное перед лицом смерти. Ибо перед Богом и людьми был чист.

Он первый окликнул меня:

— Илларионыч, отдай каждому то, что ему принадлежит.

— Старик, но я никогда ничего не брал чужого...

— А переживание, а время, а настроение, а любовь...

— Но я останусь с оголённой душой...

— Не сам, а с совестью останешься. Иди своей дорогой с ней.

Старик опять замолчал. А я стоял и думал о прожитых мгновениях, о своём пути, который, как мне казалось, уже контролировал своей совестью.

Мой собеседник снова выпустил кольцо едкого дыма и произнёс:

— Помню, когда фининспектор в пятидесятом тёлочку описывал, отец твой сказал: «Некому жаловаться, потому что змеи змей не кусают». Не побоялся...

Что мне было старику ответить? Признать, что за десятилетия ничего не изменилось, ничегошеньки? Как и у отца когда-то, тяжёлый груз и у меня на душе. Булыжником придавливает несправедливость к земле. И не веришь уже, что можно от него, этого груза, освободиться.

— От видишь, пока только одна пчёлка из улья с первым лучиком вылетела за мёдом. Так и человек. Кто-то должен первым в путь за правдой отправиться, в казённые двери постучаться. Ещё не зная толком, сколько слёз и крови на этой дороженьке.

— Старик, к отцовскому высказыванию про змей добавлю выстраданное своё: ворон ворону глаз не выклюет.

— От и это правда, Илларионыч. А ты знаешь, что у плохой птицы плохие яйца? У нас так говорят.

И старик, не взирая на то, что говорит о негативном, улыбнулся своей светлой улыбкой.

ИСПОВЕДЬ ОЛЕГА СПИРИДЁНКА

Знакомая до мелочей обстановка: рабочий стол, сейф, не первой молодости стулья. Я могу здесь ориентироваться с закрытыми глазами: в темноте, на автомате повесить на место плащ, открыть форточку, зажечь настольную лампу, привычно набрать номер телефона. Это мой служебный кабинет, моё рабочее место. Правда, сегодня я здесь не хозяин. Уже не хозяин! Хотя спроси кто-нибудь посторонний по телефону: «Это Олег Иванович?», сидящий за столом ответил бы: «Да, это я!».

И он, занявший моё место, не соврал бы: его действительно зовут Олегом Ивановичем, так же, как и меня. Разница в фамилиях: я — Спиридёнок, он — Домурадов. Я — бывший заместитель начальника следственного управления Витебской областной прокуратуры — обязан давать в ещё недавно своём кабинете показания ему, члену следственной группы прокуратуры СССР. Вот какую «мёртвую петлю» уготовила мне судьба десять лет назад...

Мой двойной тёзка и бывший коллега по профессии небрежно роняет:

— Придётся вам съездить в Москву.

Затем с нажимом добавляет:

— На допрос.

И ещё через паузу:

— Пока в качестве свидетеля.

— Расследование проводится на территории Витебской области . Вот и допрашивайте здесь! — парирую я.

— Вообще-то, вас допрашивать надо или на Ленина, 5 или на Гагарина, — с неприкрытой угрозой цедит Домурадов.

— Тюрьмой не запугаете. А в Москву?.. Что ж, давайте командировочные!..

— Вон на улице «воронок» стоит. Небось, знаете где? Сегодня этот транспорт для вас, Спиридёнок. Отдельное купе

уже приготовлено. Давно, уже лет десять с гаком... И пора перестать «качать права». Власть переменилась! Вот повестка — расписывайся!

...Москва встретила меня неласково. Точнее, не сама столица державы, а её главный правоохранительный орган — Прокуратура СССР. Прямо с вокзала явился я в следственную часть, к Леониду Григорьевичу Прошкину, союзному «важняку»:

— Помогите с гостиницей, привести себя в порядок надо; не завтракал даже...

Встреча оказалась такой же, как и проводы. Прошкин почти повторил слова Домурадова:

— Будет вам гостиница, и покормят... Только не там, где вы надеетесь... Вам забронированы служебные номера. Времена иные, Олег Иванович! Вот познакомься...

Глаза отказывались верить (в сознании текст документа тем более не укладывался). Это было постановление об аресте, о привлечении меня к уголовной ответственности в качестве обвиняемого...

— Теперь ясно, какая гостиница приготовлена? — переспросил Прошкин.

— Ленина, 5 или на Гагарина, — всплыли в памяти слова Домурадова, и я повторил их вслух.

— Что это с ним? — удивился один из помощников Прошкина.

— Москва ему не нравится, Витебский СИЗО, видимо, ближе, — прокомментировал тот.

Попытавшись сосредоточиться, я начал читать документ: да, действительно, меня, Спиридёнка Олега Ивановича, обвиняли во всех мыслимых и немыслимых служебных прегрешениях, и заключение под стражу было в таком случае единственно возможной мерой пресечения. Только вот подписи под постановлением не было...

— Что же так? — не удержался я от вопроса по этому поводу. — Концы с концами не сходятся? Нет уверенности, мало компромата?

— Было бы желание, статья найдётся, — невозмутимо ответил Прошкин. — Тем более для вас.

«Статья найдётся...». Чтобы разъяснить суть этой расхожей-сакраментальной фразы, предлагаю заглянуть в предысторию «моего» и — возьмем шире — всего «витебского дела».

Убийства женщин в Витебской области более десятка лет держали в напряжении все правоохранительные органы, не давали спать спокойно тысячам мирных людей. Часть преступлений после напряжённого розыска, тщательного расследования и, как тогда полагали, объективного суда, была раскрыта, виновных осудили. В то же время были убийства, «авторов» которых установить не удалось: они «глухарями» висели на местной милиции и следователях, портили статистику и в масштабах республики. К некоторым расследованиям был причастен и я; они закончились тем, что мои «подопечные» получили должное возмездие.

Но вот в конце 1985 года (я тогда был в командировке в Поставах, вёл хозяйственное дело) среди моих коллег прошёл слух (правда, официально никем не подтверждённый), что во всех нераскрытых убийствах сознался бывший сотрудник МВД (по известным соображениям я не стану называть его фамилию). Дело, мол, только во времени: «клиент», как говорится, скоро «созреет». Тем более что в оборот его взяли опытнейшие оперативники и следователи из Минска и Москвы, подключились и профессионалы из КГБ. Однако, повторю, официально эта версия не обнародовалась.

Затем последовал новый поворот: задержан Геннадий Михасевич, который практически сразу же признался в убийстве дежурной по станции Лучёса 20-летней Татьяны Кацуба. Той самой девушки, смерть которой брал на себя незадолго до это-

го бывший сотрудник МВД. Скажу откровенно: эта скоропалительность со сменой подозреваемых зародила во мне недобрые сомнения и предчувствия. Они ещё больше усилились, когда из Михасевича буквально «посыпались» признания в убийствах почти сорока женщин. На свой кровавый счёт он записал и те преступления, расследование которых были завершены и виновные уже отбывали наказание.

И вот меня отзывают из Постав в Витебск. Один из руководителей прокуратуры БССР буквально огорошил: «Пиши объяснение, как ты в 1973 (!) году избивал (!) на допросах подследственного, угрожал пистолетом (!), травил собакой (!).

Я смотрел на давно знакомого мне человека, облеченного большой властью, хорошо знавшего меня, и не верил в реальность происходящего: «Что это, кошмарный сон?.. Неудачный розыгрыш?... Плоды чей-то больной фантазии?..».

Пусть и абсурдными мне показались обвинения, пришлось браться за перо: в нашем учреждении приказы начальства обычно не подлежат обсуждению. Но лист бумаги, что лежал передо мной, долго оставался чистым: вопиющих грехов, а тем более издевательств над подозреваемыми и обвиняемыми, как ни старался, я припомнить не мог.

— Вспомните, как вели дела по убийству Евдоченко и Сазоновой, — поступила подсказка. — Вы там столько всего наворотили... Когда признался Михасевич в том, что он их порешил, всё выплыло наружу... Да, не забудьте ещё поведать о расследовании дела об убийстве Гетмановой...

Дела об убийствах в практике следователей, пусть даже по особо важным делам, встречаются не так уж часто, и я хорошо помнил все обстоятельства и детали расследования. Как и тогда, много лет назад, так и сегодня мне не в чем упрекнуть себя как профессионала, не за что извиняться перед обвиняемыми; я ни в чём не согрешил перед собственной совестью и Богом. Попы-

тался сказать об этом, но начальство было непреклонно: «Пиши подробную объяснительную! На имя прокурора БССР!».

Ни на йоту не отступая от истины, изложил ход давнишних расследований, аргументировал все свои действия. Передал объяснительную тому, кто её затребовал, и вернулся в Поставы, где работы ещё было непочатый край. Корю себя сегодня за наивность, но тогда думал, что произошедшее — чистая случайность, чья-то недоработка, плод злого умысла какого-либо недоброжелателя (чего таиться, за долгие годы работы нажил я себе и недругов — служба у следователей непростая). Но в душе жила надежда, что «наверху» во всём разберутся и снимут с меня нелепые подозрения.

Надежды не сбылись: 16 апреля 1986 года я, мои коллеги Фёдор Иванов, Леонид Михлин стояли «на ковре» в виде заседания коллегии прокуратуры БССР. Тогдашний прокурор был непреклонен и неумолим: «возражения и объяснения не принимаются», «от таких работников надо немедленно избавляться», «им нет места в наших рядах». И в заключение его доводов последовала весьма существенная, если не главная, деталь: «с Москвой всё согласовано!».

После этой озвученной мимоходом ремарки курс наших акций стремительно покатился в бездну: если уж получено «добро» Москвы, то обратного хода не будет, поняли члены коллегии. Я сам довольно скептически воспринял предложение своего витебского руководства вновь поехать в Поставы, довести хозяйственное дело до конца. Предчувствие неминуемой беды уже не покидало меня, и она не заставила себя долго ждать: через неделю, 24 апреля появился приказ: «Уволить Спиридёнка О.И. по ст. 254 КЗоТ БССР — за совершение проступков, не совместимых с пребыванием в органах прокуратуры»...

В профсоюз после такой формулировки в приказе не обратишься, вышестоящему начальству не пожалуешься — с Мо-

сквой ведь всё согласовано! В общем, «волчий билет», косые взгляды, постоянное ощущение своей ненужности и ущербности, ожидание ещё большей беды. Человек оказался за бортом, и никто не бросает тебе спасательный круг...

Не подумайте, что краски слишком сгущены. Тогда существовала практика так называемых «негласных указаний». Что это такое, в чём заключается? Попытаюсь объяснить на собственном горьком опыте. К примеру, я достоверно знал, что конкретному предприятию или учреждению требуется опытный юрист. Предлагаю свои услуги — следует отказ. Под разными предлогами или без оных, с сожалением и сочувствием, а то и с издёвкой, в первый же мой приход или неделю спустя, в глаза или по телефону, но непременно задействовалась поговорка: от ворот — поворот.

Во всех случаях срабатывало то самое «негласное указание», на этот раз — Министерства юстиции, нигде официально не зафиксированное, но имеющее не меньшую силу, чем закон: «попавших в опалу на работу не брать!» По этим кругам прошёл, к сожалению, не я один — неуютные ступеньки парадных подъездов хорошо знакомы многим дипломированным специалистам. Практически никто из власть имущих старался при этом не вспоминать об основном праве человека — праве на труд...

Мне, однако, повезло: нашёлся в Витебске человек, который сделал вид, что ничего не знает о «негласном указании».

— С дураков спрос малый, как и из тех, кто с ними работает, — не без юмора прокомментировал своё решение главврач областного психоневрологического диспансера Аркадий Алексеевич Марченко и... зачислил меня в штат своего учреждения на вакантную должность юрисконсульта.

Какие бои из-за этого ему пришлось выдержать в разных инстанциях, мне до сих пор неизвестно. Но Аркадий Алексе-

евич твёрдо стоял на своём: «Мне нужен квалифицированный специалист, а Спиридёнок таковым является. Претензий к нему у меня нет!».

Административный нажим не дал результата. Тогда была предпринята атака на главном, по тем временам, фронте — на партийном. В Витебск приехала комиссия ЦК КПБ, наделённая чрезвычайными полномочиями. Ей было дозволено практически всё — «казнить и миловать». Правда, в ходу была лишь первая часть этого самовольно присвоенного права — репрессивная. Чистка касалась, конечно же, не только меня — она изломала судьбы десятков людей. Но с первого захода «освободить свои сплочённые ряды» от Спиридёнка партийной ЧК не удалось: коммунисты диспансера на собрании потребовали предъявить доказательства моей вины. А их в природе не существовало, справка прокуратуры, крайне тенденциозная, никого не убедила. «Виновность человека может определить только суд!» — эта общеизвестная истина оказалась ближе врачам и фельдшерам, чем клеркам из ЦК. Впрочем, как мне стало известно, возглавлял комиссию... бывший зоотехник. Но это, как говорится, дело вкуса — кого присылать на проверку: юристов или кухарок. В чужой монастырь со своим уставом ходить не рекомендуется...

Что такое «демократический централизм», спустя несколько дней во всей полноте продемонстрировал Октябрьский райком КПБ Витебска. Не прошло и минуты, как началось заседание бюро райкома, а мой партийный билет уже перекочевал в руки первого секретаря. Упрекнув коммунистов диспансера в политической близорукости, непонимании момента и беспринципности, «первый» перечислил, заглядывая в пресловутую справку, все мои «преступления»: «избивал, травил собакой, угрожал пистолетом...».

Партийные ряды стали «чище»...

Подготовительный этап к объявлению меня преступником был пройден, началась осада. Первый удар взялся нанести сам Леонид Прошкин, руководитель следственной группы Прокуратуры СССР. Повторив стандартный набор обвинений, московский «важняк» то ли для пущей солидности, то ли с целью запугать меня, вскользь упомянул об арестованном начальнике УВД Волгоградской области генерале Иванове. Не без бахвальства заявил, что пользуется большим доверием у Генерального прокурора, имеет фактически неограниченные полномочия. У меня сразу же сложилось впечатление, что задача руководимой этим «важняком» группы — не поиск истины, а создание масштабного, «исторического» дела, где главную роль будет играть он, Прошкин, и его команда, другим же отведена роль статистов, мальчиков для битья. А средства для достижения такой цели хороши любые, важен конечный результат...

Ничего хорошего от этого «рандеву» ждать не приходилось. Мне за это время работы довелось встречаться с людьми такого типа — самоуверенными, беспринципными, не терпящими возражений и не желающими видеть в человеке человека. Не дай Бог, если в следственной группе подобрались его единомышленники...

Но Бог миловал, во всяком случае, на первых порах. Обычно мужчины не говорят друг другу комплименты, тем более следователю, а уж подследственный следователю и подавно. И всё же я без тени сомнения, без малейшего преувеличения сегодня, как и десять лет назад, могу утверждать, что следователь военной прокуратуры Борис Фёдорович Киенко — профессионал высочайшего класса, а главное — и глубоко порядочный человек. Скрупулёзный до дотошности, не упускающий ни одной мельчайшей детали, исследующий каждый факт, умеющий выслушать все доводы «за» и «против», Киенко, вместе с тем, был следователь с широким кругозором, обладал способностью глубоко анализировать и обобщать факты.

Борис Фёдорович был к тому же доброжелательным, располагающим к себе собеседником. Да, именно собеседником, а не неприступным стражем закона, видящим в каждом своём подопечном злостного преступника. Нет, панибратства он не допускал — был строг, официален, беспристрастен, пунктуален. Признаюсь, порою я даже забывал, в качестве кого нахожусь в кабинете, настолько интересен был ход мыслей собеседника. Я по-новому оценивал свои прежние следственные действия, не скрою — видел просчёты, ошибки, упущения. Одним словом, учился у профессионала высшей квалификации. И одновременно с опаской ждал его выводов: любого следователя, тем более в делах об убийствах, поджидает немало подводных рифов, обойти которые не всегда можно.

Две недели не спадало напряжение. И вот Борис Фёдорович Киенко, внешне ничем не выдав эмоций, спокойно заявил:

— Ничего противозаконного в ваших действиях не обнаружено. Подозреваемые в убийствах женщин М. и Г. к уголовной ответственности привлечены правильно. Я крайне удивлён, что в отношении их прекращены дела, и они освобождены. Явно поспешное решение!

С души упал камень, хотя и раньше винить себя в правонарушениях у меня не было причин. Ведь это только совсем несведущие люди полагают, что следователь всемогущ, как Бог. Над ним есть несколько надзирающих инстанций, которые проверяют правильность, обоснованность выдвинутых им обвинений. А решает судьбу человека только суд, где качество следствия проходит самую строгую проверку. И ни один уважающий себя следователь, если он только не поступился честью гражданина и профессионала, никогда не вступит в противоречие с Законом, не пойдёт на поводу у конъюнктурных интересов. Военный следователь Киенко укрепил во мне уверенность, что я верно понимал свой долг.

Иное мнение было у Прошкина. Его явно не удовлетворили выводы Киенко, более того — они шли вразрез с грандиозными замыслами руководителя следственной группы Прокуратуры СССР. Преступник из меня, Спиридёнка, никак не получался, значит, «не вырисовывалась» и преступная группа, руководимая мною. Нет улик, нет доказательств. Если не постараться и не добыть их, то это грозило большими служебными неприятностями, а то и чем-то большим. Ведь о не подтверждённом доказательствами разоблачении доложено в ЦК КПСС, а с верховной (на тот период партийной) властью шутки плохи...

И вот на «линию огня» был выведен один из ближайших помощников Прошкина — Олег Иванович Домурадов. Повторюсь: именно он придумал коварный и эффективный, как ему казалось, психологический ход: допросы в моём бывшем кабинете. Он вызывал меня для допросов, ссылаясь на «производственную» необходимость, и в Новополоцк, вынуждая попусту тратить не только время, но и деньги (замечу, что материальное положение у меня никогда не было блестящим). Я не случайно назвал поездки в Новополоцк пустыми: чаще всего я «высиживал» день у закрытой двери, а следователь оказывался «занятым». И так длилось изо дня в день. Цель была мне ясна: изнурить психологически, заставить сдаться. Особо усердствовали следователи Елсуков и Мейлах — в желании унизить меня они переходили все возможные границы. Шантаж во время очных ставок, желание во что бы то ни стало выдержать «генеральную» линию следствия, попирая при этом очевидную истину, — вот методы этих помощников Прошкина.

Правда, о больших успехах они отрапортовать не могли — дело никак не «склеивалось», тогда на вооружение была взята печально известная статья 119 УПК, одна из самых обтекаемых и часто применяемых на практике. Она, эта сто девятнадцатая, разрешает задерживать тех, кто подозревается в совершении

преступления. Не открою секрета, когда скажу: по сути, каждый работник правоохранения хоть раз в жизни использовал эту статью, а сыщики и следователи обойтись без неё просто не могут. Представьте привычную ситуацию: совершено преступление, надо найти и изолировать, скажем, насильника или убийцу. Понятно, что сам он в руки правосудия сдаваться не спешит, у него другая задача — замести следы, уйти от возмездия. И поэтому закон разрешает задерживать подозреваемых: для этой цели используются так называемые оперативные данные, в том числе и сообщения тайных агентов (что они реально существуют, теперь ни для кого не секрет). Нередко правоохранителям приходится полагаться на интуицию — она также важна в розыскной и следственной работе. Всё это, напомню, разрешено законом. Запрещено же задерживать заведомо невиновного. Но кто определит эту грань, кто изобретёт лакмусовую бумажку, которая со стопроцентной гарантией даст ответ: преступление совершил гражданин К., а гражданин М. никакого отношения к делу не имеет? Насколько мне известно, никакой детектор лжи эту задачу пока сполна не решил. И, думаю, никогда не решит.

Что же остаётся? Исключительно оперативная работа розыска и усилия следствия, безусловно, основанные на глубокой порядочности исполнителей. Этим принципам уже не одно столетие, а актуальность их остаётся прежней...

Так вот, Елсуков и Мейлах, инкриминируя мне незаконное задержание, но не добившись желаемого результата, регулярно повторяли:

— Коль вы отрицаете, что, как рыбацкой сетью, пользовались 119-й статьёй, мы можем применить её и к вам. Узнаете на личном опыте, что такое ИВС (изолятор временного содержания). А основания для задержания всегда найдутся...

И в заключение, будто невзначай, кто-нибудь из них добавлял:

— Не вас учить, Олег Иванович. Вы это и сами хорошо знаете, не раз проделывали такие фокусы, не так ли?..

Выдержать такой неприкрытый шантаж было непросто, опускались руки, одолевали хвори, но чувство своей правоты оказывалось сильнее. «Должна же быть справедливость на этом свете? Неужели вернулись времена Вышинского? Этого же быть не может! Ведь не все же следователи такие, как Прошкин и его компания. Быть не может, чтобы не загорелся свет в конце тоннеля...».

Пусть и не полноценная надежда, а лишь слабый, отдалённый намёк на перемены забрезжил после процесса в Риге, где Верховный Суд Латвии рассматривал дело по аналогичному обвинению Валерия Сороко и его товарищей. Им было труднее всего — они первыми попали в руки Прошкину. И несмотря на все старания, на все ухищрения, прошкинская команда проиграла, причём по-крупному. Анатолий Волженков, заместитель начальника Витебского линейного отдела милиции, был полностью оправдан. Анатолия Журба, Владимира Бунькова и Валерия Кирпиченка освободили из-под стражи в зале суда. Правда, крайним оказался Валерий Сороко — суд всё-таки не устоял под натиском союзной прокуратуры и отправил его в Нижний Тагил, в колонию. Но и из его обвинения были убраны несколько «грозных» статей, грозивших ещё большим сроком. А если оценивать по большому счёту, профессионально, то работа следственной группы из Москвы была забракована. Король, которым воображал себя Прошкин, оказался голым, а авторитет его дутым.

Провалом для Л. Прошкина закончился и процесс над самим Г. Михасевичем, который «запросто» взял на себя многие раскрытые и нераскрытые убийства. Как ни старалось следствие и сам маньяк убедить, что все убийства совершил именно он, суд всё же не поверил этому, счёл, что веских аргументов

нет. Их, естественно, и быть не могло, правила бал «царица доказательств», то есть признание, полученное неизвестно каким путём. В итоге Михасевича оправдали по трём эпизодам, по трём убийствам — Гетмановой, Сазоновой и Евдоченко. Расследование о гибели первых двух жертв вёл непосредственно я, во втором деле принимал, как говорится, активное участие. Выходит, весь шаткий фундамент обвинения против меня и моих товарищей рухнул, мы оказались чисты перед законом. Пора было переходить в наше качество самому Прошкину и его подручным, а рядом за решёткой должны, получалось, занять место те, кто добывал признательные показания Михасевича по этим трём убийствам...

Я воспрянул духом, приободрился. Сказывалось и то обстоятельство, что к этому времени меня приняли на работу на КИМ — знаменитый Витебский трикотажный комбинат. Как важную деталь, сообщу, что переход на новое место дался мне далеко не просто. Директору категорически запретили брать меня на работу (было указание из райкома: коммунисты, мол, не поймут, если нарушитель законности будет заниматься решением правовых вопросов на предприятии). Директор ответил, как отрезал:

— Членов КПСС на комбинате полторы тысячи, а юриста нет ни одного, — и подписал приказ о зачислении.

Думается, этот штрих как нельзя лучше характеризует стиль партноменклатуры тех лет: решать за всех и вся, направлять и поправлять, запрещать и привлекать. В прежнем ключе, к моей беде, продолжала работать и группа Прошкина. Именно в те апрельские дни 1988 года и выпроводил меня Олег Домурадов в Москву, чтоб я предстал перед «светлыми очами» самого Леонида Григорьевича. В Прокуратуре СССР он, если помните, и пообещал, что необходимая статья в Уголовном кодексе для меня, Спиридёнка, всегда найдётся. И продемонстрировал

заготовленное постановление на арест, правда, никем не подписанное.

Вот как тогда продолжался наш диалог.

— Постановление-то ваше, уважаемый Леонид Григорьевич, безосновательное, как можно спокойнее отреагировал я на выпад Прошкина. — Михасевича оправдали, — тут я нарочно сделал паузу, как когда-то Домурадов на допросе в Витебске, в моём бывшем кабинете. Лица Прошкина и его помощников вытянулись, и лишь затем я будто нехотя закончил: — Как раз по тем эпизодам, что вы вменили мне в вину. Осечка у вас вышла, Леонид Григорьевич.

Прошкин нервно закурил. Попросил разрешения достать сигарету и я, но получил грубый отказ.

— Кому он теперь нужен, этот наш уголовный процесс, когда факты уже против вас? — задал я «важняку» давно созревший у меня вопрос.

— Нам надо, — жёстко и категорично ответил Прошкин.

— Но ведь не было ни пистолета, ни собаки, сами ведь знаете. Рассыпалось дело...

— Это нам знать, не лезьте в наши проблемы. Могу повторить: статья найдётся!..

Я решил переменить тему, попытался сгладить углы наших разногласий: от разозлённого Прошкина можно было ожидать любых действий.

— Где же я всё-таки буду ночевать? Устал, измучился, переволновался...

—Что, ночевать негде? — очнулся от минутного транса Прошкин. —Гостиница найдётся, только немного сыроватая, удобств там мало...

— Я никаких показаний давать не буду! — перешёл я в наступление. — Сейчас подам ходатайство об отводе следственной группы.

Растерянность мелькнула во взгляде Прошкина, но он попытался скрыть её за привычной ему грубостью.

— Нечего тут права качать. Этот документ, — он потряс постановлением об аресте, — можно в любую секунду подписать.

Но не подписал, а взял с меня лишь подписку о невыезде.

— Кто мне выплатит деньги на проезд, — с невинным видом ввернул я новый вопрос. — Москва ведь — не близкий край для нас, белорусов.

— Какие деньги?! Ты — обвиняемый! — взорвался Прошкин.

— По закону вы должны допрашивать меня в Витебске. Нарушаете...

— Тебе ли говорить о соблюдении закона?! Да ты давно сидеть должен! Хочешь, чтобы подписал постановление об аресте?! Смотри у меня! Один шаг — и ты будешь наш!..

На том и расстались: Прошкин — несколько растерянный, но ещё более агрессивный, я — ощущающий явную угрозу, но уже почувствовавший под ногами некоторую опору.

Однако спокойной жизни ожидать не приходилось. Неожиданности, а то и откровенные провокации подстерегали на каждом шагу.

...Час ночи. Меня будит дверной звонок. Открываю. В коридоре — какой-то незнакомый мужик. Рассматриваю пристальнее — он в крови, как бы после драки.

— Олег Иванович! Пусти, — ошарашивает меня ночной гость. — Я — Володя, шофёр, совершил аварию, ухожу от милиции...

Молнией проносятся в голове тысяча вопросов: «Откуда он знает меня? Почему обратился именно ко мне? Убегает от погони? Кто ему сказал, что я — Олег Иванович?..». Захлопываю дверь перед носом незваного гостя, хотя я и не из пугливых. «Грубая работа, ребята, очень уж уши торчат...».

Но самый чувствительный удар нанёс мне режиссёр Виктор Дашук своим фильмом. Ещё и следствие не закончилось,

до суда была «дистанция огромного размера», а его документальная картина уже вышла на экраны. Более того, было дано указание свыше организовать коллективные просмотры с обсуждением её. Думаю, что специально этот кинопасквиль привезли в Верхнедвинский район, на мою родину. И мать вынуждена была слушать, как с экрана её сына называют скотиной... Повторяю: вся эта грязь была вылита на меня с большого экрана до вынесения приговора, хотя только суд имеет право признать человека виновным. И даже после приговора никому не дозволено публично оскорблять человеческое достоинство. Народному артисту и лауреату многих премий, воспитателю студентов профессору Дашуку эти прописные истины, видимо, не были известны...

И если своей душой мы не воспринимаем физическую боль и психическое страдания другого человека и концентрируемся только на себе, то это уже духовная идиатия.

1. О. Спиридёнок
2. Ф. Иванов
3. В. Зубов
4. Р. Язенок
5. Л. Михлин
6. А. Журба
7. А. Волженков
8. Кирпичёнок
9. В. Буньков
10. В. Сороко

И многие другие работники белорусской милиции и прокуратуры.

После того, как окончательно отбились от обвинений, предъявленных московским «важняком», некоторые уволенные работники прокуратуры и милиции нашей республики потом прослужили десятки лет в органах. Так как были полностью оправданы. Другим оставили незначительные эпизоды обвинения, последовали условные сроки наказания.

Пришлось пережить и это публичное унижение: власть имущие не привыкли церемониться со своими подданными, тем паче — с исключёнными из «передового отряда» — КПСС. А я, к тому же, был ещё и подследственным, потенциальным зеком, изгоем общества.

Настал-таки час, когда мои процессуальные противники попробовали перевести меня и моих коллег из потенциальных в реальные заключённые.

Прошкин, наконец-то, завершил с помощниками свой «титанический труд» — 120 томов (!) уголовного дела ждали своего рассмотрения судом.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ № 18/58420-86

по обвинению

СПИРИДЁНКА Олега Ивановича по ст.ст. 171; 172 ч. 2;174 ч.ч. 1 и 2; 175 ч. 2; 166 ч. 2 УК БССР

ИВАНОВА Фёдора Константиновича по ст.ст. 171; 15 и 172 ч. 2; 172 ч. 2;174 ч. 2; 175 ч. 2 УК БССР

МИХЛИНА Леона Бенциановича по ст.ст. 174 ч. 2; 175 ч. 2 УК БССР

ЯЗЕНКА Ростислава Аркадьевича по ст. 167 ч.ч. 1 и 2 УК БССР

ЗУБОВА Владимира Ивановича по ст.ст. 167 ч. 2; 171 УК БССР

Уголовное дело № 18/58420-86 возбуждено по фактам необоснованного привлечения к уголовной ответственности за тяжкие преступления многих невиновных граждан.

В 1971–1985 гг. в различных районах Витебской области БССР один и тот же преступник (в настоящее время установлено, что это был Михасевич Г.М.) совершил 36 умышленных убийств женщин:

В ночь с 13 на 14 мая 1971 г. в Полоцком районе задушена Андаралова Л.М.

15 апреля 1972 г. неподалёку от посёлка Лучёса г. Витебска задушена Сазонова А.Ф.

30 июня 1972 г. в том же районе города Витебска задушена Евдоченко Г.О.

29 октября в Витебском районе задушена Кудрявцева А.Г. и совершена попытка задушить Клопову Л.Ф.

11 апреля 1973 г. недалеко от посёлка Лучёса задушена Гетманова Л.А.

28 сентября 1975 г. в Полоцком районе задушена Латышева Е.Н., 2 июля 1976 г. — Никитина Г.П., 24 июля 1976 г. — Шитик Н.Я, 28 октября 1976 г. — Козлова Т.В., 1 октября 1977 г. — Торбун В.Е., 26 августа 1978 г. — Медведева А.М., 9 сентября 1979 г. в г. Полоцке — Шейпук А.В., 18 октября 1980 г. в Полоцком районе — Свистунова Т.А., 15 июля 1981 г. — Малявко И.М., 12 сентября 1981 г. — Пирог Л.М., 23 октября 1981 г. — Вакулич В.И., в июне 1982 г. — Петровская В.В., 7 июля 1982 г. — Авласенко Л.Т., 22 июля 1982 г. — Красовская С.А.

14 августа 1982 г. в Ушачском районе убита Пашута Л.И., 23 августа 1982 г. в Полоцком районе — Мороз С.А., 1 августа 1983 г., в Городокском районе — Щедрунова Л.Е., 13 января 1984 г. в г. Витебске — Кацуба Т.Л., 2 февраля 1984 г. — Сорокина З.П. и Кулешова А.Е., 1 июля 1984 г. в Городокском районе — Писаренко Л.Д., 20 июля 1984 г. в Витебском районе — Корейченко Л.В. 11 августа 1984 г. — в Лепельском районе убита Володько С.М., 17 августа 1984 г. — Ширяева Л.Н., 26 августа 1984 г. в Верхнедвинском районе — Радионова, 30 августа 1984 г. в Бешенковичском районе — Красицкая Н.В. и Рачковская Е.П., 29 сентября 1984 г. в Витебском районе убита Якубова Н.Н., 3 октября 1984 г. в Шумилинском районе — Преснякова М.П., 5 сентября

1985 г. в Полоцком районе — Кравченко Т.И., 27 октября 1985 г. в Витебском районе — Пирогова В.М.

Смерть всех потерпевших наступила от механической асфиксии. Способ убийства одинаков — сдавливание шеи руками, а также различными предметами, в т.ч. частями от одежды и белья убитых.

Некоторым жертвам в рот был засунут кляп.

Многие потерпевшие изнасилованы или просто обнажены, что говорило о сексуальном мотиве преступлений.

Почти все трупы были замаскированы (закопаны на небольшую глубину, закрыты ветками, травой или спрятаны в укромном месте). У большинства потерпевших пропали личные вещи.

Схожесть основных обстоятельств преступлений (время, место, способ убийства, мотив и др.) свидетельствовала о том, что все потерпевшие, очевидно, стали жертвами одного преступника.

И, действительно, 9 декабря 1985 года был задержан Михасевич, который подробно рассказал о совершении вышеназванных преступлений, выдал часть вещей, похищенных у потерпевших.

19 мая 1987 г. приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Михасевич осуждён к исключительной мере наказания. Приговор приведён в исполнение.

Наряду с изобличением Михасевича в совершении при отягчающих обстоятельствах 36 умышленных убийств женщин и одного покушения на убийство установлено, что за совершённые им тяжкие преступления в различные годы были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к суровым мерам наказания многие невиновные граждане:

За убийство Андараловой Л.М. был необоснованно осужден Глушаков О.Г.

За убийство Сазоновой А.Ф. необоснованно осужден Горелов В.А.

За убийство Евдоченко Г.О. осуждены Ковалев В.Г., Пашкевич В.В., Янченко Н.М.

За убийство Гетмановой Л.А. необоснованно осужден Мацкевич В.В.

За убийство Шитик Н.Я. необоснованно осужден Бакулин Ю.Ф.

За убийство Торбун В.Е. необоснованно осужден Орёл Н.А.

За убийство Медведевой А.М. по решению суда необоснованно помещен на принудительное лечение Францевич М.И.

За убийство Шейпук А.В. необоснованно осуждены Тереня Н.С. и Кадушкина Д.В.

За убийство Красовской С.А. необоснованно привлечён к уголовной ответственности Блинов Е.Д., ему же пытались «доказать» убийства Свистуновой Т.А., Малявко И.М., Пирог Л.М., Вакулич В.И.

За убийство Авласенко Л.Т. необоснованно осуждён Лушковский В.А.

За убийство Кацуба Т.Л. необоснованно осуждён Адамов О.В.

За убийство Володько С.М. необоснованно привлекался к уголовной ответственности Болоболов В.С.

За убийство Ширяевой Л.Н. необоснованно привлекался к уголовной ответственности Климанский Н.С.

Исследование причин, по которым стала возможной многолетняя преступная деятельность Михасевича (а за совершённые им преступления к уголовной ответственности были привлечены невиновные граждане) показало:

Уголовные дела об убийствах женщин расследовались на крайне низком профессиональном уровне.

Первоначальные следственные, оперативно-поисковые и розыскные действия проводились нецеленаправленно, поверхност-

но. Не выдвигались и не проверялись тщательно (полно, всесторонне и объективно) все возможные версии.

Дела о преступлениях, схожих по основным обстоятельствам, расследовались разрозненно. При расследовании каждого конкретного дела не учитывались результаты следствия по другим делам.

Не организованная должным образом работа по установлению и изобличению преступника, в течение многих лет терроризировавшего Витебскую область, не давала и не могла дать положительного результата. Вместе с тем неспособность правоохранительных органов оградить граждан от преступных посягательств на их жизнь и здоровье вызывала справедливые нарекания со стороны населения. От следственных работников требовали принятия действенных мер к раскрытию убийств.

Не желая утруждать себя кропотливой, трудоёмкой проверкой всех возможных версий и, прежде всего о совершении убийства одним и тем же преступником, отдельные работники прокуратуры и милиции использовали незаконные методы и средства ведения следствия.

При этом в их деятельности преобладали ведомственно-корпоративные интересы, стремление поддержать престиж правоохранительных органов и обеспечить неуязвимость для критики, а также личная эгоистичная заинтересованность, выразившаяся в желании представить перед руководством, надзирающими и контролирующими инстанциями в выгодном свете результаты собственной деятельности.

Не располагая доказательствами причастности к расследуемым преступлениям граждан, по тем или иным причинам попавшим в поле зрения следствия, они руководствовались собственной «уверенностью» в виновности подозреваемых и обвиняемых (своеобразная «презумпция виновности»), что в каждом кон-

кретном случае свидетельствовало о тенденциозности и обвинительном уклоне следствия.

Должностные лица, принимавшие участие в расследовании (следователи, прокуроры, работники органа дознания) понимали, что личные «убеждения», не основанные на собранных по делу доказательствах либо противоречащие им, не могут быть положены в основу обвинения.

Поэтому для получения формальных «оснований» привлечения невиновных граждан к уголовной ответственности указанные должностные лица преступными методами и средствами искусственно создавали доказательства обвинения.

Рассчитывая на покровительство вышеназванных инстанций, будучи уверенными в безопасности своих противоправных действий, они полностью игнорировали один из основных принципов советского уголовного процесса — принцип презумпции невиновности, провозглашающий, что любой человек считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке.

Особенно бесцеремонным было обращение с социально-ущербными гражданами — ранее судимыми, чем-либо заклеймёнными (бродяги, алкоголики, тунеядцы), морально и политически ущемлёнными — которые как бы не заслуживали строго законного к себе отношения.

В результате практически все (за небольшим исключением) незаконно осужденные граждане — лица с низким общественным статусом.

Основными искусственно созданными доказательствами обвинения являлись «Явки с повинной», «признательные» показания и другие «доказательства», производные от «признаний».

Для получения «признаний» использовался целый арсенал противоправных методов и средств физического и психического воздействия на подозреваемых и обвиняемых.

Во всех случаях в качестве физического и психического насилия для принуждения гражданина к «признанию» применялось незаконное или необоснованное лишение его свободы.

Более того, при заключении гражданина под стражу умышленно грубо нарушались в сторону ухудшения предусмотренные нормативными актами условия содержания.

Незаконные задержания, административные и уголовно-процессуальные аресты граждан помимо использования в качестве физического и психического насилия при принуждении и даче «нужных» следствию показаний, применялись для осуществления целого комплекса задач:

1. Для создания у подозреваемых и обвиняемых чувства безысходности, предрешённости дальнейшей судьбы, невозможности доказать свою невиновность.

2. Для лишения подозреваемых и обвиняемых возможности активно защищаться, для ограничения (и практически сведения на «нет») их права на защиту.

3. Для оказания на них с помощью сокамерников воздействия в «нужном» следствию направлении.

4. Для создания работнику органа дознания наиболее простых и удобных условий проведения оперативной работы.

Чтобы принудить подозреваемых и обвиняемых к даче «нужных» следствию показаний, помимо незаконного лишения свободы, применялись и иные запрещённые законом методы и средства принуждения: избиения, угрозы, обман, ложные обещания, шантаж, оскорбления человеческого достоинства.

При этом порочилась честь и достоинство не только подозреваемых и обвиняемых, но и потерпевших — убитых преступником женщин.

Подозреваемых и обвиняемых «стравливали» между собой, противопоставляли их интересы, добиваясь таким образом взаимного сговора.

Использовались для принуждения к «признанию» заболевания подозреваемых и обвиняемых, испытываемые ими мучения и страдания. Оказание медицинской помощи ставилось в зависимость от дачи «нужных» следствию показаний.

Подозреваемым и обвиняемым и до «признания», и после него различными способами доводились подробности, детали расследуемых преступлений.

Незаконные методы принуждения к даче «нужных», «подтверждающих» версию следствия показаний применялись и к свидетелям. Оказывалось противоправное воздействие и на экспертов.

С целью искусственного создания доказательств обвинения отдельные должностные лица вносили в официальные документы заведомо ложные сведения, т.е. совершали должностные подлоги.

Доказательства невиновности, полученные в ходе следствия различными способами, искусственно устранялись:

Показания свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, опровергающие версию следствия, зачастую не вносились в протоколы допросов либо заносились в искажённом виде.

Протоколы допросов и другие процессуальные документы с информацией, опровергающей обвинение, изымались из уголовных дел.

Фактические данные, подтверждающие невиновность, игнорировались, доводы подозреваемых и обвиняемых, высказанные в свою защиту, не проверялись.

Кроме того, вокруг подозреваемых и обвиняемых искусственно создавалось отрицательное общественное мнение.

В результате применения названных выше преступных методов и средств должностные лица, принимавшие участие в расследовании умышленных убийств Андараловой, Сазоновой, Евдоченко, Гетмановой, Шитик, Торбун, Медведевой, Шейпук, Красовской, Авласенко, Кацуба, Володько и Ширяевой, искус-

ственно создали систему доказательств обвинения невиновных граждан в тяжких преступлениях и искусственно «устранили» доказательства их невиновности. Заведомо зная об отсутствии законным путём добытых доказательств обвинения, о наличии ничем не опровергнутых доказательств невиновности Глущакова, Горелова, Ковалёва, Пашкевича, Янченко, Мацкевича, Бакулина, Орла, Францкевича, Терени, Кадушкиной, Блинова, Лушаковского, Адамова, Болоболова, Климанского, они незаконно привлекли их к уголовной ответственности за тяжкие преступления.

Своими действиями они создали условия для осуждения невиновных граждан к суровым нормам наказания за преступления, которых те не совершали.

Уголовное дело о нарушениях законности, допущенные при привлечении к уголовной ответственности за убийство Кацуба гр-на Адамова, расследовалось в отдельном производстве. Оно рассмотрено Верховным Судом Латвийской ССР.

Должностные лица, применявшие при «раскрытии» убийства Кацуба запрещенные методы и средства ведения следствия, осуждены.

Уголовное дело о нарушениях законности, допущенных бывшим следователем по особо важным делам при прокуроре БССР Жавнеровичем М.К. при расследовании уголовных дел об убийствах Андараловой, Евдоченко, Красовской, Свистуновой, Малявко, Вакулич и Пирог, прекращено в связи с амнистией.

Уголовное дело о нарушении законности, допущенных при расследовании убийства Ширяевой и Володько, выделено в отдельное производство и направлено для дальнейшего расследования в прокуратуру БССР.

Нарушения законности, допущенные при «раскрытии» убийств Сазоновой, Гетмановой, Евдоченко, Шитик, Торбун, Медведевой, Шейпук, Авласенко, расследованы в уголовном деле № 18/58420-86.

Именно это дело сварганил следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Л. Прошкин. Утвердил в 1989 году обвинительное заключение заместитель Генерального прокурора СССР государственный советник юстиции I класса А. Катусев.

Прикрываясь высокой должностью и большим прокурорским чином, следователь по особо важным делам при Генпрокуроре СССР Леонид Прошкин действовал самонадеянно и уверенно. Представляю, как он потирал руки, оперируя оценочными доказательствами обвинения в отношении работников правоохранительных органов Белорусской ССР —профессионально подготовленных, проработавших добросовестно в системе десятки лет. Они отдавали всё борьбе с преступностью. А за это получили тяжёлые статьи обвинения. После чего началась многолетняя борьба — вся на нервах, в том числе и бессонными ночами. Потребовалось положить немало здоровья и сил во имя объективности и правды, ради того чтобы истину, которую сильно замордовало следствие, не удалось окончательно утопить в суде.

Представляю с каким наслаждением писал «важняк» Прошкин первые листы обвинительного заключения, придавая ему стратегическую обвинительную линию, облекая посредством своих «смелых» формулировок и домыслов многолетний труд следственной группы Прокуратуры СССР в законченный и безупречный, на его взгляд, труд. И как ошибся он сам и его подручные!

У следственной бригады пошли осечка за осечкой. Направили по традиции (вопреки законам СССР, БССР и Латвии) дело в Ригу, в Верховный Суд Латвийской ССР и получили от ворот поворот. Прибалтийский суд не стал принимать его к производству. Затем была предпринята попытка «повесить», мягко говоря, неоднозначное дело на «шею» суда ещё одного

«зарубежного» государства, РСФСР, в Смоленск — и оттуда последовал отказ. Не захотели сотрудничать с Прошкиным и в Гродненском областном суде. Ситуация становилась критической, если не смешной: суды вышли из-под контроля прокуратуры Союза, не хотят компрометировать себя высосанными из пальца, надуманными приговорами.

Я уж не знаю, под каким нажимом, но дело всё-таки принял к производству Могилёвский областной суд. И уже на стадии распорядительного заседания с формулировкой «из-за нарушения законности при расследовании» вернул его на дополнительное расследование.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда нашей республики предложила компромисс: исключить из обвинения некоторые, наиболее тенденциозные пункты, а в основной части провести доследование. Мы, обвиняемые, и твёрдо стоявший на своём прокурор С. Лучинович не пошли на сделку с совестью. В президиум Верховного Суда БССР были поданы два протеста. Высшая судебная инстанция республики встала, как говорят, в позу: оба протеста были отклонены, и дело отправили на доследование, зачислив его за тем же Могилёвским областным судом.

Видимо, понимая, что после доследования дело рассыплется, а все подпорки рухнут, и многолетние страдания группы Прошкина окажутся мартышкиным трудом, какая-то могущественная сила сделала фантастические перестановки. Вопреки всем юридическим канонам, наше дело вдруг попадает на рассмотрение аж Пленума Верховного Суда СССР, хотя и должно было находиться в Верховном Суде БССР. С необычайной оперативностью этот высший судебный орган советского государства рассматривает более 100 (!) томов и выносит вердикт, не подлежащий обсуждению и обжалованию: дело рассматривать в Могилёвском областном суде. И никаких доследований!

Какие пружины при этом сработали, какие кнопки нажимались, какие связи задействовались — этого сегодня, пожалуй, никто не скажет. Но это факт, слов из этой «песни» не выбросишь... Всех авторов данного решения, думаю, установить уже не удастся, а жаль...

Откровенно говоря, миссия могилёвским судьям выпала нелёгкая: дело многотомное, в обвинительном заключении концы с концами не сходились, свидетели на заседании не являлись, их приходилось доставлять в зал принудительно, с помощью милиции. Доходило до абсурда: участвовавшего в процессе в качестве потерпевшего Бакулина арестовали на 15 суток и лишь таким «оригинальным» способом смогли заполучить его показания...

Вообще, потерпевшие доставили немало хлопот и суду, и, в первую очередь, Прошкину. Они давали показания, прямо противоположные тем, какие их вынуждали подписывать на следствии, чистосердечно признавали, что ранее под давлением занимались оговором меня и моих товарищей. Свидетель Шудель-Бруева заявила: «Это был не допрос, а сплошной крик. Дело доходило до рукопашной». Вёл допрос следователь О. Домурадов. Такие вот методы культивировались им и его коллегами...

В судебном заседании пункты обвинения, выдвинутые против нас, начали лопаться, как мыльные пузыри. Суд отклонил обвинения в избивании нами подозреваемых, запугивании их оружием, травле собаками, других «страшных» преступлениях. Но... Но осталась всё та же приснопамятная 119-я статья УК, предусматривающая ответственность за задержание... Ещё раз, основываясь на своём опыте, на опыте коллег, опираясь на юридическую литературу, на тогдашнюю практику, категорически утверждаю: я действовал в соответствии с Законом. И, насколько мне известно, это был первый в истории и быв-

шего Советского Союза, и нашей республики случай, чтобы следователя наказали за такое действие.

Я опротестовал это решение суда. На этот раз прокуратура поддержала меня. Времена меняются, кажется... Но не в той мере, как требуют того жизнь и справедливость.

Помню, когда учился на юрфаке, мы, студенты, пробовали спорить со своими преподавателями. Особенно запомнился мне такой спор в связи с возникшим вопросом: если ты убедился в стопроцентном факте, что не существует в мире идеальных правовых систем и законов, то зачем, с какой целью ты хочешь остаться в этой профессии? Одним словом, как следует поступить, когда убедишься, что повязка на глазах Фемиды полуснята? Можно было понять, нас, молодых максималистов, оперировавших тогда чистыми правовыми материями: мол, только работая в чётко правовом поле, можно добиваться справедливого возмездия преступникам. То есть, мы свято верили: этого несложно добиться, если есть Уголовный кодекс, который регламентирует каждое действие, совершенное преступником. Свято верили мы и в свою кристальную честность. Юношеский максимализм и на такое был способен.

Наши преподаватели многое тогда не договаривали. Им было известно, что государству нужны те служители Фемиды, которые находятся на службе у исполнительной власти. Кровью и потом в своей практической работе мы это постигали. Многие, ради своего благополучия и спокойствия, шли на сделку с совестью.

Порфирий Петрович, работая с Раскольниковым, благодаря своей внутренней свободе, общественному положению, избытку свободного времени мог вычленить природный, социальный корень зла. Он не был рабом, исполняющим чью-то волю, а истинным служителем. Находил в душе Раскольникова тончай-

шие нити (нервы) и медленно распутывал этот социально затянутый клубок, при этом подталкивал к глубокому раскаянию: «Ты окропил кровью эту землю, найди в себе силы признаться в этом». И всё как-то иносказательно, мягко, стараясь не задеть самолюбия преступника. И общество тогда было другое, ибо жило с великой Верой в душе. И Сонечка Мармеладова помогала истинно раскаяться этому убийце.

А у современного юриста на столе от пяти и выше уголовных дел. И преступления разные и люди не похожие друг на друга. Срок раскрытия этих дел чётко регламентирует закон. И сколько изощрённости надо, чтобы продлить сроки: «Интуиция-то чувствует, а вот факты разбиваются об алиби» — вот так подытожил свои усилия герой кинофильма.

Судебные погрешности и рождают озлобленность, и подталкивают к новым преступлениям. Как бы мягче сказать, к новым накоплениям уголовных дел на столе следователя.

Чем обвиняемому можно было адекватно ответить своему обидчику, если суд до конца не проникся сочувствием? Взяткой — как стимулом к справедливому пересмотру уголовного дела? А богатые, не склонившие головы, могли вообще нанять киллера? Как обиженные правосудием люди реагировали на несправедливые приговоры? Наконец, какой процент от общего числа преступлений совершается благодаря так называемым судебным погрешностям?..

«Чтобы здесь не говорили, а следователям нужна фантазия». Так выразился в ходе диспута один преподаватель. Что он вложил в эти слова, каждый из нас в практической работе впоследствии понял по-своему. Вполне очевидно, что непростое время и сложные проблемы постепенно, как говорится, сделали дубильной кожу многих из нас, мы научились если не равнодушно, то спокойно воспринимать Фемиду с полуснятой маской.

ПОДАРИЛИ ПОТЕРПЕВШИМ КВАРТИРЫ

Не знаю, кто читал наши жалобы в высоких инстанциях, но в итоге они поступали всё тому же вездесущему Прошкину и его друзьям-коллегам. Тому, кто жаловался, давались стереотипные ответы. Вот некоторые из них.

г. Витебск, ул.Ленина, д.5. кв.63
Спиридёнку О.Н.

На Ваши телеграмму и жалобу, поступившие из ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, сообщаю, что ранее поступившие из указанных органов Ваши жалобы были рассмотрены руководством Прокуратуры Союза ССР, привлечение Вас к уголовной ответственности признано обоснованным, о чём Вы уведомлялись.

Старший прокурор следственной части прокуратуры СССР *А.В. Агеенков.*

А вот ещё один ответ, подписанный помощником Генерального прокурора СССР А.В. Фроловым:

«По поручению ЦК КПСС Прокуратурой Союза ССР рассмотрены Ваши жалобы на незаконное привлечение к уголовной ответственности.

Оснований для их удовлетворения не имеется. Обвинение Вам предъявлено, исходя из совокупности собранных доказательств, расследование осуществляется в соответствии с процессуальными нормами. Каких-либо нарушений законности, действий, нарушающих Ваши права со стороны следователей следственной группы Прокуратуры Союза ССР, допущено не было.

Ваши ходатайства об отводе состава следственной группы были рассмотрены и отклонены как не основанные на законе, о чем Вы своевременно уведомлялись».

Аналогично были рассмотрены жалобы обвиняемых Ф. Иванова, Р. Язенка, В. Зубова и Л. Михлина. Но вскоре у нас появились основания для написания ходатайства, от которого нельзя было отмахнуться как от надоедливой мухи.

Приведу текст одного нашего коллективного обращения.

Генеральному прокурору Союза ССР
(103793 Москва, К-9, Пушкинская, 15-а)
Коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда (для сведения)
от подсудимых по так называемому «витебскому делу»:
Спиридёнка О.И. (прож. 210015, г. Витебск, ул. Ленина, д. 5. кв. 63)
Иванова Ф.К. (210038, г. Витебск, проспект Строителей, 24, корп. 3, кв. 56)
Язенка Р.А. (211400, г. Полоцк, ул. Мариненко, д. 7, кв. 36)
Зубова В.И. (211400, г. Полоцк, ул. 6-ой Гвардейской армии, д. 25, кв. 89).

ХОДАТАЙСТВО
по уголовному делу

При рассмотрении в суде уголовного дела из показаний Мацкевича мы узнали о том, что по предложению и ходатайству следственной группы Прошкина, расследовавшей данное уголовное дело, Мацкевичу вне всякой очереди в г. Витебске, вопреки его желанию, и при отсутствии потребности в ней, была предоставлена Витебским горисполкомом государственная квартира. Зная о том, что Мацкевич, как и другие потерпев-

шие по делу, не имели никаких прав на внеочередное получение квартир по целому ряду оснований, считая, что ходатайство о выделении квартир было видом подкупа потерпевших с целью получить от них определённые показания во время расследования дела, в апреле 1991 года мы заявили суду ходатайство, которое суд удовлетворил и поручал проверку Прокуратуре БССР.

В августе 1991 года мы были ознакомлены с результатами проверки. Проверка была проведена Прокуратурой БССР поверхностно, предвзято, необъективно и выводы её прямо противоречат самим материалам проверки и материалам данного уголовного дела. В этой связи, считая, что вопрос выделения потерпевшим вне очереди квартир имеет важное значение в деле, будучи уверенными, что имел место подкуп потерпевших и свидетелей по данному делу путём незаконного выделения квартир, представленние вне очереди других материальных благ, угощения спиртным, принимая во внимание, что все эти вопросы могут быть выяснены только следственным путём, 20.08. 1991 года мы заявили ходатайство перед судом о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст.166,167, 179 УК БССР, совершённых при расследовании данного уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Могилёвского областного суда наше ходатайство о возбуждении дела отклонила. Тем не менее, приняла решение: наше первое ходатайство от апреля 1991 года, материалы проверки Прокуратуры БССР по нему и ходатайство от 20.08.1991 года направить Генеральному прокурору СССР для производства проверки по вопросу: допущено ли следственной группой во главе с Прошкиным при расследовании данного дела нарушение законности при выделении вне очереди потерпевшим государственных квартир, других материальных благ, угощении свидетеля Плеханова В.М. спиртным в ИТК.

Мы считаем, что помимо этого вопроса, необходимо объективно и непредвзято, с достаточной полнотой и однозначностью выяснить основной вопрос: на законных ли основаниях по ходатайству следственной группы Прошкина исполкомами местных Советов были вне всякой очереди выделены государственные квартиры Мацкевичу, Ковалёву, Бакулину, Кадушкиной? Бакулину вне всякой очереди ещё и установлен квартирный телефон. Кроме того, Полоцким горисполкомом отклонено ходатайство Прошкина о выделении в г. Новополоцке квартиры Орлу.

Это необходимо сделать для того, чтобы однозначно установить, если квартиры выделены незаконно, что имел место подкуп потерпевших, независимо от вины в этом конкретных лиц. А это существенно отражается на нашем праве на защиту.

Со своей стороны, на основании действующего законодательства (мы по специальности юристы), материалов судебного следствия и материалов уголовного дела, а также материалов проверки Прокуратуры БССР по нашему ходатайству считаем, что квартиры были выделены вне всякой очереди незаконно, а также незаконно вне всякой очереди Бакулину установлен квартирный телефон.

Так, если бы имелись какие-либо законные основания для внеочередного выделения квартир Мацкевичу, Бакулину, Ковалёву, Орлу, Кадушкиной, а также квартирного телефона Бакулину, то само собой разумеется, группа Прошкина вынесла бы постановления о восстановлении нарушенных жилищных прав потерпевших, как она поступила в других случаях нарушения прав потерпевших по данному делу. Эти постановления были бы обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (ст. ст. 22 п. 13 и 44 п. 5 УПК БССР).

Вместо этого, зная, что Мацкевич, Ковалёв, Бакулин, Орёл, Кадушкина не имеют никаких прав на внеочередное получение государственных квартир, группа Прошкина постановлений не выносила, а направляла в партийные органы и местные исполкомы «ходатайства» о незаконном выделении квартир и установке телефона (см. материалы уголовного дела, где имеются копии ходатайств).

Как вытекает из материалов уголовного дела, материалов судебного следствия и проверки по заявленному ходатайству, Мацкевич был осужден за убийство и серию краж. Приговор по кражам по сей день не отменён, следовательно Мацкевич не имел права на восстановление его жилищных прав, нарушенных в результате незаконного осуждения. Более того, никакие жилищные права Мацкевича вообще не были нарушены. Дело в том, что до привлечения к уголовной ответственности Мацкевич проживал в деревне Шпили Витебского района (пригород Витебска) в доме, принадлежащем на праве личной собственности его семье. Затем в 1982 году он дал согласие на отчуждение этого дома его родственниками (см. объяснение Егоровой). Продажа этого дома была произведена только в 1989 году, а государственная квартира Мацкевичу была выделена в 1986 году, т.е. за три года до продажи дома. Более того, Мацкевич в суде показал, что квартира в г. Витебске ему вообще не была нужна в 1986 году, а согласие её получить он дал только по предложению группы Прошкина и под давлением своей сестры Егоровой. Это подтвердила и сама Егорова, пояснившая, что Мацкевич ей рассказал, что следователи предлагают ему получить в г. Минске квартиру, а он не хочет, у него есть жилье в Петрозаводске. Но потом, как пояснила Егорова, к ним домой пришёл следователь из московской группы и заявил: «если брат желает, то бригада (следователей) поможет ему получить квартиру». После всех этих разговоров брат согласился получить квартиру в г. Витебске. Следователь этот говорил, что постарается вы-

бить квартиру для брата и матери (см. объяснение Мацкевича и Егоровой).

Изложенное свидетельствует, что жилищные права Мацкевича нарушены не были, он вообще не относился к категории граждан, которые могут быть признаны нуждающимся в улучшении условий, и государственная квартира ему была выделена в виде подарка, ведь согласно п. 35.3 «Правил учёта граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и предоставления жилищных помещений в БССР», утверждённых 25.04.1984 года, вне очереди жилые помещения предоставляются незаконно осужденным, если невозможен возврат помещений, которые они ранее занимали. (Этот акт учитывает и постановление СМ СССР от 08.09.1955 г. № 1655, так как он в более льготном виде предусматривает восстановление нарушений прав словами «вне очереди»).

Незаконность выделения квартиры Ковалёву вынуждена была признать в справке проверки даже Прокуратура БССР, хотя об этом прямо и не сказано. На это указывают на ст. 3 справки слова: «Однако с учётом всех обстоятельств и истечения срока, предусмотренного ст. 58 ЖК БССР, оснований для предъявления иска в народный суд о признании ордера, выданного Ковалёву на данную квартиру недействительным, не имеется». Работники прокуратуры БССР, проводившие проверку и подписавшие справку, допустили недобросовестность в работе или просто не дочитали наше ходатайство от апреля 1991 г.

Зная, что действительно сроки давности истекли, а также считая, что согласно Конституции СССР каждый гражданин имеет право на жилище, мы специально в конце ходатайства указали, что мы и в мыслях не ставили вопрос о признании ордеров недействительными. В справке по непонятной нам причине ошибочно на стр. 2 сделана ссылка на ст. 8 «Положения о поряд-

ке возмещения ущерба, причинённого гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утверждённой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-к. Дело в том, что согласно Указу это Положение распространяется только на лиц, незаконные действия в отношении которых совершены после 1 июня 1981 года. А Ковалёв был осужден на несколько лет до 01.06.1981 г. Это обстоятельство даёт серьёзное основание сомневаться в компетентности лиц, готовивших и подписавших справку (см. справку), а, следовательно, и в их объективности при производстве проверки.

По факту незаконного внеочередного выделения квартиры Бакулину в справке Прокуратуры БССР (стр. 3-4) содержатся заведомо ложные измышления, подтасовка фактов, их умышленное искажение, а о необоснованной, внеочередной установке квартирного телефона вообще не сказано ни слова. Кроме того, сделана ссылка на никогда не существовавшее и не существующее Положение от 18.05.1985 № 4892-х. Это свидетельствует о необъективности и некомпетентности лиц, проводивших проверку и подписавших справку.

В действительности же Бакулин до ареста не работал на ПО «Новополоцкнефтеоргсинтез», в общежитии не проживал и вообще нигде не был прописан (см. показания самого Бакулина в уголовном деле). Бакулин до ареста был задержан милицией за бродяжничество. Кроме того, Бакулин остался осужденным за грабежи. Таким образом, в результате незаконного осуждения за убийство жилищные права Бакулина не были нарушены, следовательно он не имел ни малейших прав на внеочередное получение квартиры и внеочередную установку телефона (см. материалы проверки).

О том, что Орёл в 1987 г. был сверх нормы обеспечен жильём, достоверно было известно Прошкину, направившему ходатай-

ство в исполком о выделении ещё одной квартиры Орлу, свидетельствует сама справка.

Кадушкина до ареста была прописана, и её место жительства находится в Верхнедвинском районе. Дом этот и поныне пригоден для жилья. Кадушкина осталась осужденной за ряд краж. Таким образом, в результате незаконного осуждения за убийство жилищные права Кадушкиной ни в какой мере нарушены не были, и она не имела никаких прав на внеочередное получение в г. Новополоцке квартиры.

Учитывая изложенное, считаем, что незаконное выделение потерпевшим квартир напрямую влияет на осуществление нашего права на защиту и полагаем, что проверка Прокуратурой БССР проведена крайне поверхностно, предвзято, необъективно, на низком профессиональном уровне.

ХОДАТАЙСТВУЕМ:

1. Дать ответ на вопросы: законны ли решения исполкомов о выделении вне очереди квартир Мацкевичу, Ковалёву, Бакулину, Кадушкиной?

Если эти решения законны, то на основании каких нормативных актов (пункт, статья)? Дело в том, что известные нам: постановление СМ СССР № 1655 от 08.09.1955 г.; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. № 4892-х, Жилищный кодекс БССР, упомянутые выше Правила от 25.04.1984 г. и другие документы не дают ни малейших оснований для внеочередного выделения квартир вышеупомянутым лицам.

Законен ли отказ Новополоцкого горисполкома от 27.10.1997 г. в удовлетворении ходатайства руководства следственной группы Прошкина во внеочередном выделении дополнительной квартиры Орлу?

2. На основании какого нормативного акта по ходатайству группы Прошкина Бакулину вне очереди был установлен квартирный телефон? Правила пользования городскими телефонными сетями в СССР не дают оснований для внеочередной установки квартирных телефонов по ходатайству следователя.

В связи с тем, что на протяжении ряда лет наши жалобы на действия группы Прошкина проверялись только его группой, убедительно просим ради установления истины по делу проверку по данному ходатайству хотя бы в порядке исключения и в соответствии с законом Прошкину не поручать.

3. Проверку просим провести в установленный законом срок. Иначе это затянет рассмотрение уголовного дела судом, которое и так рассматривается много месяцев. О результатах проверки просим сообщить нам и коллегии по уголовным делам Могилёвского областного суда.

Примечание: коллегию по уголовным делам Могилёвского областного суда просим наше ходатайство по делу приобщить к своему определению и в целях быстрейшего рассмотрения направить вместе с нашим обращением в указанный в нём адрес.

Спиридёнок О.И.
Иванов Ф.К.
Язенок Р.А.
Зубов В.И.

26.08.1991 г.

КАК ЛОМАЛИ И НЕ СЛОМАЛИ МИХЛИНА

Поддавшись тому сверхвниманию, которое уделялось в верхах «витебскому делу», в итоге, считаю, незаконно обошлись прокурорские чиновники и со следователем прокуратуры Л..Михлиным. А руководитель следственной группы Прокуратуры СССР Прошкин, превысив свои должностные полномочия, умудрился привлечь Михлина в качестве обвиняемого, вменив ему десятки эпизодов преступной деятельности, перечисление которых заняло несколько листов обвинительного заключения.

О том, как ломали и не сломали Михлина, расскажу с помощью документов, предоставленных им самим.

Прокурору Витебской области
следователя прокуратуры
Витебского района Л. Михлина

ОБЪЯСНЕНИЕ

В апреле 1972 года мною было возбуждено уголовное дело по факту убийства Сазоновой. С первого дня была создана оперативно-следственная группа. Её возглавил зам. прокурора области Савцов Б.К., который и осуществлял повседневное руководство.

При расследовании дела в порядке ст.119 УПК БССР было задержано 9 человек. Все задержания проводились по прямому указанию Савцова. В те годы и вплоть до 1986 года задержания для раскрытия преступлений были обычным явлением, о чём знали все — от рядового работника дознания до Генерального прокурора, и никто никогда не делал даже попытки к пресечению этой практики. Более того, нас ориентировали на это. Всё было поставлено на раскрытие преступления.

Лишь в 1986 году Генеральный прокурор в своём выступлении в Харькове, а затем в редакционной статье в журнале «Соци-

алистическая законность» (№ 9 за 1986 г.) подобные задержания осудил. Тем не менее, ни один человек за такие действия не был привлечён к уголовной ответственности. Теперь же, 16 лет спустя, утверждать (как это делает следователь Прошкин), что я, Михлин, творил беззаконие, по меньшей мере, нечестно. Это свидетельствует о его желании сделать из меня «козла отпущения», а попытка привлечь к уголовной ответственности — не что иное, как стремление оправдать двухгодичную бесплодную работу следственной группы, им возглавляемой.

Вот один из методов ведения Прошкиным следствия. По делу об убийстве Сазоновой был задержан Горелов. Сделал это оперуполномоченный ОУР Фомин, причём без моего ведома. Этот факт установлен и подтверждён. Несмотря на это, Прошкин «почему-то» посчитал, что именно я, Михлин, дал указание неустановленному работнику милиции задержать Горелова.

Возникает, по крайней мере, три вопроса. Почему из ***известного Фомина*** *Прошкин сделал «неустановленного работника милиции»? Почему Прошкин решил, что этот* ***«неустановленный»*** *является работником милиции? Если этот работник неустановленный, то из какого пальца Прошкин высосал утверждение, что я дал ему, то есть «неустановленному», указание задержать Горелова?*

Подобный почерк Прошкина виден на каждой странице уголовного дела.

Я категорически утверждаю, что никаких преступлений не совершал, честно и добросовестно работаю в органах прокуратуры 35 лет, и намерение привлечь меня к уголовной ответственности за действия, не являвшиеся преступлением, да ещё совершённые по прямому указанию заместителя прокурора области, является грубым нарушением законности со стороны следователя Прошкина.

10.08.1988 г.

Председателю Верховного Суда СССР
помощника прокурора Витебского
района советника юстиции
Л. Михлина

ЗАЯВЛЕНИЕ – ХОДАТАЙСТВО

Я многократно обращался с заявлениями и жалобами к Генеральному прокурору СССР Сухареву, пытаясь обратить внимание на безобразное, необъективное ведение следствия Прошкиным и его так называемой группой, доказывал свою невиновность, но всё тщетно. На мои заявления получал отписки, против которых Сухарев так рьяно выступает с высоких трибун, не видя или не желая видеть того, что творится у него под носом. Вот она — демагогия и её носители!

Обращаюсь к суду с надеждой, что здесь изучат это уголовное дело и дадут ему подобающую оценку, ибо в прокуратуре этого никто сделать не удосужился. Всё было отдано на откуп Прошкину и его полупьяной группе.

Хочу обратить Ваше внимание на некоторые, далеко не все, допущенные Прошкиным нарушения, чтобы в Верховном Суде при изучении дела не были заворожены титулом лица, которое вело дело и утверждало обвинительное заключение по нему.

Во всех документах: о возбуждении дела, принятии его к производству, продлении сроков следствия и т. д. — речь идёт о нарушении законности в 1973–1983 годах, меня же обвиняют в действиях, имевших место в апреле–мае 1972 года, и к незаконному осуждению лиц не имеющих никакого отношения.

Группа, вопреки нормам УПК, создавалась Прошкиным, о её составе мне объявлено не было.

По делу назначено множество экспертиз, но с постановлениями об их назначении и заключениями я ознакомлен был лишь в ноябре–декабре 1988 года, т.е. незадолго до окончания следствия.

В ноябре 1988 года, когда я находился на излечении в кардиологическом отделении больницы, мне перепредъявили обвинение, хотя оно не вносило в суть дела ничего нового. Прошкину и его подручным надо было покуражиться, поиздеваться. Характерно, что вся «черная» информация обо мне была сообщена и главврачу больницы. Налицо явное желание скомпрометировать меня: мол, кого лечите? Преступника!

В сообщении Витебскому РК КПБ мои якобы преступные действия были расписаны настолько подробно, что Прошкин даже «вогнал» туда сообщение, что у меня отобрана подписка о невыезде. В действительности же я подписки не давал, а ложь Прошкина ставила целью исключить меня из КПСС. Перечисленное — лишь малая толика из того, что за годы следствия «наворочал» по делу Прошкин.

Считаю необходимым установить, кто же убил Сазонову, Евдоченко, Гетманову, так как осужденные ранее по этим делам признаны невиновными, а Михасевич по этим трём эпизодам оправдан. Прошу приобщить к делу вынесенное следователем по особо важным делам при прокуроре БССР Игнатовичем постановление, так как оно противоречит вступившему в законную силу решению Верховного Суда СССР. Он, следователь, признал Михасевича виновным в названных убийствах.

Прошу вернуть дело на дополнительное расследование из распорядительного заседания. В случае отказа я прошу дело в отношении меня прекратить по каким угодно основаниям, и будь проклята та система и её руководители, которые меня, отдавшего 35 лет своей жизни и здоровья работе в прокуратуре, превратили в козла отпущения!

Я бы сел на весьма не престижную скамью подсудимых, чтобы увидеть, с каким треском провалятся потуги Прошкина и его руководителей, затеявших эту мышиную возню, но жизнь мне дороже, моё больное сердце не даст мне возможности довести этот процесс до конца.

24.08.1989 г.

Председателю Могилёвского облсуда
Л. Михлина, обвиняемого
по ст.ст. 174 ч. 2 и 175 ч. 2 УК БССР

ЗАЯВЛЕНИЕ-ХОДАТАЙСТВО

12 января 1991 года мне сообщено, что постановлением Пленума Верховного Суда СССР все судебные решения по делу № 18 58420-86 отменены, и оно направлено вам на новое рассмотрение со стадии предания суду. Чтобы не повторяться, предлагаю вам для приобщения к делу и рассмотрения в распорядительном заседании заявление-ходатайство, которое я направлял на имя председателя Верховного Суда СССР. Удовлетворение этого ходатайства облегчит установление истины.

Иное дело, что как раз истина и не нужна Прокуратуре СССР, пытающейся отмыть свой заляпанный, чтобы не сказать большего, мундир. К сожалению, сухаревщина и рекунковщина глубоко пустила корни, которые закрепились и в Пленуме Верховного Суда СССР, который, поправ все решения высших судебных инстанций БССР, плюнув им в лицо, признал законными такие действия следствия, за которые стыдно было бы, допусти он их, даже стажёру.

Могу сказать уверенно: у Пленума физически не было времени глубоко изучить (повторяю: изучить), а не перелистать дело, состоящее из более чем 100 томов. Но он, Пленум, всё-таки признал чёрное белым. Глубоко убеждён, что на том заседании о деле «рассказал» либо Прошкин, либо кто-то из его окружения.

Прошу вызвать меня в распорядительное заседание для дачи объяснений и удовлетворить моё ходатайство, вернув дело на доследование.

В случае, если у суда не хватит принципиальности перечить Пленуму Верховного Суда СССР, прошу прекратить дело в от-

ношении меня по любым основаниям, и будь прокляты деятели прокуратуры и суда, фарисейски утверждающие, что они ведут борьбу с преступностью и отправляют правосудие.

15.01.1991 г.

Два года потребовалось Могилёвскому областному суду для рассмотрения уголовного дела, возбужденного по фактам необоснованного привлечения к уголовной ответственности за тяжкие преступления многих невинных граждан. Обвинительное заключение, которое предвзято и необъективно составил следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Л. Прошкин, утвердил заместитель Генерального прокурора СССР государственный советник юстиции 1 класса А. Катусев.

27 декабря 1991 года Могилёвский областной суд огласил приговор по данному делу. Л. Михлин по предъявленному обвинению был оправдан полностью за отсутствием в его действиях состава преступлений.

ФИАСКО ПРОШКИНА

В постановляющей части в отношении других фигурантов в приговоре было сказано следующее:

«Язенка Ростислава Аркадьевича, в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст.167 УК Республики Беларусь — превышение власти и служебных полномочий, сопровождающихся насилием, а также мучительными и оскорбляющими достоинство потерпевших действиями — оправдать.

Его же оправдать в отношения преступления, предусмотренного ч.1 ст.167 УК Республики Беларусь — превышение власти

и служебных полномочий, за недоказанностью участия Язенка в совершении преступления.

Зубова Владимира Ивановича в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.167 УК Республики Беларусь — превышение власти и служебных полномочий, сопровождающихся применением насилия, а также мучительными и оскорбляющими личное достоинство граждан действиями — оправдать.

Его же оправдать по ст.171 УК Республики Беларусь в должностном подлоге, за отсутствием в его действиях состава преступления.

По большинству эпизодов были оправданы судом О.Спиридёнок и Ф. Иванов. Вот ещё выдержки из постановляющей части приговора.

Спиридёнка Олега Ивановича в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК Республики Беларусь — организации привлечения к уголовной ответственности следователем заведомо невиновных лиц, соединенного с обвинением в тяжком преступлении, с искусственным созданием доказательств обвинения; ст. 166 ч. 2. Республики Беларусь — злоупотребление властью и служебным полномочием, вызвавшим тяжёлые последствия; ст. 172 ч. 2 УК Республики Беларусь — привлечение заведомо невиновных к уголовной ответственности сопряженным с обвинением в тяжком преступлении и искусственным созданием доказательств обвинения; ст. 174 ч. 1 УК Республики Беларусь — заведомо незаконном аресте, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Его же оправдать по ст. 175 ч. 2 УК Республики Беларусь — в принуждении к даче показаний путём применения насилия и издевательства над личностью допрашиваемого по ст. 171 УК Республики Беларусь — в должностном подлоге.

Иванова Фёдора Константиновича, в совершении преступлений, предусмотренных: ст. 175 ч. 2 УК Республики Беларусь — в принуждении к даче показаний путём применения насилия и издевательства над личностью допрашиваемого по ст. 171 УК Республики Беларусь — в должностном подлоге — оправдать.

Его же по ст. 172 ч. 2 УК Республики Беларусь — в привлечении к уголовной ответственности заведомо невиновного гражданина за тяжкие преступления, сопряженные с искусственным созданием доказательств обвинения, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

По ст. ст. 15 и 172 ч. 2. УК Республики Беларусь — покушение на привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного гражданина за тяжкое преступление, оправдать за недоказанностью его участия в совершении преступления.

Однако областной суд не рискнул полностью оправдать Спиридёнка и Иванова. Всё же он признал их виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 174 ч. 2 УК Республики Беларусь — заведомо незаконном задержании граждан. Но и в этой части приговор суда был опротестован прокуратурой как необоснованный.

Таким образом, задуманная Прошкиным акция по уголовному наказанию злостных нарушителей законности в городе Витебске фактически провалилась. А ведь могло быть и иначе, если бы члены областного суда, рассматривавшие это дело, страдали теми же недостатками и пороками, что и Прошкин, а именно: ярко выраженным обвинительным уклоном, отсутствием служебной и нравственной чистоплотности.

Сами собой напрашиваются выводы, которые можно и нужно сделать по результатам расследования и судебного рассмотрения этого дела.

Во-первых. Наши надежды на то, что чем больше полномочий у государственного или партийного органа и их руководителей, тем больше в их деятельности законности и справедливости, к сожалению, является напрасными. Жизнь не раз подтверждала такую истину: именно в высших эшелонах власти совершается больше всего нарушений законности и безнравственных действий. Не являлась исключением в этом плане и Прокуратура СССР.

Будучи по существу вне контроля каких-либо органов, работники её центрального аппарата допускали немало противоправных действий. На мой взгляд, по сравнению с периодом культа личности в их деятельности мало что изменилось.

Во-вторых. Следственной группой Л. Прошкина уголовное дело по обвинению О. Спиридёнка и других было сфабриковано вполне сознательно и умышленно. Опытные следователи не могли не видеть, что их обвинения являются необоснованными и построены на песке. А надеялись они, видимо, на безропотность и покладистость судей, которые не станут портить свои отношения с высшим прокурорским органом. Но времена изменились. И если раньше такие дела в суде проходили, то теперь судьи куда меньше смотрели в рот своим высоким коллегам, в ведении которых находилось следствие и государственное обвинение, в их деятельности стало больше самостоятельности.

Хотя до конца этот рецидив и сегодня еще не преодолён. Прокурор по-прежнему занимает доминирующее положение в глазах судей, а представители защиты, их запросы и интересы отодвигаются представителями правосудия на задний план.

Видимо, этим можно объяснить и тот факт, что Могилёвский областной суд не дал правовой оценки противоправным

действиям Леонида Прошкина и его группы. В результате Прошкин продолжил работать в следственных органах, но уже не Союза, а Российской Федерации.

В-третьих. Рассмотрение дела в суде показало, что жалобы, заявления, ходатайства, которые писали обвиняемые в разные высокие инстанции, были обоснованными и объективными. Вероятнее всего, их не только не проверяли, но и внимательно не читали. Ответы на них писали второстепенные работники аппарата.

И в данном случае суд не проявил принципиальности и не дал правильной оценки безответственному отношению работников аппарата союзной прокуратуры к разрешению жалоб обвиняемых.

В-четвертых. Несмотря на развитие гласности, рано ещё говорить об объективности в работе наших средств массовой информации. Когда шло следствие по делу Михасевича, печать, радио, телевидение почти ежедневно посвящали этой теме свои материалы. И почему такое безразличие и невнимание проявили они к судебному процессу по уголовному делу Спиридёнка и других обвиняемых? Неужто оттого, что читатели пресытились «витебским делом»? Не скажите. Самое интересное только начиналось. Но, видимо, небезопасно журналистам было рассказывать о провалах и злоупотреблениях представителей союзной прокуратуры — вполне действующих, при больших погонах и чинах.

Это было чревато, могло бумерангом ударить по СМИ и конкретным журналистам. Живописать о жутких преступлениях маньяка Михасевича, вначале упрятанного за решётку, а затем и вовсе расстрелянного, было куда безопаснее и сподручнее.

А РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МИХАСЕВИЧА ПРОВЕДЕНО ОБЪЕКТИВНО?

Волнует меня и моих коллег и такой вопрос. Можно ли сегодня быть уверенным в том, что расследование преступлений Геннадия Михасевича проведено объективно? Знакомый юрист рассказывал мне, что следователи постоянно внушали Михасевичу мысль о том, что избежать смертной казни он может лишь в том случае, если его эксперты признают невменяемым. А основания для признания психически больным человеком возрастут, если на его счету будет больше убийств.

Когда же судебная коллегия Верховного Суда Союза ССР в первые дни процесса отклонила ходатайство адвоката о направлении подсудимого на экспертизу в институт имени Сербского, Михасевич, видимо, понял, что его просто обманывали. В связи с этим он и заявил суду, что совершил всего 8 убийств, а остальные 28 были приписаны ему следователями. Так ли это на самом деле, трудно сказать. Но чтобы установить истину, было бы целесообразно и для торжества правосудия, и для истории поручить незаинтересованным, квалифицированным юристам тщательно изучить уголовное дело по обвинению Михасевича. Можно было бы подключить к этой работе и учёных-юристов. Думается, усилия такого рода окупились бы сторицей.

Как я отношусь к суду и судьям? На эти вопросы я давал развёрнутые ответы на страницах предыдущих своих книг. Суд надо мною и моими товарищами в Риге лишил нас спокойствия. Так мало было в той атмосфере человекопонимания, уважения чести и достоинства... Перед тем как зайти в зал, судьи оставляли все это на коридоре. По инерции, без теплоты в голосе мы ещё обращались к ним со словами «уважаемый

суд», «уважаемый судья». Иногда прорывалось и словосочетание «Ваша честь». А в ответ звучали постоянные одёргивания: «Гражданин Сороко, говорите по существу дела» и т. д.

Если бы судьи знали, постоянно чувствовали истинное, историческое значение слова «гражданин», они бы, наверняка, удивились. Ведь это почётный горожанин, который все силы, душу, жертвуя собой, отдавал для защиты и благоустройства города. Что и словарь В. Даля подтверждает: «Гражданин — это член общины, или народа. Состоящий под одним управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство». И ключевое слово в этом определении **«каждый»**. Он унаследует все традиции, веру, культуру народа. А без этого есть толпа и маленький её винтик — человек.

В современном словаре Ожегова интересующее нас слово трактуется: «1. Гражданин — лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделённое совокупностью прав и обязанностей». А вот и второе определение словаря Ожегова: «Гражданин — взрослый человек. А также форма обращение к нему».

У многих в сознании сильно засело: «гражданин» — это форма прежде всего судебного обращения. За ним читается: ты уже виноват тем, что стоишь за барьером или вообще в клетке. В это официальное обращение практически невозможно втиснуть права и обязанности. И, как правило, их нет. Какие права и обязанности могли прижиться на этой судебной территории в отсутствии уважения?

«Права, свобода людей превращаются в один лишь лозунг, декларацию,: — заметил доктор юридических наук, член-корреспондент АН России С. Алексеев, — если они, особенно при взаимоотношениях с властью, не находятся «в руках» самостоятельной и гордой личности, знающей свою уникальную человеческую ценность и способной постоять за себя перед властью

и, не склоняясь перед властными авторитетами, отстаивать свой высокий человеческий статус и свои высокие неотъемлемые права».

Нервы в судебных заседаниях и после них оголены. Перед тем, как доверить бумаге сокровенное, может быть, судьбоносное, приходиться унимать эмоции. А они накапливаются и накапливаются в душе. Одно неосторожное слово, взгляд, действие, способно спровоцировать срывы. Невозможно воспитать человека на территории унижения. Яков Бронштейн в своей книге «Судьи сраму не имут» заметил, что люди загоняют в подсознание негативные эмоции — и тем самым разрушают иммунитет организма. Это открывает путь к заболеваниям. Уход в болезнь становится уходом от реальных жизненных проблем и ситуаций.

Человека нужно любить не только за то, что он человек. Но и за то, что он сделал или делает. Уважение к его деятельности окрыляет человека. «Никогда мы нечего не дождёмся от властных благодетелей, — заметил Александр Солженицын, — прежде чем поверим, что мы сами — исполнители своей судьбы».

Даже в самых суровых, нечеловеческих условиях. Рассмотрение уголовных дел зачастую растягивается надолго. За это время стороны, отстаивающие свои интересы в судебном процессе, вникают во все тонкости и нюансы дела, становятся не только квалифицированными экспертами, но порой и злейшими врагами. И злость будет накапливаться. Более сильные, наглые, вооружённые властью и полномочиями, при помощи телефонного права, судебной казуистики, волокиты, отписок, искажений постараются сломать сопротивление. А совестливые до последнего будут отстаивать своё честное имя.

Души становятся полем битвы в поисках законности и справедливости. Стены суда не впервые слышат взаимные оскор-

бления. Постоянно идёт процесс накопления ненависти. Бросание слов, как камней. И они попадают в израненную душу. Истинного значения слов порою не чувствуем, ибо оно утрачено. Случается, например, и такая перепалка:

— Идиот!

— От такого и слышу!

По логике древних греков это оскорбительное ныне словцо скорее комплимент, а не оскорбление. Так они называли молчаливых людей. Медики поставили знак равенства между словами «идиот» и «олигофрения» (слабоумие). Если сделал такое умозаключение, то отойди. И вспомни народную мудрость: с дураками общаться — себе дороже.

Заглянем в энциклопедический словарь под редакцией Прохорова: «Идиатия — наиболее глубокая степень задержки психического развития. Мышление и речь не развиваются, влечение и эмоции элементарны». Да и чувство боли, добавлю, таким типам практически не знакомо. Конечно, это уже диагноз.

И если своей душой мы не воспринимаем физическую боль и психические страдания другого человека и концентрируемся только на себе, то это уже духовная идиатия. Почему это понятие не закрепить в обществе?

РАЗВЕ ЭТО НЕ ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ?

Уголовные дела по обвинению работников правоохранительных органов Белорусской ССР, расследованные Леонидом Прошкиным и членами его группы, возвращались судами на дополнительное расследование. Это свидетельствовало о неполноте и необъективности следствия, т.е. браке в работе. А это влекло за собой обязательную служебную проверку

и наказание. Но этих неприятностей Прошкин удивительным образом избегал.

После того, как окончательно отбились от обвинений, предъявленных московским «важняком», некоторые уволенные работники прокуратуры и милиции нашей республики потом прослужили десятки лет в органах, так как были полностью оправданы. Другим оставили незначительные эпизоды обвинения, последовали условные сроки наказания.

Оправдательные приговоры после незаконного привлечения к уголовной ответственности по обвинению в тяжких преступлениях свидетельствовали о посягательствах на свободу ни в чём не виновных граждан. То есть были совершены преступления против правосудия. Расследуемые следственной группой, возглавляемой Л. Прошкиным, уголовные дела должны были незамедлительно повлечь разбирательство в отношении его самого и других набедокуривших следователей. Факты фальсификации московским «важняком» и его помощниками, а также незаконного привлечения ими невиновных людей к ответственности фактически подтверждено судами. Основания заключить Прошкина под стражу были более чем серьёзные. Но и тут покровители уберегли его от неволи и тюремной баланды.

Прокуратура СССР своих не сдавала. Прошкина и следователей его группы из органов даже не уволили, не говоря уже о привлечении к уголовной ответственности. А сколько денег из бюджета было потрачено на выплату зарплаты ему и его помощникам! На командировочные, другие статьи расходов. И никто при этом не привлечён к ответственности за творимые безобразия.

Безнаказанность, потеря совести и стыда, желание ещё и незаконно обогатиться, привели Прошкина в Беларусь и после того, как он наломал здесь немало дров. Так, он предъявил мне,

как автору книг, где он фигурировал, иск о защите чести и достоинства и возмещении морального вреда. До него дорожку к личному обогащению за мой счёт проторил следователь прокуратуры республики Василий Борисов, в пользу которого суд удовлетворил иски, предъявленные ко мне. С меня в пользу Борисова были взысканы десятки миллионов рублей, а Прошкин замахнулся уже на сотни миллионов. Судья Октябрьского района на г. Минска И. Крот, похоже, испытывал большой пиетет перед этим следователем, своим «старшим братом» из союзной России. Он не стал вникать в механизм незаконных привлечений московским «важняком» граждан нашей республики к уголовной ответственности, изучать многочисленные подтверждения этого. Вместо того, чтобы наказать Прошкина за причинённые страдания и унижения работников правоохранительных органов республики, белорусский служитель правосудия полностью удовлетворил его незаконные требования, взыскав с меня 350 миллионов рублей. Подробно судебную тяжбу по гражданскому иску Л. Прошкина я изложил в книге «Почём честь, Ваша честь?!», она вышла в 2016 году.

Как записано в одном из полученных мною документов, в этой истории «произошла трансформация права». До каких пор будет происходить в умах юристов, которые стоят на страже законности, эта самая «трансформация права»?..

На надуманные эпизоды обвинения, из которых виднелись «уши» обвинительного уклона, и делала в своё время упор следственная группа Прокуратуры СССР, возглавляемая Л. Прошкиным. Естественно, мы не могли мириться с этим и написали много жалоб. Но они остались без реагирования и должного объективного рассмотрения. И это несмотря на описанные очевидные факты злоупотребления и нарушения уголовно-процессуального законодательства. Не говоря уже о моральной стороне.

Лично я вынужден был отреагировать на наглые действия Прошкина и осенью 1995 года написал жалобу Генеральному прокурору Российской Федерации. Привожу её текст.

Генеральному прокурору
Российской Федерации
Илюхину В.И.
от гражданина Республики Беларусь
Сороко Валерия Илларионовича,
проживающего в г.Минске
ул. Мозырская, д. 37а

ЖАЛОБА
на незаконные действия должностного лица

Уважаемый Виктор Иванович! На протяжении ряда лет, в 80-е годы, бывший следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Прошкин Л.Г. проводил расследование уголовных дел на территории нашей республики, был руководителем группы следователей Прокуратуры СССР. В настоящее время он работает в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

О результатах расследования Прошкиным Л.Г. уголовных дел на территории Беларуси, о его профессиональной подготовке и качествах говорят факты. Из десяти человек, обвинённых Прошкиным в серьёзных преступлениях по двум уголовным делам, судами четыре человека полностью оправданы. Это человек без чести и совести, из карьеристских побуждений он сознательно и предумышленно шёл на грубейшие нарушения законности.

В 1986–1987 годах я имел, к сожалению, личную возможность убедиться в методах ведения следствия Прошкиным Л.Г. Подтасовка фактов, фальсификация доказательств, ярко выраженный обвинительный уклон — все эти незаконные и недостойные приёмы широко использовались Прошкиным при

ведении следствия. Видимо, понимая шаткость предъявленных им мне обвинений, Прошкин добился у руководства Прокуратуры СССР, чтобы это дело было направлено на рассмотрение в Верховный Суд Латвии. В настоящее время Верховный Суд Латвии по протесту своего председателя признал, что суд, в нарушении норм уголовно-процессуального закона, незаконно принял к производству дело другой суверенной республики и при его рассмотрении применил законы этого государства — Белорусской ССР. Такой порядок не был предусмотрен и имевшими силу основами уголовного судопроизводства Союза ССР, и союзных республик. Впоследствии пленум Верховного Суда Латвии, признав данный приговор незаконным, направил уголовное дело в Верховный Суд Республики Беларусь.

Верховным Судом Латвии были нарушены также права обвиняемого на обжалование приговора в кассационном порядке. Прошкин Л.Г. хорошо знал и понимал, что это дело мог рассматривать только один из областных судов Белорусской ССР.

Ещё находясь в местах заключения, я начал вести дневник. По выходе из колонии написал и издал шесть документальных повестей, в которых совершенно объективно и правдиво описал события этого периода. И делал я это не в порядке мести, как утверждает Л.Г. Прошкин. У меня было одно желание: рассказать людям правду о работе следственных органов, и о порядках, царивших в местах лишения свободы.

И вот я узнаю, что Прошкин Л.Г. обратился в суд Октябрьского района г. Минска с исковым заявлением о защите чести и достоинства, и возмещении материального ущерба, в котором требует взыскать в его пользу 750 миллионов белорусских рублей (копия искового заявления прилагается). Предел цинизма: мало того, что Прошкин Л.Г. добился вынесения незаконного приговора, он ещё хочет получить и материальную выгоду. Почему же Прошкин не думает о моральных потерях тех

людей, которых он необоснованно предавал суду и которых суд оправдывал?!

В исковом заявлении Прошкин Л.Г. указывает: «В книгах содержится умаляющие мою честь и достоинство, не соответствующие действительности измышления автора о якобы совершении мной и подчинёнными мне работниками органов прокуратуры Союза ССР должностных преступлений и преступлений против правосудия, аморальных и бесчеловечных поступков». А разве необоснованное предание суду — это не должностное преступление и не бесчеловечный поступок?

По-моему, Сороко В.И., делу был предан суду Волженков А.П., заместитель начальника отдела транспортной милиции, который Верховным Судом Латвии оправдан. В настоящее время Пленум Верховного Суда Латвии в целом признал приговор незаконным, в отношении всех подсудимых...

По окончании «дела Сороко» следственная группа Прошкина выехала в Витебск и Новополоцк, где в течение трёх лет расследовала уголовное дело о нарушении законности, якобы допущенных другими следственными и оперативными работниками милиции и прокуратуры Витебской области. К уголовной ответственности было привлечено 5 человек. Всем этим лицам было предъявлено обвинение по 246 (!!!) эпизодам, в том числе за превышение власти и служебных полномочий, сопровождающихся насилием, привлечением к уголовной ответственности заведомо невинных лиц, заведомо незаконными арестами.

Два года судебная коллегия Могилёвского облсуда рассматривала это дело, сфабрикованное Прошкиным. Подсудимые Зубов В.И., Михлин Л.Б., Язенок Р.А. были полностью оправданы областным судом по всем эпизодам, предъявленным им опасных преступлений. Подсудимый Спиридёнок О.И. оправдан по 130 предъявленным ему эпизодам. Подсудимый Иванов Ф.К. был оправдан по тем же статьям, которые предъявлялись и Спи-

ридёнку. Областной суд, видимо, чтобы, как говорят, «спасти дело» признал Спиридёнка и Иванова виновными лишь в четырёх фактах незаконного задержания граждан, но и в этой части приговор опротестован прокуратурой республики. Результаты «трудов» Прошкина Л.Г. налицо...

Чтобы получить представление о качестве следствия по этим делам, было бы полезно изучить их, и тогда будет понятно, что представляет из себя «важняк» Прошкин Л.Г. А ведь он и поныне, в силу своей должности, «командует парадом».

Я вынужден сообщить Вам также о неправильном, бесцеремонном поведении Прошкина Л.Г. во время его недавнего приезда в город Минск для участия в рассмотрении его иска ко мне. Я болел, находился на бюллетене, нахождение (по «протекции» Прошкина) в местах заключения не прошло бесследно. Прошкин Л.Г. обратился в прокуратуру республики и организовал проверку врачей на предмет правильности выдачи мне бюллетеня. Это ли не проявление вседозволенности?! Считаю подобные действия незаконными и действительно унижающими моё человеческое достоинство. В то же время я допускаю мысль, что и расходы на поездку в г. Минск Прошкина Л.Г. оплачиваются за счёт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Кстати, насколько мне известно, это не первый визит Прошкина в Беларусь за последнее время. Что же, российский бюджет всё выдержит? Или этот следователь пользуется им по своему усмотрению?

Сообщаю Вам об этих вопиющих, по моему мнению, фактах для принятия соответствующих мер. Ради Бога, не считайте меня кляузником и тем более — пишущим эти строки из чувства мести Прошкину. Правда всё равно выйдет наружу, как ни старалась в своё время фальсифицировать факты и события определённая часть работников правоохранительных и судебных органов. Жаль только, что некоторые из них и сегодня решают ещё судьбы людей.

Ответ из Генеральной прокуратуры России оказался обычной отпиской. От меня отмахнулись, как от назойливой мухи, вернее сороки...

«Ваше обращение в отношении Прошкина Л.Г. рассмотрено в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Проведённой проверкой фактов злоупотребления служебным положением со стороны Прошкина Л.Г. не установлено», — сообщил старший прокурор управления кадров Генеральной прокуратуры РФ В. Борзилов.

ПРОКОЛ ЗА ПРОКОЛОМ

Ранее я уже писал о том, что судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, рассмотревшая уголовное дело по обвинению Г. Михасевича в совершении 37 умышленных убийств женщин и одно покушение на убийство, оправдала его по фактам убийства Л. Гетмановой, Г. Евдоченко, А. Сазоновой и по ряду других преступлений. Прокуратура Союза ССР фактически согласилась с таким решением Верховного Суда и не опротестовала в этой части приговор по делу Михасевича.

В то же время по фактам убийства Гетмановой, Евдоченко, Сазоновой следственными органами Витебской области и республики ранее привлекались к уголовной ответственности пять человек, и судами они были осуждены. Эти приговоры были отменены Верховным Судом БССР по протестам прокурора республики только в связи с тем, что эти убийства, как отмечалось в протестах прокурора, совершены Михасевичем.

Но если Верховный Суд Союза не признал Геннадия Михасевича виновным в совершении этих трёх убийств, то и протесты прокурора, и постановление Верховного Суда республики

об отмене ранее вынесенных приговоров в отношении привлеченных за эти убийства лиц, получается, являются незаконными и необоснованными. Это понятно не только юристу, но и простому смертному.

Этого тем более не могли не знать ответственные работники прокуратуры Союза. Если Г. Михасевич не убивал А. Сазонову, Г. Евдоченко и А. Гетманову и если не убивали их ранее осужденные В. Мацкевич, В. Горелов, В. Ковалев, В. Пашкевич, Н. Янченко, то кто же тогда совершил эти преступления? Вопрос этот до сих пор остаётся открытым и не решённым. Никто им, видимо, практически и не занимается.

Исходя из трактовки закона, прокуратура СССР обязана была проверить обоснованность привлечения к уголовной ответственности за убийство этих женщин Мацкевича, Горелова, Ковалева, Пашкевича, Янченко, так и Михасевича, и поручить такую проверку не следственной группе Л. Прошкина, которая являлась заинтересованной стороной, а незаинтересованным и квалифицированным работникам.

Однако признавать свои ошибки Прокуратура СССР не желала. Зачем брать вину на себя, если можно переложить её на нижестоящие органы и их работников. И прокуратура Союза решила любыми способами и методами доказать, что уголовные дела по фактам убийства А. Гетмановой, А. Сазоновой и Г. Евдоченко и других расследовались на месте с грубыми нарушениями законности.

Следственная группа во главе с Л. Прошкиным начала шить белыми нитками первое такое уголовное дело — в отношении меня, Анатолия Журбы, Владимира Бунькова и Анатолия Волженкова. На все наши жалобы о произволе следствия, фальсификации доказательств высшие прокурорские и судебные инстанции не реагировали. И даже вынесение Верховным Судом Латвии оправдательного приговора в отношении А.Волженко-

ва не вызвало ожидаемой нами реакции в прокуратуре Союза: следственная группа Прошкина продолжала свою незаконную деятельность.

Из Минска она переехала в Витебск и Новополоцк, где взялась расследовать новое уголовное дело — по фактам необоснованного привлечения к уголовной ответственности за тяжкие преступления многих невиновных граждан. Три года с 1986-го по 1989 год длилось следствие по этому делу. На гора было выдано 120 томов. На 760 страницах в трёх томах изложено обвинительное заключение, утверждённое заместителем Генерального прокурора СССР А. Катусевым. Это был документ декларативный, голословный, с явно выраженным обвинительным уклоном.

Некоторые обвинения носили просто анекдотический характер. Так, например, Л. Прошкину стало известно, что в Полоцком КПЗ развелись клопы. Вот как он изложил в обвинительном заключении прегрешения О. Спиридёнка и Ф Иванова, связанные с этими самыми клопами: «Организовав необоснованное длительное содержание Орла в нечеловеческих условиях, Спиридёнок и Иванов понимали, что мучают подозреваемого и сознательно использовали эти мучения для принуждения к признанию». Трудно поверить, что это обвинительное заключение читал утвердивший его заместитель Генерального прокурора Союза.

Все привлечённые по этому делу обвинялись в совершении тяжких уголовных преступлений почти по 250 эпизодам.

Так, Олег Иванович Спиридёнок, работавший старшим следователем прокуратуры Витебской области, а с 1976 года — заместителем начальника следственного управления этой же прокуратуры, обвинялся в том, что он, скрывая неумение и нежелание законными способами установить и изобличить преступников, преступными методами и средствами искусственно

создавал доказательства обвинения. Для чего, грубо нарушая положения ст.15 УПК БССР, домогался тех или иных угодных ему показаний свидетелей, подозреваемых и обвиняемых путём применения насилия, угроз, обмана и других незаконных мер. В официальные процессуальные документы вносил заведомо ложные сведения. Заведомо незаконно задерживал многих граждан. Он же, зная о невиновности граждан, заведомо незаконно арестовывал их. Удалял из дела материалы, содержащие доказательства, противоречащие данным следствия. И далее на 53 страницах шло изложение 130 эпизодов допущенных нарушений.

Фёдор Константинович Иванов, старший следователь по особо важным делам прокуратуры Витебской области, по существу обвинялся в тех же преступлениях, что и Спиридёнок. Ему вменялось в вину, что он преступными методами и средствами искусственно создавал доказательства обвинения, для чего грубо нарушая положения ст.15 УПК БССР, домогался нужных показаний обвиняемых, подозреваемых и свидетелей путём насилия, угроз, обмана и других незаконных мер. В официальные процессуальные документы вносил заведомо ложные сведения. Заведомо незаконно задерживал граждан. Заведомо незаконно привлёк к уголовной ответственности Н. Орла и Ю. Бакунина. Эпизоды допущенных Ивановым нарушений законности занимали 18 страниц.

Ростислав Аркадьевич Язенок так продвигался по служебной лестнице в Полоцком ГОВД: вначале инспектор уголовного розыска, потом заместитель начальника отделения угро, а затем и начальник отделения уголовного розыска. Он обвинялся в том, что совершил действия, явно выходящие за пределы прав и полномочий, предоставленные ему законом и причинивших существенный вред государственным интересам и охраняемым законным правам и интересам граждан. Пре-

вышение служебных полномочий сопровождалось насилием, а также мучительными и оскорбляющими личное достоинство граждан действиями. Принуждал граждан к даче тех или иных показаний, к оговору других лиц, либо к самооговору. Применял к гражданам физическое и психическое насилие, незаконно лишал их свободы, совершал иные мучительные и оскорбляющие личное достоинство потерпевших действия. Своими действиями создавал условия для незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности. Перечисление эпизодов «преступной деятельности» Язенка в обвинительном заключении заняло 7 страниц.

Его коллега — Владимир Иванович Зубов, работавший заместителем начальника отделения уголовного розыска Полоцкого ГОВД, получил обвинения в таком же семистраничном объёме. Он обвинялся в том, что совершал действия, явно выходящие за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом и причинивших существенный вред государственным интересам и охраняемым законом правам и интересам граждан. Принуждал граждан к даче тех или иных показаний, к оговору других лиц либо к самооговору. Применял при этом физическое и психическое насилие, совершал иные мучительные и оскорбляющие личное достоинство потерпевших действия. Кроме того, совершал должностные подлоги — вносил в официальные документы заведомо ложные сведения. Создавал условия для незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Следователь прокуратуры Витебского района Леон Бенцианович Михлин обвинялся в грубом нарушении законности. Систематически заведомо незаконно задерживал граждан. Домогался у допрашиваемых нужных показаний и другими противоправными методами. Перечень его «преступлений» оказался скромнее, чем у других, — всего четыре страницы.

Как видите, всем обвиняемым были предъявлены очень серьезные и тяжкие обвинения, за которые каждый из них мог получить десяток лет лишения свободы.

Все обвиняемые в процессе расследования дела следственной группой Прошкина не без оснований обращались неоднократно с жалобами в высшие государственные и партийные инстанции. Указывая в них на предвзятость, необъективность следствия, на факты совершения подлогов, фальсификации доказательств и следственных документов, извращений в трактовке законов.

Заранее скажу, что все эти жалобы были объективными и соответствовали действительности, что нашло своё подтверждение при рассмотрении дела в суде.

Чтобы читателю иметь хотя бы общее представление о методах расследования этого дела, приведу несколько писем обвиняемых.

В апреле 1988 года О. Спиредёнок направил заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко, в мае этого же года — жалобу в адрес XIX всесоюзной партийной конференции, в июне 1989 года — жалобу-ходатайство Генеральному секретарю ЦК КПСС, Генеральному прокурору СССР и суду, который будет рассматривать его уголовное дело.

Привожу эти жалобы дословно.

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Громыко А.А.
Спиридёнка О.И.
(221015 г. Витебск, ул. Ленина, 5, кв. 63)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обратиться к Вам меня вынудили чрезвычайные, на мой взгляд, обстоятельства, касающиеся не только меня. С 1971 года по апрель 1986 года я работал на разных должностях в органах

прокуратуры Витебской области. С ноября 1985 года по апрель 1986 года я не был в г. Витебске, находился в командировке. В это время Прокуратурой СССР расследовалось уголовное дело по фактам убийства Михасевичем женщин в Витебской области. В этой связи по протестам прокуратуры начали отменять приговоры по делам, по которым были осуждены разные лица.

16 апреля 1986 года я был из командировки вызван на коллегию Прокуратуры БССР. Там мне бывший прокурор республики Макаров В.Г. объявил, что по согласованию с Генеральным прокурором СССР меня увольняют из органов прокуратуры за то, что в 1973–1974 годах незаконно привлёк к уголовной ответственности Мацкевича за убийство Гетмановой, Горелова за убийство Сазоновой.

Кроме того, мне было поставлено в вину, что я в период 1976–1982 годов при расследовании ряда уголовных дел проявлял обвинительный уклон. Мне было сказано, что убийства Сазоновой, Гетмановой, Евдоченко (по этим делам я принимал участие в расследовании) совершил Михасевич, это уже доказано, поэтому приговоры по этим делам отменены. Прокурор БССР Макаров заявил, что доказано, что я избивал Ковалёва, угрожал пистолетом Горелову. Я заявил, что пистолета у меня никогда не было, а избить Ковалёва просто не мог, так как Ковалёв в несколько раз физически сильнее меня. Доводов моих никто не слушал. И на основании приказа прокурора республики приказом прокурора области 24 апреля 1986 года из органов прокуратуры я был уволен.

Каково же было моё изумление, когда я узнал, что ни 16-го, ни 24 апреля 1986 года приговоры в отношении Мацкевича и Горелова отменены не были. Их отменили только 14 мая 1986 года. Таким образом, я был уволен, можно сказать, авансом, т.е. незаконно.

Обжаловать увольнение я не стал по той причине, что Прокуратурой СССР было возбуждено уголовное дело по фактам нарушений законности в БССР при расследовании ряда уголовных дел об убийствах женщин в 1972–1986 годах. Более того, по словам Макарова, моё увольнение было согласовано с Генеральным прокурором СССР. Мне было понятно, что моё увольнение авансом — это месть со стороны Макарова за то, что в бытность его прокурором Витебской области я жаловался на него в Октябрьский РК КПБ.

На первых порах я считал, что следственная группа Прокуратуры СССР, возглавляемая Л.Г. Прошкиным, во всём разберётся. Но последовавшие затем события показали обратное. Истина никому не нужна, имею в виду следственную группу. Вот уже более двух лет группа не занимается установлением истины, а упорно пытается доказать версию, выдвинутую Макаровым, подхваченную многими СМИ, включая «Литературную газету»: в Витебской области многие годы на допросах избивали людей.

Поэтому ряд лиц был осужден незаконно. Эта версия крайне выгодная центральному аппарату Прокуратуры СССР. Об этом свидетельствует много фактов, которые приведу ниже.

Верховный Суд СССР Г. Михасевича по эпизодам убийства Л. Гетмановой, А. Сазоновой, Г. Евдоченко и других оправдал. Вот тут всё и началось, вернее, приобрело особый размах. Меня за два года допрашивали множество раз, порой без всякой надобности вызывали на допрос за сотни километров. На допросах закатывали истерики, кричали, запугивали. Это, в первую очередь, касается допросов следователя Елсукова. Мне запрещали упоминать на допросах фамилию Михасевича. И всё это из-за моего неудобного вопроса: кто всё-таки убил Гетманову, Сазонову, Евдоченко?

Почему меня уволили из прокуратуры авансом? Мне отвечают, что приговоры по этим делам были в отношении В. Мацкевича, В. Горелова, В. Ковалёва и др. отменены в связи с тем, что предполагали, что эти убийства мог совершить Михасевич. По логике следственной группы никто кроме Михасевича в Витебской области убийства совершать не мог. Крайне опасная логика. Но её опроверг Верховный Суд СССР, оправдав Михасевича по ряду эпизодов. В результате до сего времени следственная группа гадает: убийства совершил Мацкевич, Горелов, Ковалёв и другие или всё-таки Михасевич? Я лично считаю, что убийства эти совершали Мацкевич, Горелов, Ковалёв и др. За это и привлекал в 1973–1974 годах их к уголовной ответственности. Мою точку зрения поддерживали по этим вопросам Прокуратура СССР и Верховный Суд. Ведь дела эти проверялись там неоднократно.

От гаданий следственная группа впоследствии перешла к прямой фальсификации, подтасовке фактов, необъективности, предвзятости, подсказкам свидетелям, как отказаться от своих подписей на процессуальных документах. На основании этих фальсификаций Прошкиным Л.Г. составляется постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого, которое предъявлено мне 8 апреля 1988 года в г. Москве. В качестве меры пресечения в отношении меня избирается подписка о невыезде. Постановление это от начала и до конца представляет собой подтасовку фактов, обстоятельств, юридическую неграмотность.

Мне вменено, что на протяжении 1973–1982 годов из карьеристских побуждений я совершил ряд тяжких преступлений. Таким образом, начало моей преступной деятельности отделяет от настоящего времени 15 лет и конец её зафиксирован 6 лет назад. Выходит, начал я совершать преступления после полутора лет работы в прокуратуре, будучи молодым специалистом, и перестал их совершать почему-то в 1982 году, хотя

работал в прокуратуре до 1986 года. Почему бросил? Ну это, видно, группа знает...

Меня обвиняют по ст. 17 и 172 ч. 2 УК БССР — организации привлечения из карьеристских побуждений заведомо невиновных Орла и Бакулина к уголовной ответственности за убийство Торбун и Шитик. При этом я давал указания следователям Альхимовичу и Иванову направлять эти дела в суд. Подобное утверждение следователя Прошкина Л.Г. полностью опровергается материалами дела и ст. 44 УПК БССР. В чём Прошкин Л.Г. усмотрел мой карьеризм, а также неумение раскрыть убийства? Разве только в том, что я, несемейный человек, не мог отказаться от командировок и проводил в них по воле руководства прокуратуры области до 200 дней в году? Я не мог раскрыть убийства, так ведь и работники Прокуратуры БССР и Прокуратуры СССР раскрывали эти убийства и не раскрыли. Так что, и их привлекать к уголовной ответственности? Согласно ст. 44 УПК БССР решения о направлении дела в суд принимает только следователь. Значит, я должен был дать Альхимовичу и Иванову, Кирпичёнку, Шерстнёву письменные указания. А их не было и нет. Так, может, Альхимович, Иванов и др. дают показания об этих моих мифических указаниях? Опять же нет, они говорят противоположное, т.е. правду: не давал я никаких указаний. Это же заявляют Кирпичёнок и Шерстнёв.

Следственная группа утверждает, что я на допросах избивал Бакулина, а Орла содержал в ИВС (КПЗ), где были клопы. И готова ещё одна статья для обвинения меня — принуждение к даче показаний с применением насилия. А проще говоря, с помощью избиений. О том, что я в 1976 или 1977 году избивал на допросах его, Бакулин не говорил до марта 1986 года. На очной ставке со мной, несмотря на ухищрения следователя Мейлаха, Бакулин простодушно заявил, что он начал говорить об избиениях после того, как следователи ему сказали, что он убийства

не совершал. Само собой разумеется, это вывело из себя Мейлаха, ведь он знал, что в 1986 году на первых допросах следователю Козаченко Бакулин говорил, что его никто не бил. На мой вопрос: почему Бакулин за десяток лет не написал ни одной жалобы о том, что я его бил, ответить он не смог. За него вынужден был дать ответ следователь Мейлах. Он сказал, что может просто Бакулин сейчас решил рассказать правду. За это и ухватился Бакулин. Очная ставка проводилась фактически не между Бакулиным и мною, а между следователем Мейлахом и мною. И, по мнению группы, есть бесспорное доказательство моих избиений Бакулина. Что же тогда ждать от неё дальше?

Были или нет клопы в ИВС (КПЗ), когда там содержался в 1977 году Орёл, я не знаю. Допускаю, что могли быть. К сожалению, в подобных учреждениях клопы бывали, да и сейчас есть, наверное. Прошкин утверждает, что Орёл сознался из-за клопов. А почему тогда не сознались другие арестованные, которые тоже в то время содержались в ИВС (КПЗ)? У Орла ведь была не первая судимость, что такое ИВС, он хорошо знал. И что, клопов я привёл (принёс), не знаю как выразиться, в ИВС? По мнению Елсукова и Прошкина, так всё и было. Но это же бред!

Сожительница Орла — Мещерякова, которая в 1977 году давала изобличающие его показания, сейчас под влиянием газетных статей, подсказок следователей говорит: да, я читала протоколы своих показаний, подписывала их, это мои подписи. Но я так не говорила. Как просто всё, и нашлась ещё одна статья для моего обвинения. Так для чего тогда, спрашивается, ставятся подписи на протоколах? Чтоб от них потом отказываться?..

Прошкин Л.Г. утверждает, что я совместно с Язенком избивал Кадушкину, женщину. А сама Кадушкина на очной ставке со мной об этом сказала так: я ругался на неё матом, но не бил. Тем не менее, она созналась в убийстве Шейцук, а мне сейчас вменяют избиение этой самой Кадушкиной, которая, кстати,

на очной ставке со мной заявила, что она ненавидит не только Язенка, но и всю милицию и прокуратуру. За то, что как только она освободится из мест лишения свободы, к ней сразу пристают работники милиции и заставляют устраиваться на работу. А этого она не переносила, т.е. не хочет работать.

Таковы доказательства моей вины! В них уверен Прошкин Л.Г. и вменяет мне ч. 2 ст. 175 УК БССР.

До какой беспардонной подтасовки может дойти следователь Мейлах, свидетельствует такой факт. Некто Шевчук показал, что в 1976 году его вызывали в РОВД и там кто-то говорил ему, что он совершил убийство. На очной ставке со мной Шевчук заявил, что он не знает, был ли это я или кто-то другой. И после этого мне всё равно вменяют понуждение Шевчука к даче показаний. На каком основании?

Мне вменяют в вину ст. 175 ч. 2 УК БССР и на том основании, что в 1982 году на допросах я избивал Лушковского, угрожал и запугивал Мушинского. Само собой разумеется, что Лушковского я не бил. Он не сознавался в убийстве ни на следствии, ни во время суда. И при этом несколько лет утаивал, что я его бил на допросах. И это тоже ныне считается доказательством!

А вот Мушинский на очной ставке со мной довёл следователя (фамилии его не знаю) до истерики. Он сразу заявил, что в 1982 году он давал изобличающие Лушковского показания в связи со своим добросовестным заблуждением. Следователь ему заявил, что он его подводит, что раньше Мушинский (несколько месяцев тому назад) дал показания, что я его заставлял, угрожал. Следователь начал во время очной ставки читать ему уголовное дело, склонять к даче ложных показаний. Я потребовал занести это в протокол. Следователь не хотел этого делать, и только моё заявление, что я не подпишу протокол, заставило его, хотя и в искажённом виде, занести это свидетель-

ство в протокол. Здесь же Мушинский заявил, что в 1982 году он не считал, что я его запугиваю. А сейчас вот в газетах пишут, что на допросах били, запугивали, да и следователи говорят об этом, ну и пусть будет так. Вот это логика!

Точно так очные ставки проводит Домурадов О.И.

Мне вменена ещё раз ст.172 ч.2 УК БССР — привлечение заведомо невиновных Горелова и Мацкевича в 1973–1974 годах к уголовной ответственности. О том, что это обвинение сфальсифицировано от начала и до конца, свидетельствуют следующие факты, которые невозможно опровергнуть даже Прошкину Л.Г., Домурадову О.И. с их опытом фальсификаций. А именно: я уже писал выше, что приговоры по этим делам (за них согласно ст. 44 УПК БССР я несу полную ответственность) были отменены после моего увольнения из прокуратуры в связи с предположением, что убийство Сазоновой и Гетмановой мог совершить Михасевич. Более 10 лет приговоры сохраняли свою силу. Следователи в 1986 году пришли к выводу, что эти убийства совершил Михасевич, поэтому дело против Горелова и Мацкевича прекратили. А суд Михасевича потом по этим эпизодам оправдал.

Это вызвало неописуемую ярость Прошкина Л.Г., Домурадова О.И. и других. Как так получилось, недоумевали они, что Спиридёнок оказывается прав? К их сожалению, ни Горелов, ни Мацкевич не говорят, что я их бил и что поэтому они сознались в убийствах. Тогда появляются спустя около полутора десятков лет после события показания надуманные и противоречивые о каких-то моих словесных запугиваниях Соловьёвой и сестры Горелова, его тётки. И этого достаточно: родственники Горелова (сестра, тётка) поменяли показания, пусть и спустя 15 лет. Заодно с ними по наущению следователей — и соседка Горелова Соловьёва. Она говорит, что Спиридёнок её убедил дать такие показания в 1973 году, протокол она читала, подпись её,

а вот так она не говорила. Готова ещё одна статья моего обвинения!

По этому же эпизоду мне ещё вменяют и ст.171 УК БССР — должностной подлог. А дело вот в чём. Мною в 1973 году составлен (напечатан на машинке) протокол следственного действия — проверки показаний Мацкевича на месте происшествия. Он подписан и заместителем начальника Витебского РОВД Кириком. А сейчас Кирик заявляет, да, протокол читал, подписывал его, но слов таких Спиридёнку не говорил. И вот на основании таких показаний мне вменяют должностной подлог.

И это объективная оценка доказательств? Нет, фальсификация! Ведь под влиянием следственной группы сложилась противоправная практика, когда допрашиваемые сейчас, спустя много лет после следственного действия (особенно заинтересованные в исходе дела и их родственники) заявляют: да, читал протокол тогда, подписывал, но так не говорил. На моё замечание: «Так ведь и в суде вы давали такие же показания!» — ухмыляясь, отвечали: видимо, не говорил, секретарь суда писала, что хотела (дело Лушковского). Следственная группа воспринимает такой разворот событий с удовлетворением, всё идёт по её сценарию.

Мою невиновность по этой статье, как ни странно полностью доказывает само название ст. 172 УК: «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности». Жаль, что Прошкин Л.Г., Домурадов О.И. не удосужились вдуматься в слово «заведомо», я уж не говорю о том, что они не прочитали научно-практический комментарий к этой статье Уголовного кодекса БССР. Ведь по этой статье несут ответственность только лица, которые заведомо знали, что привлекают заведомо невиновного.

А куда деть доказательства виновности Горелова и Мацкевича, которые были и есть в деле? Как быть с оправдательным при-

говором в отношении Михасевича по этим эпизодам? Так кто всё-таки убил А. Сазонову и Л. Гетманову? Будем гадать и на основании гаданий привлечём заведомо невиновного Спиридёнка к уголовной ответственности. Такова логика Прошкина Л.Г., Домурадова О.И. и других.

Мне ещё вменили ст.167 ч.2 УК БССР — превышение власти или служебных полномочий. Ну это уже полная юридическая безграмотность! Студент ВУЗа знает, что эта статья не применяется, если в обвинении есть ст.172 УК БССР. Так что, Прошкин Л.Г. совсем уж безграмотный? Нет, дело, видимо, в другом: стремится вменить побольше статей, хотя бы одна должна остаться. (Дело Журбы, Волженкова и др.).

Само собой разумеется, что я не могу привести здесь все доказательства моей невиновности, как и все эпизоды моей преступной деятельности в интерпретации Прошкина Л.Г. Одни обвинения в адрес меня занимают 30 страниц машинописного текста. И все они сфальсифицированы!

Моя вина в избиениях, по мнению Прошкина и членов его группы, подтверждается показаниями 3–5 заинтересованных в исходе дела лиц или их родственников. Все они допрашивались ранее в суде, сориентированы и знают, какие нужно давать показания. Эти люди: Бакулин, Кадушкина и другие — ранее были судимы. Мне доказывают: вот, мол, несколько человек подтверждают, что я применял рукоприкладство. При этом забывают прояснить, кто это говорит, почему он не говорил подобного в суде ранее, не написал никогда в жалобе об этом, почему тот же Бакулин молчал 13 лет?..

Ложь, если её повторит несколько человек, не станет правдой. Ведь общеизвестно, что собранные вместе роженицы не станут от этого рожать раньше или позже срока.

Странно, как я мог избивать Кадушкину, Бакулина, Лушковского и на них никто никогда не видел даже следов побоев? Какой

же степени тяжести телесные повреждения я им причинил? За что бил? Раньше говорили, что бьёт милиция, а сейчас — что прокуратура.

И ещё. Следственная группа за два года проверила все дела, материалы, жалобы, которые я расследовал или разрешал. Проверила все жалобы на меня как работника прокуратуры. Всё искали компрометирующие меня материалы. Но, увы, нет их. После этого никто не задался вопросом: почему Спиридёнок, по мнению следственной группы, по 1982 год налево и направо распускал кулаки, бил всех подряд, а потом перестал, что случилось? И почему никто из якобы избитых не написал ни одной жалобы, пусть и необоснованной? Да потому, что я никого за свою жизнь пальцем не тронул, да и физические данные не позволяют распускать кулаки. Я уже не говорю о морали: никогда ни при каких обстоятельствах не мог избить женщину, то есть Кадушкину!

У читающего это заявление может возникнуть резонный вопрос: так почему его упорно делают преступником? Отвечу на него. Прокуратура СССР прямо заинтересована в том, чтобы Спиридёнка сделать преступником (как это было и с Волженковым). Там ведь прекрасно знают, что работники аппарата прокуратуры БССР и Прокуратуры СССР, не говоря уж о судах всех инстанций, проверяли все дела об убийствах, неоднократно причём, никаких нарушений не обнаруживали, дела были рассмотрены судами публично. И вдруг оказывается, что были осуждены невиновные люди (кроме Горелова и Мацкевича, как подтвердил суд). Так чего проще: объявить, что виноват Спиридёнок, он бил всех на допросах. Как всё просто — и всем хорошо. Посадить меня — и дело с концом. А концы-то и не сходятся. И не сойдутся, уверен. Забыли, что виновность всех осужденных после меня устанавливал и подтверждал суд.

Наверное, за 15 лет работы в прокуратуре у меня были какие-то ошибки и упущения. Не ошибается тот, кто не работает.

Но никогда никаких умышленных действий по нарушению норм УПК я не совершал, и следственная группа знает об этом. Но упрямо подтверждает версию Макарова В.Г. и газет о практиковавшихся избиениях. На фальсификацию она вынуждена идти ещё вот почему: согласно ст.44 УПК БССР всю полноту ответственности за расследуемое дело несёт следователь. Если бы в 1973–1974 годах при расследовании уголовных дел по обвинению Горелова и Мацкевича я допустил какие-то нарушения (был молодым, неопытным специалистом, многого не знал и не умел), то к настоящему времени истекли все мыслимые сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Вот и выдумываются избиения, клопы и т. п., что прерывает срок давности и позволяет довести начатое до поставленной руководством цели.

Невольным помощником неблаговидных деяний следственной группы становятся следующие обстоятельства: давность событий от 15-ти до 6-летней давности; неординарность ситуации с раскрытием убийств в Витебской области, которая была и есть; сложность дела по обвинению Михасевича, ведь это оценочное дело, в основе его подход к старым делам с новой меркой; подключение к освещению ещё не расследованных дел многочисленных представителей средств массовой информации и др. Только для чего это всё делается? Кому это нужно?

При предъявлении мне обвинения я не счёл возможным по изложенным выше обстоятельствам давать показания. Этому составу следственной группы по главе с Прошкиным Л.Г. я заявил отвод из-за их предвзятости, необъективности, фальсификаций. Но безрезультатно. Прокуратура СССР не желает признавать всё это. Ей выгоднее всё отдать на откуп Прошкину и его группе. А руководитель группы больше времени отдаёт не расследованию, а спасению в г. Риге выделенного уголовного дела по обвинению Журба, Сороко, Волженкова и других.

Мне могут возразить: мол, нечего волноваться, суд разберётся во всём, установит истину. Нет уж, если огромная следственная группа более чем за два года не приблизилась к истине, то у суда возможности иные. Весьма призрачна надежда, что суд во всем разберется, не исказит истинную картину. Более полугода рассматривалось в Риге упомянутое выше уголовное дело. Лично у меня нет ни средств, ни сил находиться в роли подсудимого месяцами, годами, как это было с начальником линейного отдела милиции Витебск Волженковым. Я не знаю, какие нарушения законности допустили Журба, Сороко и другие подсудимые по этому делу. Не знаю, какой букет статей УК был им вменён следственной группой во главе с Прошкиным Л.Г. Знаю только, что во время рассмотрения дела группой или лицами повыше была инспирирована статья в «Литературной газете» «Метастазы» с целью оказать давление на суд и общественное мнение. Ни в одной стране мира подобных статей во время судебного процесса не допускается. Это не только противозаконно, но и аморально.

И несмотря на это, Верховный Суд Латвии 11 апреля 1988 года оправдал по всем статьям обвинения Волженкова, из-за Прошкина и его помощников ставшего бывшим членом КПСС, бывшим начальником линейного отдела милиции. Так вот, мне не хочется по злому умыслу Прошкина Л.Г. разделить судьбу Волженкова, слишком это дорого и накладно, да и бесчеловечно. Зачем, спрашивается, Прошкин Л.Г. и его группа фальсифицировали доказательства вины Волженкова, Бунькова и др. по этому делу? Обвиняли их, как и меня, в избиениях допрашиваемых. Чтобы иметь об этом более полное представление, лучше ознакомиться с приговором латвийского суда по делу Волженкова и других.

Таким образом, как юрист утверждаю: в действиях Прошкина Л.Г. и членов его группы содержатся составы нескольких преступлений. На скамье подсудимых они должны сидеть впереди меня, но уголовное дело против них Прокуратурой СССР так

и не возбуждено. Почему? Что, Закон разве не одинаков при исполнении для меня и Прошкина?

Я уже указывал, что уголовные дела в отношении Горелова и Мацкевича прекращены следствием, а не судом. Судом они не оправданы. А вот Михасевич оправдан по этим и другим эпизодам судом, почему никто из следственной группы за это не привлекается к уголовной ответственности?

Прокурор БССР Макаров В.Г., группа Прошкина Л.Г., журналисты предполагали, что я избивал людей на допросах, привлекал невиновных. А суды всех инстанций, прокуроры всех чинов и званий, получается, штамповали, как пешки, приговоры? Слишком это просто и наивно, чтобы быть правдой. Но именно в этом пытаются убедить всех, для чего в ход пускается всё: ложь, обман, подтасовки, запугивания. Для чего это надо? Может, Прошкин Л.Г. является исполнителем чьих-то преступных замыслов?

Допустим на минуту, что я не бил Кадушкину, Бакулина, Лушковского, не запугивал Кирика, Мацкевича, Горелова... Что тогда? А тогда открывается такая бездна, что и страшно подумать. Естественно, для Прошкина, его руководителей и помощников. Они и думать об этом не хотят, как огня, боятся такой развязки. Вот поэтому и сделать меня преступником выгодно не только Прошкину Л.Г., но и тем, кто за ним стоит и ему потакает.

Всё написанное мною подтверждается материалами не только настоящего уголовного дела, но и дела по обвинению Михасевича, а также уголовного дела по обвинению Журбы, Волженкова и других. Каждый честный юрист, объективный следователь или судья, изучив, проверив сам, а не по докладу Прошкина Л.Г. эти три дела, убедится в моей невиновности и в преступной деятельности Прошкина, Мейлаха, Елсукова, Домурадова и других членов группы, а также тех, кто стоит за ними.

«С БОЛЬШЕЙ ГРЯЗЬЮ Я НИКОГДА НЕ СТАЛКИВАЛСЯ»

Фрагменты интервью Сергея Лучиновича — бывшего работника аппарата республиканской прокуратуры, одного из участников судебного процесса по обвинению Леона Михлина.

— Не верю, Сергей Николаевич, что вы самостоятельно в те непростые времена осмелились занять такую принципиальную позицию.

— Что значит — «такую»?

— Прокурор пошёл против прокуратуры.

— У вас какая-то ложная информация.

— Почему же?.. Я хорошо знаком с делом Олега Спиридёнка и, простите, компании.

— Во-первых, Олег Иванович Спиредёнок — это человек, у которого можно учиться и профессионализму, и порядочности. Дай Бог и мне, и всем быть похожими на него. Так что, уважаемый, наверное, у нас с вами разговора не получится.

— Сергей Николаевич, вы меня не поняли.

— Выключайте диктофон!..

— Прошу секунду вашего внимания.

— До свидания!

— Сергей Николаевич!..

— Ладно. Но по существу.

— Не буду тратить лишних слов: почему вы, молодой, перспективный прокурор, взялись за неперспективное, «гнилое», дело?.. Вы же понимали...

— А почему я был должен что-либо понимать?..

— Время...

— При чём тут время?.. Время — это непостоянная категория, чтобы там ни говорил Энштейн!.. Я не каламбурю, мне не до того!.. Совесть — вот основа всего!.. Я в этом уверен!

— Я вас не провоцирую, но...

— Хотите спросить, откуда у меня...

— Нет. Однако у Пушкина, когда он писал о Моцарте и Сальери...

— Употребил определение: «Понятия несовместные...»?

— Там о гениях и злодеях...

— Поверьте: Пушкин предвидел, Бог его знает, о чём он думал!.. Но я уверен, что он требовал высшей ответственности. За всё. За жизнь!

— Вот как далеко!.. От Александра Сергеевича до...

— Могу в рифму: до Михасевича.

— Пожалуй. Вы сами сузили проблему.

— До неё ли когда, насколько я сегодня знаю, все закрыли. Нет ни знака, ни зацепки!

— А вы?..

— Я?.. Я и раньше, и сегодня говорю и буду утверждать: дело Спиридёнка, Иванова, Михлина, Зубова, Язенка — это чистая, вернее — грязная липа.

— Вернусь к первому вопросу. Значит прокурор — против прокуратуры?!

— Откуда такая правовая безграмотность?! Кто вам сказал, где вы такое услышали, что я, прокурор, должен творить беззаконие?!

— Практика подтверждает.

— Аргумент «убедительный». А если я — честный?!

— Сергей Николаевич!..

— Вот об этом я и хочу сказать.

— Пожалуйста...

— У вас ложная сама посылка: если прокурор, то обязательно обвинитель. Точнее — непременно поддерживающий обвинение. Но ежели я не согласен?..

— Верится с трудом...

— Мне пора бросить вам в лицо перчатку!..

— Что же, давайте продолжим словесную дуэль.

— Я никогда не строил из себя героя. Не рядился в тогу правдолюбца и правозащитника. Именно поэтому с чистой совестью могу сегодня утверждать: я, Лучинович Сергей Николаевич, в Могилёвском суде защищал правду и обвинял бесправие.

— Будучи официальным, государственным обвинителем?..

— Да. Я так понимал свой долг.

— Первый случай в советской юриспруденции!

— Первый — не первый... Это всё вторичное.

— Совесть, честь, правда первичны?

— Да.

— Тогда вновь-таки: как всё было?..

— Было беспомощное, безграмотное следствие...

— Но ведь проводили его профессионалы высшей категории!

— Я говорю с точки зрения чистой юриспруденции...

— Что, бывает и другая — «нечистая»?

— Позвольте продолжить. Безграмотным и беспомощным я назвал следствие потому, что... Не стану вдаваться в детали, в тонкости, но... Как бы это помягче сказать?... В общем, это было похоже на телевизор, к примеру, сделанный руками доре-

волюционного плотника... Впрочем, я не должен обижать того же плотника...

— Грубая работа?

— Хуже. Халтура, причём заранее кем-то купленная. И заказчик, и исполнитель договорились.

— Так разве могло быть?

— Тогда так должно было быть! Система!

— О системе говорите не вы первый...

— Эта система не может оставить никого спокойным.

— Но она ещё жива?

— Я не политик.

— Но прошлое вас беспокоит и сегодня?..

— Как любого честного человека.

— Вы более осведомлённый...

— Не хочется вновь лезть в эту грязь.

— Тогда — кто же?..

— Да не боюсь я ни-ко-го!..

— Сергей Николаевич...

— С большей грязью я никогда не сталкивался...

— Кто же её должен разгребать?..

— Процесс в Могилёве был блефом, пародией, издевательством...

— Над Законом?

— Да!

— Кто же?..

— Издевался? Насиловал? Прошкин!

— Что — одиозная фигура?..

— В чём-то — безусловно!

— Неужто вырисовывается схема: «система — Прошкин», «Прошкин — система»?

— Для него, Прошкина, это слишком большой комплимент... Но он, безусловно, хотел бы представлять систему. Амбиций у него — выше даже его немалого роста.

— И на нёго управы не было?

— Надо знать ту, прежнюю, систему. А, может, и сегодняшнюю. Недаром Прошкин работал впоследствии в Генеральной прокуратуре России. На прежней должности.

— Мы как-то всё вокруг да около...

— А здесь и конкретика не нужна. Я потребовал в суде оправдать всех подсудимых. Потому что убедился: обвинение не располагает никакими доказательства их вины. Никакими!

— Это впервые в практике?..

— Причём здесь практика?! Каждый судебный процесс по-своему уникален. Единственный. Все, кого я по долгу службы обязан был обвинять, оказались глубоко порядочными людьми. Они не преступали Закон.

— Вы — полномочный представитель государства в судебном процессе, то бишь — прокурор. Следователь также из вашей «фирмы». Это ли не противостояние?

— Вы никак не можете понять, что прокурор — высший страж Закона. И права, данные ему, ни в коем случае не должны использоваться в каких-то корпоративных интересах. Я никогда не был в одной, как это говорится?.. Да, в одной команде с теми, кто укладывается под власть, слепо выполняет заказ. Совесть — вот определяющая статья.

— Совесть — категория не из кодексов...

— Кодексы, законы — это производное, вторичное от общечеловеческих принципов. Если хотите — от христианской морали.

— Прокурор-христианин? В советской стране?

— Согласен: это — нонсенс. Но я не зря защищал Олега Ивановича Спиридёнка и его соратников. И никогда не раскаюсь в этом.

— В финале, если можно, вернёмся к главной, одиозной фигуре — Геннадию Михасевичу...

— Он — не главный!

— Но всё-таки... Поскольку многие напрямую зависели от его, Михасевича, показаний...

— Я не могу давать оценок человеку (или недочеловеку), которого я не знаю. Но твёрдо убеждён, что «процесс Михасевича» — фальсификация самого грубого пошиба. Нельзя преступно делать карьеру, зарабатывать регалии противозаконным путём. Фемида — она хотя и с повязкой на глазах, но, надеюсь, неподкупная... А вдруг она прозреет? Что тогда?..

— Надеетесь?

— Верю. Могилёвский областной суд оправдал Спиридёнка и его честных коллег. А это значит, что он вынес, хотя и косвенно, обвинительный приговор методам, которыми пользовались Прошкин и его компания.

— Вы употребили обтекаемое слово «косвенно»...

— Я — не судья, не имею полномочий суда. Но в своих убеждениях однозначен.

После той беседы я много размышлял. Вспомнились слова из послания к Титу святого апостола Павла: «...для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум, и их совесть. Они говорят, что знают Бога; а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу...».

При рассмотрении в Верховном Суде Латвийской ССР уголовного дела по обвинению меня и моих собратьев по несча-

стью, направленного в Ригу Прокуратурой СССР, следственная группа, возглавляемая ст. следователем Л. Прошкиным, предприняла беспрецедентные меры влияния на суд с целью получения обвинительного приговора. Причина этого была простая: вменённые нам эпизоды рассыпались и не находили объективного подтверждения при их детальном анализе в длительных и многочисленных судебных заседаниях. Суд неоднократно откладывал заседания. Судья Борис Кабанов, председательствовавший при рассмотрении нашего дела, выезжал в Москву, где с ним проводились соответствующие беседы. Кроме того, Леонид Прошкин и члены его группы постоянно находились в Риге и часто присутствовали на судебных заседаниях.

Мы были арестованы ещё до рассмотрения дела по обвинению маньяка Михасевича, который в суде начал отказываться от многих предъявленных ему эпизодов убийств, в том числе по факту изнасилования и убийства Татьяны Кацуба. Из-за отсутствия должных доказательств необходимо было исключить из обвинения Михасевича данный эпизод, аналогично оправданию его в убийствах Л. Гетмановой, А. Сазоновой, Г. Евдоченко. А это сулило, как минимум, увольнение Л. Прошкина из прокуратуры, так как этот «важняк» при таком повороте событий серьёзно подставил бы заместителя Генерального прокурора СССР О. Сороко , который санкционировал по представлению следователя мой арест и направил дело в Верховный Суд Латвийской ССР.

Чтобы создать негативное мнение о нас, обвиняемых, и повесить на участников судебного процесса, как говорится, всех дохлых собак, на нас пошла массированная атака не только в прессе, но и по телевидению, радио. Работники киностудии «Беларусьфильм», подготовили сценарий и снимали фильм, изобличающий нас, изуверов-правоохранителей. На страни-

цах узнаваемых и читаемых средств массовой информации регулярно появлялись заказные статьи, изобличающие нас в тяжких преступлениях, которые мы не совершали. Суд ещё только «обсасывал» эпизоды криминальных деяний. Безусловно, предпринятый коллективный штурм повлиял на вынесение обвинительного приговора Верховным Судом Латвийской ССР, хотя основные тяжкие обвинения и были исключены из обвинения.

ЗАКОННОСТЬ БЕЗЗАКОНИЕМ НЕ ВОССТАНАВЛИВАЮТ

СУДУ, который будет рассматривать уголовное дело № 18/58420-86
Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Горбачёву М.С.
Генеральному прокурору СССР Спиридёнка Олега Ивановича,
бывшего члена КПСС, обвиняемого по ст.ст. 17, 172,166, 174 и другим УК БССР

ЖАЛОБА-ХОДАТАЙСТВО
по уголовному делу № 18/68420-86

Я уже неоднократно обращался в Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, Прокуратуру СССР. Но, как оказалось, это было бессмысленной затеей. Никто из ответственных должностных лиц этих органов мои жалобы внимательно не читал, решения по ним не принимал, мотивированных ответов на них не давал, чем грубо нарушалась ст. 219 УПК БССР. Ведь рядовые работники Прокуратуры СССР Фролов и Агеенков

уголовное дело не проверяли, а штамповали отписки на основании справок Прошкина, с которым они и несут ответственность за незаконное привлечение меня к уголовной ответственности.

29 сентября 1988 года на заседании коллегии Прокуратуры БССР, где обсуждался ряд эпизодов по настоящему делу, Фролов не смог вразумительно ответить ни на один вопрос по нему. Так как же он проверял дело? Как они с Агеенковым готовили ответы в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР? А ведь по этим ответам-справкам отклонялись мои жалобы.

В процессе предварительного следствия мои жалобы по существу не разрешались, не было удовлетворено ходатайство об отводе следователей, то есть я был как обвиняемый лишён права на защиту. Поэтому прошу ответственных должностных лиц ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР рассмотреть данную мою жалобу по существу и вернуться к предыдущим жалобам, адресованным XIX Всесоюзной конференции КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР.

Не знаю, к чему приведёт эта моя жалоба-ходатайство. Прежние привели только к одному: вызвали дикую и необузданную ярость Л. Прошкина и его группы, что выразилось в перепредъявлениях мне бессмысленных, лживых, противоречивых материалам дела и нормам УК БССР обвинений 8 апреля, 2 сентября, 25 ноября 1988 года. А ещё это вызвало целую лавину нарушений Прошкиным и его группой норм УПК БССР, грубо нарушающих моё право на защиту.

Сейчас меня обвиняют даже в том, что при аресте и утверждении прокурорами обвинительных заключений я обманывал прокурора области, его заместителей. Л. Прошкин, видно, не знает, что в 1973 году я был ещё молодым специалистом, а прокурор области и его заместители были уже с большим опытом.

Так кто кого, спрашивается, мог обмануть? А может, по Прошкину, они были дурачки, что их смог обмануть «зелёный» следователь, и о нормах УПК БССР они вовсе не слышали? За что они тогда получали зарплату?..

А как быть со ст. 31 и ст. 213 УПК БССР? Они ведь чётко определили, что должен делать прокурор при арестах и утверждении обвинительных заключений, чтобы его не обманывали молодые специалисты-следователи. Видно, не прочитал Прошкин эти статьи, иначе не писал бы бред в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, в частности, что я обманул уважаемых людей: прокурора области и его заместителей. Это, конечно, сарказм. А если серьёзно: не прокурор ли и его заместители должны были указать на ошибки следователя, если они были?

Обратиться в суд до рассмотрения дела по существу меня вынуждают следующие обстоятельства. Расследование уголовного дела проведено неполно, односторонне, предвзято, с ярко выраженным обвинительным уклоном. Я был лишён права на защиту, поскольку мои жалобы не разрешались, постановление об отказе в удовлетворении моего ходатайства об отводе следователя Прошкина мне не предъявлено. В этой связи я вынужден был отказываться от дачи показаний, от ознакомления по окончании следствия с материалами дела. То есть, при расследовании уголовного дела грубо нарушены ст.ст. 14,15,125,126, 143,158,162,184,192,219 и другие УПК БССР. Из каких соображений это делалось Прошкиным и его группой, я уже указывал в жалобах в Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, Прокуратуру СССР. К ним добавлю следующее:

1) Следствие проверяло и доказывало одну версию: В. Мацкевич, В. Горелов и другие были незаконно осуждены из-за того, что я их избивал, запугивал. И это при том условии, что они это упорно скрывали и на суде и затем многие годы после суда до по-

явления в качестве обвиняемого Г. Михасевича. Что им мешало заявить об избиениях на суде, в жалобах? Я никого не бил, не запугивал. Считал и считаю, что эти люди были осуждены законно. Оправдание Михасевича по ряду эпизодов подтвердило это.

2) По ряду эпизодов мне вменены ст.ст.17 и 172 ч.2 УК БССР. Статья 17 УК БССР состоит из семи конкретных частей. В постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого почему-то не указаны части этой статьи. Так в чём же меня обвиняют: пособничестве, подстрекательстве, организации? Можно только догадываться. Разве это не грубейшее нарушение ст.143 УПК БССР? От какого обвинения мне защищаться?

3) При расследовании дела очные ставки проводились фактически между мною и следователями, а не свидетелями. Свидетелям до начала допроса на очной ставке оглашались показания, которые они давали ранее, ставились наводящие вопросы, подсказывались ответы на мои вопросы (это в первую очередь очные ставки с Бакулиным, Лушковским, Артишевским, сестрой Горелова и др.). Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с протоколами очной ставки Мушинский — Спиридёнок.

4) До начала записи показаний Мушинского следователь Суховский (за точность фамилии следователя не ручаюсь) не только огласил ранее данные им показания, но и ознакомил с другими материалами дела, по мнению следователя изобличающими меня. Это грубейшее нарушение ст.162 ч.4 УПК БССР. И данное нарушение следователь вынужден был зафиксировать в протоколе очной ставки только после того, как я в категорической форме потребовал этого и сказал, что укажу сей факт в жалобе. Но тогда я был свидетель и обжаловать действия Суховского не имел права.

5) Мне вменён эпизод запугивания, угроз свидетелю Шевчуку. На том основании, что где-то в 1977 году на допросе в райот-

деле милиции, как показал Шевчук, ему кто-то угрожал. Анкетная часть протокола допроса Шевчука закончена мною, а показания написаны им собственноручно. Следовательно, заполняя анкету, допросив Шевчука, я оставил его писать протокол, сам же, скорее всего, уехал куда-то по работе. На очной ставке со мной Шевчук заявил, что не знает меня. Почему при указанных обстоятельствах не было проведено опознание, а сделана очная ставка? И даже при этом нарушении Шевчук заявил, что он не считает, что человек, писавший протокол, и угрожавший ему — одно и то же лицо. И на основании такого доказательства мне вменяют преступление? Это чистый обвинительный уклон, необъективность. И это только один пример (см. мои показания по этому эпизоду и протокол очной ставки с Шевчуком).

6) 8 апреля 1988 года при предъявлении мне обвинения я заявил мотивированный отвод составу следственной группы Прокуратуры СССР и в этой связи не счёл возможным в дальнейшем давать ей показания. В нарушение ст. 47 УПК БССР моё ходатайство об отводе надзирающим прокурором не рассмотрено, постановление не вынесено. Во всяком случае, мне постановление никто не предъявлял, с ним не знакомил, есть ли оно уже задним числом в деле, я не знаю, поскольку по указанным выше основаниям не счёл возможным знакомиться по окончании следствия с материалами дела. На заявлении об отводе по истечении всех мыслимых сроков я получил отписку от помощника Генерального прокурора СССР А. Фролова, что на основании норм УПК РСФСР оснований для отвода нет. Это, конечно, беззаконие: Фролов по своему должностному положению не имеет права решать вопросы отвода. Кроме того, согласно ст.1 УПК БССР при рассмотрении данного вопроса должен был применяться не УПК РСФСР, а УПК БССР. Более того, допущено грубое нарушение ст.125 УПК БССР . В ней сказано, что если дело расследуется группой следователей, то объявляется весь со-

став группы обвиняемому, чтобы он знал, кто расследует дело. Мне состав группы никто не объявлял. Что легко проверить, поскольку в материалах дела нет об этом никаких данных. Когда я потребовал от Л. Прошкина сообщить мне хотя бы пофамильный состав группы, он заявил, что делать этого не будет, ведь и так известно, что дело расследует группа Прокуратуры СССР. Я, действительно, видел группу, но кто они, не знал. За три года следствия ряд следователей был отозван из-за беспробудного пьянства (фамилий их не знаю), это сообщили сами участники группы. Я знал только нескольких следователей, которые меня допрашивали. Как оказалось, были в группе и другие следователи. Например, о том, что в расследовании участвует следователь Г. Баграмян, я узнал от него только в 18 часов 50 минут 20 декабря 1988 года, когда он мне принёс на квартиру сообщение об окончании следствия (см. в деле копию этого сообщения с фиктивной датой 18.12.1988, где имеется моя запись).

Когда я сообщил 20 декабря 1988 года о грубом нарушении ч. 3 ст. 125 О. Домурадову, он заявил, что это нарушение формальное, да и «мы не должны сообщать обвиняемым свои фамилии». Зачем тогда ст. 125 в УПК БССР? Таким образом, не сообщая мне состав группы, не давая мотивированных ответов на мои жалобы, не решая по существу вопросы об отводе, следственная группа Прокуратуры СССР во главе с Л. Прошкиным на протяжении многих месяцев лишала меня как обвиняемого права на защиту. Лишала также права обращаться с жалобами и на разрешение этих жалоб по существу, затрудняла право на отвод.

7) О грубом нарушении моих прав, необъективности, предвзятости следственной группы, помимо многочисленных фактов, указанных ранее в моих жалобах, свидетельствует ещё один пример. А именно: бывшим Генеральным прокурором СССР А. Рекунковым 23 мая 1988 года за №31 подписан приказ

«О грубых нарушениях социалистической законности, серьезных недостатках в организации расследования и прокурорском надзоре по делу Эльбека». В этом приказе (а его обязаны были прочитать и Прошкин, а также члены его группы) сказано, что противозаконной является практика Прокуратуры СССР, когда оценка собранных доказательств представляется только суду. И далее в этом приказе высказано категорическое требование ко всем работникам прокуратуры (привожу его дословно) «покончить с направлением в суд оценочных дел».

Ещё до приказа №31 от 23 мая 1988 года, в 1986 или 1987 годах, то есть задолго до употребления термина «оценочное» Генеральным прокурором, я в собственноручно написанных по данному делу показаниях указал, что данное дело является оценочным в классическом смысле этого слова. То есть, кто как оценит показания Лушковского, например, о том, что в 1982 году я бил его на допросе. Он сей факт пять лет по непонятной причине скрывал, не указывал о нём ни в одной своей жалобе. Можно либо поверить ему, либо мне: моему утверждению, что ни Лушковского, ни кого-то другого я никогда не бил. Более того: почему следствием проигнорирован такой красноречивый факт: в полоцкой районной газете появляется в 1988 году публикация о Лушковском. И в ней на вопрос корреспондента, избивали ли его во время следствия, Лушковский ответил так: если бы его кто-то тронул пальцем, то он его убил бы и отбывал бы впоследствии наказание за убийство следователя. И мне после этого предъявляют обвинение в избиении Лушковского?..

Аналогично, оценивая доказательства, Прошкин безосновательно отвергает доказательства вины Францевича в убийстве Медведевой (заключения целого ряда экспертиз и др.) и полностью признает истинными голословные показания Михасевича. Последний заявил, что он убил Медведеву, хотя не смог более

или менее точно указать место и позу, в которой оставил труп. При этом он также не смог более или менее точно указать места оставления трупов Тербун, Шитик. Хотя эти места приметные. Да, что говорить, если и сперма на трупе Медведевой не могла быть от Михасевича! Но всё равно, по мнению следствия, верить можно только Михасевичу.

Встаёт закономерный вопрос: так почему это моё классическое оценочное дело Прошкиным направлено в суд вопреки приказу Генерального прокурора № 31 от 23 мая 1988 года? Мне могут возразить, что приказ этот подписал бывший Генеральный прокурор Союза. Так что, все прежние приказы необязательны для него или только этот?

Нет, здесь другое. Помимо прочих причин, указанных мною в прежних жалобах, просматривается желание Прошкина и его группы прикрыть свою многолетнюю бездеятельность и весёлое времяпровождение в Витебске, Новополоцке. Ведь вести несколько лет такое дело, в котором «преступники» известны заранее, это надо уметь! Умеет этот «важняк» бездельничать годами, нарушать закон и не понести за это наказания.

Далее в том же приказе записано: «предъявлялись неконкретные, бездоказательные, а то и просто надуманные обвинения». Так ведь это относится не только к делу Эльбека, но и Спиридёнка!

Разве конкретным является обвинение по ст. 17 УК БССР? Думай, гадай, какая часть или все 7 частей мне вменены? А обвинение в обмане прокурора области и его заместителей? А использование «молодости» свидетеля Соловьёвой (25 лет)? А неустановленное лицо, которое угрожало пистолетом Горелову? А привлечение «заведомо невиновных» Мацкевича и Горелова, доказательств вины которых на самом деле было и есть более чем достаточно? А оправдание Михасевича по этим трём эпизодам?..

Как защищаться от этих неконкретных, надуманных, противоречащих здравому смыслу, бездоказательных обвинений? Как использовать свое право на защиту?

Если бы расследование Прошкиным велось объективно, то он обратил бы внимание на агентурное сообщение (о нём я узнал на допросе в апреле 1988 года) на л. д. 95 в уголовно-розыскном деле об убийстве Шитик. В нём со слов Бакулина ещё в 1977 году записано, что он сознался в убийстве Шитик, чтобы похвастаться перед сокамерниками. Он и слова не говорит, что его били Спиридёнок и Иванов. И это Прошкиным оставляется без внимания. Это ведь рушит «стройное» обвинение в избиении Бакулина. Наверное, для этой стройности обвинения Прошкиным изобретается совершенно новый способ допроса свидетеля Василия Мартыновича Плеханова.

Более чем бездоказательным является обвинение меня в организации привлечения к уголовной ответственности Орла, Бакулина, Терени, Кадушкиной. Неужели Прошкин не знает, что «соучастие всегда является умышленной деятельностью и возможно лишь при совершении умышленного преступления; соучастники договариваются до или во время совершения преступления»?

Может, Ф. Иванов, Т. Альхимович или кто-то другой из так называемых соучастников заявлял, что Спиридёнок давал устные или письменные указания об арестах и направлении дел в суд? Но такого в деле нет. Так чем же доказывается соучастие? Да и кто должен отвечать за направление конкретных дел в суд?

Полностью надуманным, противоречащим всем материалам дела является обвинение меня в аресте и привлечении к уголовной ответственности заведомо невиновных В. Горелова и В. Мацкевича и по другим эпизодам. Прошкин — юридически малограмотный чиновник, утвердивший обвинительное заключение по моему делу, получается, не видел всю бессмысленность

и противозаконность обвинений меня по этим и другим эпизодам. Ведь единственным основанием возвращения в 1986 году на дополнительное расследование уголовных дел по обвинению В. Горелова в убийстве А. Сазоновой и В. Мацкевича в убийстве Л. Гетмановой явилось то, что, по мнению прокурора БССР, эти убийства мог совершить Г. Михасевич (см. протест по этим делам). Но к дикой ярости Л. Прошкина суд Михасевича по этим эпизодам оправдал. Встал серьёзный вопрос: дела в отношении В. Горелова и В. Мацкевича прекращены незаконно? И, чтобы прикрыть это обстоятельство, не давать однозначно утвердительный ответ на вставший вопрос, появляются: обвинение О. Спиридёнка в обмане прокурора области и его заместителей, ссылки на «молодость» 25-летних свидетелей, на пистолет, которым неизвестный злоумышленник пугает Горелова, и другой бред. При этом все доказательства вины В. Горелова и В. Мацкевича отбрасываются даже вопреки здравому смыслу.

Разве во всём этом не проявляется обвинительный уклон Л. Прошкина, его предвзятость? Прошкин понимает, что за этих два дела я отвечал как следователь на основании ст. 44 УПК БССР. Но здесь дела не склеишь: Г. Михасевич оправдан, каждому объективному юристу видно, что вина В. Горелова и В. Мацкевича доказана. Тогда и появляется обвинение Спиридёнка во всех мыслимых преступлениях — избиениях, организации направления в суд уголовных дел на заведомо невиновных лиц и других преступлениях.

8) Очевидными для незаинтересованного в исходе дела юриста являются грубейшие нарушения, умышленно совершенные Прошкиным и его группой, в отношении меня как обвиняемого при назначении и проведении судебных экспертиз по делу, то есть ст.ст.184 и 192 УПК БССР. Здесь же грубо нарушено моё право на защиту. А именно:

30 ноября 1988 года нарочным на место моей работы был доставлен запрос о высылке характеристики на меня. В нём ука-

зано, что расследование по моему делу окончено. Более того, в тот же день за № 18/58420-86 я получаю сообщение, что расследование по делу окончено и с 13 декабря 1988 года я могу знакомиться с материалами дела (копии этих документов, возможно, в деле имеются).

Тем не менее, 9 декабря 1988 года я был как обычно экстренно вызван в прокуратуру следователем О. Домурадовым, который начал заполнять бланк протокола допроса обвиняемого, то есть меня. Я вынужден был заметить, не зная ещё, зачем меня так экстренно вызвали, что ведь расследование по делу окончено ещё 30 ноября. На это Демурадов сказал, что 8 декабря расследование возобновлено на основании норм УПК РСФСР и предъявил мне постановление на одной странице, из которого следовало, что в связи с ходатайством некоего Зубова расследование возобновлено и мне решили предъявить в соответствии со ст. 192 УПК БССР заключения судебных экспертиз по делу. Подчеркиваю, в постановлении сделана ссылка на УПК РСФСР. Это было для меня как гром среди ясного неба! Я не знал, да и не мог знать, что по делу производились какие-то экспертизы, а меня как обвиняемого не только в нарушение ст. 184 УПК БССР не ознакомили с постановлением о назначении экспертиз, но и с заключениями. И вот благодаря какому-то неизвестному мне Зубову и УПК РСФСР мне оказана милость: возобновили следствие и предъявляют заключение экспертиз!

Но моё удивление быстро погасил Домурадов в присутствии группы отдыхавших, как обычно, в кабинете следователей:

«Постановления о назначении экспертиз Вам как обвиняемому не предъявлялось в связи с тем, что они назначались до 8 апреля 1988 года, то есть до того, как Вы стали обвиняемым. А предъявлять или нет заключение решаем мы, следователи».

Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах я не счёл возможным знакомиться с заключениями экспертиз.

Считаю, что здесь допущено грубейшее нарушение прав обвиняемого. Я допускаю, что экспертизы были назначены до 8 апреля 1988 года. Но ведь после этого дня я 8 месяцев, до 30 ноября 1988 года, был обвиняемым. Постановления мне как обвиняемому должны были предъявляться. По этому пути идёт следственная практика в БССР. Более того, я 15 лет, находясь на следственной работе, назначал или организовал проведение массы различных экспертиз. За это время у меня с рядом экспертов сложились достаточно натянутые отношения из-за моей требовательности, с другими экспертами — наоборот, приятельские отношения. Проводя экспертизы по данному делу, они знали, что их выводы будут в той или иной мере касаться конкретного лица, то есть меня, Олега Спиридёнка. Возможно, выводы экспертов и объективны, не знаю. А, может, кто-то и погрешил против истины из-за натянутых или, наоборот, приятельских отношений со Спиридёнком. Поэтому я имел право знать, кто проводил экспертизы.

Считаю, что после того, как я стал обвиняемым, то есть после 8 апреля 1988 года, постановления о назначении экспертиз должны были мне предъявляться, в том числе уже проведенных ранее. Поскольку это не было сделано, я был лишён возможности использовать права, предусмотренные ст.184 УПК БССР (см. научно-практический комментарий к этой статье). Несмотря на это, следственная группа категорически отказалась 9 декабря 1988 года знакомить меня с постановлениями о назначении экспертиз, настаивая, чтобы я ознакомился только с заключениями. Само собой разумеется, считая, что мои права грубо нарушены, я не счёл возможным выполнить её требование (см. протокол допроса от 09.12.1988).

9) Как я указывал выше, мной был заявлен отвод Прошкину и его группе. Причину этого я указывал на допросе 8 апреля 1988 года в г.Москве, куда был вызван вопреки требованиям ч. 3 ст. 149

УПК БССР. Назову ещё одно основание для отвода и, возможно, главную причину крайней необъективности Л. Прошкина и его группы, его озлобленного отношения ко мне. Эту причину я не указывал в своих предыдущих жалобах, потому что имел намерение изложить её лично ответственному работнику Прокуратуры СССР, который, как я рассчитывал, будет проверять мои жалобы и обоснованность заявленного отвода. Я полагал, что, проработав 15 лет в прокуратуре, разрешив сотни жалоб, по многим из них лично побеседовав с авторами обращений, имею все основания считать, что так же отнесутся проверяющие и ко мне. Ведь необычное всё-таки дело. Но никто не пожелал со мной встретиться. Время показало, что к моим жалобам наплевательское отношение, все отдано на откуп Прошкину.

Так вот, главная причина для отвода. Прошкиным в отношении меня в августе-сентябре 1986 года совершено преступление, предусмотренное ст. 175 УК БССР. Он тогда вызвал меня на первый допрос почему-то в прокуратуру Витебского гарнизона. После того, как он выяснил мои автобиографические данные, записал их, начал меня допрашивать по фактам, в которых фигурировали руководители УВД Витебского облисполкома, начальник и его заместители. Это в протокол допроса не заносилось. Л. Прошкину я ответил, что считаю этих людей порядочными. Моё заявление вывело Прошкина из себя. Он начал кричать, что это не люди, а коррумпированные преступники, карьеристы, укрыватели преступлений, и что я об этом знаю, потому что был вхож в УВД. Заявил, что мне будет очень плохо, если не расскажу об этих преступлениях. Я был шокирован. Ничего подобного о начальнике УВД и его заместителях я не знал. Но у меня сложилось твёрдое убеждение, что у Прошкина есть какие-то сведения иного характера, и он хочет, чтобы я их подтвердил.

Видя, что я не желаю этого делать, Прошкин от криков и угроз перешёл к уговорам. Он сказал, что я совершил много тяжких

преступлений, многих лиц избивал на допросах, и у него есть все основания арестовать меня до предъявления мне обвинения. Поскольку я проживаю один, то из-за ареста (если потом и оправдают меня) потеряю квартиру, имущество моё растащат и т. п., то есть Прошкин пытался всячески меня запугать. На крики Прошкина в кабинет заходили (это была, видно, инсценировка) два следователя, которых потом удалили от расследования за беспросветное пьянство. Один из них был откуда-то из Свердловской области, второго Прошкин называл «старшим лейтенантом» — из военной прокуратуры. Фамилии этих следователей я не знаю, не смогу опознать. Они слышали угрозы Прошкина, сами подыгрывали ему. Это было видно из того, что Прошкин сказал «старшему лейтенанту» связаться с военным комендантом для выделения конвоя, чтобы отвезти меня в изолятор.

«Старший лейтенант» звонил кому-то из соседнего кабинета при открытых дверях, потом сказал, что конвой будет завтра. Прошкин тогда предложил мне:

«Выбирай: или ты расскажешь о всех известных тебе преступлениях, совершённых бывшим начальником УВД Барановским и его замами, и мы постараемся не привлекать тебя к уголовной ответственности, или завтра тебя арестуем. Следствие, скорее всего, будет длиться годы, ты всё это время будешь в камере с лицами, ранее судимыми за убийства. При этом они будут знать, за что ты арестован, что ты избивал на допросах подозреваемых в убийстве, что они были невиновны, но благодаря тебе сознавались, их потом даже расстреливали».

Прошкин после некоторой паузы цинично заявил: «Подумай, какая у тебя в ближайшие годы будет жизнь». С этим он отпустил меня, обязав явиться завтра.

Я был растерян. Понимал, что, если я не дам угодные Прошкину показания, то, скорее всего, действительно буду годы сидеть

в одной камере с уголовниками. В этом меня убеждало и то, что в то время шла организованная кампания в средствах массовой информации, всячески смаковалось не расследованное ещё «витебское дело», При этом без всяких сомнений указывалось, что на допросах избивали невинных людей.

В эту кампанию включились прокуратура Витебской области, Прокуратура Белорусской ССР, Генеральный прокурор СССР А. Рекунков. Он выступал в Воронеже на совещании и в деталях рассказывал о мифических избиениях на Витебщине. Ему вторил в своей речи в Полоцке на собрании работников правоохранительных органов прокурор области Г. Молодцов. Он называл меня, Олега Спиридёнка, преступником. А на партийном собрании аппарата прокуратуры области прокурор БССР Г. Тарнавский прямо заявил, что во всех нарушениях законности виновен Спиридёнок, и он будет «сидеть». И всё это было в 1986 году, задолго до предъявления мне сфальцифицированного обвинения!

Зная, что никаких преступлений я не совершал, тем не менее, у меня были все основания считать, что Прошкин угрозу приведёт в исполнение и арестует меня.

Утром на следующий день снова в военной прокуратуре Л. Прошкин предложил мне рассказать о преступной деятельности руководства УВД. Я отказался, заявив, что ничего не знаю о таковой. Мне стало понятно, что мои «преступления» Прошкина почти не интересуют. Его интересовали в первую очередь прегрешения бывшего руководства УВД. Опять угрозы «облагодетельствовать» камерой с уголовниками, постоянные крики, брань. Опять на подхвате те же два следователя. Оказалось, что конвой есть, но нет машины у военного коменданта, чтобы отвезти меня в ИВС. Отпустили опять, сказав явиться завтра. Так продолжалось издевательство надо мной несколько дней: то нет прокурора поставить печать, то нет конвоя, то нет автомашины. Самую активную роль в издева-

тельствах и угрозах играл руководитель следственной группы Л. Прошкин.

Меня по-настоящему пугала не сама возможность ареста, а то, что буду годы находиться в одной камере с людьми не лучшими, которые могут пойти на что угодно. Я даже, признаюсь, решился рассказать Прошкину всё, что он захочет, пусть только ставит конкретные вопросы. Но помог случай. Совершенно случайно перед очередным вызовом в прокуратуру к Прошкину я встретил в городе бывшего начальника инспекции по личному составу УВД Витебского облисполкома А. Михайловского. Я знал его, так как приходилось нам ранее встречаться по работе, затем по причине болезни начальник УВД Барановский его уволил. С этого времени Михайловский начал писать во все инстанции жалобы, обвиняя Барановского во всех мыслимых злоупотреблениях и преступлениях. Я знал об этом по работе, жалобы касались и прокуратуры, к их разрешению и я, как говорится, руку приложил. Знал ли об этом Михайловский, мне не известно, до этой встрече я его не видел несколько лет.

При встрече первым вопросом Михайловского ко мне, вместо привычного «здравствуй», было: «Олег, тебя вызывал Прошкин или нет?». Этот вопрос покоробил меня и удивил. Дело в том, что не только в 1986 году, но и все последующие годы я старался ни с кем не вступать в разговоры об этом деле. Чтобы это не было истолковано моими недругами в качестве попытки помешать установлению истины по уголовному делу. Да и мне не доставляют удовольствия разговоры об этом деле. Тем более, я не намеревался их вести с А. Михайловским. Даже когда он не был больным, кроме служебных, других разговоров я с ним не вёл. Поэтому я ему неопределенно ответил в таком смысле: Прошкиных много, разве всех упомнить. То есть, дал понять, что не желаю разговаривать. Держа меня за руку, чтобы я не ушёл, Михайловский после этого на повышенных тонах бессвяз-

но рассказал, что меня скоро вызовет на допрос следователь из Москвы Прошкин, будет спрашивать о Барановском, о том, какой он преступник. И мне надо рассказать о всех преступлениях Барановского. Что он лично знает о таких проделках Барановского, что удивится вся страна. Таких преступлений у нас ещё не было, и об этом будут писать все газеты.

Я сказал А. Михайловскому, что ни о каких преступлениях Барановского я не знаю. На это Михайловский мне заметил, что он уже сказал Прошкину, что Спиридёнок знает о всех преступлениях Барановского. Поэтому посоветовал мне сказать хотя бы о том, что Барановский бил людей на допросах, что укрывал тысячи преступлений. Мне было неприятно слушать этот бред глубоко несчастного в своей болезни человека. Я выдернул руку, сказал, что очень тороплюсь, и ушёл.

Под впечатлением сказанного Михайловским я и пришёл на очередной допрос-угрозу Прошкина. И прямо упрекнул: как ему не стыдно бред больного человека А.Михайловского брать на веру, угрожать мне, пытаться на этом бреде создать громкое дело. Вот этот упрёк и вывел из себя Прошкина. Он заорал: откуда я знаю об этом? Я рассказал о случайной встрече с Михайловским. Прошкин отправил кого-то в город искать Михайловского, а мне заявил:

«Ладно, пока иди, но ты запомнишь меня на всю жизнь и при этом будешь жалеть о своем выборе. Я тебе и без камеры устрою «хорошую» жизнь».

Грубо толкнув меня кулаком в спину, Прошкин выпроводил меня из кабинета.

Больше к этому вопросу московский «важняк» не возвращался. Видно, не удалось ему обтяпать громкое дело так, как он планировал. Но жизнь он мне в течение этих трёх лет организовал действительно «весёлую»: бесконечные экстренные вызовы на допросы в Москву, за сотню километров в Новополоцк. Большую

часть времени следователи отдыхают в Витебске, но допрашивать меня едут в Новополоцк. Каждая моя такая поездка обходится мне в 5–10 рублей. И во имя чего? Для запугивания, нарушения моих прав как обвиняемого и т. д. (см. предыдущие жалобы).

Все допущенные по делу грубые нарушения считаю только местью со стороны Л. Прошкина. Он ведь прекрасно знает, что совершил преступление, и что я об этом укажу в жалобе. Вот почему, несмотря на мои неоднократные просьбы вызывать меня на допросы для поездки в Новополоцк хотя бы часов за 20 (я уже не просил, чтобы за сутки-двое), меня всегда вызывали экстренно, часов за 10–12. А вот сообщение об окончании следствия следователь Г. Баграмян не поленился принести мне домой за 14 часов до начала ознакомления с делом, во внерабочее время. Что ему было небходимо в моей квартире?

И после того, как в 1986 году Прошкин в отношении меня совершил преступление, он же эти годы расследовал моё дело. Вот такая объективность!

10) Настоящее уголовное дело возбуждено по фактам нарушения законности в органах прокуратуры БССР. В числе других расследовался и эпизод незаконного привлечения к уголовной ответственности Олега Адамова. Затем этот эпизод был выделен в отдельное производство — дело по обвинению Анатолия Волженкова, Владимира Бунькова, Анатолия Журба и других. Обвиняемые писали многочисленные жалобы на грубые нарушения законности, допущенные Леонидом Прошкиным и его группой при расследовании. Но эти жалобы, как и мои, никто не разрешил.

Уголовное дело более полугода рассматривал Верховный Суд Латвии. Прошкин месяцами пропадал в Риге, он инспирировал статью «Метастазы» в «Литературной газете». То есть, «спасал» дело всеми незаконными методами. Несмотря на это,

Верховный Суд по основному обвинению, сфабрикованному Прошкиным, оправдал подсудимых, а бывшего начальника линейного отдела милиции Волженкова оправдал подчистую.

Это произошло не в эпоху застоя, а 11 апреля 1988 года. И что же Л. Прошкин? А ничего, он продолжает теми же методами фальсифицировать уголовное дело, поворачивая его против меня. Разве это не доказательство грубейших нарушений ст. 15 УПК БССР, обвинительного уклона? Да и что тут говорить: о всех грубейших нарушениях законности Анатолий Волженков и другие писали в жалобах. А их, как и мои, никто не читал и не проверял.

Считал и считаю, что Л. Прошкин прямо заинтересован во имя спасения своей карьеры довести это уголовное дело до удовлетворяющего его приговора. Он желает любыми путями уйти от ответственности за содеянное — совершенное в отношении меня преступление, предусмотренное ст.175 УК БССР. Только ради этого он сделал из меня преступника.

11) При расследовании дела допущено грубое нарушение Л. Прошкиным и его группой ч. 2 ст. 126 УПК БССР. А именно: мне вменена ст. 17 (не знаю, какая часть) и 172 ч. 2 УК БССР за привлечение к уголовной ответственности Бакулина. Ф. Иванову же по этому эпизоду — ст. 15 (часть неизвестна) и 172 ч. 2 УК БССР. Первоначально это дело расследовал Иванов, участие в нём принимал и я. В суд дело направил Т. Альхимович.

Альхимовичу обвинение не предъявлялось, но Прошкиным за подписью заместителя Генерального прокурора направлено представление прокурору БССР. В нём утверждалось, что Альхимович совершил преступление, предусмотренное ст. 172 ч. 2 УК БССР. Когда Прокуратура БССР с этим насквозь лживым представлением не согласилась, был направлен новый документ. Но в нём уже указано, что Альхимович по данному эпизоду совершил преступление, предусмотренное ст.168 УК БССР.

Это повторное представление на заседании 29 сентября 1988 года вынуждена была рассмотреть коллегия Прокуратуры БССР. На нём обвинение, выдвинутое Т. Альхимовичу, поддерживал А. Фролов. Но, к своему стыду, не зная обстоятельств дела (как только он готовил ответы на мои жалобы?), он не смог вразумительно ответить ни на один вопрос членов коллегии. Коллегия пришла к единодушному мнению: в действиях Т. Альхимовича нет состава преступления.

Тогда Л. Прошкин, видя, что рушится обвинение в отношении белорусского следователя в незаконном привлечении к уголовной ответственности Бакулина, принимает противозаконное решение: выделяет, вопреки ст. 126 ч. 2 УПК БССР, в отношении Альхимовича уголовное дело в отдельное производство. Сделано это было не только противозаконно, но и выглядело абсурдно: Спириденок и Иванов привлекаются по одному и тому же эпизоду, а по этому же эпизоду на Альхимовича заводится другое дело. А часть 2 ст. 126 УПК БССР, между прочим, гласит: «Выделение дела допускается только в случаях, вызываемых необходимостью, если это не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования и разрешении дела».

Необходимость у Л. Прошкина возникла: стыдно было выносить постановления о прекращении уголовного дела в отношении Альхимовича в рамках данного дела по ст. 5 п. 2 УПК БССР. За него это сделал следователь прокуратуры БССР. Ну а на объективность, всесторонность Прошкину наплевать. На какое нарушение не пойдёшь ради спасения самого себя! Что с того, что следователь-помощник делал работу ненужную и противозаконную: копировал 14 томов уголовного дела, заведённого персонально на Т. Альхимовича.

12) Следующий факт, свидетельствующий о том, что для Прошкина и его группы нормы УПК да и просто человечности не существуют. Дело в отношении меня и моих коллег они рас-

следуют около трёх лет. И так его расследовали, что не постеснялись 24 ноября 1988 года в кардиологическом отделении больницы перепредъявить обвинение по данному делу Л. Михлину. Не есть ли это способ для издевательств и шантажа обвиняемого?

13) Считаю незаконным применение норм УПК РСФСР при разрешении моего ходатайства об отводе от расследования уголовного дела следственной бригады Л. Прошкина. Требования ст. 1 УПК БССР на этот счёт однозначны. Но на эти нарушения Л. Прошкин внимания не обращает. О. Домурадов же заявил, что, поскольку постоянным местом жительства Прошкина является Москва, он имеет право при расследовании руководствоваться УПК РСФСР и вызывать меня на допросы в Москву.

Можно приводить еще десятки примеров грубейших нарушений при расследовании данного дела. Но и приведенных выше 13 эпизодов, думаю, достаточно, чтобы понять, что грубо нарушены права обвиняемого на защиту, в отношении последнего следователем совершено преступление, и дело не может быть объективно рассмотрено судом. Более того, мои права как обвиняемого систематически и грубо нарушались на протяжении более 8 месяцев.

Таким образом, расследование по делу проведено неполно, односторонне, необъективно, с обвинительным уклоном. В отношении меня Л. Прошкиным во время следствия совершено преступление, предусмотренное ст. 175 ч. 1 и 2 УК БССР. При расследовании уголовного дела совершены умышленные нарушения ст.ст. 1, 14, 15, 16, 47, 143, 149 ч. 3 125 ч. 3, 126, 158, 162 ч. 4, 184, 192, 219 УПК БССР. Эти грубейшие нарушения и неполнота расследования не могут быть восполнены в судебном заседании, на основании ст.ст. 224, 225, 234 УПК БССР. В связи с этим прошу дело направить на дополнительное расследование, отменив в отношении меня меру пресечения.

Генерального прокурора прошу дополнительное расследование поручить незаинтересованным в исходе дела лицам, само собой разумеется, не Л. Прошкину и его группе.

В процессе дополнительного расследования необходимо:

1) Доследовать в полном объеме уголовное дело по обвинению В. Горелова и В. Мацкевича, после чего направить его в суд. Доказательств для предания этих граждан суду достаточно было в 1974 году, достаточно их и сейчас. В противном случае, нет ни малейших оснований для привлечения меня к уголовной ответственности по этим эпизодам. Невиновность Г. Михасевича по этим эпизодам установлена судом, а невиновность В. Мацкевича и В. Горелова констатирована в постановлении следователя. То есть, необходимо установить, кто всё-таки совершил эти убийства: Михасевич или Горелов и Мацкевич, или иные лица. При этом необходимо учитывать, что ни В. Мацкевич, ни В. Горелов судом не оправданы. Их дела возвращены на дополнительное расследование только из-за того, что убийства эти мог совершить Г. Михасевич. Гадание на кофейной гуще — это верх беззакония!

2) Необходимо назначить судебно-почерковедческую экспертизу с целью ответа на вопрос: Кириком или иным лицом от его имени выполнена подпись в протоколе проверки показаний Мацкевича. С учетом ответа на этот вопрос (а он будет таким: подпись выполнена Кириком) решить вопрос о привлечении Кирика к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В отношении меня дело по этому эпизоду прекратить за отсутствием события преступления, возбудив дело в отношении О. Домурадова за необоснованное привлечение меня к уголовной ответственности по данному эпизоду.

3) В целях установления в моих действиях объективной стороны преступления — организации направления в суд дел на

заведомо невиновных Бакулина, Орла и других — подробно допросить Т. Альхимовича, Ф. Иванова, В. Кирпичёнка, выяснив у каждого из них:

а) где, когда я им давал устные, письменные указания о направлении этих дел в суд?

б) почему они не обжаловали эти незаконные мои указания?

в) почему они выполнили эти мои незаконные указания, угрожал ли я им чем-нибудь, что с ними было бы, если бы они не выполнили моих указаний?

г) говорил ли кто из них прокурорам, утверждающим обвинительные заключения, что О. Спиридёнок дал им указания направить эти дела в суд?

д) что вообще с ними было бы, если бы эти дела они не направили бы в суд?

4) В связи с тем, что данное уголовное дело является оценочным, истребовать и приобщить к делу:

а) выписки из научно-практического комментария ст. 44 УПК БССР, а также статей УК БССР, вменённых мне;

б) копию приказа Генерального прокурора СССР № 31 от 23 мая 1988 года (как подтверждение незаконности направления этого дела в суд) и необъективности Л. Прошкина и лица, утвердившего обвинительное заключение;

в) выписки из постановления о привлечении в качестве обвиняемого Михасевича и выписки из приговора по делу Михасевича и обвинительного заключения по эпизодам, по которым мне предъявлено обвинение (расследование убийств Евдоченко, Гетмановой, Сафоновой, Шитик, Медведевой, Торбун и др.);

г) копии обвинительного заключения приговора и определения суда по выделенному из данного дела уголовного дела по обвинению А. Волженкова, В. Бунькова и др.

5) Установить и допросить должностных лиц Прокуратуры БССР, давших указание не разрешать мои жалобы и не давать на них в установленный законом срок ответов. При этом выяснить, с какой целью это делалось. По этим же вопросам допросить Прошкина и членов его группы, выяснив, для чего они из почты изымали мои жалобы.

6) Установить лиц, содержащихся в одно время с Орлом в КПЗ Полоцкого ГОВД, допросить их, выяснив, кто из них сознался в совершенных (или несовершенных) преступлениях из-за того, что в камере были клопы. В ходе допросов должностных лиц ГОВД установить следующее. Были ли клопы в камерах КПЗ до и после того, как содержался здесь Орёл? Были ли арестованные, сознавшиеся в преступлениях из-за клопов? Принимались меры по уничтожению клопов? Давал ли я указание заносить (завозить) в КПЗ клопов?

7) Истребовать из уголовного дела по обвинению Михасевича копии протоколов допросов Мацкевича, Горелова, Орла, Бакулина, Кадушкиной. Передопросить этих и других лиц о причинах изменения ими показаний. Ведь, например, на первых допросах в 1986 году Бакулин отрицал, что его бил я или кто-то другой, аналогично это касается и Кадушкиной.

8) Установить и допросить лицо, написавшее агентурное сообщение, хранящееся в уголовно-розыскном деле по факту убийства Шитик (л. д. 95). Допросить всех лиц, содержавшихся в одной камере с Бакулиным. При необходимости провести очные ставки с Бакулиным. Выяснить у Бакулина: по какой причине он сокамерникам говорил одно, а на допросах — другое, в настоящее время — третье.

9) Допросить Г. Михасевича и следователей, расследовавших по его делу эпизоды убийств Шитик, Медведевой, Торбун, Шевчук, Сазоновой, Гетмановой, выяснив при этом: почему длительное время Михасевич отрицал свою причастность к этим

убийствам, а затем вынужден был сознаться. Что послужило толчком к признанию? Например, с целью понудить Михасевича сознаться в убийстве Торбун, его несколько раз провозили в автомашине через посёлок Ветрино, предлагали сознаться в убийстве Торбун. Но Михасевич категорически отрицал факт убийства им в Ветрино какой-либо женщины. Необходимо выяснить также, почему это не фиксировалось процессуально. Также необходимо выяснить, для какой цели по каждому из перечисленных выше эпизодов (Торбун, Медведева, Сазонова, Гетманова) за день до проверки показаний Михасевича лица, расследовавшие уголовное дело, вывозили на места происшествий следователей, осматривавших места обнаружений трупов. Затем в следственном изоляторе происходила встреча Игнатовича и других с Михасевичем. А на следующий день при проверке показаний на месте происшествия Михасевич в деталях повторял ошибки в месте, что и следователи за день до этого (дело Торбун, Медведевой, Сазоновой и др.).

Вот такие обстоятельства по делу Г. Михасевича породили в значительной мере и беззаконие по настоящему делу. Кому-то очень хотелось создать из ряда недоказанных Михасевичу эпизодов уголовное дело о нарушениях законности, допущенных якобы мною и другими коллегами.

Без выяснения истины по этим эпизодам из дела Г. Михасевича истины по моему делу не установишь. Ведь даже эпизоды убийства А. Сазоновой, Л. Гетмановой, по которым не было ни одного доказательства вины Михасевича (кроме так называемой и описанной выше проверки его показаний) вменялись Михасевичу. Когда это в суде провалилось, и стало ясно, что дела в отношении В. Горелова и В. Мацкевича были возвращены в 1986 году на дополнительное расследование, а затем прекращены незаконно, Прошкин и его группа пошли на всё, лишь бы «пристегнуть» меня к делу в качестве обвиняемого.

10) Группа Л. Прошкина проявила неприкрытый обвинительный уклон. Для чего ею были истребованы и проверены все уго-

ловные дела, отказные материалы, надзорные производства по жалобам, расследованные и разрешённые мною за всё время работы в прокуратуре Витебской области. Необходимо материалы этой проверки приобщить к уголовному делу как доказательство того, что мною за 15 лет работы ни разу не было допущено нарушений норм закона, я никого не избивал, и жалоб в этой связи на меня не поступало.

О том, что такая проверка уголовных дел, материалов и жалоб группой Л. Прошкина в течение более двух лет проводилась, свидетельствуют имеющиеся в прокуратуре Витебской области запросы о высылке дел, материалов, жалоб и копии сопроводительных писем о направлении затребованных материалов, дел, жалоб Л. Прошкину, О. Домурадову.

Если бы группа Прошкина выявила бы какие-то нарушения с моей стороны, то, само собой разумеется, они были бы мне вменены. Поскольку же никаких нарушений не было, то, по мнению Л. Прошкина, и справки по проверенным делам, материалам, жалобам приобщать к уголовному делу не надо. Раз это говорит в пользу Спиридёнка, оправдывает его, значит делаем вид, что такой проверки не было.

Вот именно поэтому я и ходатайствую о приобщении этих справок к делу.

11) Как я уже указал выше, настоящее уголовное дело является оценочным, расследование по нему проводилось необъективно. Следствие не добыло ни одного доброкачественного доказательства моей вины, за исключением непоследовательных, путанных, противоречивых, надуманных, полученных под влиянием следователей показаний нескольких лиц, прямо заинтересованных в исходе дела, совершивших преступления.

Я вынужден сам доказывать свою невиновность. Поэтому необходимо устранить односторонность и необъективность следствия, для чего допросить любых, по усмотрению следствия,

работников дознания УВД, горрайотделов, работников прокуратуры области и горрайпрокуратур, где расследовались убийства, для выяснения обоснованности моей методики и тактики допросов. Надо выяснить: были ли когда-нибудь с моей стороны факты избиений, угроз в адрес допрашиваемых лиц; слышали ли они когда-нибудь от кого-либо о чём-нибудь подобном; поступали ли когда-нибудь письменные или устные жалобы на меня по поводу избиений или угроз допрашивавшихся лиц.

12) Меня обвиняют в том, что я из корыстных побуждений, не умея раскрыть убийства, организовал направление в суд дел на заведомо для меня невиновных лиц. При этом избивал их с целью добиться сознания в убийстве, запугивал, угрожал, травил клопами и т. п. Это чудовищное надуманное обвинение легко может быть опровергнуто следующим образом: необходимо допросить работников Прокуратуры БССР, центрального аппарата Прокуратуры СССР — Э. Миронову, прокурора-криминалиста прокуратуры Калининской области, и других работников, приезжавших в г. Витебск из Москвы и иных городов для раскрытия убийств. Выяснить при этом, по какой причине они не раскрыли убийств, из каких побуждений ездили в командировку.

Из уголовного дела по обвинению Г. Михасевича по эпизоду убийства Храпутенко в Полоцком районе следует истребовать заявления, протоколы допросов и проверки показаний Толстикова. Этот Толстиков писал неоднократно заявления, в которых указывал, что он убил Храпуненко. И тем не менее, ни прокуратурой Полоцкого района, ни прокуратурой Витебской области Толстиков не был привлечён к уголовной ответственности за убийство Храпуненко. А ведь чего проще было его привлечь: сознался, его и бить не надо было. Так где же здравый смысл? О. Спиридёнок, Ф. Иванов избивают Бакулина, чтобы он сознался в убийстве, а Толстиков, который без избиения сознаётся, не привлекается? Чем объясняется, по мнению Л. Прошкина, такая избирательность Спиридёнка?

13) Чтобы у Прошкина и ему подобных не возникало в будущем желания вменить мне ещё и халатность из-за нераскрытия убийств, необходимо истребовать приговор по делу Махонина об убийстве Дормакович в Полоцком районе. И вот почему. На протяжении нескольких лет, что велось следствие, Прошкин и его группа пытались убедить меня и доказать, что сразу было ясно, что в Витебской области, а тем более в Полоцком районе убийства совершались одним человеком. И что только моя злая воля мешала признать это и давно раскрыть убийства. Я им приводил десятки уголовных дел по способу совершения идентичных убийству Шитик, Медведевой и др., по которым преступники установлены, осуждены и приговоры по ним даже под шоковым влиянием дела Михасевича никто не отменял. Так вот, дело по обвинению Махонина из категории этих дел, оно в какой-то мере характеризует всю опасность той версии, что убийство в Полоцком районе мог совершить только один человек. Поэтому и нужно истребовать приговор по делу Махонина.

Человек не заинтересованный в установлении истины по данному делу, таковым является Л. Прошкин, может сказать, что моё ходатайство удовлетворению не подлежит, в ходе его выполнения не будут добыты прямые доказательства моей невиновности. Так ведь и следствие не смогло добыть доброкачественных прямых доказательств моей виновности. Разве можно признать доброкачественными доказательствами показания Бакулина, который на очной ставке со мной не смог ответить на мой простой вопрос: почему 13 лет он утаивал, что я его избивал на допросах? И только следователь Мейлах смог найти для Бакулина ответ: «Просто именно сейчас он решил рассказать правду».

Вот это показание Мейлаха и было записано в протокол очной ставки. И так на каждой очной ставке. А ведь эти люди допра-

шивались в суде, прошли «школу жизни» в ИТК, знают все материалы дела. И им верит Прошкин.

Как Прошкин не смог добыть доказательств моей вины в избиениях, так и я не могу предоставить прямых доказательств (например, показаний свидетелей), что Бакулина или Кадушкину я не бил. Вот поэтому и нужны эти косвенные доказательства моей невиновности. А ведь их можно было легко собрать за несколько лет следствия, я ведь об этом писал в своих показаниях ещё в 1986-ом и 1987 годах. Но Прошкин и его группа были заняты иным, но только не объективным расследованием дела.

Я не совершал никаких преступлений, мне инкриминируемых, поэтому и обратился к суду с вышеизложенным ходатайством, считая, что законность беззаконием, как Прошкин и его группа, не восстанавливают.

После проведения дополнительного расследования ходатайствую о прекращении в отношении меня уголовного дела по основаниям ст.5 п.2 УПК БССР. Уголовное дело в отношении меня подлежит безусловному прекращению по ст.5 п.2 УПК БССР и потому, что нельзя к старым делам подходить с новой меркой.

Например, в журнале «Советская юстиция» (№14 за 1988 год, стр. 6) сказано: «Таким радикальным преобразованием в судебной практике явилось изменение политико-правовой оценки некоторых деяний, признаваемых ранее должностными и хозяйственными преступлениями. Идёт процесс реабилитации лиц, фактически осужденных за общественно полезную хозяйственную деятельность». Так ведь аналогичное положение было и с задержанием граждан в порядке ст.119 УПК БССР. Задержание из средства пресечения превратилось в стране в средство доказывания (журнал «Социалистическая законность», № 9 за 1986 год, стр. 8).

Разве судей надо сажать сейчас в тюрьму за то, что они подчинялись существовавшей тогда политико-правовой оценке хо-

зяйственных деяний, признавали их преступлениями? Не судьи виноваты, нет.

Точно так же Генеральный прокурор СССР и его центральный аппарат знали о задержаниях, как сейчас преподносится, незаконных. Ведь все дела, за которые меня привлекают, изучались в Прокуратуре СССР, и ни слова при этом о допущенных нарушениях её представители не сказали на протяжении 15 лет.

Сейчас достаточно взять статистический отчёт любой прокуратуры тех лет и очень много будет фигурировать в нём лиц, задерживавшихся и освобождённых по причине подтверждения подозрения доказательствами. Уверен: были такие случаи у самого Л. Прошкина и членов его группы. Так что, сейчас всех следователей, работников дознания, прокуроров привлекать за те задержания, бывшие 5,10,15 лет тому назад? Это было бы беззаконием. А вот Спиридёнка, оказывается, можно за это судить!

Мне вменён букет статей УК БССР. При этом Л. Прошкин и его группа почему-то не обратили внимания: одни статьи исключают полностью другие. В очередной раз вменили мне ст. 166 УК БССР. Что это: простая юридическая безграмотность, тупость? Считаю, что не только. Прослеживается карьеристской расчёт: может, хоть одна статья устоит в приговоре. Разве это не обвинительный уклон? Где же объективность? Почему не прочитали следователи научно-практический комментарий УК БССР по статьям 172–175?

В своих жалобах я ходатайствовал о том, чтобы это уголовное дело проверил незаинтересованный в исходе дела юрист, чтобы справку проверки не готовил Л. Прошкин и его группа. Казалось бы, уж такое ходатайство можно удовлетворить. Так нет. Так называемой проверкой дела занялись Фролов и Агеенков, которые вместе с Прошкиным в полном объеме отвечают за все без-

закония, допущенные по делу, и вынуждены вместе с Прошкиным путём незаконного направления в суд этого дела прикрыть свою многолетнюю бездеятельность.

Почему союзная прокуратура побоялась дело поручить незаинтересованному в исходе дела работнику?

Ответ на этот вопрос прояснил бы многое. А потому считаю важным сосредоточить внимание на следующих моментах.

1) Поскольку мне вменено, что я, будучи молодым специалистом, обманул прокурора области и его заместителей, а поэтому они по своей юридической малограмотности арестовали В. Мацкевича и В. Горелова и утвердили по этим делам обязательные заключения, необходимо их (то есть Кладухина, Филоненко, Савцова) подробно допросить, выяснив при этом:

- *знали ли они, что О. Спиридёнок являлся в 1973–1974 гг. молодым специалистом?*
- *каким конкретно способом их обманул Спиридёнок?*
- *знали ли они свои должностные обязанности?*
- *знали ли они требования ст.ст. 91 ч. 3 и 213 УПК БССР?*

2) В связи с тем, что все лица, работавшие по раскрытию убийства А. Сазоновой известны, установить лицо, которое, по мнению Л. Прошкина (см. постановление о привлечении в качестве обвиняемого О. Спиридёнка), угрожало в моем присутствии В. Горелову пистолетом.

3) Подробно допросить Прошкина, выяснив при этом:

- *по какой части ст. 17 УК БССР предъявлено обвинение Спириденку (эта статья имеет 7 частей);*
- *знал ли он положения ст. 149 ч. 3 УПК БССР, если знал, то по какой конкретно причине он её нарушил, и 8 апреля 1988 года допрашивал Спиридёнка в г. Москве, а не на территории Витебской области, как того требует закон;*

– *по какой причине по эпизоду привлечения Бакулина к уголовной ответственности Спиридёнку вменена ст. 172 ч. 2 УК БССР, а тому, кто направил дело в суд, то есть Альхимовичу, — ст. 168, а затем оно прекращено по ст. 5 ч. 2 УПК БССР;*

– *какие методы О. Спиридёнок применял при допросе по настоящему уголовному делу свидетеля Плеханова Василия Мартыновича (угощение спиртным, обещания и т. п.);*

– *по какой причине на протяжении 8 месяцев вообще не предъявлялись О. Спиридёнку постановления о назначении по настоящему делу судебных экспертов, знал ли Прошкин положения ст. 184 УПК БССР;*

– *по какой причине к настоящему делу не приобщены справки проверки всех уголовных дел, отказных материалов, надзорных производств по жалобам, расследованных и разрешённых О. Спиридёнком за 15 лет, для какой цели вообще проводилась такая проверка (а не расследование);*

– *с какой целью Л. Прошкин угрожал О. Спиридёнку, толкал его, запугивал на допросах?*

4) В связи с тем, что мне вменено избиение Лушковского, необходимо истребовать номер полоцкой районной газеты за 1988 год, в котором помещена статья о нём, и где он указывает, что его во время следствия никто не избивал;

5) В связи с тем, что меня обвиняют в наличии в 1977 году клопов в КПЗ (ИВС), прошу истребовать № 36 за 1988 год газеты «Аргументы и факты», где на стр. 7 в статье под заголовком «Почему к нам не едут звёзды?» сказано, что в настоящее время в гостиницах «Интурист» имеются клопы и тараканы. Что подтвердит абсурдность обвинения в этой части, выдвинутых против меня по причине наличия клопов в ИВС.

6) В связи с обвинением меня в том, что я обманул из-за её молодости (25 лет) свидетельницу Соловьёву, написал необъективный

протокол допроса Мещеряковой, сестры Горелова (возможно, её фамилия ныне Холдынёва) назначить по делу судебно-почерковедческую экспертизу для выяснения вопроса: подписи на протоколах допросов выполнены Соловьёвой, Холдынёвой, Мещеряковой?

Это необходимо сделать для того, что сегодня эти лица, чтобы уйти от ответственности за данные ими в 1973–1977 гг. показания, заявляют, что их обманули, они доверились мне и т. п. Они, по наущению Л. Прошкина и ему подобных, заявляют, что я подделал подписи в протоколах.

7) Подробно допросить члена следственной группы Елсункова, выяснив при этом: по какой причине он допрашивал Спиридёнка в сентябре 1986 года, а протокол допроса предъявлен для ознакомления в феврале 1987 года, при этом склонял поставить дату ознакомления задним числом, угрожал, запугивал, что меня и арестовать могут.

8) В целях опровержения обвинений меня в карьеризме истребовать из дел Прокуратуры БССР или Витебской области моё заявление от марта 1985 года с просьбой об освобождении меня от занимаемой должности и переводе на иную должность. В этой же связи допросить бывшего прокурора Витебской области Макарова, к которому я неоднократно обращался с подобными просьбами.

9) Подробно допросить члена следственной группы Суховского, выяснив при этом: знал ли он, что ст. 162 ч. 4 УК БССР запрещает оглашение ранее данных показаний до записи показаний на очной ставке. Если знал, то по какой причине на очной ставке Мушинский — Спиридёнок до записи показаний Мушинского знакомил его не только с ранее данными им показаниями, но и с другими материалами дела (см. протокол очной ставки Мушинского и Спиридёнка).

10) В целях установления истины по эпизодам угроз и запугиваний Шудель, Соловьёвой, сестры Горелова, самого Горелова,

Мошкевича допросить постоянно работавших в 1973–1974 гг. со мной в одном кабинете В. Таранду, М. Берина, М. Гельштейна (подчёркиваю, рабочие места этих лиц были в одном кабинете со мной, и они стали невольными свидетелями всех моих допросов, как и я проводимых ими допросов). При этом выяснить у них:

- *угрожал ли кому О. Спиридёнок на допросах, запугивал ли кого-нибудь;*
- *угрожал ли кто-нибудь пистолетом кому-либо из допрашиваемых в кабинете лиц, в том числе и В. Горелову.*

О необходимости допросить по указанным вопросам лиц, работавших со мной в одном кабинете, я неоднократно говорил О. Домурадову. Но он заявил, что эти лица дадут показания, что О. Спиридёнок никому не угрожал и никого не запугивал, а тогда как будет вменить эти эпизоды. Ведь это опровергнет показания Шудель, Горелова и других. Вот такая объективность следствия по Домурадову!

11) Допросить следователя Мейлаха, выяснив при этом, по какой конкретно причине не было проведено опознание Шевчуком Спиридёнка, а организована очная ставка, на которой оба допрашиваемых заявили: «Друг друга видим впервые»; с какой целью он подсказывал, вернее, отвечал на очной ставке со Спиридёнком за Бакулина.

12) В полном объёме расследовать эпизод совершения Прошкиным в отношении меня преступления, предусмотренного ст. 175 ч.ч. 1 и 2, для чего допросить самого Прошкина, двух следователей, присутствовавших и принимавших участие в издевательствах надо мною. Допросить Михайловского по этому эпизоду.

13) Истребовать копию постановления о прекращении выделенного в отношении Т. Альхимовича уголовного дела по эпизоду привлечения к уголовной ответственности Бакулина.

По моему твёрдому убеждению, без расследования обстоятельств, изложенных мною выше, и других истину по делу суд установить не сможет. Этим и вызвано ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование.

Часть из указанных выше ходатайств мною была заявлена раньше в жалобах, на допросах в качестве свидетеля. Другие же были заявлены при окончании следствия в связи с тем, что перечисленные выше грубейшие нарушения норм УПК и УК БССР совершены Прошкиным и его группой умышленно. Следовательно, устранять их Прошкин и его группа не будет, да и по закону не может. Более того, факт совершения Прошкиным преступления должен расследоваться в рамках этого дела. Ведь отсюда и пошли все нарушения и злоупотребления Прошкина. Прокурорский же надзор за расследованием дела отсутствовал.

Если кто-то из прокурорских чиновников решит дочитать эту жалобу до конца (что маловероятно) и попытается разобраться с делом, объем которого около 100 томов (точно не знаю, так как не знакомился с ним), пусть его это не смущает. Дело не читал и сам Л. Прошкин.

Чтобы установить беззаконие, абсурдность, бездоказательность предъявленных мне обвинений, достаточно сравнить три разных, предъявленных мне обвинения, тексты моих жалоб и содержание ст. 17, 172, 174, 175, 166 УК БССР, по которым меня обвиняют. А также изучить тексты статей УПК БССР, которые были Прошкиным грубо нарушены в процессе следствия и которые названы в жалобе.

Так, меня обвиняют в привлечении к уголовной ответственности, арестах, задержаниях ***заведомо*** *невиновных людей. И никто не удосужился прочитать научно-практический комментарий к этим статьям УК БССР, объясняющий понятие заведомо. Когда я обратил на это внимание Л. Прошкина, он заявил:*

— Сергей Николаевич!..

— Вот об этом я и хочу сказать.

— Пожалуйста...

— У вас ложная сама посылка: если прокурор, то обязательно обвинитель. Точнее — непременно поддерживающий обвинение. Но ежели я не согласен?..

— Верится с трудом...

— Мне пора бросить вам в лицо перчатку!..

— Что же, давайте продолжим словесную дуэль.

— Я никогда не строил из себя героя. Не рядился в тогу правдолюбца и правозащитника. Именно поэтому с чистой совестью могу сегодня утверждать: я, Лучинович Сергей Николаевич, в Могилёвском суде защищал правду и обвинял бесправие.

— Будучи официальным, государственным обвинителем?..

— Да. Я так понимал свой долг.

— Первый случай в советской юриспруденции!

— Первый — не первый... Это всё вторичное.

— Совесть, честь, правда первичны?

— Да.

— Тогда вновь-таки: как всё было?..

— Было беспомощное, безграмотное следствие...

— Но ведь проводили его профессионалы высшей категории!

— Я говорю с точки зрения чистой юриспруденции...

— Что, бывает и другая — «нечистая»?

— Позвольте продолжить. Безграмотным и беспомощным я назвал следствие потому, что... Не стану вдаваться в детали, в тонкости, но... Как бы это помягче сказать?... В общем, это было похоже на телевизор, к примеру, сделанный руками доре-

волюционного плотника... Впрочем, я не должен обижать того же плотника...

— Грубая работа?

— Хуже. Халтура, причём заранее кем-то купленная. И заказчик, и исполнитель договорились.

— Так разве могло быть?

— Тогда так должно было быть! Система!

— О системе говорите не вы первый...

— Эта система не может оставить никого спокойным.

— Но она ещё жива?

— Я не политик.

— Но прошлое вас беспокоит и сегодня?..

— Как любого честного человека.

— Вы более осведомлённый...

— Не хочется вновь лезть в эту грязь.

— Тогда — кто же?..

— Да не боюсь я ни-ко-го!..

— Сергей Николаевич...

— С большей грязью я никогда не сталкивался...

— Кто же её должен разгребать?..

— Процесс в Могилёве был блефом, пародией, издевательством...

— Над Законом?

— Да!

— Кто же?..

— Издевался? Насиловал? Прошкин!

— Что — одиозная фигура?..

— В чём-то — безусловно!

— Неужто вырисовывается схема: «система — Прошкин», «Прошкин — система»?

— Для него, Прошкина, это слишком большой комплимент... Но он, безусловно, хотел бы представлять систему. Амбиций у него — выше даже его немалого роста.

— И на нёго управы не было?

— Надо знать ту, прежнюю, систему. А, может, и сегодняшнюю. Недаром Прошкин работал впоследствии в Генеральной прокуратуре России. На прежней должности.

— Мы как-то всё вокруг да около...

— А здесь и конкретика не нужна. Я потребовал в суде оправдать всех подсудимых. Потому что убедился: обвинение не располагает никакими доказательства их вины. Никакими!

— Это впервые в практике?..

— Причём здесь практика?! Каждый судебный процесс по-своему уникален. Единственный. Все, кого я по долгу службы обязан был обвинять, оказались глубоко порядочными людьми. Они не преступали Закон.

— Вы — полномочный представитель государства в судебном процессе, то бишь — прокурор. Следователь также из вашей «фирмы». Это ли не противостояние?

— Вы никак не можете понять, что прокурор — высший страж Закона. И права, данные ему, ни в коем случае не должны использоваться в каких-то корпоративных интересах. Я никогда не был в одной, как это говорится?.. Да, в одной команде с теми, кто укладывается под власть, слепо выполняет заказ. Совесть — вот определяющая статья.

— Совесть — категория не из кодексов...

— Кодексы, законы — это производное, вторичное от общечеловеческих принципов. Если хотите — от христианской морали.

— Прокурор-христианин? В советской стране?

— Согласен: это — нонсенс. Но я не зря защищал Олега Ивановича Спиридёнка и его соратников. И никогда не раскаюсь в этом.

— В финале, если можно, вернёмся к главной, одиозной фигуре — Геннадию Михасевичу...

— Он — не главный!

— Но всё-таки... Поскольку многие напрямую зависели от его, Михасевича, показаний...

— Я не могу давать оценок человеку (или недочеловеку), которого я не знаю. Но твёрдо убеждён, что «процесс Михасевича» — фальсификация самого грубого пошиба. Нельзя преступно делать карьеру, зарабатывать регалии противозаконным путём. Фемида — она хотя и с повязкой на глазах, но, надеюсь, неподкупная... А вдруг она прозреет? Что тогда?..

— Надеетесь?

— Верю. Могилёвский областной суд оправдал Спиридёнка и его честных коллег. А это значит, что он вынес, хотя и косвенно, обвинительный приговор методам, которыми пользовались Прошкин и его компания.

— Вы употребили обтекаемое слово «косвенно»...

— Я — не судья, не имею полномочий суда. Но в своих убеждениях однозначен.

После той беседы я много размышлял. Вспомнились слова из послания к Титу святого апостола Павла: «...для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум, и их совесть. Они говорят, что знают Бога; а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу...».

При рассмотрении в Верховном Суде Латвийской ССР уголовного дела по обвинению меня и моих собратьев по несча-

стью, направленного в Ригу Прокуратурой СССР, следственная группа, возглавляемая ст. следователем Л. Прошкиным, предприняла беспрецедентные меры влияния на суд с целью получения обвинительного приговора. Причина этого была простая: вменённые нам эпизоды рассыпались и не находили объективного подтверждения при их детальном анализе в длительных и многочисленных судебных заседаниях. Суд неоднократно откладывал заседания. Судья Борис Кабанов, председательствовавший при рассмотрении нашего дела, выезжал в Москву, где с ним проводились соответствующие беседы. Кроме того, Леонид Прошкин и члены его группы постоянно находились в Риге и часто присутствовали на судебных заседаниях.

Мы были арестованы ещё до рассмотрения дела по обвинению маньяка Михасевича, который в суде начал отказываться от многих предъявленных ему эпизодов убийств, в том числе по факту изнасилования и убийства Татьяны Кацуба. Из-за отсутствия должных доказательств необходимо было исключить из обвинения Михасевича данный эпизод, аналогично оправданию его в убийствах Л. Гетмановой, А. Сазоновой, Г. Евдоченко. А это сулило, как минимум, увольнение Л. Прошкина из прокуратуры, так как этот «важняк» при таком повороте событий серьёзно подставил бы заместителя Генерального прокурора СССР О. Сороко , который санкционировал по представлению следователя мой арест и направил дело в Верховный Суд Латвийской ССР.

Чтобы создать негативное мнение о нас, обвиняемых, и повесить на участников судебного процесса, как говорится, всех дохлых собак, на нас пошла массированная атака не только в прессе, но и по телевидению, радио. Работники киностудии «Беларусьфильм», подготовили сценарий и снимали фильм, изобличающий нас, изуверов-правоохранителей. На страни-

цах узнаваемых и читаемых средств массовой информации регулярно появлялись заказные статьи, изобличающие нас в тяжких преступлениях, которые мы не совершали. Суд ещё только «обсасывал» эпизоды криминальных деяний. Безусловно, предпринятый коллективный штурм повлиял на вынесение обвинительного приговора Верховным Судом Латвийской ССР, хотя основные тяжкие обвинения и были исключены из обвинения.

ЗАКОННОСТЬ БЕЗЗАКОНИЕМ НЕ ВОССТАНАВЛИВАЮТ

СУДУ, который будет рассматривать уголовное дело № 18/58420-86
Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Горбачёву М.С.
Генеральному прокурору СССР Спиридёнка Олега Ивановича,
бывшего члена КПСС, обвиняемого по ст.ст. 17, 172,166, 174 и другим УК БССР

ЖАЛОБА-ХОДАТАЙСТВО
по уголовному делу № 18/68420-86

Я уже неоднократно обращался в Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, Прокуратуру СССР. Но, как оказалось, это было бессмысленной затеей. Никто из ответственных должностных лиц этих органов мои жалобы внимательно не читал, решения по ним не принимал, мотивированных ответов на них не давал, чем грубо нарушалась ст. 219 УПК БССР. Ведь рядовые работники Прокуратуры СССР Фролов и Агеенков

уголовное дело не проверяли, а штамповали отписки на основании справок Прошкина, с которым они и несут ответственность за незаконное привлечение меня к уголовной ответственности.

29 сентября 1988 года на заседании коллегии Прокуратуры БССР, где обсуждался ряд эпизодов по настоящему делу, Фролов не смог вразумительно ответить ни на один вопрос по нему. Так как же он проверял дело? Как они с Агеенковым готовили ответы в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР? А ведь по этим ответам-справкам отклонялись мои жалобы.

В процессе предварительного следствия мои жалобы по существу не разрешались, не было удовлетворено ходатайство об отводе следователей, то есть я был как обвиняемый лишён права на защиту. Поэтому прошу ответственных должностных лиц ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР рассмотреть данную мою жалобу по существу и вернуться к предыдущим жалобам, адресованным XIX Всесоюзной конференции КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР.

Не знаю, к чему приведёт эта моя жалоба-ходатайство. Прежние привели только к одному: вызвали дикую и необузданную ярость Л. Прошкина и его группы, что выразилось в перепредъявлениях мне бессмысленных, лживых, противоречивых материалам дела и нормам УК БССР обвинений 8 апреля, 2 сентября, 25 ноября 1988 года. А ещё это вызвало целую лавину нарушений Прошкиным и его группой норм УПК БССР, грубо нарушающих моё право на защиту.

Сейчас меня обвиняют даже в том, что при аресте и утверждении прокурорами обвинительных заключений я обманывал прокурора области, его заместителей. Л. Прошкин, видно, не знает, что в 1973 году я был ещё молодым специалистом, а прокурор области и его заместители были уже с большим опытом.

Так кто кого, спрашивается, мог обмануть? А может, по Прошкину, они были дурачки, что их смог обмануть «зелёный» следователь, и о нормах УПК БССР они вовсе не слышали? За что они тогда получали зарплату?..

А как быть со ст. 31 и ст. 213 УПК БССР? Они ведь чётко определили, что должен делать прокурор при арестах и утверждении обвинительных заключений, чтобы его не обманывали молодые специалисты-следователи. Видно, не прочитал Прошкин эти статьи, иначе не писал бы бред в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, в частности, что я обманул уважаемых людей: прокурора области и его заместителей. Это, конечно, сарказм. А если серьёзно: не прокурор ли и его заместители должны были указать на ошибки следователя, если они были?

Обратиться в суд до рассмотрения дела по существу меня вынуждают следующие обстоятельства. Расследование уголовного дела проведено неполно, односторонне, предвзято, с ярко выраженным обвинительным уклоном. Я был лишён права на защиту, поскольку мои жалобы не разрешались, постановление об отказе в удовлетворении моего ходатайства об отводе следователя Прошкина мне не предъявлено. В этой связи я вынужден был отказываться от дачи показаний, от ознакомления по окончании следствия с материалами дела. То есть, при расследовании уголовного дела грубо нарушены ст.ст. 14,15,125,126, 143,158,162,184,192,219 и другие УПК БССР. Из каких соображений это делалось Прошкиным и его группой, я уже указывал в жалобах в Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, Прокуратуру СССР. К ним добавлю следующее:

1) Следствие проверяло и доказывало одну версию: В. Мацкевич, В. Горелов и другие были незаконно осуждены из-за того, что я их избивал, запугивал. И это при том условии, что они это упорно скрывали и на суде и затем многие годы после суда до по-

явления в качестве обвиняемого Г. Михасевича. Что им мешало заявить об избиениях на суде, в жалобах? Я никого не бил, не запугивал. Считал и считаю, что эти люди были осуждены законно. Оправдание Михасевича по ряду эпизодов подтвердило это.

2) По ряду эпизодов мне вменены ст.ст.17 и 172 ч.2 УК БССР. Статья 17 УК БССР состоит из семи конкретных частей. В постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого почему-то не указаны части этой статьи. Так в чём же меня обвиняют: пособничестве, подстрекательстве, организации? Можно только догадываться. Разве это не грубейшее нарушение ст.143 УПК БССР? От какого обвинения мне защищаться?

3) При расследовании дела очные ставки проводились фактически между мною и следователями, а не свидетелями. Свидетелям до начала допроса на очной ставке оглашались показания, которые они давали ранее, ставились наводящие вопросы, подсказывались ответы на мои вопросы (это в первую очередь очные ставки с Бакулиным, Лушковским, Артишевским, сестрой Горелова и др.). Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с протоколами очной ставки Мушинский — Спиридёнок.

4) До начала записи показаний Мушинского следователь Суховский (за точность фамилии следователя не ручаюсь) не только огласил ранее данные им показания, но и ознакомил с другими материалами дела, по мнению следователя изобличающими меня. Это грубейшее нарушение ст.162 ч.4 УПК БССР. И данное нарушение следователь вынужден был зафиксировать в протоколе очной ставки только после того, как я в категорической форме потребовал этого и сказал, что укажу сей факт в жалобе. Но тогда я был свидетель и обжаловать действия Суховского не имел права.

5) Мне вменён эпизод запугивания, угроз свидетелю Шевчуку. На том основании, что где-то в 1977 году на допросе в райот-

деле милиции, как показал Шевчук, ему кто-то угрожал. Анкетная часть протокола допроса Шевчука закончена мною, а показания написаны им собственноручно. Следовательно, заполняя анкету, допросив Шевчука, я оставил его писать протокол, сам же, скорее всего, уехал куда-то по работе. На очной ставке со мной Шевчук заявил, что не знает меня. Почему при указанных обстоятельствах не было проведено опознание, а сделана очная ставка? И даже при этом нарушении Шевчук заявил, что он не считает, что человек, писавший протокол, и угрожавший ему — одно и то же лицо. И на основании такого доказательства мне вменяют преступление? Это чистый обвинительный уклон, необъективность. И это только один пример (см. мои показания по этому эпизоду и протокол очной ставки с Шевчуком).

6) 8 апреля 1988 года при предъявлении мне обвинения я заявил мотивированный отвод составу следственной группы Прокуратуры СССР и в этой связи не счёл возможным в дальнейшем давать ей показания. В нарушение ст. 47 УПК БССР моё ходатайство об отводе надзирающим прокурором не рассмотрено, постановление не вынесено. Во всяком случае, мне постановление никто не предъявлял, с ним не знакомил, есть ли оно уже задним числом в деле, я не знаю, поскольку по указанным выше основаниям не счёл возможным знакомиться по окончании следствия с материалами дела. На заявлении об отводе по истечении всех мыслимых сроков я получил отписку от помощника Генерального прокурора СССР А. Фролова, что на основании норм УПК РСФСР оснований для отвода нет. Это, конечно, беззаконие: Фролов по своему должностному положению не имеет права решать вопросы отвода. Кроме того, согласно ст.1 УПК БССР при рассмотрении данного вопроса должен был применяться не УПК РСФСР, а УПК БССР. Более того, допущено грубое нарушение ст.125 УПК БССР . В ней сказано, что если дело расследуется группой следователей, то объявляется весь со-

став группы обвиняемому, чтобы он знал, кто расследует дело. Мне состав группы никто не объявлял. Что легко проверить, поскольку в материалах дела нет об этом никаких данных. Когда я потребовал от Л. Прошкина сообщить мне хотя бы пофамильный состав группы, он заявил, что делать этого не будет, ведь и так известно, что дело расследует группа Прокуратуры СССР. Я, действительно, видел группу, но кто они, не знал. За три года следствия ряд следователей был отозван из-за беспробудного пьянства (фамилий их не знаю), это сообщили сами участники группы. Я знал только нескольких следователей, которые меня допрашивали. Как оказалось, были в группе и другие следователи. Например, о том, что в расследовании участвует следователь Г. Баграмян, я узнал от него только в 18 часов 50 минут 20 декабря 1988 года, когда он мне принёс на квартиру сообщение об окончании следствия (см. в деле копию этого сообщения с фиктивной датой 18.12.1988, где имеется моя запись).

Когда я сообщил 20 декабря 1988 года о грубом нарушении ч. 3 ст. 125 О. Домурадову, он заявил, что это нарушение формальное, да и «мы не должны сообщать обвиняемым свои фамилии». Зачем тогда ст. 125 в УПК БССР? Таким образом, не сообщая мне состав группы, не давая мотивированных ответов на мои жалобы, не решая по существу вопросы об отводе, следственная группа Прокуратуры СССР во главе с Л. Прошкиным на протяжении многих месяцев лишала меня как обвиняемого права на защиту. Лишала также права обращаться с жалобами и на разрешение этих жалоб по существу, затрудняла право на отвод.

7) О грубом нарушении моих прав, необъективности, предвзятости следственной группы, помимо многочисленных фактов, указанных ранее в моих жалобах, свидетельствует ещё один пример. А именно: бывшим Генеральным прокурором СССР А. Рекунковым 23 мая 1988 года за №31 подписан приказ

«О грубых нарушениях социалистической законности, серьезных недостатках в организации расследования и прокурорском надзоре по делу Эльбека». В этом приказе (а его обязаны были прочитать и Прошкин, а также члены его группы) сказано, что противозаконной является практика Прокуратуры СССР, когда оценка собранных доказательств представляется только суду. И далее в этом приказе высказано категорическое требование ко всем работникам прокуратуры (привожу его дословно) «покончить с направлением в суд оценочных дел».

Ещё до приказа №31 от 23 мая 1988 года, в 1986 или 1987 годах, то есть задолго до употребления термина «оценочное» Генеральным прокурором, я в собственноручно написанных по данному делу показаниях указал, что данное дело является оценочным в классическом смысле этого слова. То есть, кто как оценит показания Лушковского, например, о том, что в 1982 году я бил его на допросе. Он сей факт пять лет по непонятной причине скрывал, не указывал о нём ни в одной своей жалобе. Можно либо поверить ему, либо мне: моему утверждению, что ни Лушковского, ни кого-то другого я никогда не бил. Более того: почему следствием проигнорирован такой красноречивый факт: в полоцкой районной газете появляется в 1988 году публикация о Лушковском. И в ней на вопрос корреспондента, избивали ли его во время следствия, Лушковский ответил так: если бы его кто-то тронул пальцем, то он его убил бы и отбывал бы впоследствии наказание за убийство следователя. И мне после этого предъявляют обвинение в избиении Лушковского?..

Аналогично, оценивая доказательства, Прошкин безосновательно отвергает доказательства вины Францевича в убийстве Медведевой (заключения целого ряда экспертиз и др.) и полностью признает истинными голословные показания Михасевича. Последний заявил, что он убил Медведеву, хотя не смог более

или менее точно указать место и позу, в которой оставил труп. При этом он также не смог более или менее точно указать места оставления трупов Тербун, Шитик. Хотя эти места приметные. Да, что говорить, если и сперма на трупе Медведевой не могла быть от Михасевича! Но всё равно, по мнению следствия, верить можно только Михасевичу.

Встаёт закономерный вопрос: так почему это моё классическое оценочное дело Прошкиным направлено в суд вопреки приказу Генерального прокурора № 31 от 23 мая 1988 года? Мне могут возразить, что приказ этот подписал бывший Генеральный прокурор Союза. Так что, все прежние приказы необязательны для него или только этот?

Нет, здесь другое. Помимо прочих причин, указанных мною в прежних жалобах, просматривается желание Прошкина и его группы прикрыть свою многолетнюю бездеятельность и весёлое времяпровождение в Витебске, Новополоцке. Ведь вести несколько лет такое дело, в котором «преступники» известны заранее, это надо уметь! Умеет этот «важняк» бездельничать годами, нарушать закон и не понести за это наказания.

Далее в том же приказе записано: «предъявлялись неконкретные, бездоказательные, а то и просто надуманные обвинения». Так ведь это относится не только к делу Эльбека, но и Спиридёнка!

Разве конкретным является обвинение по ст. 17 УК БССР? Думай, гадай, какая часть или все 7 частей мне вменены? А обвинение в обмане прокурора области и его заместителей? А использование «молодости» свидетеля Соловьёвой (25 лет)? А неустановленное лицо, которое угрожало пистолетом Горелову? А привлечение «заведомо невиновных» Мацкевича и Горелова, доказательств вины которых на самом деле было и есть более чем достаточно? А оправдание Михасевича по этим трём эпизодам?..

Как защищаться от этих неконкретных, надуманных, противоречащих здравому смыслу, бездоказательных обвинений? Как использовать свое право на защиту?

Если бы расследование Прошкиным велось объективно, то он обратил бы внимание на агентурное сообщение (о нём я узнал на допросе в апреле 1988 года) на л. д. 95 в уголовно-розыскном деле об убийстве Шитик. В нём со слов Бакулина ещё в 1977 году записано, что он сознался в убийстве Шитик, чтобы похвастаться перед сокамерниками. Он и слова не говорит, что его били Спиридёнок и Иванов. И это Прошкиным оставляется без внимания. Это ведь рушит «стройное» обвинение в избиении Бакулина. Наверное, для этой стройности обвинения Прошкиным изобретается совершенно новый способ допроса свидетеля Василия Мартыновича Плеханова.

Более чем бездоказательным является обвинение меня в организации привлечения к уголовной ответственности Орла, Бакулина, Терени, Кадушкиной. Неужели Прошкин не знает, что «соучастие всегда является умышленной деятельностью и возможно лишь при совершении умышленного преступления; соучастники договариваются до или во время совершения преступления»?

Может, Ф. Иванов, Т. Альхимович или кто-то другой из так называемых соучастников заявлял, что Спиридёнок давал устные или письменные указания об арестах и направлении дел в суд? Но такого в деле нет. Так чем же доказывается соучастие? Да и кто должен отвечать за направление конкретных дел в суд?

Полностью надуманным, противоречащим всем материалам дела является обвинение меня в аресте и привлечении к уголовной ответственности заведомо невиновных В. Горелова и В. Мацкевича и по другим эпизодам. Прошкин — юридически малограмотный чиновник, утвердивший обвинительное заключение по моему делу, получается, не видел всю бессмысленность

и противозаконность обвинений меня по этим и другим эпизодам. Ведь единственным основанием возвращения в 1986 году на дополнительное расследование уголовных дел по обвинению В. Горелова в убийстве А. Сазоновой и В. Мацкевича в убийстве Л. Гетмановой явилось то, что, по мнению прокурора БССР, эти убийства мог совершить Г. Михасевич (см. протест по этим делам). Но к дикой ярости Л. Прошкина суд Михасевича по этим эпизодам оправдал. Встал серьёзный вопрос: дела в отношении В. Горелова и В. Мацкевича прекращены незаконно? И, чтобы прикрыть это обстоятельство, не давать однозначно утвердительный ответ на вставший вопрос, появляются: обвинение О. Спиридёнка в обмане прокурора области и его заместителей, ссылки на «молодость» 25-летних свидетелей, на пистолет, которым неизвестный злоумышленник пугает Горелова, и другой бред. При этом все доказательства вины В. Горелова и В. Мацкевича отбрасываются даже вопреки здравому смыслу.

Разве во всём этом не проявляется обвинительный уклон Л. Прошкина, его предвзятость? Прошкин понимает, что за этих два дела я отвечал как следователь на основании ст. 44 УПК БССР. Но здесь дела не склеишь: Г. Михасевич оправдан, каждому объективному юристу видно, что вина В. Горелова и В. Мацкевича доказана. Тогда и появляется обвинение Спиридёнка во всех мыслимых преступлениях — избиениях, организации направления в суд уголовных дел на заведомо невиновных лиц и других преступлениях.

8) Очевидными для незаинтересованного в исходе дела юриста являются грубейшие нарушения, умышленно совершенные Прошкиным и его группой, в отношении меня как обвиняемого при назначении и проведении судебных экспертиз по делу, то есть ст.ст.184 и 192 УПК БССР. Здесь же грубо нарушено моё право на защиту. А именно:

30 ноября 1988 года нарочным на место моей работы был доставлен запрос о высылке характеристики на меня. В нём ука-

зано, что расследование по моему делу окончено. Более того, в тот же день за № 18/58420-86 я получаю сообщение, что расследование по делу окончено и с 13 декабря 1988 года я могу знакомиться с материалами дела (копии этих документов, возможно, в деле имеются).

Тем не менее, 9 декабря 1988 года я был как обычно экстренно вызван в прокуратуру следователем О. Домурадовым, который начал заполнять бланк протокола допроса обвиняемого, то есть меня. Я вынужден был заметить, не зная ещё, зачем меня так экстренно вызвали, что ведь расследование по делу окончено ещё 30 ноября. На это Демурадов сказал, что 8 декабря расследование возобновлено на основании норм УПК РСФСР и предъявил мне постановление на одной странице, из которого следовало, что в связи с ходатайством некоего Зубова расследование возобновлено и мне решили предъявить в соответствии со ст. 192 УПК БССР заключения судебных экспертиз по делу. Подчеркиваю, в постановлении сделана ссылка на УПК РСФСР. Это было для меня как гром среди ясного неба! Я не знал, да и не мог знать, что по делу производились какие-то экспертизы, а меня как обвиняемого не только в нарушение ст. 184 УПК БССР не ознакомили с постановлением о назначении экспертиз, но и с заключениями. И вот благодаря какому-то неизвестному мне Зубову и УПК РСФСР мне оказана милость: возобновили следствие и предъявляют заключение экспертиз!

Но моё удивление быстро погасил Домурадов в присутствии группы отдыхавших, как обычно, в кабинете следователей:

«Постановления о назначении экспертиз Вам как обвиняемому не предъявлялось в связи с тем, что они назначались до 8 апреля 1988 года, то есть до того, как Вы стали обвиняемым. А предъявлять или нет заключение решаем мы, следователи».

Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах я не счёл возможным знакомиться с заключениями экспертиз.

Считаю, что здесь допущено грубейшее нарушение прав обвиняемого. Я допускаю, что экспертизы были назначены до 8 апреля 1988 года. Но ведь после этого дня я 8 месяцев, до 30 ноября 1988 года, был обвиняемым. Постановления мне как обвиняемому должны были предъявляться. По этому пути идёт следственная практика в БССР. Более того, я 15 лет, находясь на следственной работе, назначал или организовал проведение массы различных экспертиз. За это время у меня с рядом экспертов сложились достаточно натянутые отношения из-за моей требовательности, с другими экспертами — наоборот, приятельские отношения. Проводя экспертизы по данному делу, они знали, что их выводы будут в той или иной мере касаться конкретного лица, то есть меня, Олега Спиридёнка. Возможно, выводы экспертов и объективны, не знаю. А, может, кто-то и погрешил против истины из-за натянутых или, наоборот, приятельских отношений со Спиридёнком. Поэтому я имел право знать, кто проводил экспертизы.

Считаю, что после того, как я стал обвиняемым, то есть после 8 апреля 1988 года, постановления о назначении экспертиз должны были мне предъявляться, в том числе уже проведенных ранее. Поскольку это не было сделано, я был лишён возможности использовать права, предусмотренные ст.184 УПК БССР (см. научно-практический комментарий к этой статье). Несмотря на это, следственная группа категорически отказалась 9 декабря 1988 года знакомить меня с постановлениями о назначении экспертиз, настаивая, чтобы я ознакомился только с заключениями. Само собой разумеется, считая, что мои права грубо нарушены, я не счёл возможным выполнить её требование (см. протокол допроса от 09.12.1988).

9) Как я указывал выше, мной был заявлен отвод Прошкину и его группе. Причину этого я указывал на допросе 8 апреля 1988 года в г.Москве, куда был вызван вопреки требованиям ч. 3 ст. 149

УПК БССР. Назову ещё одно основание для отвода и, возможно, главную причину крайней необъективности Л. Прошкина и его группы, его озлобленного отношения ко мне. Эту причину я не указывал в своих предыдущих жалобах, потому что имел намерение изложить её лично ответственному работнику Прокуратуры СССР, который, как я рассчитывал, будет проверять мои жалобы и обоснованность заявленного отвода. Я полагал, что, проработав 15 лет в прокуратуре, разрешив сотни жалоб, по многим из них лично побеседовав с авторами обращений, имею все основания считать, что так же отнесутся проверяющие и ко мне. Ведь необычное всё-таки дело. Но никто не пожелал со мной встретиться. Время показало, что к моим жалобам наплевательское отношение, все отдано на откуп Прошкину.

Так вот, главная причина для отвода. Прошкиным в отношении меня в августе-сентябре 1986 года совершено преступление, предусмотренное ст. 175 УК БССР. Он тогда вызвал меня на первый допрос почему-то в прокуратуру Витебского гарнизона. После того, как он выяснил мои автобиографические данные, записал их, начал меня допрашивать по фактам, в которых фигурировали руководители УВД Витебского облисполкома, начальник и его заместители. Это в протокол допроса не заносилось. Л. Прошкину я ответил, что считаю этих людей порядочными. Моё заявление вывело Прошкина из себя. Он начал кричать, что это не люди, а коррумпированные преступники, карьеристы, укрыватели преступлений, и что я об этом знаю, потому что был вхож в УВД. Заявил, что мне будет очень плохо, если не расскажу об этих преступлениях. Я был шокирован. Ничего подобного о начальнике УВД и его заместителях я не знал. Но у меня сложилось твёрдое убеждение, что у Прошкина есть какие-то сведения иного характера, и он хочет, чтобы я их подтвердил.

Видя, что я не желаю этого делать, Прошкин от криков и угроз перешёл к уговорам. Он сказал, что я совершил много тяжких

преступлений, многих лиц избивал на допросах, и у него есть все основания арестовать меня до предъявления мне обвинения. Поскольку я проживаю один, то из-за ареста (если потом и оправдают меня) потеряю квартиру, имущество моё растащат и т. п., то есть Прошкин пытался всячески меня запугать. На крики Прошкина в кабинет заходили (это была, видно, инсценировка) два следователя, которых потом удалили от расследования за беспросветное пьянство. Один из них был откуда-то из Свердловской области, второго Прошкин называл «старшим лейтенантом» — из военной прокуратуры. Фамилии этих следователей я не знаю, не смогу опознать. Они слышали угрозы Прошкина, сами подыгрывали ему. Это было видно из того, что Прошкин сказал «старшему лейтенанту» связаться с военным комендантом для выделения конвоя, чтобы отвезти меня в изолятор.

«Старший лейтенант» звонил кому-то из соседнего кабинета при открытых дверях, потом сказал, что конвой будет завтра. Прошкин тогда предложил мне:

«Выбирай: или ты расскажешь о всех известных тебе преступлениях, совершённых бывшим начальником УВД Барановским и его замами, и мы постараемся не привлекать тебя к уголовной ответственности, или завтра тебя арестуем. Следствие, скорее всего, будет длиться годы, ты всё это время будешь в камере с лицами, ранее судимыми за убийства. При этом они будут знать, за что ты арестован, что ты избивал на допросах подозреваемых в убийстве, что они были невиновны, но благодаря тебе сознавались, их потом даже расстреливали».

Прошкин после некоторой паузы цинично заявил: «Подумай, какая у тебя в ближайшие годы будет жизнь». С этим он отпустил меня, обязав явиться завтра.

Я был растерян. Понимал, что, если я не дам угодные Прошкину показания, то, скорее всего, действительно буду годы сидеть

в одной камере с уголовниками. В этом меня убеждало и то, что в то время шла организованная кампания в средствах массовой информации, всячески смаковалось не расследованное ещё «витебское дело», При этом без всяких сомнений указывалось, что на допросах избивали невинных людей.

В эту кампанию включились прокуратура Витебской области, Прокуратура Белорусской ССР, Генеральный прокурор СССР А. Рекунков. Он выступал в Воронеже на совещании и в деталях рассказывал о мифических избиениях на Витебщине. Ему вторил в своей речи в Полоцке на собрании работников правоохранительных органов прокурор области Г. Молодцов. Он называл меня, Олега Спиридёнка, преступником. А на партийном собрании аппарата прокуратуры области прокурор БССР Г. Тарнавский прямо заявил, что во всех нарушениях законности виновен Спиридёнок, и он будет «сидеть». И всё это было в 1986 году, задолго до предъявления мне сфальцифицированного обвинения!

Зная, что никаких преступлений я не совершал, тем не менее, у меня были все основания считать, что Прошкин угрозу приведёт в исполнение и арестует меня.

Утром на следующий день снова в военной прокуратуре Л. Прошкин предложил мне рассказать о преступной деятельности руководства УВД. Я отказался, заявив, что ничего не знаю о таковой. Мне стало понятно, что мои «преступления» Прошкина почти не интересуют. Его интересовали в первую очередь прегрешения бывшего руководства УВД. Опять угрозы «облагодетельствовать» камерой с уголовниками, постоянные крики, брань. Опять на подхвате те же два следователя. Оказалось, что конвой есть, но нет машины у военного коменданта, чтобы отвезти меня в ИВС. Отпустили опять, сказав явиться завтра. Так продолжалось издевательство надо мной несколько дней: то нет прокурора поставить печать, то нет конвоя, то нет автомашины. Самую активную роль в издева-

тельствах и угрозах играл руководитель следственной группы Л. Прошкин.

Меня по-настоящему пугала не сама возможность ареста, а то, что буду годы находиться в одной камере с людьми не лучшими, которые могут пойти на что угодно. Я даже, признаюсь, решился рассказать Прошкину всё, что он захочет, пусть только ставит конкретные вопросы. Но помог случай. Совершенно случайно перед очередным вызовом в прокуратуру к Прошкину я встретил в городе бывшего начальника инспекции по личному составу УВД Витебского облисполкома А. Михайловского. Я знал его, так как приходилось нам ранее встречаться по работе, затем по причине болезни начальник УВД Барановский его уволил. С этого времени Михайловский начал писать во все инстанции жалобы, обвиняя Барановского во всех мыслимых злоупотреблениях и преступлениях. Я знал об этом по работе, жалобы касались и прокуратуры, к их разрешению и я, как говорится, руку приложил. Знал ли об этом Михайловский, мне не известно, до этой встрече я его не видел несколько лет.

При встрече первым вопросом Михайловского ко мне, вместо привычного «здравствуй», было: «Олег, тебя вызывал Прошкин или нет?». Этот вопрос покоробил меня и удивил. Дело в том, что не только в 1986 году, но и все последующие годы я старался ни с кем не вступать в разговоры об этом деле. Чтобы это не было истолковано моими недругами в качестве попытки помешать установлению истины по уголовному делу. Да и мне не доставляют удовольствия разговоры об этом деле. Тем более, я не намеревался их вести с А. Михайловским. Даже когда он не был больным, кроме служебных, других разговоров я с ним не вёл. Поэтому я ему неопределенно ответил в таком смысле: Прошкиных много, разве всех упомнить. То есть, дал понять, что не желаю разговаривать. Держа меня за руку, чтобы я не ушёл, Михайловский после этого на повышенных тонах бессвяз-

но рассказал, что меня скоро вызовет на допрос следователь из Москвы Прошкин, будет спрашивать о Барановском, о том, какой он преступник. И мне надо рассказать о всех преступлениях Барановского. Что он лично знает о таких проделках Барановского, что удивится вся страна. Таких преступлений у нас ещё не было, и об этом будут писать все газеты.

Я сказал А. Михайловскому, что ни о каких преступлениях Барановского я не знаю. На это Михайловский мне заметил, что он уже сказал Прошкину, что Спиридёнок знает о всех преступлениях Барановского. Поэтому посоветовал мне сказать хотя бы о том, что Барановский бил людей на допросах, что укрывал тысячи преступлений. Мне было неприятно слушать этот бред глубоко несчастного в своей болезни человека. Я выдернул руку, сказал, что очень тороплюсь, и ушёл.

Под впечатлением сказанного Михайловским я и пришёл на очередной допрос-угрозу Прошкина. И прямо упрекнул: как ему не стыдно бред больного человека А.Михайловского брать на веру, угрожать мне, пытаться на этом бреде создать громкое дело. Вот этот упрёк и вывел из себя Прошкина. Он заорал: откуда я знаю об этом? Я рассказал о случайной встрече с Михайловским. Прошкин отправил кого-то в город искать Михайловского, а мне заявил:

«Ладно, пока иди, но ты запомнишь меня на всю жизнь и при этом будешь жалеть о своем выборе. Я тебе и без камеры устрою «хорошую» жизнь».

Грубо толкнув меня кулаком в спину, Прошкин выпроводил меня из кабинета.

Больше к этому вопросу московский «важняк» не возвращался. Видно, не удалось ему обтяпать громкое дело так, как он планировал. Но жизнь он мне в течение этих трёх лет организовал действительно «весёлую»: бесконечные экстренные вызовы на допросы в Москву, за сотню километров в Новополоцк. Большую

часть времени следователи отдыхают в Витебске, но допрашивать меня едут в Новополоцк. Каждая моя такая поездка обходится мне в 5–10 рублей. И во имя чего? Для запугивания, нарушения моих прав как обвиняемого и т. д. (см. предыдущие жалобы).

Все допущенные по делу грубые нарушения считаю только местью со стороны Л. Прошкина. Он ведь прекрасно знает, что совершил преступление, и что я об этом укажу в жалобе. Вот почему, несмотря на мои неоднократные просьбы вызывать меня на допросы для поездки в Новополоцк хотя бы часов за 20 (я уже не просил, чтобы за сутки-двое), меня всегда вызывали экстренно, часов за 10–12. А вот сообщение об окончании следствия следователь Г. Баграмян не поленился принести мне домой за 14 часов до начала ознакомления с делом, во внерабочее время. Что ему было небходимо в моей квартире?

И после того, как в 1986 году Прошкин в отношении меня совершил преступление, он же эти годы расследовал моё дело. Вот такая объективность!

10) Настоящее уголовное дело возбуждено по фактам нарушения законности в органах прокуратуры БССР. В числе других расследовался и эпизод незаконного привлечения к уголовной ответственности Олега Адамова. Затем этот эпизод был выделен в отдельное производство — дело по обвинению Анатолия Волженкова, Владимира Бунькова, Анатолия Журба и других. Обвиняемые писали многочисленные жалобы на грубые нарушения законности, допущенные Леонидом Прошкиным и его группой при расследовании. Но эти жалобы, как и мои, никто не разрешил.

Уголовное дело более полугода рассматривал Верховный Суд Латвии. Прошкин месяцами пропадал в Риге, он инспирировал статью «Метастазы» в «Литературной газете». То есть, «спасал» дело всеми незаконными методами. Несмотря на это,

Верховный Суд по основному обвинению, сфабрикованному Прошкиным, оправдал подсудимых, а бывшего начальника линейного отдела милиции Волженкова оправдал подчистую.

Это произошло не в эпоху застоя, а 11 апреля 1988 года. И что же Л. Прошкин? А ничего, он продолжает теми же методами фальсифицировать уголовное дело, поворачивая его против меня. Разве это не доказательство грубейших нарушений ст. 15 УПК БССР, обвинительного уклона? Да и что тут говорить: о всех грубейших нарушениях законности Анатолий Волженков и другие писали в жалобах. А их, как и мои, никто не читал и не проверял.

Считал и считаю, что Л. Прошкин прямо заинтересован во имя спасения своей карьеры довести это уголовное дело до удовлетворяющего его приговора. Он желает любыми путями уйти от ответственности за содеянное — совершенное в отношении меня преступление, предусмотренное ст.175 УК БССР. Только ради этого он сделал из меня преступника.

11) При расследовании дела допущено грубое нарушение Л. Прошкиным и его группой ч. 2 ст. 126 УПК БССР. А именно: мне вменена ст. 17 (не знаю, какая часть) и 172 ч. 2 УК БССР за привлечение к уголовной ответственности Бакулина. Ф. Иванову же по этому эпизоду — ст. 15 (часть неизвестна) и 172 ч. 2 УК БССР. Первоначально это дело расследовал Иванов, участие в нём принимал и я. В суд дело направил Т. Альхимович.

Альхимовичу обвинение не предъявлялось, но Прошкиным за подписью заместителя Генерального прокурора направлено представление прокурору БССР. В нём утверждалось, что Альхимович совершил преступление, предусмотренное ст. 172 ч. 2 УК БССР. Когда Прокуратура БССР с этим насквозь лживым представлением не согласилась, был направлен новый документ. Но в нём уже указано, что Альхимович по данному эпизоду совершил преступление, предусмотренное ст.168 УК БССР.

Это повторное представление на заседании 29 сентября 1988 года вынуждена была рассмотреть коллегия Прокуратуры БССР. На нём обвинение, выдвинутое Т. Альхимовичу, поддерживал А. Фролов. Но, к своему стыду, не зная обстоятельств дела (как только он готовил ответы на мои жалобы?), он не смог вразумительно ответить ни на один вопрос членов коллегии. Коллегия пришла к единодушному мнению: в действиях Т. Альхимовича нет состава преступления.

Тогда Л. Прошкин, видя, что рушится обвинение в отношении белорусского следователя в незаконном привлечении к уголовной ответственности Бакулина, принимает противозаконное решение: выделяет, вопреки ст. 126 ч. 2 УПК БССР, в отношении Альхимовича уголовное дело в отдельное производство. Сделано это было не только противозаконно, но и выглядело абсурдно: Спириденок и Иванов привлекаются по одному и тому же эпизоду, а по этому же эпизоду на Альхимовича заводится другое дело. А часть 2 ст. 126 УПК БССР, между прочим, гласит: «Выделение дела допускается только в случаях, вызываемых необходимостью, если это не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования и разрешении дела».

Необходимость у Л. Прошкина возникла: стыдно было выносить постановления о прекращении уголовного дела в отношении Альхимовича в рамках данного дела по ст. 5 п. 2 УПК БССР. За него это сделал следователь прокуратуры БССР. Ну а на объективность, всесторонность Прошкину наплевать. На какое нарушение не пойдёшь ради спасения самого себя! Что с того, что следователь-помощник делал работу ненужную и противозаконную: копировал 14 томов уголовного дела, заведённого персонально на Т. Альхимовича.

12) Следующий факт, свидетельствующий о том, что для Прошкина и его группы нормы УПК да и просто человечности не существуют. Дело в отношении меня и моих коллег они рас-

следуют около трёх лет. И так его расследовали, что не постеснялись 24 ноября 1988 года в кардиологическом отделении больницы перепредъявить обвинение по данному делу Л. Михлину. Не есть ли это способ для издевательств и шантажа обвиняемого?

13) Считаю незаконным применение норм УПК РСФСР при разрешении моего ходатайства об отводе от расследования уголовного дела следственной бригады Л. Прошкина. Требования ст. 1 УПК БССР на этот счёт однозначны. Но на эти нарушения Л. Прошкин внимания не обращает. О. Домурадов же заявил, что, поскольку постоянным местом жительства Прошкина является Москва, он имеет право при расследовании руководствоваться УПК РСФСР и вызывать меня на допросы в Москву.

Можно приводить еще десятки примеров грубейших нарушений при расследовании данного дела. Но и приведенных выше 13 эпизодов, думаю, достаточно, чтобы понять, что грубо нарушены права обвиняемого на защиту, в отношении последнего следователем совершено преступление, и дело не может быть объективно рассмотрено судом. Более того, мои права как обвиняемого систематически и грубо нарушались на протяжении более 8 месяцев.

Таким образом, расследование по делу проведено неполно, односторонне, необъективно, с обвинительным уклоном. В отношении меня Л. Прошкиным во время следствия совершено преступление, предусмотренное ст. 175 ч. 1 и 2 УК БССР. При расследовании уголовного дела совершены умышленные нарушения ст.ст. 1, 14, 15, 16, 47, 143, 149 ч. 3 125 ч. 3, 126, 158, 162 ч. 4, 184, 192, 219 УПК БССР. Эти грубейшие нарушения и неполнота расследования не могут быть восполнены в судебном заседании, на основании ст.ст. 224, 225, 234 УПК БССР. В связи с этим прошу дело направить на дополнительное расследование, отменив в отношении меня меру пресечения.

Генерального прокурора прошу дополнительное расследование поручить незаинтересованным в исходе дела лицам, само собой разумеется, не Л. Прошкину и его группе.

В процессе дополнительного расследования необходимо:

1) Доследовать в полном объеме уголовное дело по обвинению В. Горелова и В. Мацкевича, после чего направить его в суд. Доказательств для предания этих граждан суду достаточно было в 1974 году, достаточно их и сейчас. В противном случае, нет ни малейших оснований для привлечения меня к уголовной ответственности по этим эпизодам. Невиновность Г. Михасевича по этим эпизодам установлена судом, а невиновность В. Мацкевича и В. Горелова констатирована в постановлении следователя. То есть, необходимо установить, кто всё-таки совершил эти убийства: Михасевич или Горелов и Мацкевич, или иные лица. При этом необходимо учитывать, что ни В. Мацкевич, ни В. Горелов судом не оправданы. Их дела возвращены на дополнительное расследование только из-за того, что убийства эти мог совершить Г. Михасевич. Гадание на кофейной гуще — это верх беззакония!

2) Необходимо назначить судебно-почерковедческую экспертизу с целью ответа на вопрос: Кириком или иным лицом от его имени выполнена подпись в протоколе проверки показаний Мацкевича. С учетом ответа на этот вопрос (а он будет таким: подпись выполнена Кириком) решить вопрос о привлечении Кирика к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В отношении меня дело по этому эпизоду прекратить за отсутствием события преступления, возбудив дело в отношении О. Домурадова за необоснованное привлечение меня к уголовной ответственности по данному эпизоду.

3) В целях установления в моих действиях объективной стороны преступления — организации направления в суд дел на

заведомо невиновных Бакулина, Орла и других — подробно допросить Т. Альхимовича, Ф. Иванова, В. Кирпичёнка, выяснив у каждого из них:

а) где, когда я им давал устные, письменные указания о направлении этих дел в суд?

б) почему они не обжаловали эти незаконные мои указания?

в) почему они выполнили эти мои незаконные указания, угрожал ли я им чем-нибудь, что с ними было бы, если бы они не выполнили моих указаний?

г) говорил ли кто из них прокурорам, утверждающим обвинительные заключения, что О. Спиридёнок дал им указания направить эти дела в суд?

д) что вообще с ними было бы, если бы эти дела они не направили бы в суд?

4) В связи с тем, что данное уголовное дело является оценочным, истребовать и приобщить к делу:

а) выписки из научно-практического комментария ст. 44 УПК БССР, а также статей УК БССР, вменённых мне;

б) копию приказа Генерального прокурора СССР № 31 от 23 мая 1988 года (как подтверждение незаконности направления этого дела в суд) и необъективности Л. Прошкина и лица, утвердившего обвинительное заключение;

в) выписки из постановления о привлечении в качестве обвиняемого Михасевича и выписки из приговора по делу Михасевича и обвинительного заключения по эпизодам, по которым мне предъявлено обвинение (расследование убийств Евдоченко, Гетмановой, Сафоновой, Шитик, Медведевой, Торбун и др.);

г) копии обвинительного заключения приговора и определения суда по выделенному из данного дела уголовного дела по обвинению А. Волженкова, В. Бунькова и др.

5) Установить и допросить должностных лиц Прокуратуры БССР, давших указание не разрешать мои жалобы и не давать на них в установленный законом срок ответов. При этом выяснить, с какой целью это делалось. По этим же вопросам допросить Прошкина и членов его группы, выяснив, для чего они из почты изымали мои жалобы.

6) Установить лиц, содержащихся в одно время с Орлом в КПЗ Полоцкого ГОВД, допросить их, выяснив, кто из них сознался в совершенных (или несовершенных) преступлениях из-за того, что в камере были клопы. В ходе допросов должностных лиц ГОВД установить следующее. Были ли клопы в камерах КПЗ до и после того, как содержался здесь Орёл? Были ли арестованные, сознавшиеся в преступлениях из-за клопов? Принимались меры по уничтожению клопов? Давал ли я указание заносить (завозить) в КПЗ клопов?

7) Истребовать из уголовного дела по обвинению Михасевича копии протоколов допросов Мацкевича, Горелова, Орла, Бакулина, Кадушкиной. Передопросить этих и других лиц о причинах изменения ими показаний. Ведь, например, на первых допросах в 1986 году Бакулин отрицал, что его бил я или кто-то другой, аналогично это касается и Кадушкиной.

8) Установить и допросить лицо, написавшее агентурное сообщение, хранящееся в уголовно-розыскном деле по факту убийства Шитик (л. д. 95). Допросить всех лиц, содержавшихся в одной камере с Бакулиным. При необходимости провести очные ставки с Бакулиным. Выяснить у Бакулина: по какой причине он сокамерникам говорил одно, а на допросах — другое, в настоящее время — третье.

9) Допросить Г. Михасевича и следователей, расследовавших по его делу эпизоды убийств Шитик, Медведевой, Торбун, Шевчук, Сазоновой, Гетмановой, выяснив при этом: почему длительное время Михасевич отрицал свою причастность к этим

убийствам, а затем вынужден был сознаться. Что послужило толчком к признанию? Например, с целью понудить Михасевича сознаться в убийстве Торбун, его несколько раз провозили в автомашине через посёлок Ветрино, предлагали сознаться в убийстве Торбун. Но Михасевич категорически отрицал факт убийства им в Ветрино какой-либо женщины. Необходимо выяснить также, почему это не фиксировалось процессуально. Также необходимо выяснить, для какой цели по каждому из перечисленных выше эпизодов (Торбун, Медведева, Сазонова, Гетманова) за день до проверки показаний Михасевича лица, расследовавшие уголовное дело, вывозили на места происшествий следователей, осматривавших места обнаружений трупов. Затем в следственном изоляторе происходила встреча Игнатовича и других с Михасевичем. А на следующий день при проверке показаний на месте происшествия Михасевич в деталях повторял ошибки в месте, что и следователи за день до этого (дело Торбун, Медведевой, Сазоновой и др.).

Вот такие обстоятельства по делу Г. Михасевича породили в значительной мере и беззаконие по настоящему делу. Кому-то очень хотелось создать из ряда недоказанных Михасевичу эпизодов уголовное дело о нарушениях законности, допущенных якобы мною и другими коллегами.

Без выяснения истины по этим эпизодам из дела Г. Михасевича истины по моему делу не установишь. Ведь даже эпизоды убийства А. Сазоновой, Л. Гетмановой, по которым не было ни одного доказательства вины Михасевича (кроме так называемой и описанной выше проверки его показаний) вменялись Михасевичу. Когда это в суде провалилось, и стало ясно, что дела в отношении В. Горелова и В. Мацкевича были возвращены в 1986 году на дополнительное расследование, а затем прекращены незаконно, Прошкин и его группа пошли на всё, лишь бы «пристегнуть» меня к делу в качестве обвиняемого.

10) Группа Л. Прошкина проявила неприкрытый обвинительный уклон. Для чего ею были истребованы и проверены все уго-

ловные дела, отказные материалы, надзорные производства по жалобам, расследованные и разрешённые мною за всё время работы в прокуратуре Витебской области. Необходимо материалы этой проверки приобщить к уголовному делу как доказательство того, что мною за 15 лет работы ни разу не было допущено нарушений норм закона, я никого не избивал, и жалоб в этой связи на меня не поступало.

О том, что такая проверка уголовных дел, материалов и жалоб группой Л. Прошкина в течение более двух лет проводилась, свидетельствуют имеющиеся в прокуратуре Витебской области запросы о высылке дел, материалов, жалоб и копии сопроводительных писем о направлении затребованных материалов, дел, жалоб Л. Прошкину, О. Домурадову.

Если бы группа Прошкина выявила бы какие-то нарушения с моей стороны, то, само собой разумеется, они были бы мне вменены. Поскольку же никаких нарушений не было, то, по мнению Л. Прошкина, и справки по проверенным делам, материалам, жалобам приобщать к уголовному делу не надо. Раз это говорит в пользу Спиридёнка, оправдывает его, значит делаем вид, что такой проверки не было.

Вот именно поэтому я и ходатайствую о приобщении этих справок к делу.

11) Как я уже указал выше, настоящее уголовное дело является оценочным, расследование по нему проводилось необъективно. Следствие не добыло ни одного доброкачественного доказательства моей вины, за исключением непоследовательных, путанных, противоречивых, надуманных, полученных под влиянием следователей показаний нескольких лиц, прямо заинтересованных в исходе дела, совершивших преступления.

Я вынужден сам доказывать свою невиновность. Поэтому необходимо устранить односторонность и необъективность следствия, для чего допросить любых, по усмотрению следствия,

работников дознания УВД, горрайотделов, работников прокуратуры области и горрайпрокуратур, где расследовались убийства, для выяснения обоснованности моей методики и тактики допросов. Надо выяснить: были ли когда-нибудь с моей стороны факты избиений, угроз в адрес допрашиваемых лиц; слышали ли они когда-нибудь от кого-либо о чём-нибудь подобном; поступали ли когда-нибудь письменные или устные жалобы на меня по поводу избиений или угроз допрашивавшихся лиц.

12) Меня обвиняют в том, что я из корыстных побуждений, не умея раскрыть убийства, организовал направление в суд дел на заведомо для меня невиновных лиц. При этом избивал их с целью добиться сознания в убийстве, запугивал, угрожал, травил клопами и т. п. Это чудовищное надуманное обвинение легко может быть опровергнуто следующим образом: необходимо допросить работников Прокуратуры БССР, центрального аппарата Прокуратуры СССР — Э. Миронову, прокурора-криминалиста прокуратуры Калининской области, и других работников, приезжавших в г. Витебск из Москвы и иных городов для раскрытия убийств. Выяснить при этом, по какой причине они не раскрыли убийств, из каких побуждений ездили в командировку.

Из уголовного дела по обвинению Г. Михасевича по эпизоду убийства Храпутенко в Полоцком районе следует истребовать заявления, протоколы допросов и проверки показаний Толстикова. Этот Толстиков писал неоднократно заявления, в которых указывал, что он убил Храпуненко. И тем не менее, ни прокуратурой Полоцкого района, ни прокуратурой Витебской области Толстиков не был привлечён к уголовной ответственности за убийство Храпуненко. А ведь чего проще было его привлечь: сознался, его и бить не надо было. Так где же здравый смысл? О. Спиридёнок, Ф. Иванов избивают Бакулина, чтобы он сознался в убийстве, а Толстиков, который без избиения сознаётся, не привлекается? Чем объясняется, по мнению Л. Прошкина, такая избирательность Спиридёнка?

13) Чтобы у Прошкина и ему подобных не возникало в будущем желания вменить мне ещё и халатность из-за нераскрытия убийств, необходимо истребовать приговор по делу Махонина об убийстве Дормакович в Полоцком районе. И вот почему. На протяжении нескольких лет, что велось следствие, Прошкин и его группа пытались убедить меня и доказать, что сразу было ясно, что в Витебской области, а тем более в Полоцком районе убийства совершались одним человеком. И что только моя злая воля мешала признать это и давно раскрыть убийства. Я им приводил десятки уголовных дел по способу совершения идентичных убийству Шитик, Медведевой и др., по которым преступники установлены, осуждены и приговоры по ним даже под шоковым влиянием дела Михасевича никто не отменял. Так вот, дело по обвинению Махонина из категории этих дел, оно в какой-то мере характеризует всю опасность той версии, что убийство в Полоцком районе мог совершить только один человек. Поэтому и нужно истребовать приговор по делу Махонина.

Человек не заинтересованный в установлении истины по данному делу, таковым является Л. Прошкин, может сказать, что моё ходатайство удовлетворению не подлежит, в ходе его выполнения не будут добыты прямые доказательства моей невиновности. Так ведь и следствие не смогло добыть доброкачественных прямых доказательств моей виновности. Разве можно признать доброкачественными доказательствами показания Бакулина, который на очной ставке со мной не смог ответить на мой простой вопрос: почему 13 лет он утаивал, что я его избивал на допросах? И только следователь Мейлах смог найти для Бакулина ответ: «Просто именно сейчас он решил рассказать правду».

Вот это показание Мейлаха и было записано в протокол очной ставки. И так на каждой очной ставке. А ведь эти люди допра-

шивались в суде, прошли «школу жизни» в ИТК, знают все материалы дела. И им верит Прошкин.

Как Прошкин не смог добыть доказательств моей вины в избиениях, так и я не могу предоставить прямых доказательств (например, показаний свидетелей), что Бакулина или Кадушкину я не бил. Вот поэтому и нужны эти косвенные доказательства моей невиновности. А ведь их можно было легко собрать за несколько лет следствия, я ведь об этом писал в своих показаниях ещё в 1986-ом и 1987 годах. Но Прошкин и его группа были заняты иным, но только не объективным расследованием дела.

Я не совершал никаких преступлений, мне инкриминируемых, поэтому и обратился к суду с вышеизложенным ходатайством, считая, что законность беззаконием, как Прошкин и его группа, не восстанавливают.

После проведения дополнительного расследования ходатайствую о прекращении в отношении меня уголовного дела по основаниям ст.5 п.2 УПК БССР. Уголовное дело в отношении меня подлежит безусловному прекращению по ст.5 п.2 УПК БССР и потому, что нельзя к старым делам подходить с новой меркой.

Например, в журнале «Советская юстиция» (№14 за 1988 год, стр. 6) сказано: «Таким радикальным преобразованием в судебной практике явилось изменение политико-правовой оценки некоторых деяний, признаваемых ранее должностными и хозяйственными преступлениями. Идёт процесс реабилитации лиц, фактически осужденных за общественно полезную хозяйственную деятельность». Так ведь аналогичное положение было и с задержанием граждан в порядке ст.119 УПК БССР. Задержание из средства пресечения превратилось в стране в средство доказывания (журнал «Социалистическая законность», № 9 за 1986 год, стр. 8).

Разве судей надо сажать сейчас в тюрьму за то, что они подчинялись существовавшей тогда политико-правовой оценке хо-

зяйственных деяний, признавали их преступлениями? Не судьи виноваты, нет.

Точно так же Генеральный прокурор СССР и его центральный аппарат знали о задержаниях, как сейчас преподносится, незаконных. Ведь все дела, за которые меня привлекают, изучались в Прокуратуре СССР, и ни слова при этом о допущенных нарушениях её представители не сказали на протяжении 15 лет.

Сейчас достаточно взять статистический отчёт любой прокуратуры тех лет и очень много будет фигурировать в нём лиц, задерживавшихся и освобождённых по причине подтверждения подозрения доказательствами. Уверен: были такие случаи у самого Л. Прошкина и членов его группы. Так что, сейчас всех следователей, работников дознания, прокуроров привлекать за те задержания, бывшие 5,10,15 лет тому назад? Это было бы беззаконием. А вот Спиридёнка, оказывается, можно за это судить!

Мне вменён букет статей УК БССР. При этом Л. Прошкин и его группа почему-то не обратили внимания: одни статьи исключают полностью другие. В очередной раз вменили мне ст. 166 УК БССР. Что это: простая юридическая безграмотность, тупость? Считаю, что не только. Прослеживается карьеристской расчёт: может, хоть одна статья устоит в приговоре. Разве это не обвинительный уклон? Где же объективность? Почему не прочитали следователи научно-практический комментарий УК БССР по статьям 172–175?

В своих жалобах я ходатайствовал о том, чтобы это уголовное дело проверил незаинтересованный в исходе дела юрист, чтобы справку проверки не готовил Л. Прошкин и его группа. Казалось бы, уж такое ходатайство можно удовлетворить. Так нет. Так называемой проверкой дела занялись Фролов и Агеенков, которые вместе с Прошкиным в полном объеме отвечают за все без-

закония, допущенные по делу, и вынуждены вместе с Прошкиным путём незаконного направления в суд этого дела прикрыть свою многолетнюю бездеятельность.

Почему союзная прокуратура побоялась дело поручить незаинтересованному в исходе дела работнику?

Ответ на этот вопрос прояснил бы многое. А потому считаю важным сосредоточить внимание на следующих моментах.

1) Поскольку мне вменено, что я, будучи молодым специалистом, обманул прокурора области и его заместителей, а поэтому они по своей юридической малограмотности арестовали В. Мацкевича и В. Горелова и утвердили по этим делам обязательные заключения, необходимо их (то есть Кладухина, Филоненко, Савцова) подробно допросить, выяснив при этом:

- *знали ли они, что О. Спиридёнок являлся в 1973–1974 гг. молодым специалистом?*
- *каким конкретно способом их обманул Спиридёнок?*
- *знали ли они свои должностные обязанности?*
- *знали ли они требования ст.ст. 91 ч. 3 и 213 УПК БССР?*

2) В связи с тем, что все лица, работавшие по раскрытию убийства А. Сазоновой известны, установить лицо, которое, по мнению Л. Прошкина (см. постановление о привлечении в качестве обвиняемого О. Спиридёнка), угрожало в моем присутствии В. Горелову пистолетом.

3) Подробно допросить Прошкина, выяснив при этом:

- *по какой части ст. 17 УК БССР предъявлено обвинение Спириденку (эта статья имеет 7 частей);*
- *знал ли он положения ст. 149 ч. 3 УПК БССР, если знал, то по какой конкретно причине он её нарушил, и 8 апреля 1988 года допрашивал Спиридёнка в г. Москве, а не на территории Витебской области, как того требует закон;*

– *по какой причине по эпизоду привлечения Бакулина к уголовной ответственности Спиридёнку вменена ст. 172 ч. 2 УК БССР, а тому, кто направил дело в суд, то есть Альхимовичу, — ст. 168, а затем оно прекращено по ст. 5 ч. 2 УПК БССР;*

– *какие методы О. Спиридёнок применял при допросе по настоящему уголовному делу свидетеля Плеханова Василия Мартыновича (угощение спиртным, обещания и т. п.);*

– *по какой причине на протяжении 8 месяцев вообще не предъявлялись О. Спиридёнку постановления о назначении по настоящему делу судебных экспертов, знал ли Прошкин положения ст. 184 УПК БССР;*

– *по какой причине к настоящему делу не приобщены справки проверки всех уголовных дел, отказных материалов, надзорных производств по жалобам, расследованных и разрешённых О. Спиридёнком за 15 лет, для какой цели вообще проводилась такая проверка (а не расследование);*

– *с какой целью Л. Прошкин угрожал О. Спиридёнку, толкал его, запугивал на допросах?*

4) В связи с тем, что мне вменено избиение Лушковского, необходимо истребовать номер полоцкой районной газеты за 1988 год, в котором помещена статья о нём, и где он указывает, что его во время следствия никто не избивал;

5) В связи с тем, что меня обвиняют в наличии в 1977 году клопов в КПЗ (ИВС), прошу истребовать № 36 за 1988 год газеты «Аргументы и факты», где на стр. 7 в статье под заголовком «Почему к нам не едут звёзды?» сказано, что в настоящее время в гостиницах «Интурист» имеются клопы и тараканы. Что подтвердит абсурдность обвинения в этой части, выдвинутых против меня по причине наличия клопов в ИВС.

6) В связи с обвинением меня в том, что я обманул из-за её молодости (25 лет) свидетельницу Соловьёву, написал необъективный

протокол допроса Мещеряковой, сестры Горелова (возможно, её фамилия ныне Холдынёва) назначить по делу судебно-почерковедческую экспертизу для выяснения вопроса: подписи на протоколах допросов выполнены Соловьёвой, Холдынёвой, Мещеряковой?

Это необходимо сделать для того, что сегодня эти лица, чтобы уйти от ответственности за данные ими в 1973–1977 гг. показания, заявляют, что их обманули, они доверились мне и т. п. Они, по наущению Л. Прошкина и ему подобных, заявляют, что я подделал подписи в протоколах.

7) Подробно допросить члена следственной группы Елсункова, выяснив при этом: по какой причине он допрашивал Спиридёнка в сентябре 1986 года, а протокол допроса предъявлен для ознакомления в феврале 1987 года, при этом склонял поставить дату ознакомления задним числом, угрожал, запугивал, что меня и арестовать могут.

8) В целях опровержения обвинений меня в карьеризме истребовать из дел Прокуратуры БССР или Витебской области моё заявление от марта 1985 года с просьбой об освобождении меня от занимаемой должности и переводе на иную должность. В этой же связи допросить бывшего прокурора Витебской области Макарова, к которому я неоднократно обращался с подобными просьбами.

9) Подробно допросить члена следственной группы Суховского, выяснив при этом: знал ли он, что ст. 162 ч. 4 УК БССР запрещает оглашение ранее данных показаний до записи показаний на очной ставке. Если знал, то по какой причине на очной ставке Мушинский — Спиридёнок до записи показаний Мушинского знакомил его не только с ранее данными им показаниями, но и с другими материалами дела (см. протокол очной ставки Мушинского и Спиридёнка).

10) В целях установления истины по эпизодам угроз и запугиваний Шудель, Соловьёвой, сестры Горелова, самого Горелова,

Мошкевича допросить постоянно работавших в 1973–1974 гг. со мной в одном кабинете В. Таранду, М. Берина, М. Гельштейна (подчёркиваю, рабочие места этих лиц были в одном кабинете со мной, и они стали невольными свидетелями всех моих допросов, как и я проводимых ими допросов). При этом выяснить у них:

- *угрожал ли кому О. Спиридёнок на допросах, запугивал ли кого-нибудь;*
- *угрожал ли кто-нибудь пистолетом кому-либо из допрашиваемых в кабинете лиц, в том числе и В. Горелову.*

О необходимости допросить по указанным вопросам лиц, работавших со мной в одном кабинете, я неоднократно говорил О. Домурадову. Но он заявил, что эти лица дадут показания, что О. Спиридёнок никому не угрожал и никого не запугивал, а тогда как будет вменить эти эпизоды. Ведь это опровергнет показания Шудель, Горелова и других. Вот такая объективность следствия по Домурадову!

11) Допросить следователя Мейлаха, выяснив при этом, по какой конкретно причине не было проведено опознание Шевчуком Спиридёнка, а организована очная ставка, на которой оба допрашиваемых заявили: «Друг друга видим впервые»; с какой целью он подсказывал, вернее, отвечал на очной ставке со Спиридёнком за Бакулина.

12) В полном объёме расследовать эпизод совершения Прошкиным в отношении меня преступления, предусмотренного ст. 175 ч.ч. 1 и 2, для чего допросить самого Прошкина, двух следователей, присутствовавших и принимавших участие в издевательствах надо мною. Допросить Михайловского по этому эпизоду.

13) Истребовать копию постановления о прекращении выделенного в отношении Т. Альхимовича уголовного дела по эпизоду привлечения к уголовной ответственности Бакулина.

По моему твёрдому убеждению, без расследования обстоятельств, изложенных мною выше, и других истину по делу суд установить не сможет. Этим и вызвано ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование.

Часть из указанных выше ходатайств мною была заявлена раньше в жалобах, на допросах в качестве свидетеля. Другие же были заявлены при окончании следствия в связи с тем, что перечисленные выше грубейшие нарушения норм УПК и УК БССР совершены Прошкиным и его группой умышленно. Следовательно, устранять их Прошкин и его группа не будет, да и по закону не может. Более того, факт совершения Прошкиным преступления должен расследоваться в рамках этого дела. Ведь отсюда и пошли все нарушения и злоупотребления Прошкина. Прокурорский же надзор за расследованием дела отсутствовал.

Если кто-то из прокурорских чиновников решит дочитать эту жалобу до конца (что маловероятно) и попытается разобраться с делом, объем которого около 100 томов (точно не знаю, так как не знакомился с ним), пусть его это не смущает. Дело не читал и сам Л. Прошкин.

Чтобы установить беззаконие, абсурдность, бездоказательность предъявленных мне обвинений, достаточно сравнить три разных, предъявленных мне обвинения, тексты моих жалоб и содержание ст. 17, 172, 174, 175, 166 УК БССР, по которым меня обвиняют. А также изучить тексты статей УПК БССР, которые были Прошкиным грубо нарушены в процессе следствия и которые названы в жалобе.

Так, меня обвиняют в привлечении к уголовной ответственности, арестах, задержаниях ***заведомо*** *невиновных людей. И никто не удосужился прочитать научно-практический комментарий к этим статьям УК БССР, объясняющий понятие заведомо. Когда я обратил на это внимание Л. Прошкина, он заявил:*

«Моя следственная группа создаёт практику привлечения следователей и прокуроров по этим статьям, а поэтому мы не обращаем внимания на республиканские кодексы. Мы создаём прецедент».

На это я возразил, что никакой практики у него по выделенному из этого дела уголовному делу по обвинению А. Волженкова, В. Бунькова и других не получилось. Прецедент оказался с негативным эффектом, обвиняемых оправдал суд. И здесь Прошкин нашёлся что сказать:

«Да, пусть и Вас оправдывают, мне-то что, мне всё равно. За это мне ничего не будет, как и не было за необоснованное привлечение к уголовной ответственности того же Волженкова. А Вы всё равно будете скомпрометированы, да и под судом побыть около года тоже не подарок».

Видно, есть у Л. Прошкина основания для такого беззакония и произвола! Ему нипочем и однозначная многолетняя практика Верховного Суда СССР, согласно которой не могут служить доказательствами вины только показания прямо или косвенно заинтересованных в исходе дела лиц.

Мое обвинение построено только на показаниях прямо заинтересованных в исходе дела бывших осужденных или их родственников Мацкевича, Горелова и его сестры и тётки, Бакулина, Орла и его сожительницы Мещеряковой, Кадушкиной, Ковалёва, Лушковского, Мушинского и других. При этом показания даны спустя 6–15 лет после дачи первичных показаний. Они путаны, противоречивы, даны с единственной целью: уйти от ответственности самим или помочь это сделать близким родственникам и знакомым. Например, В. Горелов 15 лет молчал, что ему угрожали пистолетом, а когда в 1986 году ему заявили, что он убийства А. Сазоновой не совершал, то сейчас говорит, что сознался в 1973 году под угрозой пистолета. И так с каждым так называемым свидетелем-потерпевшим обвинения.

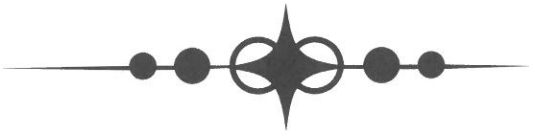
И на этом построено обвинение меня в совершении тяжких преступлений.

Моя настоящая жалоба-ходатайство полностью основана на нормах УК и УПК БССР, материалах уголовного дела, поэтому она должна быть удовлетворена в полном объеме.

С учётом изложенного, прошу суд разрешить данную жалобу-ходатайство на основании ст.225 УПК БССР, о чём мне сообщить.

***О.И. СПИРИДЁНОК**, г. Витебск*
25 июля 1989 года

Глава III
ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ

Известно, что законы изобретены для блага граждан.

Цицерон

ИСЧЕЗЛИ РВЫ МЕЖДУ ДОМАМИ

И снова издали я заметил «своего» старика. Ранним утром сидел он в тулупе возле своего дома и прищурившись вглядывался в даль. И ему не спалось ночью.

— Опять домой, Илларионыч? Вот, присядь, ничего, что роса... Опять душой замаялся. Мысли разбежались. И не можешь их собрать воедино?

И старик глубоко вздохнул. И затянулся своим крепким самосадом.

— Какой он у тебя крепкий, дед.

— Сам выращивал... Я тебе историю расскажу, послушай... Давно это было. Видишь, большие сосны за озером. Два раза они такими вот вырастали и их спиливали на брёвна. Посмотри, дома какие ладные стоят в деревне. Вот когда это было, считай. Так вот, жили в то время два богатых крестьянина. Дома их стояли по соседству. Жили дружно, помогали один одному. А один из них был мельником.

— Старик, у нас-то не было ветряка...

— А ты слушай, Илларионыч, и не перебивай. Ближе к Бочейкову был.

Дед затянулся самосадом и надолго замолчал. Может, обиделся на моё замечание, а может, вспоминал. И хотелось его поторопить. Мама своим сердцем чувствует, что сын скоро у неё будет. И вот-вот выйдет навстречу из дома. И моя измученная поисками правды душа спешила, суетилась, не могла настроиться на главное.

— И вот осенью сосед привёз на мельницу пять мешков зерна. «Сделай, — попросил мельника, — по-соседски доброе дело, чем-нибудь позже с тобой рассчитаюсь».

Утром холодному осеннему солнцу не хотелось подниматься над озером. Как бы чуяло беду. Подъехал на лошади сосед за мукой на мельницу. Радостный такой, в приподнятом настроении.

Но вместо пяти мешков мельник отдал ему только три. Что тут началось, Илларионыч. «Отдай муку! — кричал один». «Заплати вначале за работу, — хватался за оглоблю и вопил другой. — Чем я буду детей своих кормить?!».

Разбушевались, значит они. Чуть дело до мирового судьи не дошло.

Старик стал откашливаться. Не хотелось торопить его. Ибо время здесь, в деревне, течёт по-другому, чем в городе.

— Мельник, Илларионыч, нанял землекопа, и прорыли они вдвоём широкий ров между домами. Отгородились друг от друга, значит. Люди говорили, что рассчитался мельник с ним мешком зерна. А второй пригласил мимо проходящего плотника к себе домой и за два мешка муки попросил его поставить к вечеру высокий забор. Но плотник оказался разумнее всех. Целый день трудился. Вечером над вырытой канавой появился широкий мост. Люди говорили, что благодаря этому мосту повздорившие соседи позже помирились. И на мосту же пожали руки друг другу.

— Старик, а зерно за работу...

— Э, Илларионыч, разве это главное? Посмотри, рвов нет между домами. Многие ставил на века Илларион.

— Мостов-то тоже не видно, старик.

— А зачем у нас, в деревне, они... Всё, заканчиваем разговор, слышишь, клямка лязгнула, значит мать твоя на двор вышла тебя встречать...

ОПУСТИВШЕГОСЯ НИКТО ПОДНИМАТЬ НЕ СТАНЕТ

Самый популярный документ, который направляется в суды — это жалоба. А между тем, ещё в 18 веке английский писатель и политический деятель Джорж Галифакс писал: «Жалоба — это презрение к самому себе... Жалуясь, человек опускается, а опустившегося никто поднимать не станет».

Только свободный может понять совет: не мечите бисер перед теми, кто не хочет вас услышать. Но как поступить, если государство предоставило едва ли не единственную возможность посредством суда восстановить справедливость? И оно прекрасно осознаёт: кто и зачем будет жаловаться. Всё под контролем.

Видимо, есть резон в таком высказывании непопулярного ныне и не любимого многими советского вождя Владимира Ленина:

«Любое государство, — признавал он, — есть угнетение. Рабочие обязаны бороться даже против советского государства — и в то же время беречь его как зеницу она». Ленин, не без ошибок и дикостей, на ходу начинал проводить реформы, отмечал, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс». Что, пожалуй, сегодня и демонстрирует Китай. Но с приходом к власти Иосифа Сталина отдельные принципы строительства новой страны, не только на мой личный взгляд, были нарушены. Государство стало угнетателем, и с ним приходилось вести жесткую борьбу, чтобы доказать неправоту правоохранительных и судебных органов при расследовании конкретных уголовных дел, вынесении обвинительных приговоров. Для этого приходилось мобилизовать все душевные силы. А в ответ получать казённую бумагу, которой

был присвоен исходящий номер, с бюрократически заштампованным словосочетанием: «Приговор вынесен в соответствии с законодательством». И утверждалось при этом иной раз, что к суду (судье) претензий не имеется. Предпочитал и до сих пор предпочитает не реагировать государственный судебный орган на протянутую кем-то руку. Если и прислушивается к доводам обвиняемых и осужденных, то крайне редко, в виде исключения, нехотя демонстрируя, что у нас водятся-таки оправданные и незаконно осужденные.

Ремеслом составления отписок в совершенстве владеют всевозможные помощники тех, на имя которых и составляются жалобы. Они прекрасно чувствуют, что нужно их начальнику. Ведь одна из функций верховного судьи — не допустить в государстве критическую массу судебных погрешностей, а то, не дай Бог, соберётся народ с плакатами и протестами у здания суда. К великому сожалению, нет у нашего государства культуры принятия самостоятельных судебных постановлений. Не было ее в Беларуси и в советские времена, когда всё важное определяла и решала Москва, в том числе и судейская. Не сформирована культура, о которой пишу, и в нынешнее время. Для этого судьям надо пройти большой путь, освободиться от рабской психологии, которая вырабатывалась десятилетиями.

«Немногих удерживает рабство, — прозорливо заметил философ Сенека, — большинство за своё рабство держатся». Вторил ему и Фёдор Достоевский: «Тот, кто не понимает своего назначения, всего чаще лишён чувства собственного достоинства».

Видимо, порой не понимали своего назначения люди, которые давали ответы и на жалобы мои и моих близких. Например, сотрудник отдела писем «Литературной газеты» Е. Хрусталева попросту не имела полномочий давать ответ на письменное об-

ращение с возмущениями моей жены по поводу очередного материала заведующего отделом этого издания Игоря Гамаюнова с жесткой критикой в мой адрес. Тем не менее (уж не для того ли, чтобы прикрыть этого писаку?) взяла на себя руководящие функции и прислала такую отписку:

Уважаемая Людмила Николаевна!

Ознакомились с Вашим письмом. Решение вопроса об обоснованности привлечения к уголовной ответственности относиться к компетенции прокурорско-судебных органов, подменять которые редакция не вправе.

Советуем Вам обратиться в указанные компетентные инстанции.

Всего хорошего.

Отдел писем «ЛГ» *Е. Хрусталёва*

Людмила Николаевна в жалобе в мою защиту, направленную на имя Генерального прокурора СССР, по пунктам объективно обосновала мою невиновность. Плюнуть в душу со страниц газеты гамаюновскими очерками было в компетенции популярного тогда издания. А когда понадобилось защитить, то нашлось «непреодолимое» препятствие: «газета не вправе». Даже непонятно, кто ознакомился с письмом. Не направили письмо, в котором содержался крик души, в союзные Генеральную прокуратуру или Верховный Суд. Что-что, а у газетчиков было такой право. Но проще было отмахнуться, отписаться. Чтоб потом готовить и печатать в газете новые пасквили.

Наша семья не единственная из Беларуси, кто в те еще советские времена писал жалобы и опровержения на публикации асса-журналиста Игоря Гамаюнова о «витебском деле». И все жалобы остались без реагирования. На мой субъективный

взгляд, некогда любимая многими и популярная «Литературная газета» и растеряла с годами своих читателей и былой авторитет потому, что на её страницах доминировала точка зрения журналистов «ЛГ» и ее авторов, а позиция, боль критикуемых напрочь игнорировались.

На всю жизнь запомнилась такая тюремная картина. Не спится. Лежу на своей шконке с открытыми глазами. Не могу привыкнуть, что над потолком постоянно горит электрическая лампочка. Прислушиваюсь к дыханию тех, кто волею судьбы оказался со мною рядом. Оно очень тревожное. У каждого свои сны. Не спим по-настоящему, а скорее, забываемся на несколько часов. Не отдыхает человек, а годами накапливает усталость, развивает хронические болезни. Такова жизнь зоны.

Мыслями я дома с родными. Здесь тоже полумрак, но он такой мягкий, уютный, от ночника. Моя Люда склонилась над дочушкиной кроваткой и читает перед сном Инночке сказку. Смахивает набежавшую слезу. Господи, как она устала за день! Очень хочется отсюда посоветовать, докричаться одними только губами, без голоса.

— Людочка, накинь на свои плечи платок; с окна-то дует. Октябрь на дворе. И первый морозец окончательно победил летнее тепло.

Вот жена нежно, нежно целует дочушку в лобик:

— Спи моя ласточка, папа в командировке, скоро вернётся.

— Правда, скоро-скоро вернётся?

И Инночка крепко зажмурила свои глазки, бережно обняла свою мягкую игрушку, что я подарил. И уснула сладко-сладко. И её сон наполнен детским заботами. Лицо папки, надеюсь, не забыла. Надеюсь, узнает, когда вернусь домой, хотя я и исхудал на казённых харчах.

Мысленно вижу, как Люда на цыпочках, чтобы дочку не разбудить, идёт к письменному столу, садиться ко мне спиной,

достаёт чистый лист бумаги, на несколько минут задумывается и своим ровным почерком что-то выводит. До боли мне хочется заглянуть через её плечо и прочитать написанное. Какие у неё плечики хрупкие... По центру листа красуется выведенное большими буквами слово «ЖАЛОБА».

Вот Людмила отложила ручку и стала всматриваться в ночную темноту. Что она там хочет рассмотреть? Может, лицо того, кому доверяет свои мысли в мою защиту. Будет, решила, писать простыми словами, без юридических терминов, без ссылки на букву закона. Своим сердцем попробует достучаться: «Мой муж не подлец и ничего противозаконного не мог совершить, а вот Олег Адамов мог, потому что он подлец и безнравственный человек, бабник...»

Отдохни, моя жёнушка. Они только и ждут, чтобы ты, как и я, измочалилась. И отправят твою жалобу по кругу. Место для этого много. Вот, например, попадёт она на стол какого-нибудь клерка Прокуратуры СССР. А Прошкина она к нам отправила. Равнодушные даже к точному канцелярскому языку не прислушиваются, игнорируют факты и аргументы, здравый смысл в расчёт не берут, а на твою сердечность ответят стандартным пассажем: оснований для вмешательства не имеется. А могут и обмануть, допустить не только орфографические ошибки, но и юридические казусы. Голову сломаешь, распутывая их.

Не понимаю: на юрфаках не вводили предмет такой, как отписковедение. Но и без науки у чиновников всё получается очень изощрённо. Какие преподаватели выросли! Вот один из них сидит высоко, высоко, но это не Господь Бог, а совсем наоборот. Ждёт, потирая руки, когда ты, моя радость, поймёшь, что бесполезно в этих инстанциях гоняться за правдой. У мудрых китайцев есть пословица: «Свой хвост собаке не догнать».

Но Люда пишет, надеется. И на озёра наши, наши реки ссылается. И про наш партизанский край обязательно вспомнит и про отцов наших —ветеранов войны. А желаемого результата всё равно не будет. Но самое главное, что она понимает: те, у кого есть честь, не способны совершать подлых поступков.

Да, нам верили только ближние. И, как могли, старались нас защитить.

Генеральному секретарю ЦК КПСС
тов. Горбачёву М.С.,
Генеральному прокурору Союза ССР
тов. Рекункову А. М.,
Председателю Верховного Суда СССР
тов. Теребилову В.И.,
Главному редактору «Литературной
газеты» тов. Чаковскому А.Б.
Сороко Людмилы Николаевны
(Минск ул. Волоха, 9, кор.2, кв.36)

ЖАЛОБА

29 февраля 1988 года я написала жалобу в четыре высокие инстанции: Генеральному секретарю ЦК КПСС, Генеральному прокурору СССР, Председателю Верховного Суда СССР, главному редактору «Литературной газеты». В своей жалобе я сообщила о бесчинствах, творимых старшим следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР Л. Прошкиным. Последний, имея задание проверить обоснованность ареста, осуждения О. Адамова, решил построить карьеру на ошибках моего мужа, который занимался расследованием уголовного дела по факту изнасилования и удушения Татьяны Кацуба. До этого расследования муж закончил только два дела и то по небольшим кражам, не имел как следователь должного опыта.

Проведя проверку, Л. Прошкин прекрасно видел, что у моего мужа, Валерия Сороко, не было никакого умысла нарушать законность при доказывании вины Адамова. А работал так, как умел, как подсказывал ему скромный опыт, который он приобрёл до этого. Для ясности я сравниваю опыт моего мужа с опытом хирурга, который провёл пару операций по удалению аппендицита, а затем стал проводить трепанацию черепа. Вот с такими «аппендицитскими» знаниями мой муж стал заниматься расследованием уголовного дела по факту убийства Татьяны Кацуба.

По «ложному» пути при расследовании данного дела муж пошёл потому, что изучил личность Олега Адамова. Тот занимался сожительством с многочисленными девицами. Этого он добивался различными путями, используя даже опьянение некоторых из них. К примеру, находясь на одной из свадеб, в перерыве между застольями привёл к себе в квартиру подругу невесты и, пользуясь тем, что она была пьяна, фактически изнасиловал её. Его родные отдыхали в другой комнате. Разве это не циник, не подонок?

И таких жертв только по установленным в суде фактам за Адамовым числилось, кажется, 17. А сколько не установлено? Сколько ещё девушек отказались давать показания по этому деликатному и взрывоопасному интимному вопросу, так как ко времени рассмотрения дела в суде они обзавелись семьями.

Вот на что обратить бы внимание Л. Прошкину. Ведь не таков уж «ягнёнок» Адамов! Вот где нужно искать причины добросовестного заблуждения, которое, возможно, было допущено моим мужем при привлечении к уголовной ответственности О. Адамова.

Расследованием руководил Самохвалов, имевший 30-летний стаж следственной работы. И он всё переложил на мужа. Я повторяла и повторяю: до этого уголовного дела по факту убий-

ства Татьяны Кацуба, мой муж никогда не занимался расследованием убийств, изнасилований, других тяжких преступлений. У моего мужа Валерия Сороко был помощником Валерий Кирпичёнок, который закончил только педагогическое училище. У третьего работника, что занимался этим уголовным делом, — Анатолия Журба — стажёрский срок только что закончился. Не понятно, зачем Прошкин обвинил также начальника линейного милиции Анатолия Волженкова и его заместителя Владимира Бунькова.

Занимаясь проверкой по данному делу, Прошкин обязан был вынести постановление о прекращении уголовного дела за не подтверждением надуманных Адамовым ссылок и обвинений. Но не таков Прошкин, не такое у него кредо, чтобы он, явно видя непреднамеренные ошибки мужа и его помощников, ошибки по неопытности, не раздул их до умышленных, преднамеренных действий «виновных». Создав подобную себе группу карьеристов, Прошкин не занимался установлением истины. Даже не установил главного: «зелёных» и не имеющих опыта в расследовании убийства моего мужа, Кирпичёнка и Журба до этого дела на пушечный выстрел нельзя было допускать. Разве Прошкину и его группе это не видно было сразу?..

Видно, но если бы он согласился с этим, тогда бы Прошкин и его команда лишилась бы возможности пользоваться чудесными природными условиями Витебщины: голубизной и чистотой озёр, дегустацией пресноводных рыб, крепких и креплёных спиртных напитков. Благо, они были сами себе хозяевами. Почему не побездельничать 1,5 года. Почему не провести приятно время с представительницами прекрасного пола? Пусть везде в это время идёт борьба с пьянством и алкоголизмом, на Прошкина и его команду она не распространялась. Почему они не могут в ресторане «Витебск» устроить пьяный дебош, опрокинуть столы, ударить официантку и в итоге оказаться в Железнодорожном РОВД города Витебска? Им, «асам», что

занимаются расследованием дел государственной важности, всё дозволено. А коль так, то у Прошкина невольно вырвался клич, обращённый к братии: «Гуляй, ребята, на всю Витебщину!».

Чур, гулять-то гулять, но при этом следователь-«важняк» ведь и требовал, чтоб подопечные приносили ему макулатуру. Но не ту, что сдают в обмен на книги, а чтобы в ней было упоминание о недоработках работников Витебской транспортной милиции, прокуратуры и моего мужа. И потому трудилась прошкинская братия на два фронта. Первый — по уничтожению спиртного. И как трудилась! У коренного населения Витебщины пересохли языки из-за того, что наделённые большими полномочиями гости исправно уничтожали областные запасы лимитной горючей смеси, то бишь водки и вина. Они поглощались в больших объёмах на берегах чистейших озёр. Вот так гуляла братия. А затем, в пьяном угаре, собрала аж тридцать томов макулатуры, которой Прошкин дал наименование: «тома уголовного дела». Вот этот сбор макулатуры Прошкин и назвал вторым фронтом.

Себя же он видел этаким Наполеоном. Шутка ли: за полтора года безделия путём фальсификации сумел «переломить хребты» пяти честным работникам милиции и прокуратуры, а главное — создал видимость большого объёма проделанной работы. Делал всё, чтобы белорусские правоохранители трепетали, заслышав его фамилию.

Прошу обратить внимание: участник прошкинской группы Рымзин занимался расследованием эпизода в части вменения в вину Адамову фактов систематического хищения песка и в итоге вообще обелил Адамова, признал его полностью не виновным. В суде же сразу всплыло, что Адамов воровал не только песок, но и щебёнку. Вот где была «липа», фальсификация. С этого начинался прямой умысел в фальсификации материалов против моего мужа. Получалось, что выводы Валерия Со-

роко, обосновано вменившего Адамову хищение песка, ни в коем случае нельзя сравнивать с выводами алкоголика Рымзина.

Услуга за услугу! Я тебе прекращаю уголовное дело, а ты в ответ всю грязь надуманных бредовых вымыслов, компромат на обвиняемых правоохранителей. Да, дело на них распухало, но гулять смело ещё было нельзя. Надо ещё как-то состряпать обвинительное заключение, на что-то сослаться, подтвердить показания обиженного Адамова другими доказательствами. И городилось коллективными усилиями в так называемом обвинительном заключении невесть что. Начинали про Фому, не договаривали, заканчивали Ерёмой.

Вместо того, чтобы направить уголовное дело в областной (пусть и не Витебский) суд, Прошкин умышленно направил его в Верховный Суд БССР, лишив тем самым права обвиняемых обжаловать приговор в кассационном порядке. В Верховном Суде БССР разобрались с хитростями и недоработками Прошкина и его дружков: дело возвратили на дополнительное расследование.

Зачем выполнять требования Верховного Суда БССР, решил «ас» следствия, лучше его загнать куда подальше. Ну хотя бы в Ригу! И удалось загнать! Загнать-то загнали, но все домыслы, рождённые во хмелю, лопались в судебном следствии, как мыльные пузыри.

И развернул Прошкин кипучую деятельность по «закреплению доказательств» и «обработке» лиц, вызываемых в суд. Но этой обработки было явно недостаточно, а вот если кто-нибудь напишет, например, статью в «Литературную газету» — вот это будет уже солидное давление. И надавили на печатный рычаг!

Корреспондент «Литературки» присутствовал в судебном заседании только на оглашении обвинительного заключения. Это равносильно тому, что он присутствовал, например, при

распиловке дерева на чурбаны, с которых бондарь мог заготовить дощечки и собрать бочку или эти чурбаны могли попросту пустить на дрова. Разве можно корреспонденту писать, что он был очевидцем, как бондарь изготовил бочку? Разве можно писать о том, чего не знаешь, не видел и из-за этого искажать истину до неузнаваемости? Разве не из-за отсутствия возможности на суде употребить спиртное у Адамова тряслись руки с «элениумом»? Да, мне было не жалко этого тридцатилетнего жеребца, искалечившего жизнь не одной девушки. Зря он корчил из себя невинного страдальца!

Почему же в написанном и опубликованном материале о весьма красноречивых сексуальных похождениях Олега Адамова корреспондент «Литературки» ни словом не обмолвился? Потому, что после этого не было бы жалости и сострадания к этой «жертве следствия».

Где объективность? Адамов три года твердил, что не знает Мочагину. Об этом говорил корреспонденту. Но почему корреспондент не отразил в материале, что Мочагина заявила на судебном заседании, что она знала и знает Адамова? Почему не зафиксировал факт встречи в суде Мочагиной с Адамовым, когда они бросились друг к другу в объятия, стали целоваться?

Прошу главного редактора газеты ответить: чем руководствовался Игорь Гамаюнов при написании своей статьи, опубликованной в номере «ЛГ» за 2 марта 1988 года? Ведь только после завершения суда и вступления приговора в законную силу можно давать оценку действиям подсудимых, ставших осуждёнными, называть их конкретные фамилии. В противном случае возможен повтор «Тени одной ошибки».

К чему разжигать страсти по убийце Михасевичу, убившему более трёх десятков женщин? Для меня это ясно, как Божий день. Потребовалось разжечь страсти, накалить обществен-

ное мнение и выполнить преследуемую цель: спасти Леонида Прошкина от законного возмездия за умышленную фальсификацию уголовного дела и предание суду ни в чём неповинных работников. Поэтому и фамилия председательствующего в судебном процессе по этому делу нашла отражение в этой статье, спасительной для Прошкина. Иначе к чему такая спешка, к чему хвалебные оды? Разве нельзя было дождаться последнего заседания суда, как и положено по закону. Разве закон на И. Гамаюнова не распространяется? Разве нет действительно громких дел для освещения в прессе? Например, злоупотребления и преступления министров и их заместителей, генералов и полковников. Все они причинили колоссальный ущерб государству.

Не те это «герои», не дотягиваются до них руки прессы! Можно ли в один ряд ставить их преступления с добросовестным заблуждением Валерия Сороко и притом по единственному делу, в отношении сомнительной личности — Олега Адамова?..

Произошёл казус. Причём сам Адамов ввёл в добросовестное заблуждение этих стажёров. А фон к тому времени на Витебщине был действительно страшный. Десятки убийств. Вот грязное донжуанство Адамова и ввело в заблуждение моего мужа и других работников.

Потому я 29 февраля и обратилась с жалобой в четыре такие высокие инстанции. В своей просьбе указала, что пресса незаконно, искажая факты, освещала ход следствия. Мои доводы о грубом нарушении законности подтвердились в статье Гамаюнова за 2 марта 1988 года. В этом я вижу давление на суд. Вот такая у нас демократия на бумаге. Такая у нас законность, где даже такая солидная газета подчиняется прошкиным. Иначе я не могу расценивать этот выпад газеты. Всеми правдами и неправдами Прошкин добивается осуждения невиновных.

Я не буду дожидаться реабилитации мужа. Нет смысла, когда у власти такие прошкины. В условиях зарождения гласности и демократии я добьюсь, чтоб правда восторжествовала, чтобы такие прошкины предстали перед судом не в качестве старших следователей по особо важным делам Прокуратуры СССР, а особо важных фальсификаторов. Они должны понести заслуженное наказание за незаконное предание суду невинных людей.

Мой муж, находясь в местах лишение свободы, написал почти 100 жалоб в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета, Прокуратуру СССР и другие высокие инстанции. Но ни одна из них далее Прошкина и уголовного дела не ушла. Почему? У нас есть законы, указы, постановления. В них чётко записано: как и в какие сроки должны быть рассмотрены жалобы. Все жалобы моего мужа, как и в приснопамятных тридцатых годах, «похоронены».

На каждый поставленный мною вопрос, затронутый в жалобе, прошу дать письменный ответ.

Мою вторую жалобу прошу считать официальным прошением на приём к Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу М.С. Горбачёву, или лицу, который контролирует работу правоохранительных органов.

В случае не получения исчерпывающих ответов, я буду вынуждена использовать все официальные и неофициальные возможности для обращения за защитой в комиссию при ООН по правам человека. Хотя обращаться туда мне крайне не желательно. Я не хочу позорить честное имя моих родных и родных мужа. Они награждены за подвиги в Великой Отечественной войне не юбилейными медалями и орденами, а боевыми.

Прошу отнестись к моим жалобам внимательно и не пересылать их по инстанциям.

Л.Н. Сороко
17.03.1988

ОТПИСКИ-«ДУРОЧКИ» ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ ДЛЯ ДУРОЧЕК?

Генеральному Секретарю ЦК КПСС
тов. Горбачёву М.С.,
Председателю Верховного Суда СССР
тов. Теребилову В. И.,
Главному редактору «Литературной газеты» тов. Чаковскому А. Б.,
Партийной комиссии при ЦК КПСС
Сороко Людмилы Николаевны
(г. Минск, ул. Волоха, 9, корп. 2, кв. 36, т. д. 563855)

ЖАЛОБА

29 февраля 1988 года я обратилась с жалобой к Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Генеральному прокурору Союза ССР, Председателю Верховного Суда СССР, главному редактору «Литературной газеты».

Не получив ни уведомления, ни ответа на жалобу, я в эти же инстанции 17 марта 1988 года направила вторичную жалобу с более подробным изложением фактов произвола. Прошёл месяц, второй, но никто не соизволил мне ответить. Вынуждена была на сутки выехать по этому поводу в Москву.

Я не хочу быть голословной и поэтому прошу обратить внимание на то, как крепко пустили корни партийные и иные чинодралы, выскочки, удельные князьки всех рангов и мастей. Что хотят, то и воротят!

В своих жалобах я указала, что моему мужу, Сороко Валерию Илларионовичу, до этого имевшему на своём счету всего два дела по небольшим кражам, было поручено проведение расследования уголовного дела по факту изнасилования с удушением Татьяны

Кацуба. Вместе с ним по расследованию этого дела в группу были включены: оперуполномоченный уголовного розыска ЛОВД на станции Витебск Валерий Кирпичёнок — лейтенант милиции с малым жизненным опытом, образованием, непродолжительным стажем работы в органах внутренних после окончания только педагогического училища, которому впору заниматься делами по самогоноварению. Вместе с мужем расследованием дела по факту убийства Татьяны Кацуба занимался следователь Витебской транспортной прокуратуры Анатолий Журба, также непродолжительное время проработавший на следствии и никогда не занимавшийся расследованием дел по убийствам. Он же возбуждал это дело и вёл по нему расследование.

Вот этой «зелёной» группой по подозрению в убийстве Татьяны Кацуба был арестован Олег Адамов. Он, как установлено в ходе предварительного следствия и суда, сожительствовал с семнадцатью женщинами, вёл развратный образ жизни, находился во время убийства на работе в том же районе, где была изнасилована и удушена Татьяна Кацуба. Эти отрицательные данные личности Адамова послужили основанием к тому, что следователь А. Журба арестовал О. Адамова. Последний признавал себя виновным в убийстве Т. Кацуба, затем отказывался и вновь признавал себя виновным. Уголовное дело направлялось мужем в суд, но возвращалось на доследование. Доследовал дело другой следователь Е. Казаков, и он направил его в суд. Дело вновь изучалось солидными, грамотными юристами.

После осуждения О. Адамова за кражи и убийство Татьяны Кацуба было установлено, что изнасилование с удушением девушки совершил Г.Михасевич, который до этого преступления совершил 35 аналогичных преступлений на территории Витебска и Витебской области. Адамов был оправдан. По данному факту Прокуратурой СССР в лице Л. Прошкина проводилась проверка. В ходе проверки Прошкин возбудил уголовное дело. Не имея никаких доказательств виновности моего мужа, якобы приме-

нившего незаконные методы следствия в отношении Адамова, Прошкин арестовал Валерия Сороко. Арестовывать его не было никакой необходимости. Муж в это время работал в Минске, а трагические события, расследованием которых он занимался, совершены в Витебске. Влиять на ход расследования муж, естественно, не мог, так как в это время трудился в гражданской организации и никуда не собирался скрываться.

Леонид Прошкин с таким большим опытом следственной работы прекрасно видел, что мой муж не имел никакого умысла на незаконное предание суду Олега Адамова, что он был на сто процентов убеждён, что насильником и убийцей является Адамов. В этом были убеждены и авторитетные юристы, которые неоднократно изучали дело, а не только Валерий Сороко.

Коль отсутствует прямой умысел у мужа, то, естественно, нельзя вести и речь о каком-то совершённом им преступлении. Мужу нельзя вменять в вину и халатность, так как по причине малого опыта работы он не «созрел» даже до этого преступления. У мужа, предавшего суду Адамова, было добросовестное заблуждение. И ни больше, и ни меньше!!!

Разве Леонид Прошкин и его помощники, арестовавшие мужа, а затем утвердившие обвинительное заключение в отношении Валерия Сороко и его коллег, не знают, что за добросовестное заблуждение нельзя предавать суду?

Такого нарушителя можно подвергнуть лишь административному наказанию, увольнению с должности, исключению из рядов КПСС, что было сделано прокуратурой БССР ещё до подключения к «витебскому делу» Л. Прошкина.

Ещё раз повторяюсь: после возвращения уголовного дела в отношении О. Адамова из суда оно доследовалось следователем Е. Казаковым. Дело изучалось опытнейшими юристами республики и Белорусской транспортной прокуратуры и после изуче-

ния направлено в суд. Суд осудил Адамова. Таким образом, муж участвовал в расследовании этого дела где-то в середине всего проделанного пути, проделанного следователями и судьями. И возбуждалось, и заканчивалось оно другими следователями. Муж по этому делу был, можно сказать, на побегушках, но это не смутило Прошкина, и он выбрал в качестве жертвы Валерия Сороко.

Выбрал потому, что Сороко разговаривал с ним как коллега с коллегой, без чинопочитания его «важности», раболепия. Моего мужа этому научили родители, семья. Он так поступал всегда, когда был уверен в своей правоте. Правду он отстаивал даже перед Генеральным прокурором. За эту правду ему частенько и попадало. Если бы Л. Прошкин раскрыл трудовую книжку мужа или познакомился с его альбомом, то увидел бы, что поощрений у Валерия значительно больше, чем Прошкин закончил уголовных дел. Отражать это Прошкину — следователю по особо важным делам по должности и обвинителю по своим наклонностям — в материалах было не выгодно. Я не буду повторяться о ходе расследования, проводимого Л. Прошкиным, об этом уже рассказывала в своих жалобах от 29 февраля и 17 марта 1988 года, которые в копиях вновь прилагаю во все инстанции и на которые мне даже не соизволили дать ответа, если не считать двух «дурочек», сварганеных Е. Хрусталёвой из «Литературной газеты» и А. Фроловым из Прокуратуры СССР.

Для того, чтобы мне дать ответ ни о чём на пяти строчках, «ЛГ» в лице надомницы Е. Хрусталёвой понадобилось свыше двух месяцев! Она, похоже, переняла опыт, о котором рассказывали по «Прожектору перестройки» — гонять «дурочку», то есть умышленно отвечать не о том, о чём спрашивают, а совсем другое, что взбредёт в голову. Разве я просила помощи у «ЛГ» в части осуждения мужа? Я семь лет готовила акты документальных ревизий, изобличая матёрых преступников-хищни-

ков. Разве я не знаю, что «ЛГ» не решает вопросы правосудия? Я от «Литературки» требовала ответа на вполне конкретные вопросы: кто дал право её журналисту Игорю Гамаюнову разглашать вопросы следствия, называть вину подсудимых, не дождавшись вынесения приговора судом? Разве это не прямое давление на суд? Где здесь социалистическая законность, за соблюдение которой ратует на своих страницах газета?

Во второй своей жалобе я жаловалась главному редактору «ЛГ» А. Чаковскому (которого уважаю за его талантливые книги) на его подчинённого заведующего отделом коммунистического воспитания И. Гамаюнова, который допустил неоднократные нарушения не только журналистской этики, но и элементарных человеческих норм. Не может он после таких статей работать в «Литературной газете», к которой я отношусь с большим уважением.

До нашей семейной беды, то есть до ареста мужа, я считала, что в центральной прессе работают квалифицированные специалисты, и они знают, о чём и как пишут. Но сейчас в этом сомневаюсь. Я вижу, что в центральной прессе встречаются непорядочные журналисты, которые смакуют всякую криминальную грязь, которая толком не исследована ни ими, ни правоохранителями.

Так, в октябре 1987 года Игорь Гамаюнов поприсутствовал (а в основном проспав с дороги) на оглашении обвинительного заключения по уголовному делу Валерия Сороко и других. Ему было невтерпёж написать обвинительную статью, и он не стал дожидаться, пока суд поставит точку в этом деле, объявит приговор. А дождаться его непременно следовало, так как суд скрупулёзно исследовал и одно за другим отбрасывал бредовые обвинения Прошкина. Фактов преступления не было и не могло быть. Они были только в фантазии Прошкина. Что-то уж долго рассматривает дело в суде, решил Гамаюнов, и тиснул статью

в газету! Да эту публикацию нельзя назвать и статьёй — это настоящее статьище с уничтожающим всё живое названием статьи: «Метастазы» («ЛГ» от 2 марта 1988 года).

Если внимательно проанализировать все факты и во всём скрупулёзно разобраться, то в итоге можно будет сделать такой вывод: это газетное «творение» и подобно метастазам, раковой опухоли.

Видимо, в том, что «матёрые преступники» будут осуждены к длительным сроком наказания, И. Гамаюнов не сомневался. Ведь весь стол в латвийском Верховном Суде завален томами уголовного дела. И их, кажется, аж тридцать! А так как был найден удачный журналистский ход, то очень хотелось вставить фитиль коллегам — опередить всех и изложить в подробностях факты, которые другие ещё изложить не успели.

Если очень чего-то хочется, то и преграды преодолеваются. И вот опубликована одна преждевременная статья, затем и другая... А приговора на выбивальщиков признаний от обвиняемых нет и нет! Звонил Гамаюнов неоднократно в Ригу из Москвы, а также в союзные инстанции, но нельзя добиться вразумительного ответа, когда же наконец-то объявят длительные сроки наказания «выбивальщикам». И вот наконец поступило долгожданное сообщение: 11 апреля 1988 года в Риге будет вынесен не подлежащий обжалованию приговор.

К этой дате И. Гамаюнов приехал в Ригу. И вот начали оглашать приговор... Именем Латвийской Советской Социалистической Республики Верховный Суд постановил:

Анатолия Волженкова — оправдать, как невиновного в предъявленном ему обвинении. Владимиру Бунькову назначить 1,5 года условно, т.е. никакой необходимости не было его содержать под стражей больше полутора лет. Валерий Кирпичёнок также получил 1,5 года условно, выходит, и его не было никакой необходимости содержать под стражей. Анатолия Журба суд вообще

освободил из-под стражи с учётом отбытых им в неволе полутора лет.

А Валерия Сороко, моего мужа, суд приговорил к четырём годам лишения свободы. Его сделали крайним в этом неоднозначном деле. Кого-то ведь нужно оставить за решёткой, чтоб сохранить остатки реноме и авторитета «важняку» из Москвы. Не садить же в тюремную камеру самого Л. Прошкина с его командой за их очевидно фальсифицированные труды.

После оглашение приговора И. Гамаюнов (я это видела своими глазами) поначалу не мог вымолвить и слова, отнялась речь от неожиданности. Он потерпел фиаско. Так опростоволоситься!!!

Что же делать? Как выйти из этого затруднительного положения? И Гамаюнов нашёл выход. Кивком головы он подал условный сигнал матери бывшего осуждённого Адамова, и та стала сыпать такой бранью, что ей позавидовали бы запорожские казаки, писавшие письмо турецкому султану. Адамова видела, что все притихли от её криков, что сын зажал уши, что-то стал показывать ей жестом. Подсказывал, что делает она что-то не так, как её учили, но остановиться эта женщина уже не могла, так как вошла в раж.

Телевизионщики, присутствовавшие в зале, включили свою осветительную аппаратуру, сосредоточились на возмутительнице спокойствия. Снимать подсудимых, многие из которых так и не стали полноценными осуждёнными, было нельзя. Один из них, оправданный Волженков, улыбался, по-своему внимая всей этой постановочной комедии. Журба благодарил суд, что он наконец-то расставил все точки над «i». Анатолий радовался, что в качестве не арестованного, как до этого, а свободного человека он может наконец покинуть зал, где воздух в течение семи месяцев судебного следствия буквально пропитался бредом Прошкина, прущим из его фальсификационных томов.

А у Валерия Сороко застыла горькая улыбка на губах. В глазах чётко сфокусировался прямой вопрос, обращённый к суду: «Что же происходит? Разве в наше время такое возможно?! Разве можно осудить невиновного?!»

Можно, говорил всем своим видом И. Гамаюнов. Он после некоторого замешательства уже пришёл в себя и жестом показывал оператору на объект съёмки, то бишь на меня. Я представляла интерес, так как посмела жаловаться на него и на Прошкина. И Гамаюнов решил в своём киношном сценарии запечатлеть моё горе, мои слёзы и беспомощность при этой инквизиции над моим мужем. Хотя в Риге и не было костра, орудия пыток. Но остального было предостаточно!!! На мои прямые вопросы к Гамаюнову: «Что Вы себе позволяете? Кто Вам дал право снимать меня, если я этого не хочу?» он не отвечал, а вращался вокруг «волчком». Всем своим видом показывал, что он тут не причём. Мол, это затея оператора, который снимает по своей инициативе. А Адамова к этому времени уже исходила пеной...

Вот почему я обратилась в «ЛГ», к главному редактору А.Чаковскому. Я задала волнующие меня вопросы и прошу на них ответить сейчас. В их числе и такие. Почему о развратной жизни О. Адамова И. Гамаюнов в своих статьях не обмолвился и словом? Где же была его журналистская объективность?

То, что московский журналист работал по заказу, я почувствовала при личном общении с ним. Он задал мне вопрос о карьеризме мужа. Получил от меня такой ответ: «О каком карьеризме следователи и журналисты могут вести речь, если Валерий неоднократно пытался уволиться из прокуратуры?! Гамаюнов не счёл нужным дальше разговаривать со мной на эту тему, проверить действительно ли муж обращался в конкретные организации с просьбой о трудоустройстве в тот период, когда сам работал в прокуратуре. Разве можно вести речь о карьеризме Валерия? Разве может надомница Е.Хрусталёва отвечать на

мою жалобу в отношении заведующего отделом «Литературной газеты» И. Гамаюнова?

Помощник Генерального прокурора СССР старший советник юстиции А. Фролов — человек, дослуживший до высокого чина полковника, также решил погонять «дурочку», как и «ЛГ» в лице Е. Хрусталёвой. Его ответ поступил мне после того, как я дозвонилась до союзной прокуратуры и пообещала, что игра в молчанку, затеянная её сотрудниками, в применении ко мне у них не пройдёт. И тогда мне соизволили ответить. Этот ответ я и привожу.

Председателю Верховного Суда
Латвийской ССР
копия — гражданке Сороко Л.Н.
(г. Минск, ул. Волоха, 9, кор. 2, кв. 36)

14 апреля 1988 года, № 18/58403 — 86.

Согласно ст. 217 УПК РСФСР направляется жалоба гражданки Сороко Л.Н. по делу её мужа Сороко В. И., находящегося в производстве Верховного Суда Латвийской ССР.

Приложение: на десяти листах первому адресату.

Помощник Генерального Прокурора СССР
старший советник юстиции *А.В. Фролов.*

Обратите внимание: ответ был датирован 14 апрелем 1988 года, а я получила его лишь 19 мая 1988 года. Т. е. помощник Генпрокурора, скорее всего, выслал мне это послание задним числом после моего телефонного разговора в мае в Москве. Иначе этот ответ надо было везти не черепахе.

Обратите внимание, что этот прокурорский чиновник ни на один мой вопрос ответа так и не дал. А. Фролов отлично знал об окончании суда по этому делу, знал, что приговор оглашён 11 апреля 1988 года, и поэтому никак нельзя было направить мою жалобу в Верховный Суд Латвийской ССР. Но он всё же «отфутболил» её. Хотя я жаловалась на прокуратуру Союза, именно на Прошкина, который наломал дров в Витебске. На Верховный Суд Латвийской ССР я не жаловалась. Разве Верховный Суд этой прибалтийской республики несёт ответственность за все преступления, сотворённые Прошкиным? Для какой надобности надо было направлять мою жалобу в Ригу после того, как мужа уже осудили? Я ведь написала в Прокуратуру Союза о всех безобразиях, допущенных Прошкиным при расследовании дела, в ходе судебного разбирательства, о его фальсификаторских способностях, о его моральном падении. Писала, что один из его подчинённых в ходе пьянки в номере гостиницы пропил своё удостоверение работника прокуратуры. Разве это не заслуживает внимания?..

В ближайшее время, при предоставлении мне отгулов, я приеду в Москву и постараюсь встретиться с А. Фроловым и с другими работниками. У меня будет конкретный разговор с каждым. Не хочу, чтобы они и дальше упражнялись в отписках-«дурочках».

Сейчас я приступаю к анализу обвинительных пунктов, оставленных мужу, а их было тридцать. Двадцать из них исключены, как надуманные, как не доказанные. Подлежат немедленному исключению и остальные.

1. Валерия Сороко обвинили в незаконном задержании Самсонова.

Протокол о задержании этого подозреваемого составил оперуполномоченный уголовного розыска Гетманчук, утвердил и поставил печать на этот протокол бывший начальник ЛОВД ст. Витебск Шнеев. Муж только допросил Самсонова, применил

по отношению к нему опознание. Потерпевшая его опознала как насильника. А Валерий Сороко всё равно освободил этого подозреваемого, так как одного этого опознания было не достаточно для ареста. Ведь женщина могла и ошибиться при опознании.

Тем не менее, моему мужу вменили в вину незаконное задержание Самсонова на том основании, что он дал устную команду задержать последнего. Является ли устная команда основанием обвинять мужа? Только письменное указание работника прокуратуры обязательно для исполнения сотрудниками милиции. И то не каждое (задержание, арест, предъявление обвинения). Не давал В.Сороко ни письменного, ни устного указания на задержание Самсонова. Прямой свидетель Гетманчук на допросе в суде заявил:

— По указанию Шнеева я задержал Самсонова. Я спросил у Шнеева: по каким мотивом задерживать? Указания от Сороко задержать Самсонова не было.

Это отразил протокол судебного заседания, лист 180. Прошу этот эпизод исключить из обвинения В. Сороко, так как даже при наличии письменного указания (а такого нет) нельзя было вменять мужу незаконное задержание Самсонова.

Гетманчук также заявил, что в то время следственно-оперативной группой по раскрытию убийства руководили: Самохвалов, Елисеев, Домашевский. Именно они давали распоряжение идти к Шнееву и решать вопрос о задержании Самсонова. Как же можно мужу вменять этот эпизод, основывая обвинения на показаниях Шнеева, который ссылается на то, что мой муж мог дать ему указание задержать Самсонова?

2. Мужу вменено, что он принуждал Самсонова к даче показаний. Это крайне абсурдно со стороны следствия Прокуратуры СССР, так как ни сам Самсонов, ни его свидетели, ничего такого в судебном заседании не говорили (см. т. 14 л. д. 1–15, 181–184, 186 протокола судебного заседания).

Чем же руководствовался суд, оставив в силе бред Прошкина?

3. Почему мужу вменен арест О. Адамова, когда его арестовывал следователь Журба? Его же подпись на постановлении. Если советовался, к примеру, и муж дал такой совет, то это не значит, чтобы его можно сжечь, если муж мог такое посоветовать. Как же можно вменять мужу незаконный арест О. Адамова?

Заместитель Белорусского транспортного прокурора Самохвалов пояснил:

— Сороко не обращался ко мне по вопросам ареста. Адамова не он арестовывал.

Поэтому прошу исключить, как и предыдущие, этот явно надуманный пункт обвинения. Если мужу вменять незаконные факты ведения следствия в отношении Адамова и Самсонова, то как тогда расценить незаконные методы следствия со стороны Прошкина, Сухарева, Кирсанова? Это достоверно установлено Верховным Судом, исключившим 20 пунктов только из предъявленного мужу обвинения. И, спрашивается, что это были за командировки следователей в Ригу, когда расследование дела велось уже судом? Неужто этот новый метод внедрен в Прокуратуре СССР?

4. Мужа обвинили, что якобы по его инициативе следователь Журба изготовил ложное заключение судебно-биологической экспертизы. Этот следователь по возрасту старше Валерия. И если Анатолий изготовил что-то недозволенное, то с него и должен быть спрос. К тому же административный спрос, а не уголовный. Но эти действия следует расценить, как проверку Адамова на виновность или невиновность. Ведь эта «липа» не приложена к уголовному делу.

Прошу из вины мужа этот надуманный факт исключить. Он возник по инициативе Прошкина, обманным путём обещавшего освободить Анатолия Журба освободить из-под стражи до суда.

5. Валерию Сороко вменено в вину и то, что якобы он предъявил Адамову ложные результаты судебно-медицинских экспертиз. Если и предъявил, то только с целью убедиться в его виновности или невиновности. Правдиво или неправдиво обвиняемым писались признательные показания. Но это такой же оговор, как и 20 исключённых пунктах. Прошу исключить этот пункт.

6. Суд подтвердил угрозу В. Сороко О. Адамову неблагоприятными последствиями. А как тогда расценить заявление Олега в той части, что он вешался, но не смог показать суду, как он это делал. И суд этот эпизод исключил. Но почему тот же суд не учитывает постоянную лживость Адамова, которую почему-то нельзя проверить. Поэтому и оставляет он вину Валерия Сороко. Разве можно необоснованно что-то вменять?

7. Судом оставлена мужу вина в незаконном задержании Адамова. Но он задерживал Адамова не как самогоноизготовителя, а как подозреваемого в совершении тягчайшего преступления. В то время по всему Союзу действовала статья, позволяющая до трёх суток задерживать лиц, подозреваемых в таких диких преступлениях. Разве муж ввёл самовольно новшество в законодательство? Ведь перед ним (а он был в этом убеждён) находился опасный преступник: вор, развратник, насильник и убийца. Разве правильно Сороко привлекать к уголовной ответственности?

8. Судом вменено также, что Валерий Сороко оказывал психологическое воздействие на Адамова. Муж был искренне убеждён, что перед ним преступник. И как мог разъяснял ему ответственность за его деяния, смягчающие или отягчающие моменты. Убеждена в том, что муж делал это в корректной форме. Даже если Адамову и было сказано, что его поместят в психбольницу, то, видимо, у мужа были основание это говорить. Потому что Адамов часто менял свои показания. А что, позвольте спросить, мог делать следователь при таком поведении подозреваемого?

Хотела бы я видеть действия обличителя мужа, если бы кто-то из его родственников оказался бы жертвой в такой ситуации! Обелил бы он следователя-размазню, который сюсюкает с подозреваемым? Что в такой ситуации было делать моему мужу? Если даже он и сказал обвиняемому: «Пусть тебя посмотрят врачи-психиатры», то сразу стал преступником?

Просто всё это Адамову внушил Прошкин со своими подручными. Ни грамма им веры!

И поэтому прошу и этот бред зомбированного Адамова исключить полностью из обвинений В. Сороко.

9. Мужу вменена подделка документов. Якобы он подписал протокол за понятого. Разве это подделка, когда следственное действие выполнено, когда оно реально произведено и муж только расписался за понятого? Разве это не дисциплинарный поступок?

10. Вершиной всего неправильного ведения предварительного следствия, судебного разбирательства явилось обвинение мужа в карьеризме. Прошкин не побывал ни на одном предприятии, где работал муж. А мой муж работал отлично. Ещё в те времена говорил бюрократам всю правду о них. Можно смело сказать, он был человеком, который всем сердцем чувствовал перестройку, её цели и задачи. Муж и в мыслях не допускал карьеризм. Он служил истине. О каком карьеризме может идти речь, когда он несколько раз делал попытку уволиться из прокуратуры? Но Прошкин и слушать не захотел, чтобы проверить, куда собирался муж пойти на работу после увольнения из прокуратуры. Свои карьеристские взгляды на жизнь Прошкин перенёс в обвинительное заключение, пытаясь приписать свои слабости моему мужу. Поговорка не зря гласит, что каждый судит о другом в меру своей распущенности!

Я верю мужу как себе. Он не чета пьянице и карьеристу Прошкину. Мой муж никогда не курил и не пил. Для меня и для детей

был, есть и будет добропорядочным, трудолюбивым семьянином. Ни одного свидетеля Прошкин не допросил, с целью изучения личности мужа. Да и некогда ему было делать это, ибо сам был занят борьбой с «зелёным змием». Я в то время находилась в Витебске — проводила документальную ревизию и неоднократно встречала «братию» Прошкина, которая возвращалась в отдельные номера с триумфом после побед над «змием».

Трижды переносился процесс судебного заседания на длительные сроки. Чем это объяснить? Прошу ответить на это суд и прокуратуру. Я же убеждена в том, что со стороны суда была попытка отбросить, возвратить дело на доследование. Но кто-то настоял на обратном. Я убеждена в насилии вышестоящих начальников над Верховным Судом Латвийской ССР.

Выражаю благодарность товарищу Борису Аркадьевичу Кабанову за его человеческое отношение к подсудимым при рассмотрении данного дела. Оно ведь сверхсложное. В нём написано столько бреда, что, может, и ста мудрецам не в силах разобраться. Я убеждена, что приговор Верховный Суд Латвийской ССР вынес не по своему внутреннему убеждению, а под воздействием коллегиального давления на него вышестоящими лицами, чинодралами, укрывателями истины.

Одним из фундаментальных юридических принципов является презумпция невиновности. «Человек не виновен, пока не доказано обратное» — вот самая общая формулировка её, закреплённая международными пактами о правах человека и нашей Конституцией (ст.160), процессуальными законами.

Обвинитель должен доказать вину обвиняемого в преступлении, а не обвиняемые — свою невиновность. Все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Лучше освободить десять виновных, чем осудить одного невиновного. А что мы видим на практике?

Чтобы не предавать суду фальсификатора из Прокуратуры СССР, нашли крайнего — Валерия Сороко, посадили его.

Отсутствует система персональной ответственности за качественное расследование уголовных дел. И всё это приводит к вопиющим фактам нарушения законности в отношении моего мужа, в отношении других таких жертв.

Сравните: при царизме судили политических, государственных преступников, их ссылали в ссылку, с ними ехали жёны, если они этого желали.

Я же после осуждения мужа и спустя месяц не знаю, где он и что с ним. Прибыла в Ригу, в тюрьму КГБ, где его держали как государственного преступника. Здесь не могла узнать: где же муж? Мне только пояснили, что мужа увезли, а вот куда — не знают или не хотят говорить. Как выяснилось, его перевели в тюрьму МВД Латвийской ССР. Кроме того, мне стало известно, что копию приговора моему мужу вручили не в трёхдневный срок, как положено в соответствии со ст. 239 УПК БССР, а только через 36 дней! А протокол судебного заседания — и вовсе через сорок три дня!

Кто позволил это уголовное дело засылать в Ригу? Разве прокуратура не знала материального положения Сороко, который, как и его жена получали в месяц по 150 рублей, т.е. 300 рублей на семью. Знала, но видела и другое: дело шито белыми нитками, и боялась передать его тому, кто его объективно рассмотрит и обязательно возвратит на доследование для установления истины, не пойдёт на поводу бредовых домыслов.

Почему мне не сообщили, какие меры приняты к следователям-фальсификаторам? Прошу Прокуратуру снизойти до ответа и опровергнуть меня, сообщив, что никаких пьянок, дебоша, разврата за ними не водилось. И если я в чём-то не права, то я извинюсь сразу же!

Сколько раз находился Прошкин в Риге со своими помощниками с октября 1987 года по 11 апреля 1987 года! Именно в это

время рассматривалось дело моего мужа. Есть номера приказов и даты командировочных удостоверений.

Прошу сообщить: является ли это дело исключительным? Разве Генеральным прокурором Рекунковым продлялся срок расследования? А, может, его продлили самозваные «рекунковцы»?

Влиял ли мой муж на следствие, убегал ли, разве он не являлся на допросы? Нет и ещё раз нет! Тогда какие мотивы были для применения к нему исключительной меры пресечения, то бишь — ареста? Хочу знать: кем был арестован муж и кто утвердил обвинительное заключение?

На каком основании член прошкинской следственной группы Рымзин прекратил против Адамова уголовное дело, возбуждённое по фактам хищения им щебня, песка?

Почему гособвинитель Мартисон, видя, что в суде не имеется вообще никаких доказательств в отношении 20 пунктов по предъявленному обвинению Прошкиным, вдруг заявил, что он не исключает ни одного из пунктов предъявленного обвинения. Что это? Неграмотность? Скорее всего, он зашёл в тупик от домыслов Прошкина и настроился на свободное течение суда. Как будет, так и будет.

Ответ мне прошу выслать каждую инстанцию, в том числе и отдел писем ЦК КПСС в установленный законом срок. На каждый поставленный в жалобе мною вопрос прошу дать письменный ответ. Эту третью мою жалобу прошу вторично считать официальным прошением на приём к Генеральному секретарю КЦ КПСС М.С. Горбачёву или к лицу контролирующему работу правоохранительных органов.

В случае не получения ответов на мои вопросы буду вынуждена использовать все официальные и неофициальные каналы для обращения в комиссию при ООН по правам человека. Мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Но не могу допустить, чтобы и дальше позорили честное имя моего мужа, имя

моих родных и родных мужа, награждённых за подвиги в Великой Отечественной войне не юбилейными медалями и орденами, а боевыми. Об этом я уже писала дважды.

Верховный Суд совместно с Прокуратурой Союза могут в порядке надзора проверить это дело. Прошу немедленно освободить мужа из-под стражи. В крайнем случае, дело возвратить на доследование, изменив моему мужу меру пресечения.

Л.Н. Сороко

Генеральному Секретарю ЦК КПСС
Горбачёву М.С.
Партийной комиссии при ЦК КПСС
Председателю Верховного Суда СССР
Теребилову В.И.
Генеральному Прокурору СССР
Сухореву
Главному редактору «Литературной газеты» Чаковскому А.Б.
Сороко Людмилы Николаевны

ЖАЛОБА

20 июня 1988 года я снова прибыла в Москву, чтоб не по почте, как ранее, а лично в руки представителям высоких инстанций вручить свои жалобы повторно в копиях за № 29 — 2 от 17 марта 1988 года и непосредственно за 20 июня 1988 года. На жалобы за февраль, март не получила ни ответа, ни уведомления, что они получены. После вручения жалоб в Верховном Суде СССР мне пояснили, что они будут рассмотрены Верховным Судом Латвийской ССР.

Я категорически возражаю против рассмотрения моих жалоб этой инстанцией. Ибо Верховный Суд Латвийской ССР своё слово уже сказал и вынес моему мужу приговор. И поэтому не-

зачем его в четвёртый раз душить, чтобы он признавал свои ошибки. Расшифровываю, что у него нет ошибок. И тот факт, что из обвинения моему мужу, состоящему из 30 абсурдных пунктов, он оставил только десять, я воспринимаю как невозможность противостоять сверхмощному давлению Москвы. То есть Верховному Суду и Прокуратуре СССР. Я склоняюсь к тому, что при рассмотрении уголовного дела в Риге было совместное, сверхмощное давление Верховного Суда СССР, Прокуратуры СССР, свою лепту внесла и «Литературная газета».

В 1937 году было вполне достаточно одному или двум лицам заявить, что, например, Иванов, Петров — враги народа и тут же они исчезли. Годы спустя их кости обнаруживали при раскопках, например, на берегу Енисея.

Прошло полвека после чудовищного тридцать седьмого года, и завели уголовное дело на моего мужа. Может, наученные горьким опытом, оценку доказательств вины моего мужа правоохранители и судьи проводили по новому демократическому варианту?

Как бы не так! О. Адамов, обелённый группой фальсификаторов, дал пищу Л. Прошкину для составления обвинения в отношении В. Сороко из 30 пунктов. Они лопались в суде, как мыльные пузыри. Так как их можно было проверить в судебном заседании, то суд добросовестно выполнил эту проверку, тем самым удовлетворил ходатайство обвиняемого. Именно это позволило раскрыть всю несостоятельность обвинения мужа по двадцати пунктам.

Но каждый третий «пузырь» так и не лопнул. По той причине, считаю, что на него давила Москва, суд не сполна выполнил законные требования подсудимого. Вот и вынуждена я сейчас констатировать: мало что в правовой сфере изменилось за 50 лет.

Шумят о внимательном отношении к рассмотрению писем, заявлений, жалоб трудящихся. Есть же об этом союзное постановление и не одно. А как же расценить, что даже отдел писем ЦК КПСС не соизволил мне сообщить, что мои письма, посланные в Центральный комитет партии, получены. Разве ЦК не должен был потребовать объяснений от фальсификаторов и пьяниц из Прокуратуры Союза ССР и как положено с ними разобраться? Ведь я просила, умоляла обратить внимание на этот садизм и на стадии предварительного следствия по делу, и на стадии судебного следствия. И что же? Я получила лишь ответы-«дурочки». (Их я прилагаю к копиям этих жалоб). Пожалуйста, оцените. Если я не права, то готова немедленно нести уголовную ответственность за клевету на представителей таких высоких инстанций.

Требую немедленного возбуждения уголовного дела за явную, очевидную и умышленную фальсификацию уголовного дела, состряпанного работниками союзной прокуратуры. Они расследованием не занимались, а пьянствовали, в ресторане гостиница «Витебск» опрокинули столы, ударили официантку. И эти падшие люди остаются до сих пор неуязвимыми для критики. Требую немедленного реагирования на мои жалобы за 29 февраля, 17 марта, 28 июня 1988 года.

Не следует беспокоить Верховный Суд Латвийской ССР, который трижды советовался с вышестоящим судебным органом по вопросам возвращения дела на дополнительное расследование и изменения меры пресечения. В этом я убеждена, иначе чем можно объяснить тройные длительные перерывы в судебных заседаниях. Причём это наблюдалось даже на начальной стадии судебного следствия в 1987 году. Кажется, около 30 суток в общей сложности составил перерыв в судебных заседаниях. Следовательно, были оговорены и оценены все бредовые обвинения. Суд Латвии видел сразу, что в деле нет надежных доказательства, а есть только, как говорит-

ся, тень на ветхий плетень. Найти выход из этого «бермудского треугольника» без скандала он не мог, так как вмешалась пресса, Постоянно организовывались всякие брифинги и пресс-конференции, на которых ответственные лица заявляли о нарушении законности на Витебщине. Кроме того, невиновные сидели длительное время под стражей. А поэтому, по вашей (московской) подсказке, и было латвийским судом принято своеобразное соломоново решение. Оно выразилось в том, что Валерию Сороко из каждых трёх пунктов обвинения оставить один. В итоге десять абсурдов, ничем не подтверждённых, которых невозможно было проверить в суде, оставили в приговоре.

О. Адамов мог заявить, что В. Сороко виновен в чернобыльской катастрофе, и Л. Прошкин, как я подозреваю, с превеликой радостью вменил мужу и 31-ый пункт «обвинения». Так было и в тридцать седьмом году.

Будь моя воля, я бы Бориса Аркадьевича Кабанова, председательствующего на этом судилище, за то, что он трижды прерывал суд и советовался с Москвой, терпеливо искал приемлемый для всех способ выхода из правового тупика, направила на работу в Верховный Суд СССР. Чтобы он мог бы самостоятельно, без давления, решать судьбы людей по закону, не подчиняясь всяким там вышестоящим чиновникам. Я верю, что у него есть честь, ум, компетентность, совесть. В это верят не только осуждённые, но и все честные свидетели, участвовавшие в судебном процессе. Человек на своём месте, но под свинцовым колпаком, а поэтому не может руководствоваться только своими убеждением и мнением. И вынужден идти против своей воли, подчиняться коллегиальному давлению сверху.

Видела, как мучительно тяжело было Б. Кабанову рассматривать пьяный бред Прошкина на протяжении этих семи месяцев. Поэтому прошу «ошибку» Верховного Суда Латвийской ССР

исправить Верховному Суду СССР и именно тому лицу, который и оказывал это давление.

Если будут возражения, тогда обратите внимания на даты командировок в Москву Бориса Аркадьевича.

В процессе судебного разбирательства мужем заявлены ходатайства, которые он перечислил в своей жалобе на приговор от 11 апреля 1988 года. Разве они могут быть отклонены?

20 июня 1988 года я не смогла обойти все инстанции — попала только в приёмную Верховного Суда СССР. Поэтому вновь заказным письмом, с уведомлением, направляю свою жалобу за 20 июня1988 года с приложенными к ней обращениями 29 февраля, 17 марта и 23 июня каждому из адресатов. Прошу оценить их: справедливы ли были мои просьбы, жалобы и подтвердились ли они в суде.

Каждому из адресатов прошу дать мне ответ по касающихся их вопросам, связанным с немедленным освобождением мужа из-под стражи.

Я в четвёртый раз повторяю, что в действиях мужа нет никакого умышленного состава преступления. А на него повесили всех дохлых собак. В действиях мужа есть формальный состав халатности, то есть преступления, предусмотренного ст. 168 УК БССР. Это можно вменять чуть ли не каждому должностному лицу, причастному к этой истории. В том числе и тем, кто прислал не ответы по существу на мои жалобы, а «дурочки».

Я буду постоянно жаловаться, добиваться правды и справедливости до тех пор, пока хватит сил и здоровья, пока могу держать перо в руках.

Независимо от исхода дела я буду постоянно добиваться приёма меня Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачёвым или лицом, контролирующим в стране работу правосудия, прессу.

Если я не получу вызова на приём, то попытаюсь все свои жалобы, обращения мужа и других осуждённых передать в комиссию по правам человека при ООН.

Хватит! Доизучались! 29 октября 1988 года будет уже два года, как мой муж томится в следственных изоляторах и тюрьмах КГБ как государственный преступник. Все жалобы по этому чудовищному делу необходимо немедленно проверить, пунктуально выверить все доказательства и дать им правовую оценку. И не подстраиваться под «так надо»! Нужно найти справедливый выход!

Л.Н. Сороко
28 июня 1988 года

Один за одним — из Москвы и Риги — пришли три ответа.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
103793, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а
16. 06. 87. № 18/58403-86
Гражданке Сороко Л.Н.
БССР 220000 г. Минск, ул. Волоха, д. 9, корп. 2 кв. 36.

Прокуратурой Союза ССР рассмотрено Ваше заявление о необоснованном привлечении к уголовной ответственности мужа — Сороко В.И.

Мера пресечения в отношении его в виде заключения под стражу избрана в силу тяжести совершённого преступления. Его вина подтверждается собранными доказательствами по делу. Оснований для изменения меры пресечения Сороко не имеется.

Помощник Генерального прокурора СССР
старший советник юстиции *А.В. Фролов*

ПРОКУРАТУРА
Латвийской Советской
Социалистической Республики
226158 г. Рига, бульвар Райниса, 9
13. 09. 1988 №12/304-8
Сороко Л.Н.
г. Минск ул. Волоха, 9, кор. 2, кв. 36

На Ваши жалобы, адресованные в разные инстанции и поступившие из Прокуратуры Союза ССР, сообщаю, что руководством Прокуратуры Латвийской ССР на основании ст. 376 УПК Латвийской ССР, подготовлен протест, в котором ставится вопрос об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

В связи с этим доводы, изложенные в жалобах, в настоящее время не представляется возможным проверить.

После рассмотрения протеста Вам будет дан ответ на все доводы, указанные в жалобах.

Начальник отдела по надзору
за рассмотрением уголовных дел в судах
старший советник юстиции *О.П. Шабанскас*

ПРОКУРАТУРА
Латвийской Советской
Социалистической Республики
226158 г. Рига, бульвар Райниса, 9
22. 11.1988 №12/304-88
Сороко Л.Н.
(г. Минск, ул. Волоха, д. 9, к. 2, кв. 36)

Ваши жалобы по делу мужа, адресованные в разные инстанции и поступившие из Прокуратуры Союза ССР, в порядке надзора проверены.

Установлено, что В. Сороко, работая прокурором следственного отдела Белорусской транспортной прокуратуры, расследуя уголовное дело, из карьеристских побуждений принуждал подозреваемых Самсонова и Адамова к даче показаний путём применения угроз и издевательства над личностью допрашиваемых.

Кроме того, он незаконно задержал указанных лиц в качестве подозреваемых, а также заведомо незаконно заключил под стражу Адамова и совершил служебный подлог.

За эти преступные действия он обосновано осуждён.

Вина Сороко доказана показаниями потерпевших Самсонова, Адамова, свидетелей Самсоновой, Гетманчука, Шнеева.

Судебной коллегией обосновано отвергнута версия Сороко о непричастности его к задержанию Самсонова в качестве подозреваемого.

Материалами дела также установлено, что, решая вопрос об аресте Адамова, Сороко знал, что признание Адамова получено под принуждением.

Доказательства вины Судебной коллегией исследованы и правильно оценены. Оснований для отмены приговора в отношении В. Сороко не имеется.

Заместитель Прокурора Латвийской ССР
старший советник юстиции *А.К. Рейниекс*

ЗВАРОТ ПІСЬМЕННІКА,
старшыні Літаратурнага фонду Рэспублікі Беларусь Анатоля Жалязоўскага да старшыні Вярхоўнага Суда Рэспублікі Латвія Андрыса Буянса

Паважаны спадар А. Буянс!

Літаратурны фонд Рэспубікі Беларусь лічыць сваім абавязкам выступіць у абарону гонару і годнасці правоў члена Саюза пісьменнікаў Беларусі Валерыя Сарокі. У 1986 годзе грамадзянін Беларусі Валерый Сарока быў асуджаны Вярхоўным Судом Латвійскай ССР, што супярэчыла законам былога Савецкага Саюза, БССР і Латвійскай ССР. Незаконнасць асуджэння пацвярдзіў 28 лютага 1994 года Пленум Вярхоўнага Суда Латвіі, адзначыўшы: «Вярхоўны Суд Латвійскай ССР у парушэнне нормаў крымінальна-працэсуальнага закону незаконна прыняў да вытворчасці справу іншай суверэннай рэспублікі, і пры разглядзе яе прымяніў законы гэтай жа дзяржавы — Беларускай ССР...

Акрамя таго, разглядамі справы Вярхоўным Судом Латвійскай ССР былі парушаны правы абвінавачваемых.

Артыкул 4 Крымінальнага кодэксу Латвіі, які вызначае дзеянне крымінальнага закону на тэрыторый Латвійскай Рэспублікі і за яе межамі і артыкул 23 Крымінальна-працэсуальнага кодэксу у адносінах грамадзян і асоб без грамадзянства, выключаюць магчымасць разгляду крымінальных спраў у адносінах грамадзян іншых дзяржаў, здзейсніўшых злачынства на тэрыторыі іншых суверэнных дзяржаў.

Такім чынам, незразумела, чаму Вярхоўны Суд спыніўся на паўдарозе: прызнаў незаконнасць асуджэння і у той жа час не адмяніў свайго рашэння. Беларускім пісьменнікам неабыякавы лёс Валерыя Сарокі. Мы ведаем яго як сумленнага чалавека, таленавітага пісьменніка, які напісаў шэсць аповесцяў: «Віцебская справа, або Двухаблічная Феміда» (дзве часткі), «SOS: ратуйце нашы душы»,

«Пакінь надзею...», «Былыя супрацоўнікі», «Тагільская бездань». Яны карыстаюцца шырокім чытацкім попытам, з'яўляюцца настольнымі кнігамі для супрацоўнікаў праваахоўчых органаў. Па нашаму глыбокаму перакананню, Валерый Сарока не мог здзейсніць крымінальнае злачынства. Пацверджаннем яго чалавечых, духоўных і маральных якасцяў з'яўляецца той факт, што ён выбраны старшынёй партыі Хрысціянска-дэмакратычны выбар.

Літаратурны фонд Рэспублікі Беларусь просіць Вас аднавіць справядлівасць, абараніць правы чалавека-грамадзяніна Рэспублікі Беларусь, пісьменніка Валерыя Сарокі.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ ЛАТВИЯ УНТИСУ УЛМАНИСУ
представителей белорусских партий

Глубокоуважаемый господин Президент!

Представители белорусских партий вынуждены обратиться к Вам с настоящим обращением о восстановлении законных прав и интересов граждан Республики Беларусь Сороко В.И., Журбы А.П., Бунькова В.Е., Кирпичёнка В.М., Волженкова А.П.

Сущность нашей просьбы заключается в следующем. В конце 80-х годов следственной группой Генеральной прокуратуры Союза ССР было сфабриковано (аналогично известному узбекскому делу) уголовное дело о нарушениях законности указанными выше гражданами при расследовании дела по обвинению гр-на Адамова О. В.

По окончании расследования дело было направлено для рассмотрения в Верховный Суд Белорусской ССР, который, выявив существенные нарушения закона, возвратил его на дополнительное расследование. После проведения доследования вопрос о подсудности мог решить в соответствии с законом Верховный Суд Союза ССР или Верховный Суд Белорусской ССР.

Реально сознавая, что ни в одном из областных судов Белорусской ССР это искусственно созданное и сфальсифицированное дело не пройдет, по сути, не выполнив определения Верховного Суда БССР о доследовании, в очередной раз поправ Закон, заместитель Генерального прокурора Союза ССР Сороко О.И. единолично принял решение о направлении уголовного дела на рассмотрение в другую союзную республику — Верховный Суд Латвийской ССР.

Верховный Суд Латвийской ССР, вопреки требованиям Закона, под давлением Генеральной прокуратуры СССР принял эти материалы к своему производству, рассмотрел их и 11 апреля 1988 года вынес обвинительный приговор, оправдав при этом подсудимого Волженкова А.П.

Председатель Верховного Суда Латвийской Республики г-н Земрибо внимательно, квалифицированно и объективно отнесся к рассмотрению жалобы Сороко В.И., осужденного по этому делу. В октябре 1993 г. он направил в Пленум Верховного Суда Латвийской Республики протест (копия протеста прилагается), в котором обратился с просьбой к Пленуму отменить приговор Судебной коллегии по уголовным делам от 11 апреля 1988 года, который является незаконным, как и другие постановления по этому делу. Все обвиняемые являлись гражданами Белорусской ССР, проживали на территории Белоруссии и обвинялись в нарушении законов Белорусской ССР. Верховный Суд Латвийской ССР незаконно принял к своему производству дело другой суверенной республики и применил ее законы. Были нарушены также права обвиняемых на кассационное обжалование приговора.

Пленум Верховного Суда Латвийской Республики по существу согласившись с тем, что приговор и другие постановления являются незаконными, в то же время не отменил их и принял решение направить дело в Верховный Суд Республики Беларусь.

Таким образом, образовался заколдованный круг. Верховный Суд Латвии не отменил незаконные приговор и другие судебные постановления, а Верховный Суд Республики Беларусь не имеет

права отменить незаконные решения другого суверенного государства. Бывший Верховный Суд Союза ССР в связи с распадом государства упразднен.

Представители партий Христианско-Демократический Выбор, Белорусской народной, Беларускай сялянскай, Белорусской национальной, а также Республиканской партии просят Вас оказать содействие в отмене незаконного приговора и других судебных постановлений по данному делу. Учитывая, что следственной группой Прокуратуры СССР практически не было выполнено определение Верховного Суда Белорусской ССР о проведении доследования, материалы этого дела подлежат направлению в Верховный Суд Республики Беларусь со стадии предварительного следствия.

Для справки сообщаем, что Сороко Валерий Илларионович, ранее работавший прокурором следственного отдела Белорусской транспортной прокуратуры, в настоящее время является председателем белорусской партии Христианско-Демократический Выбор, членом Союза белорусских писателей, одним из учредителей церкви «Христианский выбор».

Пользуясь случаем, искренне выражаем глубокое уважение Вашему народу и признательность лично Вам за последовательное отстаивание суверенитета Латвийской Республики. Желаем дружественному народу Латвии благополучия и мира.

А.Д. МЕЛИХОВ,
заместитель председателя партии
Христианско-Демократический Выбор;

В.И. ТЕРЕЩЕНКО,
председатель Белорусской народной партии;

А.В. АСТАПЕНКО,
председатель Белорусской национальной партии;

В.А. АРТИШЕВСКИЙ,
сопредседатель Белорусской республиканской партии.

Заместителю партии Христианско-Демократический Выбор Беларуси А. Мелюхову и руководителю литературного фонда Республики Беларусь А. Железовскому

В связи с обращением пяти белорусских партий к президенту Республики Латвии по вопросу отмены приговора судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР от 11 апреля 1988 года по обвинению Сороко В.И., Журба А.П., Бунькова В.Е., Кирпичёнок В.П., Волженкова А.П., а также заявлением Литературного фонда Республики Беларусь по этому вопросу сообщаю, что в соответствии с законом принятым Сеймом Латвийской Республики 28 сентября 1995 года, приговоры и определения по уголовным делам, вступившие в законную силу, применяя нормы уголовно-процессуального кодекса до 1 октября 1995 года, могли быть опротестованы до 31 января 1996 года.

Производство в надзорной инстанции в соответствии со ст. 376–387 УПК Латвии, определяющее новое рассмотрение в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров и определений судов, исключено из кодекса и не имеет силы с 1 октября 1995 года.

В настоящее время в комиссиях Сейма Латвийской Республики внесены предложения об изменении Закона от 28 сентября 1995 года в части пересмотра в порядке надзора приговоров, определений и постановлений судов Латвии, вступивших в законную силу.

По принятию Закона по этому вопросу Сеймом Латвийской Республики ваши обращения об отмене судебных решений по вышеуказанному уголовному делу будут рассмотрены и Вам сообщим дополнительно.

Ваши обращения находятся на контроле Верховного Суда Латвии.

П. ГРУЗИНЬШ,
заместитель председателя Верховного Суда Латвийской Республики

ОБРАЩЕНИЕ ОТ 8 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА председателя Верховного Суда Латвийской Республики Г. Земрибо к Пленуму ВС Латвии

Постановлением Президиума Верховного Суда Латвийской ССР от 24 октября 1988 года отклонен протест и.о. прокурора Латвийской ССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора в отношении осужденных Сороко, Журба, Бунькова и Кирпичёнка, ввиду мягкости назначенного наказания, а в отношении Волженкова — ввиду его необоснованного оправдания.

Сороко Валерию, Журбе Анатолию, Бунькову Владимиру, Кирпичёнку Валерию и Волженкову Анатолию было предъявлено обвинение в том, что они, принимая участие в расследовании дела по поводу изнасилования и убийства потерпевшей Кацуба Т.Л., имевшем место 13 января 1984 года на полосе отвода железной дороги в городе Витебске, в отношении подозреваемых Самсонова и Адамова совершили незаконные действия, указанные выше.

Считаю, что постановление члена Верховного Суда Латвийской ССР от 23 сентября 1987 года о предании суду перечисленных выше лиц, приговор Судебной коллегии по уголовным делам и постановление Президиума этого же суда подлежат отмене по следующим основаниям.

Дело принято к производству и рассмотрено Верховным Судом Латвийской ССР с нарушением уголовно-процессуального закона.

Из материалов дела усматривается, что дело расследовано бригадой Прокуратуры СССР. Видно и то, что (согласно обвинительному заключению) преступления совершены на территории Белорусской ССР лицами, работавшими и проживавшими на территории этой республики. Все потерпевшие и свидетели проживали на территории Белоруссии. Упомянутые лица обвинялись в нарушении законов Белорусской ССР.

Таким образом, после расследования настоящего дела бригадой бывшей Прокуратуры СССР, утверждения обвинительного заключения заместителем Генерального прокурора СССР, в соответствии с требованиями УПК Белорусской ССР дело подлежало направлению в Верховный Суд Белорусской ССР для определения подсудности — рассмотрения его в одном из соответствующих судов этой республики. Однако, минуя Верховный Суд Белорусской ССР и бывший Верховный Суд СССР, заместитель Генерального прокурора СССР направил дело для рассмотрения в Верховный Суд Латвийской ССР (т. 29, л. д. 2), т.е. он лично определил подсудность дела, хотя согласно законодательству СССР таких прав не имел. Этим были нарушены требования ст.ст.34 и 35 УПК Латвии (в то время — Латвийской ССР).

Верховный Суд Латвийской ССР в нарушении норм уголовно-процессуального закона, незаконно принял к производству дело другой суверенной республики и при рассмотрении его применил законы этого же государства — Белорусской ССР. Такой порядок рассмотрения уголовных дел не был предусмотрен законом, в том числе и в то время имевшими силу Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Кроме того, рассмотрением дела Верховным Судом Латвийской ССР были нарушены права обвиняемых.

Дело подлежало рассмотрению в суде Белорусской ССР на уровне областного суда, приговор которого мог быть обжалован в кассационном порядке. В то же время приговор Верховного Суда Латвийской ССР согласно в то время существующему Закону (ст. 322 УПК) кассационному обжалованию не подлежал. Таким образом, следует признать, что судебные постановления, вынесенные по делу Верховным Судом Латвийской ССР, являются незаконными, а поэтому подлежат отмене.

На основании изложенного, руководствуясь ст.376 УПК Латвии,

п р о ш у:

Постановление члена Верховного Суда Латвийской ССР о предании обвиняемых суду от 23 сентября 1987 г., приговор Судебной коллегии по уголовным делам от 11 апреля 1988 года и постановление Президиума от 24 октября 1988 года этого же суда в отношении Сорока Валерия, Журба Анатолия, Бунькова Владимира, Кирпичёнка Валерия и Волженкова Анатолия отменить. Настоящее уголовное дело направить Верховному Суду Республики Беларусь.

Г. ЗЕМРИБО,
председатель Верховного Суда Латвийской Республики

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
Латвийской Республики от 28 февраля 1994 года

Пленум Верховного Суда Латвийской Республики под председательством Председателя Верховного Суда Г. Земрибо, при секретаре Пленума З. Раупа, с участием Генерального прокурора Латвийской Республики Я. Скрастиньша рассмотрел уголовное дело по протесту Председателя Верховного Суда Латвийской Республики в отношении В. Сороко, А. Журбы, В. Бунькова, В. Кирпичёнка и А. Волженкова.

Из материалов дела следует: постановлением члена Верховного Суда Латвийской ССР от 23 сентября 1987 года указанные выше лица были преданы суду. Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР от 11 апреля 1988 года

1. СОРОКО Валерий Илларионович, 1952 г. рождения, с высшим образованием, не судим, работал прокурором следственного отдела Белорусской транспортной прокуратуры, осужден по ст.

ст. УК Белорусской ССР — ст. 175 ч. 2 (принуждение к даче показаний при отягчающих обстоятельствах) на 4 года лишения свободы, ст. 174 ч. 1 (заведомо незаконный арест) на 1 год лишения свободы, ст. 174 ч. 2 (заведомо незаконное задержание) на 1 год исправительных работ, ст. 171 (должностной подлог) на 1 год лишения свободы, на основании ст. 39 УК БССР по совокупности совершенных преступлений — на 4 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

В обвинении по ст. ст. УК БССР

— ст. 105 ч. 2 (доведение до самоубийства) и ст. 175 (принуждение к даче показаний без отягчающих обстоятельств) Сороко Валерий оправдан;

2. ЖУРБА Анатолий Павлович, 1938 г. рождения, с высшим образованием, не судим, работал следователем Витебской транспортной прокуратуры, осужден по ст. УК Белорусской ССР — ст. 175 ч. 1 на 2 года 6 месяцев лишения свободы, ст. 174 ч. 1 на 1 год лишения свободы, ст. 171 на 1 год лишения свободы, на основании ст. 39 УК БССР по совокупности совершенных преступлений и на основании ст. 23-1 УК БССР на 2 года 6 месяцев лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду.

Журба Анатолий по ст. ст. 105 ч. 2 и ст.175 ч. 2 УК БССР оправдан;

3. БУНЬКОВ Владимир Егорович, 1948 г. рождения, с высшим образованием, не судим, работал начальником отделения уголовного розыска линейного отдела внутренних дел (ЛОВД) на ст. Витебск, осужден по ст. 167 ч. 2 УК Белорусской ССР (превышение власти или служебных полномочий) с применением ст. 23-1 УК на 2 года лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду. По ст. 105 ч. 2 УК БССР он оправдан;

4. КИРПИЧЁНОК Валерий Михайлович, 1958 г. рождения, с высшим образованием, не судим, работал оперуполномоченным отделения уголовного розыска ЛОВД на ст. Витебск, осужден по ст. 167 ч. 2 УК Белорусской ССР (превышение власти или

служебных полномочий) с применением ст. 23-1 УК на 2 года лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду;

5. ВОЛЖЕНКОВ Анатолий Прохорович, 1948 г. рождения, с высшим образованием, не судим, работал заместителем начальника линейного отдела внутренних дел на ст. Витебск, в обвинении по ст. ст. 105 ч. 2 и ст. 167 ч.2 УК Белорусской ССР оправдан.

Постановлением Президиума Верховного Суда Латвийской ССР от 24 октября 1988 года отклонен протест и.о. прокурора Латвийской ССР, в котором становился вопрос об отмене приговора — в отношении осужденных Сороко, Журбы, Бунькова и Кирпичёнка ввиду мягкости назначенного наказания, а в отношении Волженкова — ввиду его необоснованного оправдания.

Сороко Валерию, Журба Анатолию, Бунькову Владимиру, Кирпичёнку Валерию и Волженкову Анатолию было предъявлено обвинение в том, что они, занимая перечисленные выше должности и принимая участие в расследовании по поводу изнасилования и убийства потерпевшей Кацуба Т. А., имевших место 13 января 1984 года на полосе отвода железной дороги в городе Витебске, в отношении подозреваемых Самсонова и Адамова совершили незаконные действия, указанные выше.

В протесте утверждается, что постановление члена Верховного Суда ЛССР и последующие судебные постановления по делу незаконны по таким основаниям.

Дело принято к производству и рассмотрено Верховным Судом Латвийской ССР с нарушением уголовно-процессуального закона.

Из материалов дела усматривается, что дело расследовано бригадой Прокуратуры СССР. Видно и то, что (согласно обвинительному заключению) преступления совершены на территории Белорусской ССР лицами, работавшими и проживавшими на территории этой республики. Все потерпевшие и свидетели

проживали на территории Белоруссии. Обвиняемые обвинялись в нарушении законов Белорусской ССР.

Таким образом, после расследования настоящего дела бригадой бывшей Прокуратуры СССР, утверждения обвинительного заключения заместителем Генерального прокурора СССР, в соответствии с требованиями УПК Белорусской ССР дело подлежало направлению в Верховный Суд Белорусской ССР для определения подсудности — рассмотрения его в одном из соответствующих судов этой республики.

Однако, минуя Верховный Суд Белорусской ССР и бывший Верховный Суд СССР, заместитель Генерального прокурора СССР направил дело для рассмотрения в Верховный Суд Латвийской ССР (т. 29, л. д. 2), т.е. он лично определил подсудность дела, хотя согласно существующему в то время законодательству СССР таких прав не имел. Каких-либо судебных постановлений в части определения подсудности по делу в материалах дела не имеется. Этим были нарушены требования ст. ст. 34 и 35 УПК Латвии (в то время Латвийской ССР).

Верховный Суд Латвийской ССР в нарушение норм уголовно-процессуального закона незаконно принял к производству дело другой суверенной республики и при рассмотрении его применил законы этого же государства — Белорусской ССР. Такой порядок рассмотрения уголовных дел не был предусмотрен законом, в том числе и в то время имевшими силу Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Кроме того, рассмотрением дела Верховным Судом Латвийской ССР были нарушены права обвиняемых.

Дело подлежало рассмотрению в суде Белорусской ССР на уровне областного суда, приговор которого мог быть обжалован в кассационном порядке. В то же время приговор Верховного Суда Латвийской ССР согласно в то время существующему закону (ст. 322 УПК) кассационному обжалованию не подлежал.

В протесте ставится вопрос об отмене названных выше судебных постановлений с направлением дела Верховному Суду Республики Беларусь.

Рассмотрев материалы дела, выслушав заключение Генерального прокурора Латвийской Республики Я. Скрастиньша, полагавшего протест отклонить, Пленум Верховного Суда с учетом неоднократных жалоб В. Сороко, которые подлежат тщательной проверке, считает, что дело подлежит оставлению без рассмотрения по существу с направлением его в распоряжение Верховного Суда Республики Беларусь.

Ст. 4 УК Латвии, определяющая действие уголовного закона на территории Латвийской Республики и за ее пределами и ст. 23 УПК Латвии, устанавливающая действие уголовно-процессуального закона в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, исключает возможность рассмотрения уголовных дел в отношении граждан других государств, совершивших преступления на территории других суверенных государств.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 382 УПК Латвии, Пленум Верховного Суда Латвийской Республики

п о с т а н о в и л:

Протест и дело оставить без рассмотрения по существу. Уголовное дело в отношении Сороко Валерия, Журба Анатолия, Бунькова Владимира, Кирпичёнка Валерия и Волженкова Анатолия направить Верховному Суду Республики Беларусь.

Председатель Верховного Суда
Латвийской Республики Г. ЗЕМРИБО

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда З. РАУПА

После получения постановления Пленума Верховного Суда Латвийской Республики от 28 февраля 1994 года, в котором указывалось, что уголовное дело с материалами Верховного

Суда Латвийской ССР по обвинению меня и других участников процесса направлена в Верховный Суд Республики Беларусь, я обратился с жалобой на предмет отмены приговора на имя председателя Верховного Суда нашей суверенной страны.

Председателю Верховного Суда
Республики Беларусь
Сороко Валерия Илларионовича,
проживающего в Минске, ул. Волоха,
9–2–36

ЖАЛОБА
(порядке надзора первичная)

на приговор судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда
Латвийской ССР
по обвинению меня в совершении
преступлений, предусмотренных
ст. ст. 175, ч. 2, 174 ч. 1, 174 ч. 2,
171, 105 ч. 2, 175 ч. 1 УК БССР

28 февраля 1994 года постановлением Пленума Верховного Суда Латвийской Республики оставлен без рассмотрения протест Председателя Верховного Суда Латвийской Республики на приговор по вышеназванному делу, которым на основании ст. 39 УК БССР я был осуждён к четырём годам лишения свободы в ИТК усиленного режима, а по ст. ст. 105 ч.2 и 175 ч. 1 — оправдан. Впоследствии Пленум Верховного Суда Латвийской Республики уголовное дело направил Верховному Суду Республики Беларусь.

Уголовное дело искусственно создано группой следователей Прокуратуры СССР по указанию её руководителей и, как говорят, «шито белыми нитками».

Так, судебная коллегия обвинила меня в незаконном задержании гражданина Самсонова. В его задержании я никакого участия

не принимал и никаких указаний по этому вопросу не давал, так как таких прав попросту не имел.

Самсонов в качестве подозреваемого в попытке изнасилования был задержан работником Витебского ЛОВД Гетманчуком по указанию начальника ЛОВД Шнеева. В судебном заседании Гетманчук пояснил: «По указанию Шнеева я задержал Самсонова... Уточняю: решение и указание было не от Сороки, а от Шнеева» (протокол судебного заседания, л. д. 180)

Возникает и другой вопрос: почему следователи и суд признали задержание Самсонова органом дознания незаконным? Ведь он был задержан после того, как гражданка Добровольская опознала его как лицо, совершившее на неё нападение. В дальнейшем Самсонов был осуждён за совершение злостного хулиганства. Приговор этот никто не отменял. В таких случаях ст. 119 УПК нашей республики допускается задержание.

Бездоказательно указано в приговоре о понуждении мною Самсонова к даче показаний. На предварительном следствии Самсонов показал: «Физического воздействия ко мне никто не применял и не угрожал. Обзывать меня Сороко не позволял, вообще не грубил, но вот запомнилась его ехидная улыбка при ведении допроса».

По существу аналогичные показания Самсонов дал и в суде. На вопрос о том, воспринимал ли он разговор об уколах как воздействие на него, пояснил: «Не воспринимал как угрозу, как воздействие, всё это не реально и ерунда, а вот опознание Добровольской не давало мне покоя». Кстати, разговор об уколах возник не из моих слов, а со слов следователя Андреева.

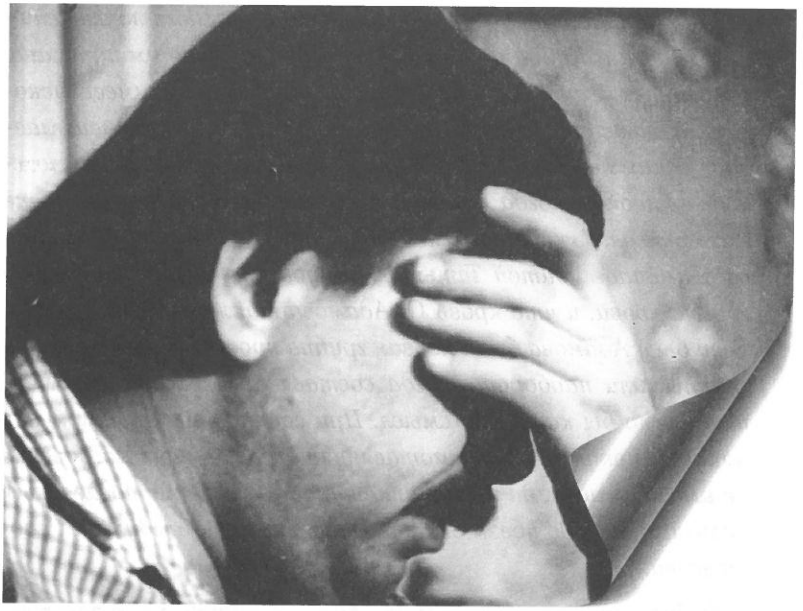
Необоснованным и просто абсурдным является обвинение меня в том, что по моей инициативе следователь А. Журба изготовил ложное заключение судебно-биологической эксперти-

зы. Во-первых, я никогда не видел этого ложного заключения следователя Журба и сомневаюсь, что оно было им написано. Во-вторых, Журба не ребёнок, а взрослый человек, имеет некоторый опыт работы в органах прокуратуры. И, наконец, главное. Какая необходимость была у А. Журба составлять ложный протокол, когда в деле имелось официальное заключение экспертизы, из которого следовало, что сперма, обнаруженная во влагалище убитой Татьяны Кацуба относится ко второй группе крови, и что кровь О. Адамова также второй группы. Если бы у Адамова была первая группа крови, а сперма второй группы, или наоборот, тогда составление ложных документов имело бы какой-то смысл. При совпадении группы крови никакой потребности изготавливать подложное заключение не имело смысла, да и считать такое заключение подложным нельзя. Я твёрдо убеждён, что этот эпизод — выдумка следователей.

Судебная коллегия бездоказательно в обвинительном заключении указала на то, что я и Журба угрожали Адамову привлечением к уголовной ответственности за попытку изнасилования несовершеннолетней Мочагиной. Никто не подтвердил, что такая угроза прозвучала с моей стороны. В то же время разъяснение нормы закона, предусматривающей ответственность за совершение того или иного преступления, нельзя рассматривать как угрозу.

Незаконно я признан виновным и за задержание Олега Адамова. Он был задержан после того, как добровольно признался в убийстве Татьяны Кацуба, детально рассказал об обстоятельствах его совершения.

При выводе на место преступления показал место захоронения трупа, назвал и другие детали, опознал убитую по фотографии среди других. При таких доказательствах закон допускает не только задержание, но и арест подозреваемого.

В.А. Горелов

Если ты умеешь любить, то ты чего-то да значишь в жизни.

Но как изощрённо, из-за дня в день, избивали нас, выбивали из души любовь, заставляли признаться не в совершённым нами. Невыносимо трудно нести по жизни чужие грехи, которые незаконно взваливали на наши плечи. А после суды. И «нехорошие статьи». В тюремной камере бесчувственными истуканами видели нас.

Хорошо, что на воле у меня оставалась мама, отец, сестра.

– Не отчаивайся, – сквозь колючую проволоку до меня долетали их голоса.

Я это сердцем чувствовал. И как? Какими словами? Донести до мамы, что здесь от побоев я стал слепнуть. Но я чувствовал, что мама своим материнским сердцем это чувствовала.

– Ничего, сынок, покуда я жива, на мир мы будем смотреть моими глазами. Никто за это безобразия не понёс никакого наказания. Но Господь всё видит.

В.Г. Ковалёв

Нет, я не сломлен!

И перед администрацией тюрьмы, колонии никогда не становился на колени. Четыре раза сам себя резал. Кто разбирается в тюремных наколках, тот меня поймёт, что значит пауки на коленях. А чуть ниже, на голени — чёрт.

Там каждую минуту приходилось доказывать, что ты Человек, что ты не сломлен. Мне судьба не оставила другого выбора... надеюсь многие меня поймут.

Если бы не свела меня судьба со следователем Жалнеровичем. Кстати, язык не поворачивается, назвать его следователем, скорее я был бы другим.

У меня замечательная жена и ребёнок. Вот ради их и стоит жить полной грудью. И не шипеть озлобленным.

Незаконно я осуждён по ст. 174 УК БССР за арест О. Адамова. Постановление на арест вынесено следователем А. Журба, в производстве которого и находилось это дело, и санкционировано Витебским транспортным прокурором Семашко. Заместитель Белорусского транспортного прокурора Самохвалов в судебном заседании показал: «Сороко не обращался за санкцией на арест и решение не принимал. Журба вёл дело.

Поэтому Журба вынес постановление на арест. Семашко дал санкцию. 29 мая 1984 года я находился в Витебске и мог подписать постановление». (Протокол судебного заседания, л. д. 218). Аналогичные показание дал в суде и Семашко.

Спорным является вопрос о незаконном аресте О. Адамова. Особенно если учитывать имеющиеся в деле доказательства его виновности. Судебная коллегия указала в приговоре, что никто из нас (а это Семашко, Самохвалов, Журба и я) не знал о невиновности Адамова.

Отсутствует состав преступления и в моих действиях по фотоэпизоду предъявления мной на опознание аналогов сумок по фотографии в журнале. В связи с отсутствием у меня опыта следственной работы перед проведением следственного действия я советовался с опытными следователями, и они мне советовали, как его провести. Никаких нарушений закона при проведении опознания мною допущено не было.

Искусственно созданы следственной группой и судом эпизоды о понуждении мною Адамова к даче признательных показаний. Никто об этом в судебном заседании не заявил, даже сам подсудимый. Адамов признался в совершении убийства не во время моих допросов, а написал заявление о явке с повинной, находясь в следственно изоляторе. Кроме того, какое значение имели мои угрозы, если Адамов во всех деталях рассказал об обстоятельствах убийства Кацуба, показал место совершения преступле-

ния? Поведал он, и в чём она была одета, о методах совершения убийства и т. д.

Я смог познакомиться с материалами следствия и суда по обвинению Г. Михасевича в убийстве Т. Кацуба. Если признают, что в деле О. Адамова мало доказательств убийства Кацуба, то в деле Михасевича вообще нет доказательств. Кроме того, имеются такие противоречия, которые вообще исключают виновность последнего в совершении этого убийства.

В период совершения этого убийства Г. Михасевич учился на курсах в городе Городок в 40 километрах от Витебска. По непонятным причинам следствием не были приняты меры для уточнения: был ли в день убийства Михасевич в городе Витебске? Не опрошены курсанты, с которыми он проживал в общежитии. Не были опрошены и другие лица, которые в тот день общались с Михасевичем.

Единственным вещественным доказательством по делу могло стать обнаружение сумочки погибшей. В обвинительном заключении по делу Михасевича сказано: «Обнаруженная сумка, в свою очередь, была опознана свидетелем Андреенковой (Феоктистовой) Т.С., как принадлежащая Кацуба, что подтверждено заключением товароведческой экспертизы».

В то же время свидетель Т. Андреенкова в суде показала: «Сумку мне не предъявляли». Сам подсудимый в суде заявил: «Я сумочку не осматривал, узнать её не могу». В беседе со мной адвокат — защитник подсудимого Михасевича сказал, что никакой сумки в суде предъявлено не было.

Результаты анализа крови подсудимого и спермы, обнаруженной во влагалище Кацуба, должны были дать ответ на основной вопрос: убивал ли Михасевич Татьяну Кацуба?

В обвинительном заключении сказано: «Одновременно с этим принадлежность Михасевичу Г.М. спермы, обнаруженной в по-

ловых путях Кацуба Т.Л., названной экспертизой не исключается». И всё. Как могли такие опытные следователи не указать конкретного анализа крови и обнаруженной спермы?! Сделано это сознательно.

Согласно заключения судебно-биологической экспертизы сперма, обнаруженная в половых путях Кацуба, могла принадлежать мужчине, имевшему вторую группу крови. В уголовном деле читаем: «Кровь подозреваемого Михасевича Г.М. относится к первой группе крови».

В судебном заседании было оглашено заключение экспертизы по исследованию трупа Т. Кацуба: «Смерть насильственная — сдавление шеи петлёй. Наличие спермы в преддверии влагалища говорит о половом акте у основания девственной плевы. Кровь второй группы».

Надо также отметить, что Михасевич и на следствии, и в суде заявил, что Татьяну Кацуба он вообще не насиловал. Мог ли суд при наличии таких противоречий признать Михасевича виновным в убийстве Кацуба? Выходит, и в данном случае сказался страх перед Центром?

Необоснованность моего осуждения по одному из эпизодов нашла своё подтверждениё 13 мая 1994 года. В это время суд Московского района города Минска рассматривал гражданское дело по иску следователя Василия Борисова ко мне и агропредприятию «Ранет-92» о защите чести и достоинства. В своих показаниях истец пояснил суду, что с самого начала нашего с ним знакомства летом 1984 года в городе Витебске, где проводилось расследование уголовного дела по убийству Татьяны Кацуба, у него сложилось крайне отрицательное мнение обо мне, как о аморальном человеке. Вследствие этого я вызывал у Борисова чувство отвращения.

Показания свидетеля В. Борисова являются одним из доказательств моей вины в совершении инкриминируемых деяний.

Безусловно, не может быть и речи об объективности данных показаний, как полученных от свидетеля, заведомо настроенного против меня.

Наиболее характерным для характеристики качества и объективности следствия, проведённого следственной группой Прокуратуры СССР, является дело по обвинению группы работников прокуратуры и милиции Витебской области в нарушениях законности при расследовании уголовных дел. Следствие вела та же группа следователей, что и дело моё и коллег.

Сейчас вполне очевидно, что в 1985–1990 годах в Беларуси действовала группа работников следственного управления бывшей Прокуратуры СССР во главе с работниками этого управления Парецом и Прошкиным, которые в своей практической деятельности допускали грубые нарушения законности, а по существу преступные действия. Использовали панику, ажиотаж и шумиху, поднятые средствами массовой информации в связи с разоблачением Михасевича, который совершил ряд умышленных убийств женщин в Витебской области. Эта следственная группа из карьеристских и иных низменных побуждений встала на путь фальсификации доказательств при привлечении к уголовной и иной ответственности честных и добросовестных работников. Сказалась и бесконтрольность за работой этой группы со стороны руководства Прокуратуры СССР и всяческое поощрение её далеко не безупречных усилий.

В подтверждение этого приведу в кратком изложении следующие факты:

1. Верховный Суд СССР оправдал Г. Михасевича по ряду вменённых ему следствием убийств. Следственная группа прокуратуры Союза во главе с Л. Прошкиным в ответ на это в целях своей реабилитации по данным фактам развернула активную

деятельность по выявлению нарушений законности. Они были допущены работниками следствия и дознания республики при расследовании убийств, вменённых в вину Михасевичу, в том числе и по тем делам, по которым он был оправдан Верховным Судом СССР. Рассмотрение впоследствии этих дел в суде показало, что группа Прошкина применяла незаконные методы, чтобы доказать виновность следственных и оперативных работников республики: применялись фальсификация доказательств, извращение объективных факторов, подговор свидетелей, оказание ряду из них услуг в получении квартир за дачу нужных союзной следственной группе показаний и т. д.

2. Первым таким делом, сфабрикованным группой Л. Прошкина, было уголовное дело по обвинению в нарушениях законности А. Волженкова, В. Бунькова, А. Журба и меня. Если бы судебная коллегия Верховного Суда Латвии, рассматривавшая это дело, обозрела материалы уголовного дела по обвинению Г. Михасевича в убийстве Татьяны Кацуба, то она наглядно убедилась в том, что я уже отмечал выше, а именно: Михасевич не убивал Кацуба, и приговор в отношении Адамова был отменён необоснованно.

Я не безосновательно утверждаю о незаконности и необоснованности вынесенного в отношении меня приговора. Судебная коллегия Верховного Суда Латвийской ССР оправдала по предъявленным обвинениям Анатолия Волженкова. Однако она не дала оценки незаконным действиям следственной группы Прошкина, что и позволило ей и в дальнейшем продолжать свою незаконную деятельность.

3. По окончании расследования уголовного дела по обвинению А. Волженкова, В. Сороко и других следственная группа Прошкина выехала в Витебск и Новополоцк. Здесь она в течение трёх лет расследовала уголовное дело о нарушениях законно-

сти, допущенных следственными и оперативными работниками Витебской области при производстве следствия и дознания по делам об убийстве и изнасиловании женщин, в том числе по которым Г. Михасевич был оправдан Верховным Судом Союза ССР. Методы следствия были прежние: ярко выраженный обвинительный уклон, фальсификация доказательств, понуждение свидетелей и других лиц к даче нужных следователям показаний и другие недозволенные методы следствия.

Этой группой на сей раз было написано и собрано 120 томов, которые и составили уголовное дело. Только обвинительное заключение составило три тома и состояло из 760 страниц. К уголовной ответственности было привлечены пять человек, в том числе Ростислав Язенок — старший инспектор уголовного розыска Полоцкого городского отдела внутренних дел, а затем заместитель начальника того же отдела; Владимир Зубов — исполняющий обязанности начальника отделения уголовного розыска Полоцкого ГОВД; Леон Михлин — помощник прокурора Витебского района, Олег Спиридёнок — старший следователь прокуратуры Витебской области, а с 1976 года заместитель начальника следственного отдела прокуратуры Витебской области, Федор Иванов — старший следователь прокуратуры Витебской области. Им было предъявлено группой Прошкина обвинение, состоящее из 246 эпизодов. Эти правоохранители привлекались к ответственности за превышение власти и служебных полномочий, сопровождавшихся насилием, а также мучительными и оскорбляющими достоинство потерпевших действиями. За привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц с искусственным созданием доказательств, злоупотреблением властью и служебными полномочиями, вызвавшими тяжкие последствия. За принуждение к даче показаний путём применения насилия и издевательства над личностью, использованием должностного подлога и незаконных задержаний граждан.

Два года потребовалось судебной коллегии по уголовным делам Могилёвского областного суда для рассмотрения этого сфабрикованного следственной группой Л. Прошкина уголовного дела. Приговор суда дал объективную в целом оценку качества следствия по данному делу. Подсудимые Р. Язенюк, В. Зубов, Л. Михлин были оправданы областным судом по всем эпизодам предъявленных им следствием опасных преступлений. Подсудимый О. Спиридёнок был оправдан по 130 (!) предъявленным ему преступлениям. Причем по таким далеко не безобидным, как привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц. Злоупотребления властью, вызвавшими тяжкие последствия. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности с искусственным созданием доказательств. Заведомо незаконный арест. Должностной подлог. Понуждение к даче показаний путём применения насилия и издевательства над личностью.

Ф. Иванов был оправдан фактически по тем же статьям, которые вменялись в вину и О. Спиридёнку. Все подсудимые были оправданы по всем уголовным делам, связанным с убийствами женщин, совершёнными Г. Михасевичем.

В то же время Могилёвский областной суд признал О. Спиридёнка и Ф. Иванова виновными в четырёх фактах незаконного задержания граждан, не связанными с преступлениями, совершёнными Г. Михасевичем. Однако приговор областного суда и в этой части был опротестован прокуратурой республики.

К сожалению, областной суд по непонятным причинам не дал официальную оценку совершённым группой Л. Прошкина грубейшим нарушениям законности, не возбудил в отношении их уголовное дело в связи с явно преступными действиями.

Уважаемый председатель Верховного Суда! В настоящее время в республиках бывшего СССР пересматриваются десятки

и сотни тысяч уголовных дел, созданных в условиях тоталитарного режима. Подлежит пересмотру и наше дело, созданное искусственно под давлением некоторых недобросовестных московских руководителей. Я не добиваюсь возмещения мне материального ущерба, наказания каких-то должностных лиц. Я прошу только об одном: о восстановлении справедливости, о восстановлении моего честного имени. Я ещё молод, у меня семья, дети, родные и близкие мне люди. Я не преступник и прошу снять с меня это чёрное пятно.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. ст. 380–392 УПК Республики Беларусь,

ПРОШУ:

Принести протест на предмет отмены приговора по вышеназванному делу в части моего осуждения и поставить вопрос о прекращении уголовного дела производством за отсутствием в моих действиях признаков составов вменённых преступлений.

В.И. Сороко
12 июня 1995 года

Получил такой ответ от и. о. первого заместителя председателя Верховного Суда Беларуси В. Пташника:

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Республики Беларусь
220681 г. Минск, ул. Ленина, 28
16. 06. 1995 № 02-5п-87
Сороко В.И.
г. Минск, ул. Волоха, д. 9,
корп. 2, кв. 36

Ваша жалоба, в которой вы просите об опротестовании приговора судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР от 11 апреля 1988 года, в Верховном Суде ре-

спублики рассмотрена и оставлена без удовлетворения, так как в соответствии со ст. 380 УПК Республики Беларусь Председатель Верховного Суда Республики Беларусь вправе приносить протесты на приговоры судов Республики Беларусь.

И.о. первого заместителя Председателя
В.Н. ПТАШНИК

Лично я воспринял это сообщение как очередной ответ-«дурочку», рассчитанный на дураков.

Но то, что я до сих пор не уверен, что мы решили не правильно в отношении Терени, это точно. Очень важно, чтобы Вы побеседовали с отцом погибшей девочки Шейпук. А надо обязательно с ним побеседовать. Он присутствовал и на Полоцком процессе, и на процессе в Минске над Михасевичем. Так вот, что он мне заявил, что в Минске не тот суд, здесь не правильно решали, а правильно — в Полоцке, где я вёл процесс по убийству его дочери. Видите, у отца жертвы тоже складывается такое впечатление, что убийца не Михасевич. Каким образом Михасевич брал на себя чужие убийства, мне не известно. Сейчас я не доверяю тому следствию, которое велось в отношении Михасевича.

Из интервью судьи Мариненко, который судил Тереню

Когда работал над этой книгой, меня не покидала мысль. Она постоянно врывалась в ход рассуждений, заставляла мозг искать новые аргументы. Вот она. После проведение в исполнение приговора Михасевичу женщины Витебской области смогли вздохнуть с облегчением. Зло обезврежено и наказано. Так утверждали мои оппоненты после суда. В это поверить я не мог. Уже тогда стал анализировать. И постепенно пришёл к пониманию: не раскаявшемуся маньяку, получив-

шему по заслугам пулю, не хватило умственного маневра, что ли, правдиво и до конца высказаться. Унёс с собой в землю не только тайну, но и на долгие годы — уверенность в праведности принятие решений оперативников, следователей. Может быть и судей. Обжёгшись на молоке, с отчаянием дули на воду. И всё без нажима. А он необходим. Матёрого преступника не заставишь человеколюбием раскаяться. Только в исключительных случаях.

А убийства на сексуальной почве продолжались. Сентябрьским вечером 1991 года пропала ученица одной из школ города Витебска. Двадцать пять лет искали убийцу. И нашли. А в 1997 году в одной из деревень Шумилинского района в дренажной системе был найден труп доярки с проломленным черепом... К счастью, и это преступление было раскрыто.

Всегда следую мудрым советам Агаты Кристи, «что докопаться до истины никогда не поздно». В случае с Михасевичем помог Его Величество Случай. Кропотливая бумажная работа. Поиск булавки (факта) в стогу сена. И главный помощник в этой работе — интуиция.

Таких слов, как генетический анализатор даже не слышали. Читал, что на помощь современным следователем пришли очень чувствительные реагенты для выделения ДНК. И кроме того, исследуется гораздо большая площадь вещественных доказательств.

Об этом материал, который был напечатан в «СБ. Беларусь сегодня» 29 марта 2017 года.

ПРИГОВОР СУДЬБЫ

Убийство витебской школьницы раскрыли 25 лет спустя

Сентябрьским вечером 1991 года у ученицы витебской средней школы № 3 Вали Скворцовой (имена действующих лиц изменены) занятия окончились около 17.00. Третьеклассница сложила учебники в портфель и вышла на крыльцо. Она жила в военном городке «Журжево», до которого по улице Гагарина путь неблизкий. Поэтому Валин отец договорился с соседом, что они по очереди будут забирать дочерей-сверстниц с занятий. В тот вечер приехал сосед. Поздоровавшись с Валей, попросил подождать, пока зайдет в школу за своей дочкой. Когда же через 10 минут они возвратились, Скворцовой на крыльце не оказалось. Не было ее и дома. Родители забеспокоились и позвонили в милицию. Два дня поисков результата не дали. На третий день старшеклассники, убиравшие мусор за школьными сараями, наткнулись на мешок с телом Вали. Девочку изнасиловали и задушили. Через несколько недель резонансным уголовным делом занялись минские следователи Генеральной прокуратуры. Раскрыть его, к сожалению, не удавалось. В 1994 году расследование приостановили. Узнать имя убийцы удалось только спустя четверть века.

Версии и экспертизы

Сегодня полковник Алексей Белозоров — пенсионер. В отдел по раскрытию преступлений прошлых лет управления уголовного розыска криминальной милиции УВД Витебского облисполкома он пришел в 2005-м, но о событиях 1991-го в СШ № 3 знает практически всё:

— Милиция тогда, считай, всю школу перевернула, перетрясла все мусорные контейнеры, канализационные люки, заброшенные сараи и подвалы в микрорайоне. Проверила десятки бывших зэков, судимых за изнасилования и развратные действия.

Отрабатывалась версия, по которой школьницу якобы насильно усадили в белые «Жигули» и увезли. Безрезультатно! Не смогли тогда вывести и геном убийцы из спермы, обнаруженной на куртке жертвы и мешке. Даже в Германию и Россию биологический материал отправляли. Но технические возможности в то время были скромными. Лишь группу крови убийцы — II положительную — установили. Искали такую же у мужчин, имевших отношение к школе, но совпадений не обнаружили.

Результат, которого ждали

Убийство Вали Скворцовой перешло в разряд преступлений прошлых лет. Их периодически изучает Следственный комитет. Проанализировав материалы дела Скворцовой, в начале 2016-го заместитель начальника управления по расследованию преступлений против личности и общественной безопасности главного следственного управления центрального аппарата СК Александр Цыганок пришел к выводу, что расследование можно возобновить, и назначил очередную генотипоскопическую экспертизу. Результат превзошел все ожидания: экспертам удалось, наконец, выделить генотипы двух человек, которые могли быть причастны к совершению преступления! Один из них, по словам полковника юстиции Цыганка, возглавившего межведомственную группу по раскрытию уголовного дела, уже значился в базе правоохранительных органов:

— Речь идёт о слюне и клетках кожи Евгения Рябцева, которые обнаружили на вещдоках. Мы изучили его личность и выяснили, что в сентябре 1991 года он входил в бригаду строителей, делавших ремонт в школе.

Однако совпадение генотипов, рассказывает Павел Дашкевич, следователь по особо важным делам управления Следственного комитета по Витебской области, еще не повод доставать наручники и везти человека в тюрьму:

— Совпадение — повод, чтобы пристальнее присмотреться к человеку. Выяснить, каким образом его следы оказались на месте преступления.

К слову, подозрения с Рябцева сняли достаточно быстро. Его следы на мешке, в котором была спрятана жертва, оказались лишь потому, что он постоянно кашлял и плевался из-за беспрерывного курения. Но, говорит Павел Дашкевич, отработать нужно было еще девятерых коллег Рябцева по строительной бригаде:

— Практически все они злоупотребляли спиртным. Из-за нездоровой тяги к алкоголю дисциплина в бригаде хромала. Поэтому она не справилась с ремонтом за лето и задержалась в школе до осени.

Чудовище из бытовки

Далее нужно сделать небольшое отступление и рассказать об особенности работы уголовного розыска. Когда умирает человек, при вскрытии трупа в морге, как правило, берут образец крови и хранят его определенное время. Алексей Белозоров вспоминает, что еще в 2011-м, проверяя такие образцы, его подопечные обратили внимание на один из них, принадлежащий некоему Михаилу Никитину, повесившемуся в Шумилинском районе в 2005 году:

— Нас заинтересовало его криминальное прошлое. В 1997 году на Шумилинщине он убил доярку — нанес несколько ударов ножом, голову пробил монтировкой. Тело спрятал в дренажной трубе. Жестокость и изощренность преступника наводила на мысль, что за ним может тянуться шлейф темных дел. Поэтому его кровь отправили на экспертизу, чтобы выделить геном.

И оперативники не прогадали. Именно ДНК Никитина совпала со вторым генотипом, который в 2016-м сотрудники Госкоми-

тета судебных экспертиз обнаружили на вещдоках, изъятых с места убийства школьницы. Тогда Никитину было 27. В бригаде, делавшей ремонт в СШ № 3, он был сварщиком. Вскоре он развелся с женой и уехал в Шумилинский район. Официальная причина развода — пьянство. Однако, когда копнули глубже, открылась жуткая картина. Накануне развода теща Михаила стала свидетельницей того, как он совращал собственную дочь. Девочке было столько же лет, сколько и убитой Вале Скворцовой. Жена Никитина матери не поверила и в милицию заявлять не стала. А зря...

Михаил отсидел за убийство доярки. Освободился. А в 2005-м во время пьянки на квартире сожительницы заперся в ванной и повесился.

Но как он избежал ответственности в 1991-м? По словам Павла Дашкевича, он входил в круг подозреваемых. Алексей Белозоров предполагает, что преступник на вечер убийства выдумал себе алиби, мол, ушел из школы в 17.00, и опровергнуть его сотрудники правоохранительных органов тогда не смогли:

— На самом же деле в тот злополучный вечер бригада выпивала в бытовке у школы. Коллеги разъехались, а Никитин задремал. Когда проснулся, вышел на крыльцо и увидел Скворцову. Изнасиловал и задушил он ее в бытовке. Тело в мешке для мусора перетащил в класс, где варил трубы, и спрятал под полом. Поэтому его сразу не нашли. А после ночью через окно вытащил мешок во двор. Судьба, конечно, наказала этого морального урода. По-другому назвать его не могу. Но мне, если честно, жаль, что убийца не оказался на скамье подсудимых.

И тем не менее благодаря слаженной работе СК, МВД и Госкомитета судебных экспертиз справедливость восторжествовала. Родители узнали, кто повинен в смерти их ребенка. Александр Цыганок уверен, что современная наука, развитие технических возможностей и новые следственные методики

позволяют с успехом возвращаться к пересмотру похожих уголовных дел прошлых лет:

— Сейчас Госкомитет судебных экспертиз может установить генотип даже при наличии едва заметного пятнышка биологического вещества.

Возобновление похожих уголовных дел — одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета. Благодаря ему в том числе реализуется принцип неотвратимости наказания — основа уголовного процесса.

Александр Максимов, эксперт-биолог центрального аппарата Госкомитета судебных экспертиз:

«Для выделения генома по этому уголовному делу использовался генетический анализатор. Это суперсовременный прибор. Также в последнее время у нас появились очень чувствительные реагенты для выделения ДНК. Кроме того, мы исследовали гораздо большую площадь вещественных доказательств, нежели это делали раньше».

Вместо послесловия

Заканчиваю писать эту книгу, а в голове постоянно прокручивается фраза, которую никак не хочет воспринимать сознание:

— К сожалению, я не выполнил планов по массовому убийству. Я вернусь, чтобы закончить начатое.

Эти два жутких предложения произнёс, выступая с последним словом в суде, внешне вполне симпатичный парень студент МИТСО Владислав Казакевич, который вечером 8 октября 2016 года устроил дикую резню в центре Минска и привёл в состояние шока всю Беларусь. И не только наша страна тогда содрогнулась и ужаснулась. Ведь об этом кошмарном случае оперативно рассказали в новостях московские телеканалы, сообщения о ЧП в минском торговом центре «Европа» появились и в российских, иных газетах, ими запестрел многоинтернациональный интернет.

Напомним: семнадцатилетний Влад Казакевич, облачившись в ярко-оранжевую униформу и надев очки, пришёл в торговый центр с топором и бензопилой, спрятанными в чехле для гитары. Кто-то другой, вооружённый этими орудиями современного дровосека, успешно пилит и рубит лес, в последнее время изрядно полёгший в наших лесах из-за различных буранов и прочих природных катаклизмов. Влад же завёл бензопилу, чтобы пилить людей, которых встречал в торговом

центре. От его рук погибла 43-летняя продавец Елена Александронец, которую подросток ударил бензопилой, после чего добил топором. Пострадали еще две женщины: посетительница кафе Оксана, которая защищалась от преступника вешалкой, и уборщица Ирина. В числе потерпевших оказалась и продавец Анна. Девушка каким-то чудом успела убежать от Казакевича, державшего над ней бензопилу.

В суде Владислав непривычно много откровенничал. В частности, утверждал, что его привлекают терроризм, серийные убийства. Признавался, что много читал литературы, связанной с серийными маньяками, про ИГИЛ, а весной-летом 2016 года у него появилась идея «устроить крупный теракт, убивать китайцев и мусульман». На вопрос: «Почему?» — Казакевич ответил: «Просто ради прикола. Ради забавы».

Он поведал суду, как готовился к нападению на своих однокурсников. Когда же его план сорвался (по версии следствия произошло это потому, что на выходе из туалета бензопила заглохла, и Казакевич передумал устраивать нападение), парень стал подыскивать объект своего нападения среди ночных клубов. Но что-то с этим замыслом не вырисовалось, и тогда на горизонте его преступных планов появилась «Европа».

После жутких, леденящих кровь заявлений и признаний обвиняемого у многих возник вопрос: был ли вменяем Владислав Казакевич, когда вынашивал и осуществлял свои изуверские замыслы? Авторитетные эксперты после достаточно длительного исследования пришли к выводу: на момент совершения преступлений Казакевич отдавал отчёт своим действиям.

— Влад всегда хорошо учился, послушный, занимается спортом, помогает родителям. Никаких поводов для волнения не давал, — рассказывала в суде о сыне его мать Ольга Можейко. Она доказывала, что «воспитывает сына с любовью». И не согласна с утверждениями, что ее сын жил один.

— Мы всегда проживали вместе, я повторно вышла замуж в 2014 году, приезжала каждую неделю из Германии. В сентябре 2016 года уехала в Германию, но Влад знал, что я должна была приехать 9 октября. Но это число пришлось уже на второй день после трагедии. Сын был рад получить какую-то самостоятельность. Всегда мог о себе позаботиться. Сам готовил блинчики, каши, мясо, — рассказывала Ольга Александровна.

Она призналась, что самым сложным для семьи был период после попытки суицида сына 9 октября 2014 года. Для нее это было шоком.

— Я считала, что замкнутость — это особенность характера сына, — утверждала О. Можейко.

— Как он реагировал на ваши замечания, просьбы, требования? — задал уточняющий вопрос гособвинитель Олег Буйленков.

— Я ничего в принципе от него не требовала, — удивилась женщина такому вопросу. — Если я с чем-то не согласна, могу сделать ему замечание, а он аргументирует.

— Какие он приводил аргументы? К примеру, вы просите его повесить вещи в шкаф, а он что отвечает? — обратился к маме судья Петр Орлов.

— Он может сказать: «Отстань!» — и закрыть двери.

Известно, что у молодого человека было несколько попыток суицида, после чего его госпитализировали в РНПЦ психического здоровья. Психиатр, который его консультировал, поставил Владиславу два диагноза: умеренный депрессивный эпизод и шизоидное расстройство личности. По словам врача, таким пациентам нужна психотерапия. О том, что сын болен и нуждается в принудительном лечении, говорил, давая показания в ходе судебного заседания, и отец молодого человека.

Обвиняемому 3 марта 2017 года Минский городской суд вынес наказание в 15 лет лишения свободы. Казакевич будет отбывать его в колонии общего режима, хотя родители парня настаивали на лечении сына. Обвиняемый должен возместить потерпевшим моральный вред на сумму 220 тысяч рублей.

— Суд признал Казакевича виновным и приговорил его к максимально возможному сроку, — заявил сразу после оглашения приговора государственный обвинитель Олег Буйленков. Он отметил, что психическое состояние Влада Казакевича не вызвало у него никаких сомнений, и «суд пришел к правильному выводу о его вменяемости».

А как взорвался после этого интернет. Вот несколько типичных мнений:

«Мало дали В. Казакевичу. Через 15 лет ему примерно будет 35. Выйдя на свободу, он совершит преступления еще кошмарнее этого. Если выйдет живым...».

«И почему так мало?! Всего-то 15 лет дали. На пожизненное надо было сажать или вообще расстрелять. Даже не расстрелять, а бензопилой на кусочки разрезать».

«Какой ужас! Для этого выродка всего-то 15 лет?! Выпустят по амнистии лет через семь, и он повторит своё преступление»...

В этих возмущениях есть рациональное зерно. Ведь осужденный сожалеет, что не выполнил планов по массовому убийству. И обещает вернуться, чтобы закончить начатую бойню. Хорошо, если его обещания подпитывает исключительно юношеская бравада, и тогда нашему обществу не стоит сильно переживать из-за кощунственных замыслов Владислава Казакевича. Но лично мне кажется, что устрашения его далеко не пустые. Вижу в этом парне «талантливого ученика» знаменитого белорусского маньяка Геннадия Михасевича, последователя едва ли не самого кошмарного убийцы нового века Андерса Брейвика.

Непросто будет правоохранителям противостоять таким новоявленным маньякам, которые напрочь игнорируют установленные обществом правила и законы. Но ещё страшнее и трагичнее, когда эти законы игнорирует юстиция. А потому считаю, что я не только вправе, но и обязан высказать ей свои претензии, свои критические замечания.

На собственной достаточно многострадальной судьбе я это отчётливо прочувствовал. «Витебское дело» стало не только болью и трагедией нашей страны, белорусского народа, но и моей собственной трагедией и болью. Оно навсегда в моём сердце, моей душе. Очередная книга, посвященная этому крупномасштабному правовому ЧП, — стала попыткой поделиться своей болью, своими размышлениями на сей счёт с читателями. Не сочтите высокопарным это утверждение, но мне кажется, что это главное в моей жизни.

Я просто обязан был написать о том, что наболело. Последующие поколения следователей, прокуроров, судей, всех юристов должны извлечь должные уроки из тех многочисленных ошибок и преступлений, что были совершены. Иного не дано. В противном случае, «витебское дело» раз за разом будет повторяться, и наберут чудовищные обороты ошибок правосудия, а с ними настоящего правового государства мы никогда не построим.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 5

ГЛАВА I.
ТЕНИ НАД ЛУЧЁСОЙ 11

Разбередил душу разговор с седым стариком ранним утром 13

Как произошёл крутой перелом в моей судьбе 14

Тень одной ошибки 19

Всё завертелось после рокового звонка 29

Стонет нераскаянная душа христианина 33

Необходимая ретроспектива 38

Истину восстанавливал по крупицам 48

Михасевич глазами его адвоката 72

ЦК заменил собою правосудие 108

Попросил «вернуть» ему три убийства 114

Грубая непрофессиональная работа 119

Им не отмыть служебные мундиры 122

Суды заражены синдромом общего дела 127

Почему я «споткнулся» на Адамове 131

Беззащитные тростиночки на свирепом ветру 138

Частное определение судебной коллегии 150

Побывать в шкуре злодея 157

ГЛАВА II.
СЛЕДОВАТЕЛИ ПРОТИВ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ 177

Новая встреча со стариком 179

Исповедь Олега Спиридёнка 181

Подарили потерпевшим квартиры 211

Как ломали и не сломали Михлина 220

Фиаско Прошкина 225

А расследование преступлений Михасевича проведено объективно? 230

Разве это не двойные стандарты? 233

Прокол за проколом 240

«С большей грязью я никогда не сталкивался» 259

Законность беззаконием не восстанавливают 266

ГЛАВА III.
ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ 303

Исчезли рвы между домами 305

Опустившегося никто поднимать не станет 307

Отписки-«дурочки» предназначались для дурочек? 320

Зварот пісьменніка, старшыні Літаратурнага фонду Рэспублікі Беларусь Анатоля Жалязоўскага да старшыні Вярхоўнага Суда Рэспублікі Латвія Андрыса Буянса 345

Обращение к Президенту Республики Латвия Унтису Улманису представителей белорусских партий 346

Обращение от 8 октября 1993 года председателя Верховного Суда Латвийской Республики Г. Земрибо к Пленуму ВС Латвии 350

Постановление Пленума Верховного Суда Латвийской Республики от 28 февраля 1994 года 352

Приговор судьбы 372

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 377

Литературно-художественное издание

Сороко Валерий Илларионович

НОВЫЙ ПОВОРОТ В «ВИТЕБСКОМ ДЕЛЕ»

Документальная повесть

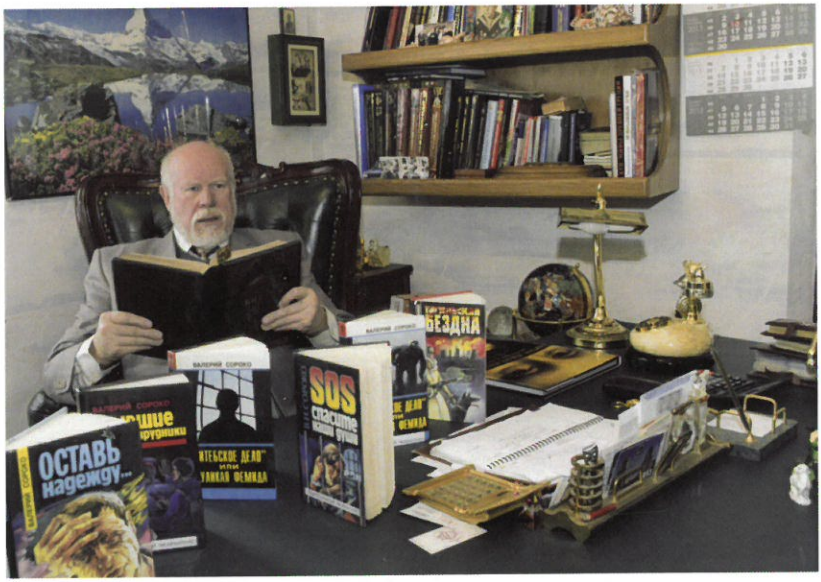
Ответственный за выпуск *В. И. Сороко*
Редактор *Е. Е. Крицкий*
Компьютерный набор *Т. А. Терехова*
Компьютерный дизайн, верстка *И. И. Галицкого*
Корректор *М. М. Кажуро*

Подписано в печать 23.05.2017. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,44. Уч.-изд. л. 18,73.
Тираж 450 экз. Заказ 1235.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Открытое акционерное общество «Типография «Победа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/178 от 12.02.2014, № 2/38 от 29.01.2014.
Ул. В. Тавлая, 11, 222310, г. Молодечно.

Далека ли от нас гуманность?
Нет. Когда мы хотим её, то она у нас под руками.

Конфуций

СОРОКО ВАЛЕРИЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ

АВТОР КНИГ:

- «ВИТЕБСКОЕ ДЕЛО» ИЛИ ДВУЛИКАЯ ФЕМИДА (2 части)
- БЫВШИЕ СОТРУДНИКИ
- ОСТАВЬ НАДЕЖДУ...
- ТАГИЛЬСКАЯ БЕЗДНА
- SOS: СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ
- И ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ. Исповеди бывших сотрудников
- ПОЧЕМ ЧЕСТЬ, ВАША ЧЕСТЬ?!
- КРОВЬ И СТОНЫ БИЗНЕСА
- ТЯЖБА С ПРЕТЕНДЕНТОМ ВО ВЛАСТЬ

ISBN 978-985-6967-36-1